АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

БИНАРНАЯ ПЛАЩАНИЦА

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

День Станции обернулся для Земли Днем Гнева Богов! Содрогнулись материки. Рухнул мирок, населенный шейхами, князьями, султанами и верхолазами. Сорок Два, тритоны которого готовы были отдать душу за дозу синдина, оказался фальшивым Пророком. А Мертвый – Кауфман обрел невиданное могущество. Но на развалинах тысячелетней цивилизации нашлись люди, сумевшие разглядеть за границами нашего мира НЕЧТО, отражающее настоящую силу Цифры. Бескрайний мир бинарного кода, тесно сосуществующий с материальным царством людей, ответил на их молитвы и даровал настоящее чудо, а с ним – надежду на спасение…

- Андрей Фролов, Вадим Панов
  - Бинарный код 0
  - Бинарный код 1
  - Бинарный код 10
  - Бинарный код 11
  - Бинарный код 100
  - Бинарный код 101
  - Бинарный код 110
  - Бинарный код 111
  - Бинарный код 1000
  - Бинарный код 1001
  - Бинарный код 1010
  - Бинарный код 1011
  - Бинарный код 1100
  - Бинарный код 1101
  - Бинарный код 1110
  - Бинарный код 1111
  - Бинарный код 10000
  - Бинарный код 10001
  - Бинарный код 10010
  - Бинарный код 10011
  - Бинарный код 10100
  - Бинарный код 10101
  - Бинарный код 10110
  - Бинарный код 10111
  - Бинарный код 11000
  - Словарь

Андрей Фролов, Вадим Панов
Бинарная плащаница

Бинарный код 0
За несколько лет до описываемых событий

Бог жаждет от человека всего несколько простых вещей:
Веры в свое существование,
Поклонения и почтения.
Я верую.
Я почитаю и преклоняюсь. Ибо видел нечто, заставившее меня прозреть…

«Шепот цифровых идолов», пролог

Ритм Анклавов ни с чем не перепутать.

Слабых он заставляет цепенеть, сильных – слышать боевые марши; одних он сковывает, угнетает и прижимает к земле, иных – вздымая выше скоростных магистралей, многоуровневым бетонным серпантином протянутых над деловыми районами. Ритм Анклава заставляет сердце стучать быстрее и звонче, как воспоминание о кислинке натурального лимона наполняет рот слюной…

Худой двухметровый мужчина с темными волосами до плеч реагировал на этот ритм, как если бы тот исходил из «балалайки» и звучал внутри черепной коробки. Мелодия большого города мягким теплом обволакивала затылок, по шее спускалась на плечи. Затем приобнимала, скользила еще ниже, через спину и поясницу до самых пят, заставляя слушателя ощущать себя ничтожным электроном огромной электрической сети.

Долговязый впитывал этот рваный ритм кожей, кровью, сердцем, каждой клеточкой и молекулой. Он слышал пульсацию, чему не препятствовали даже тройные стеклопакеты кафетерия, втиснутого в южный угол массивного делового центра.

Прижав тонкую руку к стеклу на уровне головы, мужчина уперся в предплечье лбом. В этой позе, олицетворявшей огромную усталость, он застыл на несколько минут. Внимательно рассматривая улицу с высоты четвертого этажа, долговязый почти дремал наяву. Улица у его ног была отнюдь не самой центральной и далеко не самой оживленной. Но шумной, подвижной, наполненной устремлениями, мечтами, затаенными

желаниями и вероломством.

От дыхания на стекле оставались и таяли крохотные водянистые пятнышки. Мужчина слушал ритм Анклава, искренне веря, что тот будет звучать всегда.

Всегда.

Пока не погаснут звезды.

Посетители кафетерия на человека у окна внимания почти не обращали – мало ли какой контингент наполняет комплекс, снимая в аренду свободные этажи? На социально опасного тритона Сорок Два тот вовсе не походил, голову не брея и лишь заплетая косички так, чтобы на затылке они обрамляли разъем. На бандита из местных районных группировок тоже, равно как и на террориста.

Задумчивый наблюдатель скорее напоминал безобидного сумасшедшего, какими Анклавы в последнее время полнились с ужасающей быстротой. На измотанного жизнью спокойного безумца, заглянувшего в кафе попить местной синтетической бурды и попялиться на оживленную улицу, опоясывающую деловой центр.

– Плотник?

Голос товарища в «балалайке» заставил высокого длинноволосого мужчину вздрогнуть и упустить ритм улицы, за которым он следовал, как слушатель симфонического оркестра.

– Они приближаются.

Отлепившись от окна, Плотник пересек кафетерий и бросил стаканчик с недопитым кофейным напитком в мусорный бак на входе. Вышел на аварийную лестницу. Переступая сразу через несколько ступеней, спустился на первый этаж.

– Где ты? – спросил он напарника, одновременно через сеть предупреждая остальных членов группы о скором прибытии важного гостя.

– В холле, – тут же откликнулся Кончар. – Мобили в пределах прямой видимости, подруливают.

Плотник ускорил шаг и уже через мгновение вышел в главный холл здания. Просторный, светлый, тут же обрушивший на мужчину упругий поток цвета и звука. Посетители бизнес-центра, группами и поодиночке наполнявшие просторный грот первого этажа, гудели готовым к представлению театром.

Воинство секретарей за длинной изогнутой стойкой беспрестанно отвечало на звонки клиентов и вопросы гостей, одновременно рассылая документы, пресс-релизы и приглашения с ловкостью сетевых осьминогов. На правой стене сверкало красочное голографическое панно; лилась мягкая музыка, из динамиков под потолком звучали объявления.

Кончар обнаружился недалеко от выхода из внутренней «безопасной» зоны холла. Скучал, опираясь на невысокий заборчик из хромированных трубок. Неподалеку от него ограждение прерывалось ровным рядком сквозных сканерных кабин и грозной установкой автоматизированного наноскопа.

Вокруг техники без особенного энтузиазма суетилось несколько безов в серой мешковатой форме. Сейчас, когда безумные последователи Пророка научились ломать что угодно от тостера до дистанционно управляемого «ревуна», запасные эшелоны СБА по приказу Моратти снова выгнали на улицы. Выгнали сканировать и обыскивать по старинке, вручную, как лет сто назад, что явно не добавляло резервистам ни хорошего настроения, ни учтивости, заставляя материться сквозь фальшивые улыбки.

Плотник приветливо кивнул коренастому товарищу, замирая рядом.

На фоне долговязого Кончар выглядел жутковатым сказочным карликом. Приземистым, квадратным и тяжелоголовым, способным при необходимости протаранить бронированное стекло. Взглянул на коллегу снизу вверх, тот подмигнул и одобряюще кивнул, призывая не дрейфить.

Однако сам Плотник дрейфил.

Впервые за долгое время он испытывал необычайное волнение, какого не замечал даже при тестовом монтаже «голубого кольца». Чувствуя, как потеют ладони, глава рабочей группы «Кромлех» оперся на хромированное ограждение, уставившись сквозь разряженную толпу холла, и дальше – за внешние панорамные витрины первого этажа, где к главному входу делового центра подкатили три иссиня-черных мобиля.

Ведущий и замыкающий сразу ощетинились распахнутыми дверьми. Исторгли из своих дорогих, пропахших натуральной кожей салонов полдюжины крепких, но неприметных парней, одетых совсем не по погоде. Парочка осталась у центральной машины, остальные шустро влились в чехарду посетителей комплекса.

А затем из охраняемой машины появился он, и Плотник чуть не задержал дыхание…

В реальности человек, которого невыносимо боялись одни и столь же невыносимо почитали другие, оказался невысок. Даже, сколь бы ни была крамольной мысль, неказист. Самая обычная и повседневная одежда висела на нем, будто на вешалке, выдавая полнейшее пренебрежение к внешнему виду. Башмаки были изрядно стоптаны.

Наполеон Бонапарт цифрового мира казался усталым и

измотанным, отчего Плотник вдруг испытал неожиданный укол вины и жалости. Однако тут же одернул себя, вспомнив, что история знает немало примеров, когда самые яркие ее страницы писались именно такими, отнюдь не богатырского сложения людьми…

А вот спутница важного гостя, грациозно выбравшаяся из мобиля одновременно с ним, производила совершенно обратное впечатление. Высокая, стройная, красивая, она казалась хищницей саванны, за какие-то заслуги получившей в дар великолепное женское тело.

Таковой, впрочем, она и являлась. И Плотник верил слухам, что в бою подруга важного гостя стоит всех шестерых dd, сейчас сканировавших взглядами разношерстный люд в холле бизнес-центра.

Плотнику было знакомо лицо хищницы. Не один час за последние несколько дней он провел, разглядывая эти скулы, брови, фигуру и горделивую осанку. Не на фотографиях, которые можно откопать в сети, нет. На покрытом масляными красками холсте, хранящемся восемнадцатью этажами выше холла…

Невысокий бритый мужчина и его шикарная девушка вошли в здание.

Кончар, все это время игравший в гляделки с одним из безов на посту охраны, тут же сделал последнему условный знак. Охранники зашептались, взялись якобы настраивать наноскоп. А затем вежливо попросили посетителей выждать несколько минут, да еще и раздаться в стороны, выстраивая своего рода живой коридор.

Важный гость и его спутница торопливо прошли по этому проходу, сопровождаемые недоумевающими взглядами. Миновали рамки сканеров, предварительно отключенных за щедрую плату, попали в «безопасную» зону. Все шестеро бойцов сопровождения, прибывшие в кортеже, остались во внешнем холле, и уже через секунду Плотник нос к носу столкнулся с человеком, которого боготворила вся сеть…

– Плотник, – вместо приветствия негромко произнес усталый мужчина, решившийся встряхнуть планету и не жалевший для этого сил.

– Здравствуй, Сорок Два, – кивнул в ответ долговязый, все еще сгорая от волнения и стыда. Запоздало спохватился, кивнув девушке: – Госпожа Пума, мое почтение…

Та смолчала, внимательно разглядывая длинного и коротышку – эльфа и тролля, лично встречающих Пророка Цифры. В глазах девушки плясали крохотные чертики, вооруженные бритвенно-отточенными саблями. В ответ Кончар

буквально пожирал Еву взглядом, буравя ее крохотными, глубоко посаженными глазами.

Пауза, длившаяся всего пару секунд, показалась Плотнику нестерпимо долгой.

Его распирало от желания с жаром поведать этому всемогущему человеку об открытии, к которому пришла группа. Но вполне естественный порыв упирался в непрошибаемую стену величия, окружавшую Сорок Два, тая весенним снегом. Именно Пророк, а не Плотник, должен провозгласить о свершившемся чуде. А потому следует быть сдержанным и спокойным до тех пор, пока важный гость лично не увидит творение «голубого кольца»…

– Ну, брат Плотник, – во взгляде Сорок Два проскользнула озорная прохлада, – будь гостеприимным хозяином. Покажи, куда тратятся миллионы евродинов, ежедневно собираемых нашими братьями на общее дело.

Сглотнув комок и чувствуя себя карликом, длинноволосый сделал приглашающий жест в сторону лифтов. Все четверо двинулись к кабинам, причем возле ближайшей Кончар беззлобно, но твердо заставил посторонних разойтись, расчищая путь.

– Уверен, Сорок Два, – Плотник не узнавал собственный голос, – что ты не останешься разочарован.

Вошли внутрь. Какой-то клерк сунулся следом, но наткнулся на раскрытую ладонь Кончара, смекнул и предпочел отступить. Затем похожий на сказочного тролля коренастый машинист дал сканеру считать личный код «балалайки», открывая допуск на верхние этажи. Створки сомкнулись, лифт рванулся в путь.

– О, уверяю, мы не тратим зазря ни единого динара, заработанного нашими братьями…

– Надеюсь на это…

Сорок Два стоял ближе всех к дверям, рассматривая отражения двоих обитателей делового комплекса в хромированных створках. Пума с ленцой изучала безупречный маникюр, не забывая каждый раз занимать позицию так, чтобы одновременно видеть и Кончара, и Плотника.

Долговязый сдержал судорожный вздох.

Сейчас Пророк увидит. Узрит, если угодно. Собственными глазами, ибо пришел час. О том, куда уже завтрашним утром рванется движение нейкизма, не хотелось даже думать – от одних мыслей о столь глобальных материях кружилась голова.

– Клянусь, затраты окупились. Я верю, – пробормотал худой великан, заставив Пуму метнуть насмешливый взгляд, – что наше открытие даст нейкизму новый импульс… Оно, да будет мне

позволено сказать, приблизит Эпоху Цифры, о которой проповедуешь ты, Сорок Два…

Тот обернулся.

Всем телом, посмотрев прямо на долговязого машиниста. Долго, пристально. И Плотник не смог угадать, задели Пророка его слова, или тот просто не поверил услышанному.

– Как, ты сказал, твои люди называют себя? – неожиданно спросил невысокий бритый мужчина, чуть не спаливший собственное сознание при создании Троицы.

Тему он сменил так резко, что Плотник растерялся.

– По базам данных мы проходим как рабочая группа «Кромлех». – Он окончательно стушевался, поняв, что Сорок Два все еще изучает его лицо и не собирается отворачиваться к дверям. – Я регулярно отсылаю отчеты, координация ведется через Саймона Хоста…

– Нет-нет, – мягко, но необычайно властно прервал его Пророк, – я имею в виду, как вы называете себя неформально, Плотник? Слышал, прозвище начинает приживаться в сети…

– А! – спохватился тот, чувствуя себя глупым и беспомощным. – Декомпиляторы.

– Отчего такое странное название?

Лифт кротко гудел, без лишней спешки поднимая их на девятнадцатый этаж. Сорок Два стоял к Плотнику близко-близко, заглядывая в лицо снизу вверх и пытливо не отводя глаз.

– Сложно сказать, кто придумал это определение… – Долговязый замялся, принявшись теребить кончик одной из косичек. – Видимо, все дело в том, что большинство нейкистов пишет программный код новой эпохи. Собирает крупицы реальности в единую структуру, превращая их в бинарный алгоритм подвластной машинистам вселенной. Переводит актуальные проблемы и задачи цивилизации на язык Цифры, которым вскоре заговорит весь мир…

Пророк терпеливо дожидался окончания тирады, и Плотник, вдруг почувствовав себя чуть увереннее, продолжил тверже:

– Мы же раскладываем рациональный машинный язык завтрашнего дня на новые составляющие. Мы *декомпилируем*, пытаясь отыскать скрытое в цифровом коде. Стараемся перевести его в привычную человеку систему образов, устремлений и понятий. Мы ищем там, где другие отчаялись…

Он запнулся, не веря ушам.

В кабине только что прозвучал легкий смешок. Короткий, едва заметный.

Для того чтобы издать его, Пророку даже не пришлось открывать рот или изгибать губы.

– Действительно? – прищурился он. – А оно… это ваше нечто… оно в самом деле там есть? Там, по другую сторону бинарного кода?

Плотник побелел и чуть не покачнулся – поддержал Кончар, незаметно привалившийся к правому боку. Лифт остановился, створки разошлись, открывая взорам внутренний пост охраны, за которым восседали двое вооруженных dd, причисленных к «Кромлеху».

Однако Пророк и Ева не спешили покидать кабину.

– Есть, – стараясь говорить как можно убедительнее, наконец ответил Плотник. – Я верил в это. И нашел подтверждение. За строчками бинарного кода кроется нечто большее. Нечто, к чему нейкисты, возможно, еще не готовы. Но если ты, Сорок Два, увидишь и поймешь…

Теперь Сорок Два улыбнулся.

Тонко, чуть заметно.

Кивнул, этим коротким жестом продемонстрировав всю глубину отношений к словам декомпилятора. И вдруг совершенно отеческим жестом положил руку на плечо долговязого, опалив прикосновением горячей ладони.

– Брат. – Пророк умудрялся говорить устало, с ленцой, но одновременно впечатывая слова в сознание собеседника, словно раскаленное клеймо в коровью шкуру. – Я люблю каждого, кто приближает Эпоху Цифры. Всех. Любого из вас…

Он чуть заметно сжал ладонь, слегка повысил голос. Ева, потерявшая к диалогу интерес, снова инспектировала маникюр.

– Если кому-то из братьев хочется тратить свои силы на игры в поиск цифровой духовности, я дам вам денег, ведь мы на одном пути. – Теперь Плотник слышал в речах Пророка вкрадчивое предупреждение. – Но я хочу предостеречь от заблуждений, брат. Там, куда мы идем, нет места примитивным суевериям.

Сорок Два вдруг вышел из кабины, продолжая беседу на ходу. Кончар и Плотник спешно двинулись следом, Ева замыкала шествие.

– Искренне надеюсь, – снова улыбнулся Пророк, – что ваши изыскания не стали бесполезной тратой времени и ресурсов только для того, чтобы в очередной раз подтвердить могущество человека и его власть над Цифрой. Его власть над новым миром, который совсем скоро станет реальностью для всех жителей планеты…

– Конечно, Сорок Два, – покорно кивнул глава «Кромлеха», ссутулившись и указывая путь через этаж бизнес-центра, переделанный в мастерские. – Позволь, я продемонстрирую…

– Для того я и приехал.

– Спасибо тебе за это…

Машинисты, наполнявшие лабораторию, боязливо расступались, перешептываясь и отказываясь верить увиденному. Многие торопились ускользнуть на рабочие места. Но были и те, кто соляными столбами застыл посреди коридоров, не спуская глаз с невысокого человечка, подарившего Цифре надежду.

– А вы неплохо устроились, – прокомментировал тот, вышагивая перед старшим декомпилятором и с интересом осматриваясь. – Знаешь, Плотник, для того, чтобы открыть Троицу, мне понадобился единственный «раллер». А еще загаженная комната, где вся мебель состояла из дивана, кресла и стола. Сколько «раллеров» ты собрал для своего «голубого кольца»?

– Сорок восемь… – подавленный тонкой насмешкой, выдавил Плотник.

Словно услышав ожидаемое, Пророк покивал. Кончар, шагавший за правым плечом товарища, тихонечко вздохнул. Кажется, руководитель силового крыла «Кромлеха» начинал предчувствовать неладное…

Коридор уперся в дверь. Обычную пластиковую дверь, запертую на дактилоскопический замок. Дверь, за которой Плотник хранил нечто, обязанное вызвать восторг важного гостя. Обогнав его, декомпилятор торопливо упер ладонь в планшет настенного сканера, отпирая засовы, и распахнул створку, отступая в сторону.

Все четверо вошли.

Пума тут же деловито осмотрелась, скользнув ленивым взглядом по софе, угловому письменному столу и накрытому тряпкой мольберту, развернутому к панорамному окну. Не заметив ничего интересного или подозрительного, девушка опустилась на софу, элегантно забросила ногу на ногу и приготовилась скучать дальше. Казалось, скрывать своего отношения к этой бездарной трате времени Ева не намерена даже из вежливости.

«Какая глупость, – говорил красноречивый взгляд девушки. – Вы тут рассматриваете картинки, отвлекая величайшего человека современности от чтения Слова, от сбора денег на движение, от контроля за производством «поплавков». Ну кому, скажите на милость, могут быть интересны изыскания оголтелых еретиков, отчего-то решивших, что за гранью Цифры есть *нечто*?..»

Оба декомпилятора остались у двери, прикрыв ее за собой и отрезав любопытные взгляды остальных членов группы, столпившихся в коридоре. Пророк подошел к мольберту, глядя при этом в огромное окно – на шумную улицу, где пульсировал

ритм Анклава.

– Значит, ты утверждаешь, что *это* нарисовала *она*? – негромко поинтересовался Сорок Два.

Поинтересовался совсем другим тоном, нежели при беседе в лифте. Цепко, настороженно, словно ожидающий ловушки зверь. Или старая, умудренная множеством порванных силков птица.

– Да, – просто ответил ему Плотник, вдруг осознав, что дальше волноваться смысла нет. – И я хочу, чтобы ты взглянул на нее, Сорок Два. На нее, а затем на «голубое кольцо», сердце «Сингулярики». Уверяю, мы на пороге величайшего открытия…

Пророк повернул голову.

Усталый, сильный, несерьезный, всемогущий. Что именно читалось сейчас в его глазах? Плотник не знал. Недоверие? Раздражение? Злость? Как бы то ни было, Сорок Два приблизился к мольберту.

Тряпка была сорвана рывком, резким настолько, что вся деревянная тренога и картина на ней едва не упали, опасно закачавшись. Встав спиной к окну, Пророк всмотрелся в холст.

Прошла секунда. Еще одна. Плотник почувствовал, как по виску ползет капля пота.

А затем Сорок Два осознал, что изображено на картине. Понял, кто именно нанесен на нити натуральной ткани. Глаза его распахнулись, тонкие брови взлетели вверх перепуганными галками. На щеках выступили красные пятна, в то время как кожа на висках стремительно побелела. Рот приоткрылся, издав шелестящий звук.

– Кто? Это? Нарисовал? – разделяя слова, властно и надрывно спросил человек, ведущий за собой всех нейкистов планеты.

Плотник набрал в грудь побольше воздуха, качнул головой.

– Цифра, брат.

– Цифра?! – рявкнул Сорок Два, заставив глаза Пумы превратиться в две хищные щелочки. – Это нарисовала Цифра?! Ты выбрал предельно неудачное время, Плотник, чтобы провернуть свою нелепую шутку!

Ева оказалась на ногах.

Движением, которого не отследил даже понюхавший пороху Кончар. Одна рука девушки исчезла за отворотом короткой куртки, вторая сжалась в кулак. Соратница и любовница Пророка сделала к окну короткий шаг, звонко цокнув каблучком, будто хотела лично узнать, что разъярило ее обожаемого лидера. Было очевидно, что по первому слову вожака Пума без жалости перестреляет все три этажа франкфуртской лаборатории, исполнив любой, даже самый лютый, приказ.

Но вместо этого…

– Стоять! – вдруг выпалил Сорок Два, повернувшись к девушке и заставив опешить всех троих. – Сиди на месте, Ева, я справлюсь…

Краска обиды прилила к лицу Пумы, но тут же отступила, повинуясь железному самообладанию воительницы. Она прикусила пухлую губу, убрала руку с оружия под курткой. Медленно и аккуратно, словно была сделана из хрусталя, опустилась обратно на софу, не отводя от Пророка внимательного и обеспокоенного взгляда.

Плотник, совершенно сбитый с толку, открыл рот.

Гневный, чуть шипящий голос Сорок Два опередил его, не позволив заговорить:

– Вы тратите кровно заработанные деньги братства, чтобы разыграть и разозлить *меня*?!

Пятна на лице несущего Слово Цифры прошли, но теперь в каждом жесте сквозило раздражение. Он подхватил с пола покрывало, с хлопком набрасывая серый занавес на мольберт.

– Нет-нет, Сорок Два! – Плотник замотал головой, боковым зрением заметив, как неуверенно топчется на месте Кончар. – Не было и в мыслях, будь оно неладно! Но когда *она* нарисовала это, я посчитал, что ты просто обязан…

– Сжечь!

Плотник осекся, вдруг подумав, что биологический реактор в груди сейчас остановится от невыносимой боли. В комнате с картиной наступила такая тишина, что произнесенный Пророком приказ явственно отпечатался в кондиционированном воздухе, будто вспыхнувший неоном.

Кончар отшатнулся, Пума нахмурилась. Старший декомпилятор виновато улыбнулся.

– Я, должно быть, не расслышал тебя, брат…

– Сжечь, – уже спокойнее, но от этого еще весомее повторил Сорок Два. – Я сворачиваю деятельность группы «Кромлех». Картину уничтожить. Оборудование демонтировать, модули по производству «раллеров» и «поплавков» перебросить в другие лабы Анклава. Через неделю, Плотник, ты лично отчитаешься о ликвидации проекта Яну Крюгеру, предоставив ему доказательства уничтожения картины.

– Но брат…

На руководителя «Кромлеха» было жалко смотреть. И без того длинный и нескладный, он похудел еще сильнее, в одно мгновение превратившись в ходячий скелет.

– Ты не понимаешь… это Эпоха… это же будущее… Ты видел его на картине! Ты видел!

Не обращая внимания на лепет декомпилятора, Сорок Два

сделал шаг вперед, оставляя мольберт за спиной.

– Молчать, – ровным и холодным голосом распорядился он, прерывая мольбы Плотника. – Пока я проливаю кровь соратников, чтобы приблизить Эпоху Цифры, Плотник, вы спускаете мои деньги в унитаз! Ищете химеру, об опасности которой предупреждала Поэтесса! Расшатываете фундамент, ради укрепления которого я положил всю свою жизнь.

Казалось, Пророк увеличился в размерах, окреп, стал нестерпимо грозен. В эту минуту перед декомпиляторами предстал человек, которого боялась добрая половина мира. Маленький огромный человек, которому лучше не перебегать дорогу.

И он был зол.

– Через семь дней работа группы должна быть полностью остановлена, – отчеканил Сорок Два, глядя Плотнику в лицо, – а все результаты ее деятельности уничтожены.

И вдруг фыркнул, вздрогнув всем телом:

– Фанатики! Глупцы! Вы не услышали ничего, о чем я проповедовал!

И устало, словно окончательно разочаровался в мудрости человеческой:

– Как вы могли быть столь глупы…

Ева Пума снова поднялась с софы.

На этот раз она не порывалась хвататься за оружие или закрывать любовника телом, а просто встала на ноги, посчитав разговор оконченным. Но Пророк – что не укрылось от всех троих – вздрогнул вновь, шатнувшись ей навстречу, словно хотел преградить путь, если девушка направится к мольберту.

– Выполняй приказ, Плотник, – нервно махнув Пуме на дверь, бросил Сорок Два через плечо. – Я вкусил истинной любви и хорошо знаю ее цену. Я люблю тебя, так же как любого другого брата-нейкиста. И чтобы не растратить эту любовь, Плотник, ты должен послушаться. Ты уяснил?

Все еще покачиваясь, бледный декомпилятор взглянул на укрытую тряпкой картину и устало склонил перед Пророком свою длинноволосую голову.

Бинарный код 1

«Неужели он думает, что моя смерть отсрочит Эпоху Цифры? Нет. Тысячу раз нет. Наш новый мир давно реальность, и тот, кто ощутил его, никогда не станет прежним. Им придется убить всех нас. А потом убить всех других, кто познает Мир Цифры. Но им не повернуть время вспять. Не повернуть!»

Сорок Два

Физические недостатки учат сильную личность компенсировать недуг рвением души. А еще заставляют приспосабливаться, находить нового себя в материальном, болезненно-твердом мире.

Прошло уже почти четыре года с тех пор, как он окончательно разучился спать на левом боку или животе, вне зависимости от усталости или степени опьянения. Сначала было трудно, и первые месяцы пробуждение среди ночи напрямую ассоциировалось с жуткой болью. Подчас дичайшей, с отрыванием от лица присохшей окровавленной простыни. Затем он научился.

Вот и сейчас, еще не открыв глаз, но уже проснувшись, обнаружил себя лежащим на спине. Вот только вместо привычной ортопедической перины – упругая и шершавая диванная набивка. Вместо удобных подушек, принимающих нужную форму, – грубые тугие валики, на которые удобно укладывать локти.

В голове шумело, как если бы источник этого непрерывного звука… например, морской прибой, находился всего в паре сотен метров. Губы ссохлись, причем ранка над верхней кровоточила не так давно, что добавляло соленого привкуса и без того гадкой горечи во рту.

Мужчина, лежащий на спине, наконец открыл глаза, густым цветом напоминавшие спелую vaccinium uliginosum. Стараясь не совершать резких движений, сел, окончательно установив свое месторасположение – на большем из трех диванов напротив безнадежно потухшего камина.

На низком журнальном столике по правую руку была замечена пустая бутылка дорогого вина из подвалов особняка.

Лежащий на боку бокал. Красные липкие пятна на полированной столешнице. А также несколько тарелок с засохшими закусками, по большей части подъеденными.

– Как мило… – просипел мужчина сам себе.

Несколько раз моргнул и осторожно, стараясь не задевать ожог на щеке, ногтем разлепил реснички на левом глазу. Облизнул губы, все еще не находя в себе сил, чтобы подняться с дивана.

Выходит, сон настиг его прямо в каминном зале. После кончины бутылки вина. Причем не одной, первую он открыл еще в рабочем кабинете, занимаясь проблемой в проливе Дрейка и получив долгожданное письмо с китайской границы.

Значит, бутылок было две. И легкие закуски, в основном состоящие из сыра и шоколада. Немудрено, что спать пришлось на диване, таких спонтанных пирушек хозяин горного особняка себе уже давно не позволял…

Лицо начинало покалывать – верный признак приближающейся боли, давней знакомой и неизменной спутницы. Вероятно, ему действительно стоит посетить наставника, пополнив запас целительных мазей. Пусть даже рискуя сократить интервалы между ежегодными цикличными операциями по извлечению остатков термопены…

В конце концов, никто не заставляет его сразу использовать мази старого бокора. Пусть хранятся себе в медицинском холодильнике, грея душу своим существованием. Зная о припасе, можно еще какое-то время потерпеть.

Помассировав виски, голубоглазый мужчина вытянул шею и, прочистив горло, выкрикнул в широкий коридор особняка.

– Dictum! Бутылку воды и лекарство от головной боли.

В переходах убежища зашевелились, забегали.

Сервы, слух которых активировался исключительно кодовым словом, услышав господина, бросились выполнять приказ. Послушные, покорные, исполнительные. Каждый из них, в свое время согласившийся на сложную операцию по искажению зрения и слуха, делал это исключительно ради своей семьи, получавшей взамен щедрый пансион. Даже после Катаклизма…

В каминный зал вошел Чихун, самый любимый и ответственный из «семи гномов», обслуживающих «Альвур-хайд». Почтительно поклонился хозяину, чьего лица никогда не видел. Вышколенным движением опустил на стол бутылку слез с гренландских ледников и блюдце с тонкой растворимой пластинкой. Мужчина на диване тут же сунул лекарство под язык, торопливо запив несколькими глотками чистейшей воды.

– Прикажете убрать? – осведомился Чихун, глядя прямо на

господина.

Специальная настройка его зрительных имплантатов не позволяла видеть обезображенного ожогами хозяйского лица, размывая его в мутное пятно. Но, так же как все остальные шестеро сервов, лакей давно научился смотреть точно в это пятно, всем видом изображая почтение и заботу.

– Убирай, – торопливо распорядился владелец особняка. Если промедлить, через три секунды слух слуги заблокируется, и ему снова придется применять волшебное слово. – Пусть подготовят ванну. И плотный завтрак.

– Будет исполнено, господин.

– Собачек покормили?

Внутренний периметр форта охранялся отнюдь не людьми – полудюжиной клыкастых порождений Мутабор. С точки зрения безопасности и конспирации, в сознании молодого верхолаза граничащих с паранойей, четвероногие убийцы являлись безупречным выбором сил обороны…

– С рассветом, господин.

В каминный зал вошел Скромник, самый молодой из обслуги дворца. Изучив распоряжения старшего серва – «гномы» общались с помощью специальной текстовой программы, – удалился готовить водные процедуры. Чихун же принялся собирать тарелки, стараясь не бряцать фарфором.

Мужчина на диване все еще не спешил вставать.

Морщил лоб, пытаясь собрать в кучу разбредающиеся мысли. Причина его вчерашнего загула была очевидна – верный австралиец приступил к работе, окончательно закрепившись в чреве железного китайского гиганта. Достойный повод для бокала вина. Но сейчас, следя за ускользающей головной болью, Витторио Гамба был недоволен проявленной слабостью.

Подумать только… Существо, возжелавшее стать божеством одной из открытых «Наукомом» планет, страдало от обычного человеческого похмелья! Может, прав его дядюшка, обвинявший родича в излишней несерьезности и закоренелом инфантилизме?

Поморщившись, Витторио все же поднялся на ноги. Покрутил корпусом, разминая затекшее тело.

Когда он шагнет под солнце чужого мира, а в его руке нестерпимым светом вспыхнет один из молчащих доселе артефактов земных Традиций, подобным пиршествам придется положить конец. *Там* от него потребуется вся сосредоточенность и работа ума, на какую молодой Гамба вообще способен. Может быть, потом, лет через двадцать, когда его собственная страна будет построена и укреплена, он позволит себе отпраздновать…

Несмотря на то, что за эгоистичным сибаритством наблюдали

лишь верные слуги, неспособные поделиться пикантной информацией с окружающим миром, Цикл испытывал досаду и злость. Включив «балалайку», сделал пометку – связаться с европейскими пластиками и вживить нанов, позволяющих оперативно уничтожать проглоченные алкалоиды и спирты.

Через чип вышел на виртуальное управление домом – особняк имел собственную сеть. Покопался в музыкальной коллекции, выбрал сюиту «Пер Гюнт». Уже через секунду она зазвучала из всех динамиков огромных разноуровневых апартаментов.

Наслаждаясь мелодией, Витторио задумчиво навис над холодным камином. Почти минуту качал головой в такт музыке, давая сюите разгореться, а затем все же отправился в сторону ванных комнат, на ходу стягивая рубашку. Встреченные по дороге Умник и Простак вежливо поклонились хозяину, пожелав доброго утра. В малом обеденном зале Соня накрывал к завтраку.

Молодой верхолаз любил свое жилище.

Свою крепость «Альвур-хайд», вгрызшуюся в древние вулканические породы. Свой глухой горный бункер, комфорту которого могли позавидовать убежища самых богатых диктаторов мира. Уединенное убежище, спрятанное вдали от цивилизации и любопытных глаз настолько, насколько в современном мире вообще что-то можно спрятать.

Конечно, в День Станции уединение сыграло его дворцу дурную службу. Но молодой Гамба хорошо знал поговорку, что «за все нужно платить», а потому даже не подумал сменить место проживания. Когда четыре года назад разом проснулись дремлющие гиганты Гримсвотн, Эльдфетль, Катла, Аскья и Эйяфьядлайёкюдль, а в кальдерах северных районов вскрылись трещины, остров содрогнулся, будто умирающий кит.

И тогда Гамба, в момент Катаклизма по стечению обстоятельств находившийся на любимом острове, на несколько долгих месяцев угодил в Ад. Не книжный, не кинематографический, не вымышленный ряжеными попами – Витторио угодил в самый настоящий Ад, царство кипящей лавы и черных небес, густо закрашенных пеплом.

Несколько дней подряд огненные реки рвались к побережью, сметая на своем пути деревни и ледники, подминая корабли в заливах и выбрасывая в небо миллиарды темных хлопьев. Солнце скрылось от глаз людских почти на месяц, а бурлящие над островом тучи так плотно придавили небеса к земле, что было страшно смотреть.

За стенами горного убежища боль терзала планету. Внутри убежища боль терзала Витторио, раненного в Анклаве Рио за

считаные недели до Катаклизма и едва успевшего пройти первый курс врачевания. Двое первоклассных пластиков, отрезанных от окружающего мира вместе со своим пациентом, продолжали курс лечения, сколько могли. Оказалось, что могли они немногое…

Поставки нужных лекарств оборвались вместе с коммуникациями. Потенциала имевшейся в распоряжении медлаборатории хватило, лишь чтобы притормозить действие въедающейся в плоть термопены, но не на проведение полноценной чистки организма.

В те дни, полные мучений и пожирающего лицо пламени, молодой Гамба впервые почувствовал, как сильно умирающий мир зависел от своих привычек. Нет лекарств, нет сетевых консультантов, нет страховки и санаторных условий. Нет современных комплексов лазерной хирургии, которыми через тысячи миль дистанционно управляют самые блестящие умы научного комплекса имени Фадха аль-Джохара.

Ассистентка первого пластика не протянула и недели, убив себя передозировкой обезболивающего. Ассистент второго высосал почти литр пятидесятилетнего виски, вскрыл шлюз и убрел в глубину полыхающего огненными потоками острова.

Первый хирург покончил с собой через месяц. Нес чепуху про конец дней, Страшный суд и необходимость платить за свои грехи. А затем вколол себе такой коктейль из препаратов, что отошел к Аллаху с блаженной улыбкой и текущими слюнями. Второго Гамба взял под стражу, не позволяя забивать голову суицидальной бредятиной и силой вынуждая продолжать исполнение врачебного долга. Когда еще через месяц тот тоже спятил, бросившись на пациента со скальпелем, Витторио пришлось стрелять…

С августа по ноябрь вулканический песок, мельчайшая горькая пыль, лапилли и куда более крупные «бомбы» утюжили остров, заметая улицы населенных пунктов, круша электростанции, уничтожая рыбацкий флот и лишая человека возможности подняться в воздух.

Над хребтами стоял грохот, а стоны горных пород пробивались даже через бронированные ставни на окнах, убеждая, что мифические великаны действительно населяют северную землю, наконец-то проснувшись и двинувшись войной. Именно тогда, в короткую Эпоху Черных Небес, из горного бастиона, ставшего тюрьмой искалеченному верхолазу, исчезли все зеркала…

Сама фортеция, спроектированная лучшими архитекторами Союза, почти не пострадала. Еще десять лет назад, внимательно изучив переменную активность местных вулканов, молодой

Витторио уделил расположению своего убежища максимум внимания, подстраховавшись даже от извержений, не повторявшихся с эпох четвертичного периода. Немало помог и дон Раймундо, с пониманием отнесшийся к желанию родственника построить бункер.

В итоге Гамба обзавелся собственной крепостью.

Запасов провианта хватало с избытком и на себя, и на врачей с обслугой, и на семерых слуг, смирившихся с ролью неизменных предметов интерьера. Не возникало нехватки ни в питьевой воде, ни в электричестве, вырабатываемом подвальным генератором. Вилла-бункер, возведенная Гамбой на склонах исландских гор, строилась с расчетом на последствия ядерной войны. А потому природное бедствие, пусть и такого невероятного масштаба, пережила относительно легко.

Затем великаны устали трубить, рыгать и выплевывать фонтаны подземного мусора. Тефра начала цементироваться, придавая острову новые очертания и совсем иначе, нежели до Катаклизма, вычерчивая береговую линию. Покрывала пепла осели, наконец-то прочистив небеса и позволив выпасть первому за долгое время настоящему дождю. Выжившие, а их оказалось не так много, с опаской полезли из нор, бомбоубежищ и пещер.

Наступило время скорби, тоски и медленного восстановления городов.

На какой-то затяжной период Витторио вообще показалось, что он остался один на всем огромном острове. Полноправный правитель каменистых пустынь, повелитель пейзажей, назвать которые земными не повернется язык. Он ощущал себя князем чужой, еще не заселенной людьми планеты, натужно дышащей вулканами и постанывающей оплавленными ледниками.

Многие часы, рискуя сорваться в свежую расщелину или скатиться в новорожденный горячий ручей, бродил он по горам и пустошам, не узнавая искореженную землетрясениями местность и размышляя о случившемся. В самой первой медицинской маске, сконструированной лично, подставляя уцелевшие части лица унылому исландскому ветру, одинокий и свободный.

Анализировал и сочинительствовал, пытаясь дать произошедшему хоть какое-то здравое объяснение. Перебрал все возможные варианты от вторжения инопланетян до Нибиру, наконец-то рухнувшей с небес. И когда с большой землей была налажена хоть какая-то связь, а еще через пару месяцев к побережью пристали катера спасательных служб Северного султаната, верхолаз убедился в точности своей главной версии – жахнуло на русском севере, где пытались открыть источник Новой Энергии. Русские доигрались с огнем, который не смогли

подчинить…

Затем Витторио собрал следующую версию маски и спустился в город, которому в своем роде покровительствовал, год за годом оставаясь инкогнито. В городок, где его знали как щедрого, но чуть безумного мецената, избравшего жизнь затворника, полную ловушек, неприступных стен и, конечно же, тайн…

Восстанавливать порушенное Катаклизмом, как стали величать случившееся ветреным августовским днем, пришлось трудно и неспешно. Уютный когда-то Сейдауркроукюр пострадал весьма крепко, а шейхи Рейкьявика не спешили делиться помощью. Пострадали фабрики по переработке водорослей и рыбы, уникальные гидротермальные электростанции пошли вразнос, досталось жилью и очистительным сооружениям. А еще – пристаням, более трети которых необычный верхолаз-отшельник выкупил для возведения собственных складов и корабельных ангаров.

Но главная сложность состояла в потере человеческого ресурса. Север острова, заселить который по-настоящему густо не помог даже смягчившийся за последние полвека климат, оставался непривлекательной местностью. Удар стихии проредил и без того худые ряды ее жителей.

Во время землетрясений, извержений и наводнений погибла почти половина горожан, в числе которых оказались и обслуга причалов Витторио, и его личная охрана. Основательно хлопнуло даже по небольшому частному аэродрому, построенному Гамбой к югу от населенного пункта.

И только когда над Исландией окончательно развеялся пепел, через томительные полгода, проведенные в одиночестве и тяжких раздумьях, финансовый покровитель Сейдауркроукюра смог вырваться с острова. Навсегда, как подумали многие. Ну кому захочется возвращаться в суровый край, лишенный надежды на возрождение?..

Поэтому местные немало удивились, когда наступившей зимой, взрезая свинцовые волны залива, в Скага-фьорд вошло судно под флагами корпорации, в которой ушлый экономист мог бы вычислить одну из многочисленных «дочек» финансового гиганта «Gruppo Aggiornamento».

Судно доставило в город инженеров, буровое оборудование для возведения новых теплофикационных станций, легион строителей, свору сторожевых терьеров Мутабор, врачей, «волонтеров», материалы, вооруженную охрану и целый десяток стометровых ветряков, призванных временно заткнуть брешь в энергетике региона…

Гамба стал похож на искру, на молнию, на вспышку.

Преобразившись с момента Катаклизма, он успевал все и везде, оставаясь неузнанным и щедрым. Ежедневно сражаясь с собственной болью, он параллельно бился над ранами, нанесенными Копьем.

Восстановил и еще сильнее укрепил жилище в горах. Заново отстроил модули аэродрома, привезя на остров личную флотилию небольших небесных судов. Наладил пристани, на этот раз отхватив в собственность половину побережья в городской черте и превратив ее в охраняемую закрытую зону. Помогал островитянам с провизией, обеспечивал работой на стройках.

Местные, отличавшиеся по-скандинавски сдержанным любопытством и лишенные склонности совать нос в чужие дела, принялись почитать его добрым человеком. Поднимать пенные кружки за здоровье таинственного богача, все сильнее оплетать легендами в неспешных беседах за ужином.

Все чаще гадали о его судьбе, приписывая несчастливое детство изгнанника и жестоких родителей. Сравнивали с ярлами древности и пророчили великую судьбу и славу. Когда город встал на ноги, сплетни о покровителе постепенно сошли на нет, а разрушительные последствия вокруг убежища были устранены, Гамба снова исчез. Надолго.

С ним, и в данном случае совершенно точно без следа и навеки, исчезли несколько десятков архитекторов, инженеров, машинистов и других квалифицированных специалистов, посвященных в устройство горного форта. Кораблекрушения перестали быть редкостью, что уж поделать…

Подступы к укрепленной вилле, которую жители прибрежного города прозвали «Альвур-хайд», взяли под охрану крепкие чужаки. Вышколенные крепыши, вооруженные армейскими винтовками, на чьих пуховиках зоркий глаз мог различить вышитый силуэт то ли выдры, то ли горностая. Отделения местной полиции поэтапно сменились на отряды частного охранного агентства, быстро положившего конец анархии, переделу рыболовного рынка и мародерству. Столичные инспекции, и до Катаклизма не баловавшие северян своим вниманием, прекратились вовсе.

Говорили, что, восстановив Сейдауркроукюр, его покровитель заперся в замке, подобно сказочному лорду-вампиру. Или эльфу, если верить названию крепости. О том, как Витторио покидал свое жилище, по слухам появляясь то на пристанях, то на взлетной полосе, местные могли только гадать…

А он покидал. Причем однажды появившись в родных стенах только через полтора года отсутствия. Вместе с «гномами» посетовал на смерть одного из уникальных сервов замка, устроил

сетевой конкурс и заказал себе нового Скромника. Сменил начальника сил местной самообороны, как теперь почитали пришлых. Устроил яркий городской праздник, напоив каждого, кто мог держать кружку. И продолжал исчезать с завидной регулярностью, пользуясь то скоростными ледокольными яхтами, то личными конвертопланами, доставлявшими его к бортам игловидных «стратов» на полосах Кефлавик-Порта.

Именно тогда, три бесконечных года назад, окончательно пересмотрев жизненные приоритеты, Витторио Гамба собрал свою «чертову дюжину». Точнее, ее костяк был сформирован еще до Дня Станции. Но в День Гнева Богов кто-то из соратников погиб, кто-то бесследно растворился в пучине хаоса, а потому набор людей, способных без сомнений разделить его устремление вверх, пришлось начинать почти заново…

Дней, проведенных в заточении под грудой пепла, без солнца и свежего ветра, с лихвой хватило, чтобы будущий наследник корпорации «GA» до мелочей продумал свое место в новом мире. Чтобы по ничтожным крупицам и обрывкам поступавшей на север информации выстроил полноценную картину произошедшего на Кольском полуострове. Чтобы оценил глобальные последствия удара, а также проанализировал пути дальнейшего развития человеческой цивилизации.

И поставил перед собой цель.

Далекую, почти недостижимую, но оттого еще более желанную.

Фанатики, бесконечно преданные ему и готовые скрываться от всего мира под масками «чумных докторов», покорно приближали задуманное. Кто-то из них, как погибшая прошлой весной Сентябрь, знал о замысле своего лидера совсем немного, так и не успев окончательно влиться в семью. Кто-то, как Февраль или Июнь, был посвящен в самые мельчайшие детали плана, собственным усердием преумножая достижения самого Витторио.

О, как удивились европейские банкиры, почитавшие Витторио Гамбу погибшим. Как удивились инвесторы, каперы, менеджеры подконтрольных предприятий, уже начавшие дележ шкуры покойного. Удивления не высказал только дядя, встретивший мужчину в очередном прототипе медицинской маски так, будто не виделись всего неделю, а не почти два года, наполненных разрухой и всемирным бардаком.

– Если бы семя рода Гамба было так легко истребить, – раскатисто заявил он, приняв изувеченного родича в своем длинном кабинете с портретами на стенах, – мы с твоим отцом уже много лет кормили бы японских червей…

О том, что отец Витторио вот уже двадцать лет как занимался

именно «кормежкой», сгорев в элитной «суперсобаке», дядюшка предпочел не вспоминать. Раймундо вообще редко упоминал брата, иногда начисто вычеркивая его из воспоминаний.

Первой причиной такой избирательной памяти стал внутренний конфликт двуглавого дракона, управлявшего фирмой. Второй причиной стал сам Витторио, отец которого был равнодушен к отпрыску настолько же, насколько дядя заботлив. Иногда казалось, что тот вообще почитает юношу не племянником, а сыном, и на фоне безразличного папочки такое отношение не могло не греть…

Когда удивление банкиров миновало, Витторио выяснил, что его счета все еще полны. Дядя активно спасал корпорацию, не позволяя тени отчаянья прикоснуться к ее каперам и акционерам, и Гамба бросился помогать. Конечно, деньги в вывернутом наизнанку мире далеко не сразу обрели былую ценность – да что говорить, они не обрели ее до конца даже сегодня! – но хозяин «Эльфийского Холма» видел, что постепенно все возвращается на круги своя. Во всяком случае, в мирке, населенном шейхами, князьями, султанами и верхолазами…

Помогая дяде укреплять пошатнувшуюся махину «Gruppo Aggiornamento», он также начал поэтапно инвестировать в личное, медленно отодвигаясь в тень. Инвестировать в свое собственное будущее. В будущее без Ассоциации и корпоративных войн. В звезды и недоступную обычному человеку власть.

Совсем скоро в личной армии Цикла появились капитаны флота, армейские отставные генералы, физики, микробиологи, машинисты и граверы. Он покупал людей, договаривался с ними, продавал их и брал в аренду. Он платил шейхам, имамам и президентам, вертясь угрем и не скупясь на подарки.

Через какое-то время Витторио выполнял распоряжения дяди с откровенно спущенными рукавами, не раз заслужив недовольство старого медведя. Поставил мысленный крест на прежней деятельности «GA», окончательно разуверившись в смысле существования Ассоциации.

Уже спустя год столь активной деятельности в личной базе данных молодого Гамбы хранилось более двадцати проектов различной степени безумия и масштабности, только четыре из которых могли увидеть свет, если оставаться реалистом.

В Норвежском море, выкупленные за бесценок, начали обрастать железной плотью платформы проекта «Малатеста», на которых предстояло зародиться его личной кондотте. Бывшие нефтяные вышки день за днем превращались в секретные искусственные острова, прикрытые «зонтами» от средств спутникового слежения, назло Копью уцелевших в немалых

количествах. Среди волн и холода строительные роботы и люди возводили площадки, на которых формировалась самая крупная из частных военных баз нового мира.

Были захвачены, куплены или украдены сотни судов по всему миру, от крохотных баркасов до нефтеналивных танкеров и брошенных армейских фрегатов. В их числе оказался уникальный атомный катамаран «Куэн Као», сгоревший в ядерном огне по нелепой случайности и чуть не унесший с собой фантастические наработки «братьев-месяцев».

Однако, несмотря на заминку, проект «Плод», способный озолотить своего создателя, был почти доведен до логического завершения. Проект, способный не только сказочно обогатить Цикла, но и вручить ему ключи от «Полигона № 13», больше известного в миру, как Станция…

Аккуратно возвращая сознание Гамбы из страны воспоминаний в бронированную скорлупу горного убежища, «балалайка» просигнализировала о свежей почте, поступившей на один из рабочих коммуникаторов.

Сначала Витторио не придал посланию особенного значения. Действительно *важными* были лишь вызовы на секретные, тщательно зашифрованные и почти никому не известные номера. Затем увидел адресата и устало – как был, по пояс голым, – побрел к рабочему кабинету.

Ввел комбинацию паролей, прошептал в микрофон несколько ключевых фраз. Вошел, наслаждаясь специфическим запахом техники, наполнявшей комнату. Прикрыл за собой дверь.

На рабочем столе, изогнувшемся вдоль стены под тремя огромными дисплеями, в специальных мягких нишах возлежали сразу девять коммов. Не помеченные, не маркированные. И только на одном, самом новом и почти не используемом, виднелся крохотный белый логотип корпорации «Науком». Подарок акционеру и неофициальному партнеру, чтоб надменных москвичей задрали псы…

Выбрав четвертый слева, Витторио отключил коммуникатор от единой рабочей системы кабинета. Головная боль прошла, но он все еще морщился. То ли от досады за попойку, то ли оттого, что назойливый вызов оттягивал момент погружения в пенную ванну. Поднял устройство к лицу, пролистывая поступившее сообщение.

Борт 112-UZ совершил благополучную посадку в аэропорту имени имама Муддассира, накладок нет. Конференция, на которую прибыли сотрудники, начнется завтра и продлится еще четыре дня. В настоящее время делегаты заселяются в съемные апартаменты.

Очень хорошо.

Не настолько, чтобы открывать очередную бутылку монтепульчано, но хорошо.

Конечно, более логичным казалось поручить расследование Болотному Монстру, но австралиец был занят пополнением коллекции, а упускать найденный след Цикл не хотел. Ничего, блондин и его люди справятся, сомнений нет. Может, они и не самые неприметные корпобезы на свете, но свое дело знают и подставить себя не позволят.

Другой вопрос, найдут ли «грызуны» что-то ценное?

Возможно, поэтому Витторио и не послал Буньипа? Не захотел отвлекать ценного специалиста, отправлять хамелеона на поиски призрачной химеры. Однако проверить зацепку стоило, и потому его верные люди послушно прибыли в Омарский эмират…

С чего Гамба вообще взял, что дело того стоит? Услышал несколько сетевых легенд? Поддался очарованию мифов виртуальности? Купился на обрывки чьего-то дневника, большинством правоверных нейкистов почитаемого за лютую ересь? Возможно, все сразу…

Однако легенда существовала. Не столь известная, как пресловутые апокрифы о деяниях Великих Ломщиков, цитируемые братством машинистов и преумножаемые людской молвой. Но от этого еще более интригующая и любопытная, достойная проверки. Если блондин ничего не найдет, Цикл перебросит его группу в Эдинбург. Если же в заброшенных сетях блеснет хотя бы крохотная рыбешка…

Витторио Гамба не хотел даже вскользь загадывать, что станет делать, если слухи окажутся правдивы. Пусть даже правдивы лишь частично. Вернув коммуникатор в пустующую нишу на столе, он неспешно покинул мозговой центр «Альвур-хайда», направившись принимать ванну.

Бинарный код 10

Место человека в подлунном мире определено с момента сотворения этого мира.

Ему, уникальнейшему существу во Вселенной, даны широчайшие возможности по расширению горизонтов своего сознания. Дана безграничная свобода в заданных свыше рамках, умение подчинять обстоятельства и возвышаться над условностями.

Но иллюзия всемогущества остается иллюзией, даже если позволяет управлять собственной жизнью и судьбами миллионов последователей. Она затмевает рассудок и уводит на ложный путь, итог которого – хаос, крушение цивилизаций и смерть отдельного представителя homo sapiens.

Умение с точностью гадать на внутренностях животных и трактовать божественные знаки не превращает гаруспика в полноценного жителя Олимпа. Управление тайной исповеди и врачевание заблудшей человеческой души не превратит хунгана в святого апостола, равного упомянутым в Писании. Талант управления массивами электронной информации и дар создавать мощнейшие гаджеты не превращает машиниста в цифровой массив или операционную систему.

Потому я продолжаю утверждать, что слияние человека и Цифры, о котором говорила Поэтесса, возможно лишь на уровне экстаза – религиозного, если угодно, духовного, открывающего новые

двери сознания и позволяющего прозреть об устройстве этого мира. А это значит, что пришло время говорить о вещах, исконно считающихся чуждыми правоверному нейкисту – о вере, религии и чуде.

«Шепот цифровых идолов», глава 1

Северный ветер легкомысленно играл занавесками, ежеминутно вбивая в полутемную комнату новые порции летнего зноя. Сегодня в его дыхании слышались отголоски бриза, долетавшего даже до южных районов агломерации, однако те отнюдь не помышляли справиться с пыльной жарой.

Словно вступив со зноем в сговор, старенький потолочный вентилятор, заряжаемый ручной динамо-машиной, сбавил обороты. Его лопасти сделали полный круг, затем еще один, но медленнее. Вовсе замерли, напоминая поникшие лепестки диковинной ромашки.

Едва вентилятор остановился, с раскладной армейской кушетки в углу легко поднялась женская фигура. Высокая, по-спортивному подтянутая, с небольшой, высокой и округлой грудью. Лениво прошлепав к примитивной машине, она набрала заряд верчением старого жестяного колеса. Под смуглой кожей обнаженных рук проступили безупречные, будто отлитые из бронзы мускулы.

– Следующий раз – твой, – почти не сбив дыхания, улыбнулась девушка в полумрак.

Широкоплечий мужчина, без остатка занимавший похожую кушетку у противоположной стены, заинтересованно повернул крупную лобастую голову.

– И даже не думай увиливать…

– В мыслях не держал, малыш, – басисто ответствовал здоровяк, переворачиваясь на другой бок и заставляя «раскладушку» молить о пощаде. – А ты, бесстыжая, лучше бы оделась…

– Можно подумать, ты что-то там не видел… – Улыбаясь, смуглянка подошла к окну, ловя трепещущую занавеску за край и предусмотрительно прикрываясь от случайных взглядов с улицы. – Или подашь на меня в шариатский суд?

Здоровяк только хмыкнул, не переставая вертеть крохотный блестящий кругляш, который уже полчаса тискал в пальцах, изучая со всех сторон.

Девушка, повторно запустившая потолочный вентилятор, и

вправду была одета весьма фривольно – в короткий обтягивающий топ, только добавляющий формам эффекта, да столь же миниатюрные шорты, дерзко подчеркивавшие бедра и упругий зад. Появись она в таком виде на замусоренных улицах Рага-Рея, и меньшее, что ждало бы безумную на следующее утро, это побитие камнями…

Назанин Фарахани, почти тридцать лет назад родившаяся на окраинах Эль-Парижа, безумной не была. Коренная француженка, она лучше многих понимала, как именно стоит вести себя дочери правоверных стран, находясь в публичных местах. Прикрываясь пыльной занавеской, она задумчиво всматривалась в августовскую жару, не упуская ни единой мелочи.

Здоровенный самодельный плакат, вывешенный на балконе дома напротив, со всей прямотой заявлял: «Синдин убивает!» Буквы скакали, словно автор агитационной продукции в момент созидания был пьян или болен, а саму простыню подвесили до того криво, что та норовила сорваться при первом же сильном порыве.

Светло-бежевые панельные многоэтажки густозаселенного Рага-Рея напоминали вырубки из пчелиных сот, расставленные вертикально. Изнывая от жары, жилые дома жались друг к другу, не без причины дожидаясь скорого сноса.

То здесь, то там в их плотном строю уже виднелись основательные проплешины – это на месте аварийного или рухнувшего жилья возводились новые высотки, престижные и сейсмоустойчивые.

Уже второй год очаг благополучия упорно смещался на юг холмистой агломерации, подчиняясь изменившейся географии. Там, где еще четыре года назад раскинулись дорогие окраины района Шемиран, теперь лизали камни воды нового Среднеазиатского моря, после Инцидента ринувшегося на штурм северных предместий Тегерана. Но нищий Рага-Рей своих позиций сдавать так просто не собирался, с высоты одиннадцатого этажа по-прежнему напоминая лабиринт или безжалостно изгрызенный мышами кусок сыра.

Один из административных центров Омарского эмирата вообще восстанавливался на удивление споро, прямо-таки на зависть соседям. И в более спокойные времена привычный к танцам земной коры город, с сосредоточенностью умудренного гончара, принялся возрождать себя через считаные месяцы после того, как земной шарик содрогнулся от Арктики до мыса Горн.

Назанин скользнула взглядом по горной, присыпанной снегом гряде, нависающей над северо-западной границей Тегерана – изломанному Инцидентом, но сохранившему величие

хребту Эльбрус. Затем по крышам, усеянным антеннами, почти бесполезными нынче. По многочисленным бельевым веревкам, узким наклонным улочкам и новеньким высоткам, выстроенным в виде пирамид. По бесчисленным подъемным кранам и другой строительной технике. По высоченному скелету коммуникационной вышки-ретранслятора, с непостижимой скоростью возводимой инженерами корпорации «Науком» в сердце деловых кварталов.

Москвичи оказались молодцами. То ли к глобальной катастрофе были подготовлены лучше иных, то ли оправиться сумели раньше. Но когда на новых вулканах планеты еще оседал пепел, они уже проворно сновали по миру, направо и налево помогая возрождать то, без чего человек уже не представлял цивилизованного существования – возрождая сеть, царство Цифры и свободы.

А еще они ничего не просили. Они давали.

Например, насколько была осведомлена Назанин, заходя на очередную площадку с предложением о внедрении нового сетевого формата и монтажа уникального оборудования – будь то крупный город или Анклав, – «наукомовцы» совершенно не претендовали на ее скудные энергетические ресурсы.

В народе шептались про злую магию и Дьявола, которому верхолазы корпорации продали души за вечный ток в проводах. Более образованные люди делились крохами информации о Новой Энергии, секрет которой был раскрыт на одном из полигонов «Наукома» незадолго до Инцидента.

Да пусть бы и Дьявол… Уголком губы Фарахани прихватила кончик длинного блестящего ногтя, крепкого, как сталь. Как бы то ни было, в капитальном ремонте планеты москвичи принимали самое активное участие. А по уровню технологичности и разнообразию научных чудес, предлагаемых выжившим, на сегодняшний день с этими русскими не мог сравниться ни один уцелевший Анклав мира…

Назанин, отпустив занавеску, отступила от окна.

Наступало время предвечерней молитвы Аср, а это означало, что ленивому ничегонеделанью вскоре придет конец. Добравшись до кушетки, девушка опустилась на влажную от пота простыню, нащупывая под «раскладушкой» пачку сигарет. Закурила, пуская струи в потолок. Оживший вентилятор принял игру, лениво скручивая дым в причудливые и недолговечные образы.

– Все еще возишься со своей драхмой? – лениво, чтобы хоть чем-то занять себя в ожидании, поинтересовалась Назанин, косясь на великана у дальней стены.

– Это не драхма, малыш, – мягко, но определенно не впервые

за последние дни, поправил ее Гордон Бакли, заслуженно считавшийся одной из главных боевых единиц группы. – Я же рассказывал, что эта монета называется каппадокийская дидрахма.

Даже в полумраке комнаты было заметно, как восхищенно блестят глаза здоровяка.

– Представляешь, малыш, сколько веков этой крохотной монете? Представляешь, сколько рук держали ее, отдавали, получали взамен за товары или услуги? Сколько с ней было связано надежд, чаяний, планов и слез?..

– Не представляю, – пожав плечами, улыбнулась Назанин. – Никогда не привыкну к твоей блажи, собирать монетки…

– О, это не просто монетки…

Заставив кушетку стонать, Бакли сел, опуская колонны босых ног на пыльный пол съемной квартиры. Поднял руку с дидрахмой к единственному окну, будто хотел рассмотреть сокровище на просвет.

– Деньги – это энергия мира. Его ток, его кровь, его пульсация. Они продлевают жизнь и отнимают ее, они власть и религия, они настоящая магия. – Рассуждая, здоровенный ирландец улыбался, словно счастливый ребенок. Кругляш из потемневшего серебра покачивался в пальцах. – Они связывают человечество в единое целое – и они же разобщают его, начиная войны. Деньги – суть цивилизации, ее жизненная сила и проклятье…

– Опять за старое… – Назанин беззлобно усмехнулась, туша сигарету в пепельнице на полу. – Расскажи это тем, кто вкалывает за сухой паек или уже четвертый год живет натуральным обменом.

– Все наладится, малыш, – уверенно кивнул Гордон, пряча дидрахму в кармашек разгрузочного жилета, с которым не расставался даже в самую лютую жару. – Рано или поздно все наладится, и деньги вернут былую ценность, так бывало всегда…

На этот раз Фарахани не удостоила боевого товарища ответом. Закинула руки за голову, смяв облако угольно-черных волос, и уставилась на унылый потолочный вентилятор. При всех странностях ирландца и таком забавном, совершенно не вязавшемся с комплекцией хобби, воином Гордон Бакли оставался отменным, а большего и не требовалось.

Он был настоящей боевой машиной, напичканной электроникой и имплантатами под самую выбритую макушку. Стрелок, подрывник, специалист по ловушкам и выживанию – любая вооруженная группировка, будь то армия государства, элитные подразделения dd или СБА, дорого бы дала, чтобы

заполучить великана в свои ряды. Однако судьба распорядилась иначе, причем задолго до того, как мир начал сходить с ума, задергавшись в конвульсиях.

Освободив кушетку от ста двадцати килограммов живого веса, Бакли шагнул в кухню. Именно шагнул, а не вышел, потому что квартирка, в которой уже четвертый день ютилась группа, площадью больше напоминала поделенный на секции гроб, нежели нормальное человеческое жилье.

Затем Назанин услышала, как Гордон льет воду, наполняя турку из канистры. Как вкладывает в днище горелки брикет синтетического топлива, как чиркает спичкой. Готовя кофе и протирая чашки, здоровяк мурлыкал себе под нос, немузыкально, но с большим энтузиазмом.

Можно было поклясться, что и сейчас он изучает свою монетку – иногда было неясно, чему больше радовался наемник: новой миссии или приобретениям в коллекцию, которые имел возможность делать, разъезжая по восстанавливающемуся миру.

Фарахани улыбнулась, забавляясь собственными размышлениями.

Встретить такого быка, как Бакли, в темном переулке для любого здравомыслящего человека означало инфаркт и мысленное прощание с жизнью. На самом же деле ирландец был вовсе не злобен, позволяя читать душу, словно распахнутый комикс.

Впрочем, одернула себя девушка, такое радушие касалось только их группы, за много лет совместной работы превратившейся в настоящую семью. К противникам и, если так выходило, врагам Гордон был беспощаден, словно карьерный экскаватор.

Когда кофе начал закипать, слуховые имплантаты Назанин уловили на лестничной клетке шаги. Мгновенный анализ показал, кому принадлежит походка. Тем не менее от девушки не укрылся глухой стук, с которым Бакли выложил на кухонную тумбу свой увесистый «дыродел».

Щелкнули замки квартиры, которую группа снимала в одной из уцелевших многоэтажек Рага-Рея. Бакли продолжал мурлыкать, вернувшись к наблюдению за горелкой.

– Я бы тоже не отказался от чашечки. – Уловив манящий аромат дорогущего натурального кофе, Хуго Энквист среагировал мгновенно и энергично.

Затем шеф оперативной группы неспешно вытер ноги о коврик в прихожей, прошел в главную комнату, которую Назанин и Бакли делили с Бригеллой. Бросив на потолочный вентилятор короткий взгляд, швед шагнул к динамо-машине, несколькими

ритмичными рывками увеличив заряд батареи.

Сейчас Фарахани видела его снизу вверх, и если бы не специальная программа «балалайки», на фоне светлого прямоугольника окна могла бы различить лишь силуэт. Высокий, статный, с аккуратно уложенными соломенными волосами, Энквист казался голографической моделью из сетевого журнала мужской моды.

– Все готово, – присев на стул, отчитался старший, легко барабаня пальцами по пластмассовому подоконнику. Из потайной пистолетной кобуры на его поясе показался плоский компактный «корд», аккуратно выложенный на стол. – Клиент покинет здание через сорок минут, парни уже на позиции.

– Уверен, что я должна остаться? – Девушка даже привстала, вопросительно склонив голову.

– Уверен.

Дальнейший спор с Энквистом смысла не имел, хоть феромоны в ход пускай. Если командующий группой принимал решение, переубедить его было делом непосильным. Впрочем, логику приказа Назанин принимала всецело – наличие в операции женщины могло привлечь ненужное внимание полиции.

В комнату вернулся Бакли, держа в огромных ладонях сразу три дымящиеся чашки. Раздав кофе, он уселся на «раскладушку» Бригеллы, прихлебывая мелкими глотками.

– Грузовик на подвальной парковке, – глубоко вдыхая терпкий аромат, продолжил Хуго, оглянувшись на скрытого полумраком ирландца. – Униформа под водительским сиденьем, дорожные знаки и «колпаки» в кузове. Номера чистые, об угоне не станет известно еще пару дней. Покончишь с кофе, можешь выдвигаться.

Здоровяк молча кивнул, отпив еще чуток. Назанин, поставив свою чашку под кушетку, сунула в губы сразу две сигареты. Прикурила одновременно, одну протянув командиру. Тот благодарно кивнул, затянулся и только после этого попробовал горячий напиток.

– Наза, подготовь тут все, – распорядился он, кивнув в сторону второй комнаты, которую занимал вместе с ломщиком. – Пленку я купил, рулон в прихожей.

Какое-то время в молчании пили кофе и курили, заставляя вентилятор разбрасывать по квартире дымные шлейфы. Затем Бакли унес пустые чашки на кухню, выставил на единственный шаткий стол спортивную сумку и принялся переодеваться.

Легкая сетчатая туника отправилась в угол, вместо нее ирландец затянул торс в обтягивающую кевлайкровую футболку. Обулся в удобные легкие ботинки с высоким голенищем. Накинул

наплечную кобуру для «дыродела», жилет с коротким ножом, подсумками для пистолетных магазинов и двумя крохотными взрывпакетами; прикрыл арсенал национальным летним халатом. Глаза Гордон спрятал за черными солнцезащитными очками, на голову надел легкую шляпу из искусственного льна.

Не прощаясь, вышел из квартиры, тщательно заперев дверь.

Энквист, будто не заметив его ухода, продолжал смотреть в окно. Девушка, по-прежнему лежа на кушетке, украдкой рассматривала его точеный профиль, пытаясь угадать, о чем думает вожак.

Это было бесполезно. Не помогал даже опыт плотских отношений, в которых Назанин и Хуго состояли почти полгода, еще до того, как Земля решила проверить на прочность орбитальные цепи. О чем думает Хуго Энквист, знал только сам Хуго Энквист. И то, как порою казалось, не всегда.

Вязкую тишину, нарушаемую только отголосками улицы и шуршанием вентилятора, раздробил телефонный звонок. Словно дождавшись сигнала, Энквист пружинисто встал и вышел в прихожую, где на пестром фоне облезлых обоев притаился настенный старинный телефонный аппарат. Сегодня, в мире едва возрожденных цифровых технологий, в крупных городах и даже ряде Анклавов снова правила бал примитивная проводная связь.

– Алло?.. Нет, уважаемый, вероятно, вы перепутали номер. – Назанин услышала, как Хуго произнес кодовую фразу на чистейшем фарси, а затем повесил трубку.

Вернувшись в комнату, швед задрал рубашку, пряча верный «корд». Кивнул девушке.

– Мы начинаем.

И вышел из квартиры столь же быстро, как Бакли за несколько минут до него.

Фарахани поднялась с кушетки, сладко потянувшись.

Из комнаты шефа предстояло вынести вещи, в том числе и армейские раскладушки, а пол и стены застелить тонкой прозрачной пленкой, ждущей своего часа в коридоре…

Легким бесшумным шагом Энквист спустился на двенадцать этажей, приветливо кивнув проверяющему почтовые ящики старику. Парковка встретила прохладой, по сравнению с пеклом улицы превратившись в настоящий рай.

Машинально отметив, что подготовленный для Бакли грузовичок исчез, Хуго зашагал к своему мобилю – мощной многосильной «БМВ Фалькате» серебристого цвета, жрущей чрезмерно много электричества даже для внедорожника представительского класса. Увы, но если все пойдет по плану, с прекрасной прожорливой машиной придется распрощаться уже

сегодня ночью…

Усевшись за руль, Энквист активировал приборную панель, вынимая из бардачка темные очки и кепку. Точно так же, как несколько веков назад, нынче лучшим способом остаться инкогнито стало умение маскировать лицо и растворяться в толпе. Машина, конечно, приметная, но «Фальката» в Тегеране все же не штучный товар.

Вырулив из подвала многоэтажки, мобиль тактично влился в редкий ручеек транспорта, двигавшегося на север агломерации. В потоке преобладали велосипеды, велорикши и электромопеды, но и более основательной автоматизированной техники хватало.

Над улицами замелькали паруса рекламных плакатов. Не электронных и до жути объемных, как было четыре года назад, а самых обыкновенных, из тонкой баннерной ткани, аляповатых и смешных, иногда смонтированных нерадивыми работниками вкривь.

Кондиционер прогнал жару, омывая тело приятными дуновениями. Жители эмирата, лишенные подобных благ, обливались потом за окном мобиля, ожесточенно крутя педали велосипедов и на окружавшие легковые машины посматривая со смесью подобострастия и зависти.

Полицейские посты на обочинах казались выброшенными на берег боевыми батискафами. Задраив люки и ощетинившись стволами, их неприступные бетонные кубышки не подавали признаков жизни, стараясь лишний раз не вмешиваться в размеренную городскую жизнь.

Хуго приближался к Новому Содегийе, району деловой активности агломерации, где сеть худо-бедно, но в течение дня держалась. Приподняв на затылке белые волосы, он подключил «балалайку», этим утром выданную ему ломщиком группы.

Службы городского контроля сетевого пространства благосклонно зарегистрировали виртуала, после непродолжительной процедуры идентификации открыв доступ к навигационным ресурсам и новостным каналам.

Энквист синхронизировал «балалайку» с приборной доской, вывел изображение на проекционный дисплей справа от руля. Лихо проскочил десяток развлекательных частот, остановившись на канале «Аль-Джазиры».

Ведущий был выхолен и выбрит настолько, что заставлял заподозрить инфоканал в использовании трехмерных виртуальных проекций. Стоя на фоне огромной груды дымящегося мусора, он невозмутимо зачитывал в объектив:

– Сегодня ночью по неустановленной причине на юго-восточной границе района Варамин рухнул двенадцатиэтажный

нежилой дом. По заключению экспертных служб, постройка была признана непригодной для реконструкции еще три года назад во время планового осмотра, после чего отведена под снос. Тем не менее, по словам очевидцев, высотное здание уже не первый месяц являлось прибежищем для большого количества бездомных, нелегально проживавших в аварийной постройке.

Хуго нахмурился, сообразив, что гора хлама за спиной ведущего когда-то была огромным бетонным зданием. Холеный диктор продолжал:

– По предварительным данным, все незаконно проживающие в здании погибли. Как выяснил наш корреспондент, на месте крушения уже обнаружены тела сорока трех человек, девять из которых были детьми…

Энквист нахмурился, почесал кончик носа и отключил дисплей, мысленно проклиная беспечность семей, выбравших неустойчивую постройку своей братской могилой.

С момента Инцидента прошло уже четыре года. Время, когда такие известия воспринимались как сами собой разумеющиеся, осталось в прошлом. Сейчас, в мире восстановления и подъема с колен, столь нелепая авария вновь заставляла задуматься – действительно ли существует Бог? Отчего допускает подобное? Неужели настолько жесток? И что нужно сделать, чтобы избежать его карающей длани, заслужив чудесное избавление?..

В уголке глазного экрана предупредительно замигал яркий, смутно знакомый логотип. Системное сообщение напоминало, что с начала текущего месяца обитатели городской сети имеют возможность бесплатно ознакомиться с новым сетевым форматом, предоставленным корпорацией «Науком». Для изучения потенциала наукомовской сети пользователю предлагался двухчасовой тест «балалайки» нового поколения в любом из офисов корпорации, или скачивание специальной эмуляционной программы на свой личный чип.

Движением указательного пальца по рулю проложив курс, Энквист перестал ориентироваться по щитовым указателям вдоль многополосной трассы. Часы на краю напыленного наноэкрана сообщали, что через десять минут клиент покинет здание городской администрации сквозь парковочный шлюз № 3.

Сообщение, замаскированное под безобидную спам-рассылку, дало понять, что Гордон Бакли достиг места назначения. Хуго чуть прибавил скорость, аккуратно объезжая стайку рикш.

Как обычно, расчет оказался верным – его «Фальката» подкатила к бетонному двадцатиэтажному кубу мэрии и Исламского городского совета ровно в тот момент, когда рольставни третьих парковочных ворот поднялись, выпуская в

августовский вечер крохотный бледно-зеленый мобиль.

Короткого взгляда в окно хватило для понимания – за рулем оказался именно тот, кто нужен. За четыре года работы в хаосе члены группы Энквиста выработали такую зрительную память, что способностям вычленять лица в толпе позавидовал бы любой «раллер».

Пристраиваясь в хвост юркому «Форду Эталону», Хуго почувствовал, что у него покалывает ладони. Верный признак начинающейся заварухи, как говаривал Бакли, который ничего подобного не испытывал отродясь. Размяв затекающую от напряжения шею, Энквист увел машину в крайнюю левую полосу, начиная осторожно оттирать другие мобили. На него засигналили, но это беспокоило меньше всего – в пышущем активностью районе города случайные свидетели не вспомнят не только номера «Фалькаты», но и ее цвет.

Впереди, возвышаясь над другими мобилями горбатой тушей, виднелся фургон Бригеллы, неспешно катящий в нескольких корпусах впереди «Эталона».

Покрутившись по центру, клиент на несколько минут притормозил возле продуктового магазина. Поставив в багажник высокий увесистый пакет, направился на юг, в жилые районы. Фургон все это время находился перед его мобилем, Энквист – позади. Все шло по плану.

Тот, впрочем, особой замысловатостью и не блистал. В конце концов, в задачи группы входило рандеву с обыкновенным муниципальным служащим, а вовсе не проникновение в личную резиденцию шейха. Поэтому и к самой операции, и к выбору ее инструментов швед подошел с позиций минимализма и надежности переменных.

Свернув с Бесат Хайвэй, зеленый «Эталон» устремился в плотную застройку жилых кварталов, в немалой степени напоминающих бедные многоэтажки Рага-Рея. Улицы здесь в большинстве своем имели одностороннее движение, отчего замысел Энквиста приобретал легкость и простоту.

«Эталон» миновал перекресток, затем еще один.

Однако на следующем, совершенно не оживленном, водителей и велосипедистов ожидал сюрприз…

Грузовик дорожной ремонтной службы был припаркован точно поперек проезжей части и окружен ровным строем оранжевых предупредительных колпаков. Перед машиной с энтузиазмом заправского регулировщика поток мобилей по окрестным улочкам распределял здоровяк в яркой спецовке и ярко-желтой каске. «Балалайка» тут же дала сбой – это сработали специальные сетевые глушилки, собранные умелыми руками

Жицкого.

Ворча и эмоционально жестикулируя, тегеранцы все же подчинялись дирижированию. Аварии и прорывы коммуникаций стали делом житейским, ежедневным, давно не удивляя никого из местных.

Притормозив и дожидаясь своей очереди, Энквист поерзал на сиденье. Операция вступала в решающую фазу, когда любая незапланированная мелочь могла повлиять на ее исход…

Внимательно осмотрев фургон Бригеллы, дорожный рабочий велел машине уходить влево, в узкую улочку со старинным названием, вся проезжая часть которой состояла из одной полосы. Фургон послушно свернул, невзирая на габариты, ловко втиснувшись в проулок. Две следующие легковушки и поток велосипедов Бакли отправил направо, беспрестанно улыбаясь и оживленно размахивая руками.

С презрительной усмешкой покосившись на крохотный «Эталон» клиента, ирландец дал ему отмашку налево. Когда светло-зеленый мобиль скрылся в нужном переулке, а еще две машины перед Энквистом были распределены в противоположную сторону, Хуго запечатал коробочку.

По обеим сторонам чуть наклонной прямой улочки поднимались глухие стены жилых домов, усеянные коробками дохлых кондиционеров. Двери, ведущие в подсобные помещения, были крепко заперты. Мусорные баки, уже опустошенные муниципальными службами, расставлены ровными плотными рядами, чтобы не мешать движению транспорта.

Клиент занервничал через сорок две секунды.

Фургон, без просвета закупоривший выезд из каньона, двигался медленно, будто неохотно, вот-вот норовя заглохнуть. Сзади со склона напирала богатая серебристая «Фалькаta», нетерпеливо помаргивавшая фарами.

Сидящий за рулем «Эталона» худосочный мужчина уже приоткрыл окно, чтобы обрушить на водителя фургона поток цветастой брани, как тут на асфальт прямо перед капотом его мобиля плавно опустилась специальная аппарель.

Хуго вдавил педаль газа в пол.

Тяжелый бугель внедорожника уперся в задний бампер «Форда», толкнув под горку так резко, что у клиента дернулась короткостриженая голова. Тот затравленно обернулся, выискивая новую цель агрессии, но уже в следующее мгновение все понял.

Дал по тормозам, но масса состязавшихся мобилей была несравнима. Двумя мощными рывками «Фалькаta» Энквиста буквально вдавила «Эталон» в просторные недра фургона, технично откатившись с пустой аппарели.

Бакли, на ходу срывавший с себя спецодежду дорожных служб, одним прыжком заскочил в ловушку следом за «Фордом». Последнее, что Хуго увидел перед тем, как тяжелая створка встала на свое место – ирландец выхватил «дыродел».

Бригелла, управлявший фургоном, тут же увеличил скорость, вырвавшись из переулка и потерявшись в стаде грузовых машин, идущих из промышленных районов на юго-востоке Тегерана. Энквист свернул в другую сторону, внимательно осматриваясь и выискивая возможных очевидцев этого стремительного похищения. Таковых не наблюдалось…

Несколько раз объехав Новый Содегийе по периметру, Хуго припарковался возле гудящей ульем строительной площадки, где возводили громадную мечеть. Выключил «балалайку», выбросив ненужный более гаджет в ливневую канаву. Поставил мобиль на сигнализацию и зашагал к ближайшей стоянке велорикш.

И уже через двадцать три минуты поднимался на одиннадцатый этаж жилого дома в районе Рага-Рей, где его группа вот уже несколько дней снимала убогую тесную квартирку.

Дверь, пряча «дыродел» за створкой, открыл ему Шигеру Кодо, которого большинство сотрудников Энквиста предпочитали величать именем персонажа старинной итальянской комедии – Бригелла. Вероятно, главная причина состояла в том, что Кодо, чистокровный «самурай» от рождения, еще до совершеннолетия избрал путь уличных лицедеев и масок, после тесного общения с пластиками превратившись в человека без национальности. Не меньше на создание образа «первого дзанни» уличных пьесок повлияли акробатические способности японца, его таланты в альпинизме и умение невероятно много пить.

– Свидетели? – негромко поинтересовался Хуго, проскальзывая в квартиру и прикрывая за собой дверь.

Шигеру покачал головой.

– Все чисто, босс. Поднялись быстро и без заминок. Бакли проверял лестницы, поляк «зашумел» камеры наблюдения на паре квартир.

Энквист удовлетворенно кивнул, неспешно проходя в душную берлогу. Выложил «корд» на прежнее место, глотнул из кувшина на столе теплой и чуть затхлой воды.

Кроме командира в большой комнате сейчас находился только Гордон. Бригелла на кухне о чем-то негромко беседовал с ломщиком группы, миниатюрным Даниэлем Жицким, в кругах машинистов известным под именем Невроз, а Назанин контролировала клиента, находясь за дверью соседнего помещения.

– Как прошло, Бакли? – опускаясь на стул у окна, спросил швед, наблюдая, как Гордон стягивает пуленепробиваемую футболку.

– Гладко. – Обтирая взопревшие бока гигиеническими салфетками, ирландец широко улыбался. – Клиент, конечно, брыкался… на помощь звал, к коммуникатору тянулся. Но я его пристукнул. Слегка, Хуго, клянусь душой матери! И тишина. «Балалайку», дело ясное, вынул сразу, других чипов Невроз не нашел.

– Костолом… Где его мобиль?

– На парковке за Национальным театром. «Балалайка» под педалями.

– Хорошо.

Хуго снова взял со стола кувшин, осушил его почти до дна. Как обычно после окончания активной фазы операции, его начинала мучить сильная, почти неутолимая жажда. Теоретически, он мог докопаться до истоков этой привычки. Не хотел.

– Мы поработаем с клиентом, – распорядился Энквист, прикрывая оконные створки и задергивая занавеску, – а вы пока разберитесь с ужином: на пустой желудок я лететь не хочу.

– Будет сделано, шеф, – подмигнул ему ирландец, втискиваясь в разгрузочный жилет и машинально проверяя монетку в одном из его карманов. – Паста или фасоль?

– Паста, – негромко ответил Хуго, входя в соседнюю комнату.

Там все выглядело именно так, как он себе и представлял по дороге в Рага-Рей…

Пол и стены покрывает слой тонкой матовой пленки, неприятно шуршащей под ногами. Кушетки вынесены прочь, окно плотно закрыто и даже завешено одеялом. Свет дает крохотная лампа в углу под потолком, вентилятор над головой неподвижен.

Посреди комнаты установлен единственный стул, к которому за лодыжки и запястья эластичными наручниками пристегнут мужчина средних лет. По виду – араб из испанцев, но наверняка утверждать нельзя.

А вот определить его профессию труда не составляет – под короткими волосами на левой стороне головы виднеется старая татуировка, причисляющая клиента к братству машинистов. Глаза мужчины затянуты матовой ярко-белой пленкой, временно отнимающей зрение – это эффект от впрыснутого в нос препарата.

Конечно, после завершения беседы бензодиадепиновый «ластик» подчистит сознание пленника, превратив похитителей в размытые образы из тревожных сновидений. Но Хуго все равно страховался, вводя в уравнение даже самую мизерную

возможность применения гипнометодик или пробивной полицейской химии, сжигающей мозг, но успевающей восстановить память, словно битые секторы жесткого диска…

Вздрагивая от каждого шороха, скованный мужчина вертел головой, пытаясь угадать происходящее в комнате. Его молочно-белые глаза, покрытые тонкой сетью лопнувших капилляров, напоминали шарики из потрескавшейся глины. В этом было что-то от «Гомеровского взора», нацеленного далеко за грань человеческого бытия. Но животный страх, волнами исходящий от сидящего на стуле, убивал сравнение, превращая клиента в новорожденного котенка…

Фарахани обнаружилась в дальнем, самом темном углу, задумчиво перебирая разложенные на столике инструменты. Ее роскошная черная грива, скрученная в шар, пряталась под хирургической шапочкой.

Вошедшему молча кивнула, улыбнувшись одними глазами, и Энквист приветливо улыбнулся в ответ. Приложенный к пухлым губам ноготок девушки означал, что клиент осведомлен о запрете на крик, это же подтверждал и свежий кровоподтек на его виске.

В следующее мгновение лицо Хуго окаменело, начисто избавившись от эмоций.

Прикоснувшись кончиками пальцев к обшитой полиэтиленом стене, он обошел машиниста по кругу, нарочито громко шурша пленкой. Привязанный к стулу мужчина встрепенулся, слепо повернувшись на звук.

– Ради Аллаха, что вам нужно?.. – просипел он, едва ворочая пересохшим языком.

– Ты хорошо спрятался, Сабад, – негромко и вдумчиво произнес швед, проигнорировав вопрос. – Но мы нашли тебя, и отпираться не стоит…

– Сабад? – Пленник дернулся, будто пробуя путы на прочность. – Кто это? Меня зовут Исмаил, вы меня с кем-то спутали! Кто вы такие? Что вам от меня нужно? – повторил он

От клиента продолжало веять страхом, этот запах Хуго не спутал бы ни с чем иным. Страх окружал Сабада аль-Тани плотным облаком, укрывавшим в себе грозу скорой истерики. Такой эмоциональный климат представлялся Энквисту наиболее подходящим для выуживания информации без применения силовых методов.

Он остановился за левым плечом связанного, наклоняясь к пустому разъему «балалайки».

– Слышишь это шуршание под ногами, Сабад? Понимаешь, зачем стены и пол укрыты пленкой? – поинтересовался он, четко выговаривая слова. – Чтобы не испачкать комнату твоей кровью,

конечно же…

Сабад аль-Тани, утверждавший, что его зовут совсем иначе, затрясся мелкой дрожью, подавшись вперед так, что жгуты наручников глубоко врезались в кожу. Незрячие глаза часто моргали, наивно намереваясь справиться со слепотой.

– «Открывалки» стоят денег, – продолжал Хуго под восторженным взглядом девушки. – Купить пассатижи, ножницы для металла, клещи и набор игл оказалось значительно дешевле…

Подтверждая слова командира, Назанин провела рукой по разложенным инструментам, заставив их забренчать. У Сабада предательски клацнули зубы.

– А еще мы купили паяльник, – доверительно сообщил ему Энквист. – С электричеством в доме проблемы, но это не должно тебя тревожить, Сабад, у нас есть сразу две динамо-машины…

– Я не тот, кто вам нужен… – простонал пленник, обмякая. – Зачем вы меня мучаете? Меня зовут Исмаил ибн Ханун! Я обычный муниципальный служащий… Я даже не старший машинист, работаю на коммунальных направлениях, мне неизвестны ни ценные коды доступа, ни адреса архивов! Пожалуйста, отпустите меня, я могу заплатить… Совсем немного, но у меня есть накопления…

– Нам не нужны твои деньги, Сабад. – Хуго обошел клиента, наклоняясь к его лицу. – Нам нужна информация. И как только мы получим ее, ты благополучно вернешься домой. Целиком.

Он слышал, как на кухне Бакли гремит кастрюлями, охотно приступая к обязанностям отрядного повара. Фарахани протянула руку, в которой была зажата стамеска, и быстро прикоснулась к щеке аль-Тани. Тот вздрогнул, будто получил удар в челюсть.

– Тебя зовут Сабад аль-Тани по прозвищу Клёст, – негромко продолжил Энквист, не меняя гипнотического тембра. – Во всяком случае, звали до того, как на Станции случился выброс. Ты бывший нейкист, вполне сносный машинист и средней паршивости гравер, который до падения Сорок Два работал в подразделении под названием «Кромлех». Работал по «железу». А когда все рухнуло, ты бежал из Союза, превратившись в Исмаила ибн Хануна и осев в муниципалитете Тегерана. Поправь меня, если я где-то ошибся?

Беспомощный, привязанный к стулу и ослепленный химией клиент замотал головой. По худым небритым щекам покатились слезы. На пленника было жалко смотреть.

– Нейкист? Нет-нет, говорю же, вы меня с кем-то перепутали!..

Он оправдывался крайне убедительно, пронзительно и

отчаянно. Так отчаянно и убедительно, что смог бы растопить не одно сердце, если бы у людей в комнате еще оставались сердца.

– С чего вы взяли, что я нейкист? Нет бога, кроме Алл…

Хуго требовательно протянул руку, и девушка вложила в нее плоскогубцы. Ухватившись за рукоятки, швед легко прихватил кожу на шее машиниста холодными железными щечками. От болезненного щипка крепко скованный мужчина вскрикнул, отшатнувшись так резко, что чуть не перевернул стул.

– Закричишь еще раз, – предупредил блондин, возвращая инструмент Назе, – и я лично вырежу тебе голосовые связки. Упомянешь Аллаха еще раз, участь будет той же. Мы знаем, что ты сменил веру, как только поменялся управляющий планетой ветер. Но до того как на свет появился Исмаил, этим телом управлял машинист под позывным Клёст, собиравший «железо» для «Кромлеха». С ним-то я и хочу побеседовать…

Опустив голову на грудь, какое-то время пленник молчал, кусая губы и безмолвно рыдая. На его штанах расползалось темное пятно, запахло мочой. Энквист терпеливо ждал, все еще склоняясь над клиентом, Фарахани закурила.

– Как вы меня нашли? – наконец прошептал Сабад, содрогаясь всем телом.

– Это не имеет значения.

– Вы оставите меня в живых?

– Да, – коротко ответил ему швед. – Даю слово.

– Что вы хотите знать?

Хуго выпрямился, смахивая с виска пот. Посмотрел на улыбающуюся сквозь дым девушку, удовлетворенно кивнул. Зашел за спину Клёста, взял предложенную сигарету, прикурил. От щелчка зажигалки Сабад аль-Тани вздрогнул, ожидая продолжения пыток.

– Что именно собирала ваша рабочая группа по заказу «Кромлеха»? – спросил дознаватель, выдыхая облако в спину машиниста.

– Не знаю… – Тот лихорадочно замотал головой, словно за такой ответ могло последовать наказание. – Мы работали в одной из многочисленных электролаб, собиравших «поплавки» для Пророка… Все знают, что деньги Сорок Два тогда лились рекой. А где-то за полгода до Инцидента по чьему-то приказу свыше нам выделили отдельную лабу. Производственные мощности, неограниченные возможности, настоящие корпоративные цеха. Наверное, группе поставили какую-то особую задачу, но главным ее гравером был не я…

– Кто?

– Бамбуковый Меч… – Пленник поперхнулся. – Он погиб

незадолго до Инцидента…

Хуго затянулся сигаретой. О гибели всех старших граверов, имевших отношение к проекту «Кромлеха», он знал. Но правда, исторгаемая потрескавшимися устами клиента, давала надежду на позитивный исход переговоров.

– Продолжай.

– У нас не было даже единой схемы… – Клёст продолжал дрожать, постукивая зубами. – Всех держали в неведении, использовали вслепую, будто рабов. Мы гравировали детали «раллеров»… необычных «раллеров». Но окончательной сборкой занимался кто-то другой, все цеха лабы были децентрализованы…

– Что в «раллерах» было необычным?

Хуго тут же пожалел, что в переговорах не участвует Невроз. Но поляк был слишком впечатлительной натурой, чтобы тащить его в комнату допроса.

– Их финальный контур не был заведен на автономку, – выдавил бывший гравер, ерзая на стуле в луже собственной мочи. – Парни предположили, что кто-то наверху хочет сомкнуть сразу несколько машин… как пазлы… полный бред, я понимаю, но другого объяснения мы не нашли…

– Где располагалась лаба? – Энквист затушил сигарету в пепельнице, протянутой Назанин.

– В Анклаве Монреаль…

– Точнее?! – В голосе Хуго добавилось холода и азарта.

– Район Перрон… Кот-Де-Перрон, – всхлипнул Сабад. – Точнее не скажу, даже улицу не помню, все как в тумане… Нас привозили, увозили, каждый вечер был похож на новогоднее шоу… От Синдина я уберегся, но если мозг не был нагружен работой, я заливал его амфитаминами и бухлом…

В голосе аль-Тани перемешались восторг по лихим денькам триумфального прошлого и откровенное презрение к себе. Он почти перестал плакать, и швед догадался – Клёст выдал все, что считал важным и ценным, приготовившись к расправе. Слепые глаза уставились в одеяло на окне, плечи обреченно опустились. Сейчас пленник был похож на умирающего пустынного стервятника, лысого, клювастого и длинношеего.

Фарахани вопросительно посмотрела на командира. Тот неопределенно пожал плечами.

– Это все, что ты можешь рассказать про свою работу на «Кромлех»? – вкрадчиво поинтересовался Хуго, и Сабад поник еще сильнее, окончательно уверовав, что наступил его смертный час.

– Все.

Энквист кивнул девушке, и та принялась с лязгом монтировать телескопическую капельницу. Рывком вскрыла пакеты с препаратами.

– Сейчас ты уснешь, Клёст. – Подступив к пленнику, Энквист наклонился к его уху, поросшему тонкими сизыми волосинками. От бывшего гравера ужасно пахло, но блондин не обращал на это внимания. – Уснешь надолго…

– Вы же дали мне слово… – простонал Сабад, и на его губах вздулись пузырьки вязкой слюны.

– И сдержу слово. Ты не умрешь. Но когда проснешься через несколько дней в луже собственных испражнений, – честно признал Хуго, – не будешь помнить ни этот разговор, ни последние недели своей жизни. Возможно, последние месяцы. Может быть, даже годы. Но это лучше, чем умереть, не так ли?

Вместо ответа машинист Тегеранской мэрии лишь судорожно кивнул, до хруста стиснув зубы.

Назанин освободила от пленки кусок пола. Бросила туда тощий матрас, рядом установила капельницу. Затем присела на корточки напротив клиента, цепко ухватив его за предплечье.

Ослепленный Клёст дернулся, заскулил, засеменил ногами, но девушка ловко вогнала иглу в вену, выпуская снадобье в кровь. Пленник еще раз вздрогнул, изо рта стекла блестящая ниточка, а затем он затих.

Расстегнув путы, Энквист помог напарнице перенести мужчину на лежанку.

Пока Фарахани налаживала капельницы, с помощью липкой ленты фиксируя иглы на руке Сабада, аккуратно скрутил в рулоны полиэтилен со стенок и убрал инструменты в ящик. Снял с окна одеяло, выключил свет. Еще раз осмотрев прибранную комнату с храпящим в углу гравером – точно на том месте, где еще сегодня ночью спал сам Хуго, – швед и Назанин вышли, плотно прикрыв за собой дверь.

– Заждались? – улыбнулась француженка, снимая тонкие медицинские перчатки и бросая их в мешок с вещами, подлежащими скорому сожжению.

– Ужин почти готов, – пробасил в ответ Гордон, все еще колдующий на кухне. – Присаживайтесь.

Шигеру и Невроз, уже занявшие места за выставленным на середину комнаты столом, вопросительно уставились на командира. Тот неспешно опустился напротив, и едва ли не дословно передал ломщику группы беседу с клиентом.

Худое, словно слепленное на черепе из птичьих костей лицо Жицкого пришло в движение. Губы кривились и прикусывались, нос морщился, по лбу пробегали складки. Выдавая умственное

напряжение, зашевелились даже татуировки на лысой голове. Как обычно, когда ситуация требовала полнейшей сосредоточенности, пальцы Даниэля потянулись в рот, а зубы принялись мелкими кусочками обкусывать ногти, и без того выглядевшие неопрятно.

Энквист, оставляя ломщика наедине с собой и не желая наблюдать за дурной привычкой, отвернулся к Бригелле и Назанин.

Из кухни показался Бакли, расставил тарелки и стаканы. Неодобрительно покосился на поляка, пробубнив что-то про необходимость ломать руки, но мешать думать большеголовому не стал. И лишь когда в третий раз вернулся к столу, опустив в центр большое блюдо с горой ароматной пасты, цыкнул на Невроза, заставив его очнуться.

– Когда ты уже отгрызешь себе палец, гадкий недомерок? – хмуро поинтересовался ирландец, едва удержавшись, чтобы не отвесить Даниэлю оплеуху. – Хоть бы за столом постеснялся… В общем, кушать подано. Старинный, нужно заметить, рецепт! Так пасту готовят только в одном месте – в пабах Белтербета, откуда я родом…

Принимая правила игры, Шигеру недоверчиво и излишне подозрительно прищурился.

– Бакли, ты же в прошлый раз говорил, что родом из-под Кроссмаглена?!

Энквист хмыкнул. Сидящая рядом Назанин улыбнулась, краем уха прислушиваясь к мерному дыханию Клёста в соседней комнате. Невроз, вытирая обслюнявленный палец о штанину, тоже хохотнул.

– О, дружище, ну зачем так придираться к словам? – Здоровяк добродушно отмахнулся от Кодо. – Налетайте, друзья!

– Ужинаем и выдвигаемся, – распорядился Хуго, первым потянувшись к блюду в центре стола. – Бригелла, ты подотрешь следы. Бакли проверит мобиль. Невроз, начинай официальное выселение из «белой норы», дистанционную предполетную подготовку и получи разрешения наземных служб. Мы с Назанин соберем вещи.

Собирать действительно было что, причем речь шла не только об оружии, маскировочных одеяниях или боеприпасах. Запас провизии, причем 100 % натуральной и качественной, уже не первый год стал одним из обязательных авансов, которые Хуго получал от заказчика перед вылетом на «точку».

Натуральные макароны, фасоль, кофе, тростниковый сахар, специи, консервированное мясо… Чтобы не голодать, одновременно не засвечиваясь на рынках посещаемых городов, все это приходилось возить с собой, будто во время путешествия в

безжизненную пустыню.

Энквист знал немало мест, где после Инцидента могли убить за любую из старинных жестяных банок, входивших в рацион группы, а потому не собирался оставлять хозяевам квартиры даже запах объедков.

Он в принципе ничего не собирался оставлять, если не считать уснувшего наркотическим сном гравера в соседней комнате. Из всех пятерых, официально вообще никто не присутствовал на территории района Рага-Рей. Согласно электронным документам, «консультанты» проживали в отдельном таунхаусе на западной границе агломерации. А создавать на полицейских серверах видимость их активности и регулярного посещения жилья входило в обязанности Даниэля, с которыми тот успешно справлялся…

Пока еду накладывали остальные, командир разлил по керамическим стаканчикам сладкий, невероятно терпкий миндальный шербет, купленный на местном базаре. Группа разобрала лакомство, все взгляды сошлись на Энквисте.

– За Севастьянова и добрую дорогу! – традиционно отсалютовал тот, и все пятеро выпили, приступив к ужину и очень уютно застучав вилками.

За окном наступал августовский вечер.

Совсем скоро реактивный конвертоплан с гербом частного оборонного агентства «Горностай» оторвется от взлетной полосы аэроузла имени имама Муддассира, воспарит в темнеющее небо и возьмет курс на запад.

Бинарный код 11

«Прошли сотни лет, но люди их помнят, потому что не золото было их целью, а чистая, как дистиллированная вода, власть. Власть – это возможность вести людей к цели, которую ты видишь и в которую веришь. Ответственность перед теми, кого ведешь. Любой другой ответ не имеет смысла».

Папа Джезе, архиепископ Баварский

– Этот мир никогда не будет прежним, дядюшка… – прошептал наглец с изуродованным лицом, сидящий на расстоянии девяти стульев от великого Раймундо Гамбы.

На расстоянии девяти титахромовых стульев, с виду напоминавших деревянные предметы интерьера двухвековой давности. На расстоянии девяти удобнейших, легких стульев с регулируемой высотой и степенью мягкости сиденья.

Они были настоящими произведениями современного искусства, как все в этом узком кабинете, напоминавшем его хозяину помещение тира. Девять стульев. Безопасная дистанция, абсолютно вежливая и одновременно комфортная для беседы.

– Торговля рабами и оригинальными органами уже не приносит сверхдоходов! – продолжал гнуть свою линию мужчина в красном костюме и белой маске.

Так же, как в предыдущие визиты, он расположился спиной к портретам и лицом к огромным окнам. От этого дневной уличный свет играл на личине, превращая ее в дорогой блестящий фарфор.

– Нашей корпорации нужно искать новые точки приложения сил…

Великолепно откалиброванная акустика рабочего кабинета главы корпорации позволяла не повышать голос, даже находясь на противоположном конце стола. Именно благодаря ей Раймундо слышал мельчайшие нотки раздражения и злости, так старательно скрываемые его племянником.

Дражайшим и любимым племянником, без всякого сомнения или сарказма в оценках родственных связей. Но возомнившим себя взрослым мужчиной, способным отвечать за серьезные поступки, чуть раньше отведенного времени.

– Это решаю я! – Глава совета директоров корпорации «Gruppo Aggiornamento» сделал величественный жест. В воздухе остался густой дымный след от зажатой в сильных пальцах сигары. – Не забывай, кто выучил тебя всему. Вопреки воле брата, я всегда ценил тебя за гибкость ума. Но умоляю – не давай вольнодумству лишней свободы!

Сигарный дым несколько мгновений висел над поверхностью стола, а затем начал медленными тонкими струйками втекать в крохотные уловители, установленные в торцах столешницы. Высокие напольные часы – настоящий антиквариат, XIX век, лакированное дерево, шесть гонгов, Вестминстерский перезвон, – мерно отщелкивали минуту за минутой.

Раймундо прищурился, покачав сигарой в сторону неразумного родича.

– Работай, как я учил тебя много лет, и перестанем ссориться. Когда меня не станет, сможешь сам решать, в каком направлении развивать «Gruppo Aggiornamento». Но я вижу, насколько ты еще юн и горяч, и рад, что этот день наступит не скоро…

Сигара, как и любая вещь в обиходе хозяина кабинета, тоже была не из дешевых. Не кубинская или никарагуанская, ограниченный запас которых Раймундо оставил на крупные праздники и банкеты, но бразильская puro, редкая и богатая вкусом.

Глотая ароматный горячий дым, старший Гамба внимательно разглядывал племянника.

Белоснежная личина, скрывавшая левую половину лица молодого человека, почти не позволяла прочитать обуревающие того эмоции. Но все, что прятала маска, старый зубр читал на языке тела. Заметил, как напряглись плечи Витторио, как чуть сдвинулась под стул левая нога, как сжались пальцы правой руки.

По всему выходило, что малыш задумывает совершить непростительную ошибку, которую дон Раймундо совершенно не собирался ему дозволять…

Крупный седовласый мужчина во главе стола неспешно затянулся сигарой, выжидая и не двигаясь. С правой стены на верхолаза и его юного родственника величественно взирали портреты тех, кто вознес семейную фирму на вершину экономического процветания, в прямом смысле слова обратив мусор в деньги и власть…

Витторио Гамба, искоса посматривая на дядю через край фарфоровой полумаски, неспешно поднялся на ноги. Бедром отодвинул стул, заставил себя повернуться всем телом, и Раймундо увидел на его лице улыбку. Напряженную, вымученную, непростую.

Мысленно помолившись Мадонне о спасении рассудка и души своего непутевого племянника, старый, но еще крепкий медведь во главе длинного стола ждал развязки. Разговор, состоявшийся в стенах кабинета в миновавшую четверть часа, действительно был непрост. Но терять голову из-за временных трудностей на пути личного бизнеса могут только глупцы и дети…

– Прости меня за дерзость, дядюшка, – почти искренне произнес младший Гамба, виновато опуская голову. Неосознанным, полным задумчивости жестом задвинул стул на положенное место. Коротко шагнул вперед. – Я всегда любил и искренне уважал тебя, ты хорошо знаешь это. Как знал и мой отец, завидовавший нашей близости…

Витторио приблизился еще немного, протягивая Раймундо руку. Крепкую руку молодого бойца, обезображенную напалстером и оттого укутанную в великолепнейшую тончайшую кожу алых перчаток.

– Именно ты открыл мне глаза, указал верную дорогу. – Мужчина в красном деловом костюме пожал плечами с видом одумавшегося задиры. – Спорить с тобой глупо и совсем не делает мне чести. Прошу прощения…

Девять стульев, разделявших родственников, остались в прошлом. Теперь их разделяло лишь шесть. Затем пять. Покачивая головой, Витторио Гамба тяжело вздохнул и развел руки.

– Я сделаю все, как ты велишь, дядюшка Раймундо.

Когда мальчишка приблизился еще на два стула, глава совета директоров корпорации «Gruppo Aggiornamento» неторопливо отложил бразильскую сигару на специальную подложку. А затем опустил правую руку в выдвинутый ящик стола.

Его толстые пальцы, которые многие сравнивали с сардельками, а немногие несчастные – со щупальцами осьминога, – сомкнулись на рукоятке пистолета. Не новомодного «дыродела», какими завален рынок – на дорогом антикварном «кольте-1911» с позолотой на рукояти из слоновой кости. Как обычно, пистолет был взведен и снят с предохранителя.

– Стой, где стоишь, мой мальчик, – негромко и как можно мягче попросил Раймундо, заметив, как дернулась бровь племянника, не скрытая сверкающим фарфором. – Я принимаю твою благодарность и извинения. Но больше не делай ни шага. У меня тяжелая форма новой разновидности гриппа, знаешь ли.

Он даже позволил себе чуть заметно кашлянуть, а вот от улыбки сдержался. Пистолет в его огромной ладони казался крохотным и живым, пульсируя в предвкушении возможной

схватки.

– Что?.. – пробормотал Витторио, словно не поверив ушам.

– Я просто забочусь о твоем здоровье, глупый мальчишка. – Могучий верхолаз, которому уже не первый год пророчили скорую смерть от неуемного чревоугодия и сердечных хворей, ласково улыбнулся племяннику. – А теперь ступай. Еще раз спасибо, что уважил старика визитом. Возвращайся к защите корпоративных интересов. Когда я снова увижу твое рвение, бонусы будут возвращены. Обещаю…

Теперь к окаменевшим плечам родственника добавилась напряженная поясница, будто вспыльчивого мальчишку затянули в тугой корсет.

– Всего доброго, дядюшка, – предельно вежливо, но все же сквозь зубы произнес он, разворачиваясь на каблуках. – Спасибо за новый урок…

Звонко выстукивая по кабинетному паркету – настоящий дуб, конец XX века, – Витторио Гамба, любимейший из родственников Раймундо и самый перспективный из руководителей его корпорации, вышел за дверь, аккуратно притворив створки.

Проводив его взглядом и дождавшись, пока щелкнет задвижка, старик отпустил рукоять старинного пистолета. Чуть задвинул ящик стола, оставив щель, в которую способна проскользнуть ладонь, причем даже его немалых размеров. Сунул в мясистые губы тлеющую сигару, сделал несколько глубоких затяжек. Активировал встроенные в столешницу сенсорные экраны, которые пришлось погасить в момент визита.

Руководство корпорацией требовало внимания.

Постоянного внимания. Неусыпного, настороженного, словно у охотящейся рыси. А еще – таланта принимать решения, мгновенно просчитав последствия. И умения идти на риск. Переступать через трупы врагов. Разоблачать предателей. Срывать покушения. Предвидеть взлеты и падения рынков. Действовать на опережение и никогда не спать.

Всю свою жизнь Раймундо Гамба до колик в животе смеялся над теми, кто считал жизнь верхолазов легкой и безмятежной. И люто ненавидел нищебродов за лживые стереотипы, дешевую мифологию масс и искаженные завистью взгляды.

Как смеют они, презренные черви цивилизации, ничтожный плебс, считать, что богатство и власть даются легко?! Как могут полагать, что полученные от родителей богатства так просто удержать, преумножить и не растранжирить? С чего берут, что управление многотонной машиной корпорации дается легче, чем ежедневная работа офисного клерка?

Зависть – вот главный двигатель ненависти к верхолазам.

Элементарная зависть, гнойными язвами покрывшая человеческие души со времен Каина и Авеля. И вместо того, чтобы работать над собой, пробиваться вверх, ломая лед недоверия, обмана и корысти, они лишь стонут под «игом», мечтая избавить мир от сильных людей. Точнее, мечтая самим занять опустевшие троны, и даже не догадываясь, какая участь ждет их в новой роли…

Презирая нацеленную на него и ему подобных ненависть, Раймундо Гамба был готов до последнего вздоха драться за свое место под солнцем. За место, которое его родня много лет занимала в мировой экономике наперекор всему. Занимала, наперво вычистив для себя и потомков собственными руками, ободранными до кровавых мозолей. Он будет драться, и никакие Катаклизмы не изменят существующего положения дел.

Пыхтя сигарой, словно допотопный паровоз, старик оторвал взгляд от таблиц, графиков и аналитических отчетов, задумчиво уставившись на портреты основателей. С невероятно детализированных картин, украшавших стену кабинета, на него смотрели оба деда, отец, дядя и родной брат. Давно почившие люди, начинавшие бизнес с сортировки мусора, узревшие в приближающихся Нефтяных Войнах начало новой жизни и вовремя закатавшие рукава…

Когда мир нежданно разглядел дно всех разведанных месторождений черного золота, источником дохода их будущей корпорации стал именно мусор. Старательно отсортированный, разложенный на типы и виды и перепродаваемый уже существующим промышленным гигантам за баснословные деньги.

Пластмасса, резина, полимеры, битумы, синтетические масла и ряд кислот – производства этих и других материалов стали резко загибаться с ростом кризиса и началом Нефтяных Войн. И тогда свою руку помощи воротилам промышленности протянули фирмы, аналогичные совсем небольшой еще «Aggiornamento Ltd», контролировавшей каждую четвертую свалку бытовых отходов в Исламском Союзе.

Бережливость, повторная переработка и отсутствие брезгливости для сортировки отходов жизнедеятельности человека стали главнейшими принципами фирмы, за какие-то десять лет открывшей свои представительства в крупнейших Анклавах мира. Целью стали Россия, Центральная Африка и Южная Америка, в достатке получавшие игрушки цивилизации, но испокон веков безалаберно относившиеся к их утилизации.

При этом добиться впечатляющих результатов, по мнению Раймундо, его семейству позволили два качества. Первое – врожденная дальновидность. Второе – планомерный расчет,

основанный на фактах, а не на бредовых иллюзиях и фантастических прожектах.

В Ассоциацию Поставщиков Биоресурсов «GA», к тому времени ставшая могучей корпорацией, вступила значительно позже, уже при отце самого Раймундо. Финансовые потоки, державшие гиганта на плаву, позволяли обеспечить высочайший уровень безопасности и оградить от ненужного внимания таких структур, как Европол или ФБР. Щедрые отчисления другим участникам бизнеса позволили получить хорошую репутацию и грамотно войти на рынок.

А затем новое дело начало приносить доход, причем немалый, намного превысивший поступления от переработки мусора, строительства энергозаправок или мелких подрядов на разработку фортификационных укреплений вокруг Анклавов…

Сейчас, когда треснувший по швам мир кое-как пытался эти прорехи заштопать, бизнес корпорации вновь пришлось диверсифицировать. На смену торговле органами пришла торговля рабами, использованием которых не брезговали ни Анклавы, ни государства.

Безусловно, владение дешевой рабочей силой из стран третьего мира официально именовалось совершенно иначе, но сути это не меняло. Тысячи людей отправлялись в каменоломни, условия труда в которых не отличались от средневековых.

Они восстанавливали АЭС, расчищали зараженные города, демонтировали военные объекты. Шили одежду, подметали улицы, ручными помпами откачивали из канализации дерьмо и подыхали от жары на сталелитейных заводах. Старейший Гамба был убежден, что именно работорговля станет главным козырем Краеугольного Камня, когда придет время открыто объявить войну филиалам албанцев, рисоедов и Якудза…

Раймундо фыркнул, выпустив над столом длинную струю сигарного дыма. «Мир уже не испытывает нужды в Ассоциации», – с пафосом заявил его родственник с белой маской на обезображенном лице. Какая глупость! Инфантильный слепец, не отрывающий взгляда от звезд и забывший смотреть под ноги!

Гамба вздохнул, постаравшись успокоиться и не давать нервам лишней нагрузки. Виновный лишь в несдержанности, Витторио, конечно же, не мог знать о сговоре бывших менеджеров Ассоциации. О новом зарождающемся синдикате, получившем условное название Краеугольный Камень, вообще знали считаные люди на планете.

Впрочем, это ненадолго.

Гамба и его собратья уже подписали пакт об объединении четырех крупных корпораций, и совсем скоро им предстоит

официально объявить о себе на криминальном рынке такого же количества континентов. Что тогда скажет Витторио, узнав, сколько сил положил его дядя, введя группу «Возрождение» в один из углов – Камня?!

А затем, вернув былую мощь и восстановив силы, они возвратятся к прежнему делу. Всем сердцем: усталым, больным, но еще крепким, старший Гамба верил – когда цивилизация снова окрепнет, спрос на настоящие, способные стопроцентно прижиться органы снова пойдет вверх. И тогда на рынке останутся лишь те, кто верил в Камень и реинкарнацию бизнеса. В его aggiornamento, если угодно…

Пробежавшись толстыми пальцами по сенсорным панелям перед собой, Раймундо выключил мониторы, тяжело отодвигаясь от стола вместе с массивным креслом. Оно было величественным, больше напоминавшим скромный трон, но вращалось необычайно легко, позволяя в мгновение ока развернуться к посетителю высокой пуленепробиваемой спинкой.

Недавний разговор с племянником никак не шел из головы, так же, как его попытка сорвать злость на главе совета директоров. Интересно, что щенок хотел сделать? Задушить дядюшку? Выдохнуть в лицо яд из ампулы под зубом? Нанести удар отточенным краем фарфоровой наномаски?

Откинувшись на удобную ортопедическую спинку, грузный морщинистый старик продолжал курить, задумчиво глядя в высокий потолок кабинета.

Витторио еще слишком юн и самонадеян, несмотря на возраст и немалые успехи на семейном поприще. Он горяч и излишне резок, не способен вдумчиво оценить перспективы и горизонты.

Это может привести к ошибкам.

Сначала – личным.

Затем – на ниве управления бизнесом.

Словно мальчишка времен русского Гагарина, он грезит звездами и иными мирами. Мечты о полетах в далекий космос и колонизации чужих миров отвлекают его от насущных дел, мешают сосредоточиться, узреть истинную цель их все еще крепкой корпорации.

Не позволить Витторио наделать ошибок, подготовить к работе топ-менеджера в Краеугольном Камне, подтолкнуть парня в нужное русло – вот задачи старого дона Гамбы. Непростые задачи, требующие терпения, деликатности, такта и упорства.

Но он обязательно научит молодого гордеца быть таким же непоколебимым и дальновидным, как сам Раймундо. Заставит впитать его знания и хватку, как вудуистские шаманы всасывают

души поверженных противников. Вдохнет в обезображенные ожогами губы, словно горький сигарный дым.

К тому времени, когда Раймундо отправится на личную аудиенцию с Господом, под Луной останется тот, кто в точности скопирует своего наставника. Витторио такая задача по силам, в этом не было сомнений. Именно это поразительное сходство старик разглядел в парнишке еще при жизни его отца, сейчас тоже взирающего на своего брата с высокого портрета в деревянной раме.

Таким будет дар Раймундо Гамбы возрождающемуся миру, таким его и запомнят…

Но пока штурвал в руках верхолаза, он вовсе не собирается делиться им с кем бы то ни было, а потому вынужден быть жестким. Пусть даже с одним из немногих людей на планете, которых по-настоящему любит.

Не имея возможности завести собственных детей – не помогли сотни лучших врачей мира, сломавших над проблемой тысячи копий, – он любил Витторио, как родного сына. Но если родной сын тянет руку в кастрюлю с кипятком, его нужно шлепнуть по пальцам…

Сделав еще одну затяжку, старый Гамба затушил сигару в выдвижной пепельнице на краю стола. Тяжело поднялся, разминая массивную шею, хрустнул коленями. Неспешно прошелся по кабинету, рассматривая опускающийся на небоскребы Рима сентябрьский вечер. Через пуленепробиваемые витражные стеклопакеты проникали разноцветные лучи, погружая кабинет небожителя в приятный глазу полумрак.

Конечно, племянник продолжит собственные разработки.

Личных средств у него хватает, чего только стоит своевременная покупка малой толики акций «Наукома», в то время едва приступившего к строительству Станции. И это не упоминая о неофициальных, исключительно подковерных заигрываниях с москвичами, в которые его целеустремленный родич уже после Дня Станции вступил на правах представителя крупного криминального синдиката. Потому нужно полагать, что Витторио никогда не распустит группу «12 месяцев», не согласится остановить изучение своей драгоценной «плаценты».

Более того, сейчас он с новыми силами бросится дорабатывать лекарство, заставит ученых работать круглые сутки и сотнями изводить подопытный материал. Но добьется своего в рекордные сроки. И это тоже часть закалки, часть воспитания духа, не сгибаемого никакими обстоятельствами…

Раймундо остановился за стулом, на котором совсем недавно сидел племянник. Поправил его, выравнивая относительно

остальных.

Он не мог напрямую управлять личными делами будущего наследника, указывая, как эффективнее распорядиться скорым открытием вакцины. Волшебной драгоценной вакцины, способной защищать организм от смертельного прикосновения радиации. Вмешательство в бизнес Витторио привело бы к конфликту, расколу корпорации, лишней стрельбе и падению колосса.

Но старик взаправду хотел помочь мальчишке, причем так, чтобы не оскорбить его самолюбия. Сделать так, чтобы юный Гамба воспринял случившееся как дар судьбы. Как собственную прозорливость и умение в нужный момент выйти в свет софитов.

«Плаценту» необходимо придержать.

Как долго, покажет время. Но оно определенно не будет лишним, пока карманные ученые племянника не завершат последние испытания…

Но придержать. Потому что совсем скоро ее основным покупателем станет не тот, кто жаждет обрушить ядерное возмездие на Станцию «Наукома». И даже не амбициозный правитель Республики Сибирь, беззастенчиво ворующий разработки племянника и ведущий собственные изыскания. Покупателем вакцины, пусть даже недолговечной или грозящей побочными эффектами, станет весь мир!

Число аварий на объектах атомной энергетики росло с каждым кварталом. Взрывались реакторы АЭС, хранилища отходов. Взрывались танкеры, частные атомоходы и даже армейские суда, как, например, недавно вспыхнувший ракетный крейсер «Истанбул», считавшийся пропавшим со дня Катаклизма.

Случайными или преднамеренными были эти аварии, Раймундо Гамбу не интересовало. Его, прагматичного финансиста и стратега, интересовал лишь спрос, неизменно обязанный рвануться вверх, едва сетевые аналитики держав и Анклавов вспомнят о пробном аукционе, проведенном Витторио в первом полугодии.

И тогда он снова приблизит племянника, раскрыв глаза на дальновидную политику «совета директоров». А затем вакцина станет козырем, позволив возвыситься над другими членами Камня и занять главенствующее положение в обновленной Ассоциации.

И все же за мальчишкой – а Раймундо предпочитал воспринимать родственника именно в такой возрастной категории, – стоит присматривать. Потому что лишенные мечтаний и оскорбленные идеалисты имеют обыкновение сбегать из дома. И вообще выкидывать подобные коленца просто назло родне…

Вернувшись на командный пост, Гамба с едва слышным стоном опустился в кресло, извлекая из толщи столешницы панель внутреннего коммуникатора.

– Госпожу Хамасаки ко мне, – прочистив горло, распорядился он невидимому секретарю.

Ослабил ворот шелкового галстука, сверился с часами и выпил прописанное врачом лекарство – мини-бар с рядком изящных полулитровых капсул «Аквaберга» и бутылкой первоклассной граппы находился на один ящик ниже хранилища с пистолетом. Запивал прямо из стеклянного горлышка, до дна опустошив флакон, стоимость которого превышала дневную зарплату многих жителей планеты.

Секретарь отчиталась, что вызванная госпожа Хамасаки ожидает в приемной.

– Впустить, – ответил Раймундо коммуникатору, поднимаясь из кресла и готовясь к приему.

В числе людей, которых старейший Гамба любил или хотя бы симпатизировал таковым, азиатка занимала далеко не первое место. И даже не десятое. А вот среди персон, которым верхолаз доверял, за годы службы поднялась куда выше многих…

Двери в длинный кабинет распахнулись, когда через них легкой, пружинящей походкой вошла глава службы корпоративной безопасности, невысокая, но мускулистая Риоко Хамасаки, которую корпобезы предпочитали именовать коротким и емким прозвищем Лава.

Сегодня Риоко была одета в обтягивающие брюки из черного синтовела, серую форменную блузу, необычайно подходившую ее фигуре, и темно-синий пиджак. Как обычно, за узким поясом-кушаком виднелись очертания пистолетной кобуры.

Несмотря на близость пятидесятилетия, госпожа Хамасаки выглядела на тридцать. И это при том, что предпочитала поддерживать форму исключительно спортивными нагрузками и участием в силовых операциях, а не скальпелями пластиков и подкожными инъекциями…

Остановилась у дверей, церемониально низко кланяясь главе корпорации. Тот, выражая уважение, поклонился в ответ, хоть и значительно мельче. Церемонии, уходившие корнями в дремучие дебри исторического прошлого японки, иногда утомляли, но именно на них строилось доверие, которым была облечена Лава.

– Гамба-сятёу, Риоко Хамасаки явилась по вашему приказу, – отрывисто выдохнула она на итало-арабском, сквозь который пробивался лающий акцент выходца Страны восходящего солнца.

– Рад видеть тебя, Риоко-кун, – искренне улыбнулся верхолаз, специальным суффиксом переводя беседу в неформальное

русло. – Присядешь? Воды? Кофе?

– Спасибо, господин! – вежливо улыбнулась женщина в ответ, оставшись на прежнем месте. – Вы очень великодушны.

– Ну, как знаешь… – Стараясь не кряхтеть, тяжелый седовласый старик опустился на прежнее место. – Как там мой племянник?

– Двадцать минут назад господин Витторио Гамба покинул здание в охраняемом кортеже. Направляется во Фьюмичино, заказан чартер. Пункт назначения неизвестен. Мне уточнить, Гамба-сан?

– Нет-нет, не утруждай себя… У юного Витторио должны оставаться секреты, пусть и не так много, как ему бы хотелось. Хотя бы до рассвета… – Раймундо прихлопнул ладонью по гладкой столешнице из искусственного бука, переходя к сути разговора: – Об этом я и хотел с тобой переговорить, Риоко.

– Да, господин.

– Начиная с завтрашнего дня, – старательно подбирал слова верхолаз, посматривая в предвечернее небо за окном, – я хочу знать о том, чем увлечен мой племянник… чуть более подробно, чем обычно. Выдели людей из службы коммуникационной безопасности. Надежных. Пусть мягко, без лишнего давления, прощупают все подконтрольные Витторио фирмы. Попробуют отследить финансовые потоки, для начала легальные. Возьми под контроль его доверенных лиц, но опять же не привлекая внимания. А еще ежедневно изучай сеть на предмет появления слухов о новых медицинских препаратах, способных вызвать иммунитет к лучевой болезни.

Он бездумно подвигал по столу пустой граненый флакон из-под элитной питьевой воды. Наклонил, на просвет изучая сверкающие капли на дне.

– Можешь считать, Риоко-кун, что с завтрашнего дня мой племянник нуждается в опеке. О которой, как ты понимаешь, он не должен узнать.

– Будет исполнено, Гамба-сан, – с поклоном ответила Лава, тряхнув короткой челкой. – Опека без привлечения внимания. Первый доклад я предоставлю завтра вечером.

Раймундо улыбнулся, пытаясь увидеть в миндалевидных глазах Хамасаки хотя бы уголек того пожара, что полыхал вчера ночью. Не нашел – каждое утро переступая порог корпоративной крепости «Gruppo Aggiornamento», японка словно перевоплощалась, из умелой любовницы трансформируясь в боевую машину, способную лишь исполнять приказы. О чем бы ни судачили высокопоставленные каперы, связь со своим сятёу японка не выдала ни разу. Ни единой эмоцией, ни намеком. За

всю многолетнюю службу…

– Подготовь машину через полтора часа, – напоследок распорядился верхолаз, грозовой тучей нависая над торцом длинного стола. – Я хочу отправиться домой к девяти. Ты будешь лично сопровождать меня.

И когда Лава покорно поклонилась, он позволил себе едва заметную хищную усмешку.

Сегодня вечером, предварительно выпив пару волшебных пилюль, он собьет с Риоко Хамасаки деловой лоск и сдержанность, заставив молить о пощаде на ее диком, пугающем родном языке.

Бинарный код 100

Любой человек в поисках духовной опоры должен объективно и предельно четко понимать, чем инструменты достижения этой цели отличаются от ее сути.

Потерпевший крушение на необитаемом острове захочет согреть тело. Но ведь для достижения этой простой цели он не станет сам превращаться в огонь, поджигая волосы и кожу? Пользуясь кресалом, он сможет запалить дрова, оставшись согретым и живым. С помощью камня или палки сумеет сбить фрукт с дерева, не превращаясь в банан самому. Чтобы напиться, ему вовсе не обязательно тонуть в озере, сливаясь с водой.

Тепло и еда – конечные цели человека. Кресало и орудия труда – его инструменты.

Но за удовлетворением базовых потребностей и борьбой за выживание есть еще кое-что. И это – вера. В то, что на горизонте рано или поздно появится судно. В пролетающий над островом вертолет. В заброшенную армейскую станцию связи, откуда можно подать сигнал. И, так уж повелось в ходе тысячелетий – согревшись и утолив голод и жажду, человек станет молиться, чтобы приблизить чудесный миг…

О вере и сверхпотребностях души мы поговорим чуть ниже, пока же вернемся к кресалу и «раллеру». Надеюсь, мои метафоры понятны и легки. Пользуясь всемирной сетью и компьютером, можно в мгновение ока свернуть неподъемные массивы

информации. Можно получить полный доступ к банку памяти человечества, миллионам энциклопедий и справочников, можно стать всезнающим и очень умным. Но попытка самому превратиться в компьютер обречена на провал. Глупцов, возжелавших сродниться с пламенем, во все времена ждала жестокая участь заживо сгоревшей плоти.

Да, собратья. В моем представлении огниво и компьютер равны.

Это лишь бренные вещи. Физические объекты. Полноправные компоненты системы нашего общего материального мира, частью которого является любой из читающих эти строки. Пользоваться вещами и с их помощью упрочнять свое место в озвученном мире – вот удел человека. Если же мы хотим полнейшего симбиоза с микросхемой, нам предстоит искать иной путь, нежели предложенный Сорок Два.

«Шепот цифровых идолов», глава 3

Обглоданные Инцидентом Анклавы напоминали Энквисту брошенное отливом побережье. На склизких холодных камнях – только пена и океанский мусор, вонючие водоросли и невесомый плавник, насквозь изъеденный солью.

С Анклавами все было точно так же.

Только вместо глубоководных растений на прибрежной полосе после Дня Станции остались доживать свой век толпы тусклых, лишенных инициативы и надежды людишек. Вместо раздутых рыбьих тушек – человеческие трупы, старательно подчищаемые санитарными службами, но столь же регулярно появляющиеся на улицах с наступлением утра. Вместо мусорных куч – закрытые магазины, лавки и развлекательные заведения, большей частью разграбленные или наглухо замурованные. В них еще было чем поживиться, и этим не забывали пользоваться уличные банды, продолжавшие пробовать власть СБА на зубок…

Несмотря на неприглядную картину, рисуемую воображением Хуго, он любил Анклавы в любых их ипостасях. Они уже почти двадцать лет были его стихией, его кислородом и его небесами, где свобода – не просто термин, навязываемый государственными СМИ. Главное, знать правила, лазейки и грамотно оценивать возможности.

Выйдя на широкий многоуровневый бульвар Дажене, Энквист с удовольствием втянул запахи Верхнего Монреаля. Вдохнул гниль помоек, перебиваемую ароматами еды из уличных кухонь и дешевых забегаловок. Нагретый сентябрьским солнцем металл и бетон, резкий смрад въевшейся в штукатурку речной тины, дух немытых тел и давно не стиранной одежды местных жителей.

Он знал правила и объективно оценивал свои возможности, наполнив каждый шаг аурой силы и безапелляционной ответной жестокостью. А потому косившиеся на незнакомца обитатели нижних уровней уже через пару секунд отводили глаза, даже не помышляя о дурном.

Когда-то бульвар был многолюден и забит машинами. Сотни… нет, даже тысячи мобилей проносились по нему в разные стороны, грациозно скользя по шестиполосной проезжей части и наполняя воздух шуршанием шин. Сегодня все движение ограничивалось велосипедами, впряженными в магазинные тележки пешеходами да редким броневиком СБА, заезжавшим в Фабрвиль собирать мзду с мелких уголовников.

Причиной затхлости района была, как и в яркой метафоре шведа, именно вода. Беспощадная во все времена и окончательно спятившая четыре августа назад. Две с половиной сотни метров горы Мон Руаяль хоть и спасли Анклав от разрушения, позволив избежать участи Сингапура, но совсем от наводнения не уберегли.

Поглотив улицы, вода не один день властвовала среди многоэтажек, поднявшись до уровня десятых-двенадцатых этажей. Затем рукавам Оттавы и реки Святого Лаврентия надоело буйствовать, и волны ретировались, усыпав асфальт пухнущими трупами и выметенным из квартир хламом. Ретировались, тем не менее оставив на стенах и мостовых опорах памятные отметины, хорошо различимые со второго и третьего уровней магистрали.

С тех пор перекрашенный стихией Фабрвиль расслоился окончательно.

На его дне стали селиться беглецы от закона, потерявшие жилье и работу, выброшенные с корпоративных заводов работяги, тритоны и прочая шваль. С каждым днем пополняя свои ряды и столь же рьяно прорежая их вечерними поножовщинами, они превратились в настоящую армию чернорабочих, восстанавливающих Монреаль.

Корпорации, в большинстве своем побрезговавшие вывозить из небезопасных территорий попорченное наводнением оборудование, с таким ходом вещей смирились, поставив на северо-западных секторах Анклава клеймо гетто, подобного родине Жицкого в Старой Варшаве. Каждое утро они присылали в Фабрвиль колонну грузовиков под прикрытием бронетехники СБА, набирая батальоны поденщиков, дешевых и зачастую одноразовых. Ответной милостью небожителей были нищенские зарплаты и пищевые пайки, раз в двое суток бесплатно раздаваемые толпе. Потому что если дойный скот не кормить, он просто вымрет…

Хуго неспешно вышагивал по краю проспекта, посматривая на часы в уголке глазного наноэкрана, и любовался обступившими Дажене высотками. В большинстве своем лишившиеся окон, те пялились на людей сотнями темных оконных провалов, то здесь, то там затянутых полупрозрачной пленкой или заколоченных листами фанеры.

Жилье тут не стоило ничего. Совершенно.

Пропахшие рекой квартиры пустовали, и любой желающий мог заполучить личные апартаменты, если не боялся провонять сам. И если, конечно же, изучил правила, позволяющие не попасть под скальпель торговца органами, вовремя укрыться от рейда безов или избежать наркоманской западни в подворотне. Вообще, несмотря на неприглядность, этому району Анклава повезло больше иных «внутренних» островов, вроде Бизара или Перро, по улицам которых вот уже четыре года разгуливали раки…

Отмахнувшись от зазывалы, Энквист обогнул ржавый фургон грузового мобиля, давно лишившегося колес и установленного на стопки кирпичей. В нем торговали жареной рыбой на вертелах, улыбчиво и навязчиво предлагая натуральную, но дешевую жратву всем встречным. О том, сколько радионуклидов содержит добыча, здесь предпочитали не думать…

Светловолосый чужак в легкой куртке с капюшоном миновал водоноса, о чем-то спорящего со старьевщиком на грузовом трехколесном велосипеде. Там, где живут люди, появляется и своя инфраструктура. Именно поэтому, когда несколько лет назад Фабрвиль начал активно заселяться, на его пропахших водорослями улочках стали зреть дешевые рюмочные, притоны, публичные дома и лавки торговцев едой. Хуго не знал, в зону влияния какого бандитского клана входит населенное поденщиками гетто, но был уверен, что в этом вопросе криминал и СБА наверняка достигли компромисса.

Завершив обход, Энквист вернулся в переулок, откуда был

расчищен лаз к необжитому подъезду. Осмотрелся напоследок, юркнул за бетонную плиту, практически замуровавшую вход в дом. Если бы не имплантаты Бакли, для проникновения в многоэтажку пришлось бы использовать подъемный кран…

Прислушавшись к крысиному писку – единственному источнику звука на всей лестничной площадке, – Хуго поднялся на второй этаж. Осмотрелся. Занимая наблюдательный пункт, и он сам, и ирландец немало натоптали в скопившейся пыли, но свежих посторонних следов видно не было. Встав сбоку от квартирной двери, Энквист негромко позвал Гордона по имени.

Послышался звук отодвигаемого импровизированного засова.

Затем дверь застонала, подалась назад и отодвинулась в сторону. Давно сбитую с петель мародерами, Бакли просто прислонял ее к дверной коробке изнутри, припирая увесистой тумбой. Хуго просочился в образовавшуюся щель, и здоровяк задвинул створку на место.

– Новости? – осведомился Энквист.

– Бригелла на месте, клиента нет, – отрапортовал Гордон, баррикадируя дверь. Несмотря на жару – пусть и менее утомительную, чем в Тегеране, – здоровяк был затянут в пуленепробиваемую майку и разгрузочный жилет. – Назанин на позиции. Пока все спокойно.

– Отлично. – Хуго деловито кивнул, подходя к пустому оконному проему и выглядывая в него так, чтобы не быть замеченным снаружи. – На улицах тихо, ничего подозрительного.

– Вот и славно, – пробасил ирландец, усаживаясь на шаткий табурет и придвигаясь к аппаратуре. – Люблю, когда по плану…

Да, они все любили разработанные командиром сценарии.

Некоторые лидеры влекут харизмой. Несгибаемым духом, сбивающей с ног энергетикой, заразительной решимостью и верой в победу. Иные притягивают последователей удачливостью, невероятность которой можно объяснить лишь мистикой. Звериным чутьем, наплевательством на собственную шкуру и скоростью напора.

Но есть и те, кто берет ответственность за жизни других людей, опираясь исключительно на глубину расчета и старательное планирование. На стратегию, от успешности которой зависит не только исход затеянного, но и сохранность и благополучие подчиненных.

За одиннадцать лет совместной работы на известную корпорацию люди Энквиста имели возможность убедиться, что их командир принадлежит к третьему классу лидеров. Хуго не был рыцарем, возглавляющим таранный удар клина. Не был и кабинетным червем, отсиживающимся за сотни миль от мест

проведения миссий. Но его умение тщательно вымерить риски, на которые идет группа, в глазах остальных делали шведа едва ли не провидцем.

И пусть идеальных планов не бывает даже в мифах, а характер работы людей Энквиста предполагал и многочисленные ранения, и возможную смерть – что пять лет назад подтвердила нелепая гибель Артура Севастьянова, – в чистый разум своего вожака «горностаи» верили безоговорочно.

Хуго же, анализируя новое задание, платил ответной заботой, стараясь в любом деле опираться на комбинации минимального риска. И всегда ставил единственное условие – если хозяин хотел лобового штурма поставленных задач, он нанимал рядовых «пушечных» dd, чья организация снова поднимала голову по всему миру…

Портативный компьютер и усилитель сигнала стояли на грязном, лишившемся двух ножек столике, для устойчивости опертом на подоконник. Там же разместились термос, «дыродел» Бакли, а также черная пластина коммуникатора.

Швед обошел стол, заглядывая в экран.

Изображение передавалось с уровня груди, сейчас почти целиком занимаемое барной стойкой. Чуть правее виднелась кружка с мутным, будто песчаная взвесь, пивом. Несмотря на ужасающий вид напитка, Бригелла выцедил больше половины, при этом Энквист догадывался, что сия порция не была первой. Специальные железы, имплантированные Кодо почти девять лет назад, позволяли по приказу «балалайки» сжечь весь излишний этанол в организме за считаные секунды. Потому самурай бесстрашно пил любую бурду, честно вживаясь в положенный образ. Ему же подчиняясь, старался не сорить деньгами, заказывая лишь самое дешевое пойло…

Хуго удовлетворенно кивнул, отдавая молчаливую дань тонкостям перевоплощения Шигеру и его искусству общения с кабацкой публикой. Сконцентрировался на часах.

Клиент задерживался на три минуты. Вероятнее всего, проверял подступы, выискивая подвох.

Блондин подошел к окну, украдкой выглянул.

Так и есть. Перед баром «Добрая привычка» на противоположной стороне улицы от их с Бакли наблюдательного поста крутился мужчина. Высокий, плечистый. Одет он был в просторную цветастую рубаху, под которой легко прячется ручное оружие, и в шорты. По его выправке с первого взгляда становилось заметно, что за спиной у клиента армия или военная служба на верхолазов, но это Энквист знал и из досье.

Докуривая, бывший вояка вдумчиво изучал темные окна

многоэтажки напротив, барахольные лавки на первых этажах, торговые палатки вдоль улицы и группки бездельников, сегодня оставшихся без найма.

Энвер Алия, когда-то работавший в СБА Монреаля, был выходцем из Великой Албании, и его колоритная внешность резко выделялась на фоне низкорослых местных. Бывшего беза в районе хорошо знали, о чем свидетельствовал круг отчуждения, образовавшийся перед входом в бар.

Не усмотрев ничего подозрительного, Алия вошел в «Привычку», заставив картинку на экране компьютера дернуться. Бригелла, заметив нового посетителя, отлепился от стойки, направившись навстречу. Над барной стойкой вспышкой мелькнуло яркое объявление, написанное от руки на сером куске картона.

«Горностай» развернулся довольно резко, едва поймав плакат в объектив, но Энквист все же успел зацепиться за вывеску взглядом, прочитав: «Доставим на Станцию. Оформляем документы, гарантируем прохождение медицинского осмотра и билет на колонизационное судно. Недорого, гарантированно, конфиденциально». Ниже был накорябан номер коммуникатора, по которому – швед был в этом уверен – стабильно звонили, причем едва ли не ежедневно…

– Мистер Алия? – Крохотные динамики воспроизвели голос Кодо. – Добрый день. Спасибо, что уделили мне время.

Через экран протянулась рука Шигеру, мужчины обменялись рукопожатием. Съемка велась через пуговицу-передатчик на рубашке, самым примитивным и устаревшим способом, в последние годы обретавшим новую волну популярности.

– Рад быть полезен. – У Энвера оказался хриплый, чуть рокочущий голос.

Осмотревшись, экс-без указал на пустующий столик в дальнем углу зала. Место было выбрано довольно грамотно – спиной к стене, поближе к черному ходу, подальше от ростовых витрин бара. Шигеру, забрав со стойки недопитую кружку, покорно направился следом.

Пока усаживались, изображение на экране скакало. Воспользовавшись этой кратковременной заминкой, за аппаратуру опустился Энквист, уступив Гордону пост у окна. От внимательного шведа не укрылось, что первым жест доброй воли проделал именно албанец – демонстративно вынул «балалайку», выкладывая на стол. Кодо повторил процедуру.

Какое-то время мужчины общались о погоде. О ценах на питьевую воду, что росли в любом Анклаве мира, о частых продовольственных бунтах и недопустимости поблажек для

обезумевшей швали. Заказав огромный стакан ледяного сока, Энвер определенно дожидался, пока принимавший заказ бармен – водянисто-ожиревший поднебесник с черными ниточками усов вокруг рта – оставит их в покое.

– Итак?

Взгляд бывшего беза был направлен выше камеры. Он смотрел Шигеру в лицо, пытаясь высмотреть на нем неискренность, коварство или иной подвох.

– Мистер Алия. – Без предисловий, что соответствовало плану, перешел к делу «персонаж» Бригеллы, выкладывая на исцарапанный стол прямоугольник визитной карточки. – Как я и сообщал в прошлом разговоре, мне выпала честь представлять в Монреале частное оборонное агентство «Горностай». Возможно, вы слышали о нас в сети?

Энвер отрицательно покачал головой.

Однако, почти уткнувшийся носом в экран, Хуго рассмотрел в глазах албанца проблеск понимания. Без всегда остается безом, даже никудышный, отставной и занявшийся сомнительным бизнесом. Было очевидно – Алия наводил справки.

– Тогда я просто обязан упомянуть, что мы держимся в топ-10 самых профессиональных и эффективных структур планеты, – продолжал бесхитростно расхваливать «Горностая» Кодо, прихлебывая дерьмовое пиво. – Частных, разумеется. В сферу нашей деятельности входит оказание консультационных услуг государственным институтам, решившимся на реорганизацию полиции или национальной гвардии. Также наши услуги предполагают отладку систем информационной безопасности, строительство оборонительных сооружений и обучение личного состава. Иногда, за отдельную плату, мы усиливаем местные части поддержания правопорядка собственными силовыми подразделениями. Как вы можете понять, «горностаи» не являются dark dogs в прямом смысле этого слова, однако…

– Я осведомлен о деятельности частных оборонных агентств. – Движением открытой ладони прервал его Энвер, почти перестав мигать. – Добрая половина безов мира вступила в такие конторы. Подобные предложения в свое время поступали и мне. Я отказался. Чего хотите вы?

– Мистер Алия! – Бригелла доброжелательно улыбнулся. – В наши планы вовсе не входило привлекать вас в «Горностай» на постоянную службу. Однако ваши навыки беза все еще могут сослужить нашей фирме добрую службу.

Лесть угодила в цель.

Во времена до Дня Станции сидящий перед Шигеру мужчина был одной из самых мелких сошек, когда-либо работавших в

структуре Моратти. Шестеркой, живым мясом, тупорылым боевиком, все способности которого заключались в умении выполнять приказы, охранять, сопровождать, драться и стрелять. Однако пиетет, с которым представитель заокеанского «Горностая» обращался к экс-безу, заставлял того почувствовать себя как минимум начальником оперативного отдела.

– Я уже несколько лет не работаю на монреальскую СБА, мистер Кодо, – подчеркнуто сухо ответил албанец, делая большой глоток сока, но не отводя взгляда. – Сейчас у меня личный бизнес… иного рода.

– О, в неспокойных реалиях современного мира важна каждая крупица знаний, спасенная из горнила Инцидента, – как ни в чем не бывало заверил его Бригелла, доверительно понижая голос. – Вы, конечно, знаете, что действующим сотрудникам службы безопасности Анклавов запрещено оказывать услуги личного характера? Оттого находка свободного специалиста вашего уровня – большая удача!

Замолчав, Шигеру с сожалением заглянул в опустевшую кружку. Понуро сунулся в бумажник, неохотно выуживая мятую купюру, подозвал жирного бармена.

Далеко не впервые он с успехом играл роль второсортного менеджера, посланного боссами агентства для вербовки нового консультанта. Вербовщика, результаты работы которого никак не сказываются на доходах. Маленького человека, любую командировку рассматривавшего как шанс накачаться местным самогоном и посетить пару экзотических борделей.

– Однако я уверен, что ваши знания, накопленные во время службы в СБА, принесут нам обоюдную выгоду! – Китаец выставил перед объективом полную кружку с тончайшим слоем пены, и Кодо радостно потер ладони. Затем виновато спохватился, возвращаясь к разговору: – Мы щедро платим наемным специалистам за проведение мастер-классов и ускоренных курсов обучения, мистер Алия! Очень щедро!

Глаза беза вспыхнули, однако на его мясистом лице Энквист все еще читал недоверие. Заговорив почти шепотом, Шигеру озвучил условия работы и сумму. Албанец скрыл удивление за глотком сока.

А уже в следующее мгновение Хуго понял, что просчитался – жадность и тщеславие Энвера Алии были действительно безграничны. Однако врожденная осторожность все же имела над ними тотальный контроль.

– Кто ты такой? – спокойно осведомился бывший без, отставляя стакан и расстегивая рубаху, под которой вправду обнаружился вороненый «дыродел» в наплечной кобуре. – И что

тебе на самом деле от меня нужно? Если тебя послал Гвоздодер, то…

Бригелла ухватил перемену настроения собеседника моментально, командиру группы даже не пришлось выходить с подчиненным на связь. Выпрямившись и сиюминутно избавляясь от образа понурого выпивохи-менеджера, он предупредительно и аккуратно покачал указательным пальцем правой руки.

– Не нужно делать глупостей, мистер Алия. – Лицедей говорил тихо и проникновенно, в этом искусстве опережая самого Энквиста. – Пусть не все, сказанное мной до этой минуты, было правдой, но я действительно нуждаюсь в ваших услугах. Вы получите треть от суммы, озвученной ранее.

Гордон шагнул к двери квартиры-убежища, но Хуго решительно помотал головой, не отрываясь от трансляции. Один на один Бригелла был способен постоять за себя не только против вооруженного пистолетом беза…

– И чего же ты хочешь? – Тот прищурился.

Наметанным взглядом осмотрел посетителей бара, выискивая среди них потенциальных союзников «вербовщика».

– Информация, – все тем же вкрадчивым тоном ответил Кодо. – За которую вам будет щедро заплачено. После чего мы расстанемся навеки, а о нашем разговоре никто не узнает.

– Вот как? – Убедившись, что остальные выпивохи не имеют к менеджеру «Горностая» никакого отношения, Энвер осмелел. – Заманчиво. Настолько же, как снести твою башку и преспокойно убраться восвояси… Убежден, что завсегдатаи «Привычки» охотно подтвердят безам, что я оборонялся.

– Искренне не советую.

Кодо держал руки на столе перед собой, совершенно ровно, неподвижно, и даже не сделал попытки отстраниться, когда бывший без потянулся к оружию. Вероятно, так вели себя достойнейшие самураи древности, неустрашимые ни перед врагом, ни перед ритуальным самоубийством.

– Я предлагаю честную сделку, – произнес Бригелла, сопроводив сказанное коротким кивком. – Если же вы хотите темнить, мистер Алия, то и мне придется прибегнуть к тузу в рукаве.

Поерзав, Энвер сглотнул комок, и Хуго разглядел блестящую струйку пота, сбежавшую по шее албанца. Спокойствие собеседника всегда внушает «шестеркам» страх. И плевать, если должность вооруженного раба осталась в прошлом – дрянные инстинкты живут вечно. Спокойным, полным уверенности голосом может говорить только хозяин положения, любой пес с рождения носит эту информацию в своем генном коде…

Если сейчас Алия начнет пальбу, то лишь по одной причине – теперь он откровенно боялся Кодо. Однако Энквист был уверен, что его человек не намерен перегибать палку.

– Что за туз? – прошипел албанец, с раздражением зыркнув на прошедшего мимо шарообразного китайца с грязной посудой в руках.

– Ваш бизнес, мистер Алия. Ваш маленький и не совсем чистый бизнес по продаже детских органов в престижные больницы Старого Сити.

– Ха! – Энвер победно оскалился, предвкушая, что наивный «вербовщик» почти загнан в тупик. – Думаешь, в местной СБА не знают? Полагал, у меня не осталось старых друзей-безов, с которыми не жалко поделиться?

– Конечно, не жалко, мистер Алия, – послушно согласился Шигеру, снова склонив голову так, что на дисплее у командира мелькнул гладко выбритый подбородок. – Но ваши «друзья» будут неприятно удивлены, узнав истинные объемы поставок и сравнив их с отчисляемым процентом.

Мужчина в кадре побледнел, но к пистолету тянуться перестал.

Обмяк, как-то разом постарев. Ополовинил запотевший стакан, к которому почти не притронулся во время разговора. Вынул из нагрудного кармана сигаретную пачку, отнюдь не с первой попытки выцарапав из нее бледно-желтую палочку без фильтра.

– Да кто ты такой? – с презрением, за которым прятался страх, повторил он.

Вместо ответа Бригелла указательным пальцем придавил к столу визитную карточку, передвигая ее собеседнику. И Хуго был готов сделать ставку, что пронзительный взгляд «вербовщика» сейчас накрепко ухватил клиента за самую душу.

– Мне точно заплатят, если я поделюсь информацией? – сдался Энвер, так безжалостно прикусив кончик сигареты, что на грудь посыпались табачные крошки.

Шигеру Кодо не шелохнулся, считая лишним тратить слова или жесты на подтверждение очевидного.

– Черт с вами… Что вы хотите знать?

Энквист облегченно выдохнул.

Вопрос, только что слетевший с губ албанца, означал полную победу в переговорах.

Конечно, иногда опытный дипломат использует такую уловку, чтобы заманить оппонента в ловушку и затуманить рассудок, но Алия на опытного дипломата не походил. Он походил на того, кем всю жизнь и являлся, – на мелкого бандита,

живодера и отморозка, которому Хуго был бы рад собственноручно выпустить кишки. Безусловно, если бы это входило в задачи миссии…

Словно позволяя командиру насладиться моментом перелома, Кодо не спешил задавать новые вопросы. Аккуратно, будто взведенную бомбу, отодвинул в сторону недопитое пиво. Чуть подался вперед, услужливо протягивая зажигалку.

– Я хочу, чтобы вы вспомнили свою работу на СБА, мистер Алия. Четыре года назад, незадолго до Инцидента. – Щелчок, над пальцами Бригеллы пляшет подвижный язычок пламени. – Хочу, чтобы вспомнили территорию района Кот-Де-Перрон, где тритоны Сорок Два содержали несколько подпольных лаб. Ваше подразделение было приписано именно к этому участку Анклава, вспоминаете?

Нахмурившись, Энвер скосил глаза, прикуривая недоверчиво, будто от подожженной тротиловой шашки. Сбросил пепел на пол, повертел в пальцах выключенную «балалайку», легко постучал ею по столешнице.

Он и правда вспоминал, хоть и с очевидной неохотой, эту информацию Энквисту выдавала мимика албанца. Через какое-то время тот пожал плечами, кивком подтверждая сказанное Бригеллой. На корпоративной службе Энвер Алия не отличался ни сообразительностью, ни карьерным рвением, и сейчас по его лицу было заметно, что мысленный экскурс в прошлое не принес радости.

– Было такое, ага… – Он застегнул рубашку, с подозрением покосившись на неохватного бармена, в очередной раз прошедшего мимо их стола в подсобные помещения. – Весной перед Инцидентом вообще много чудного творилось, за всем углядеть не успевали…

– СБА присматривало за лабами Сорок Два, и вам это известно лучше, чем мне, мистер Алия, – подкорректировал направление его мыслей Шигеру. – Вы догадывались о том, какая работа ведется в подпольных цехах, но намеренно не трогали нейкистов. Может, самое большее, пощипывали по взяткам, я прав?

О том, что былая неприкосновенность тритонов – распоряжение самого президента Николаса Моратти, бывшей безовской «шестерке» знать было совсем не обязательно. Равно как и о тотальном контроле, который шеф СБА пытался установить над организацией кровожадного Пророка, пока все не стало слишком плохо.

Об истинном положении вещей вообще были проинформированы предельно немногие, и откуда Человек

В Маске раздобыл такого рода сведения, взрывоопасные, как чистый нитроглицерин, Энквист мог только гадать… Впрочем – меньше знаешь, крепче сон. Это правило работало уже не первое тысячелетие, вне зависимости от того, кинжалом человек творил свои злодейства или разогнанным «раллером».

Как бы то ни было, расчет Хуго оказался верен.

Несколько лет назад безы всех Анклавов мира, пусть даже не посвященные в тонкости политических интриг, опекали подпольные точки по производству «поплавков». Вероятнее всего, в число «крышуемых» электролаб попадали и те, на которых работали Сабад аль-Тани и его коллеги по проекту «Кромлех». Оставалось взять за жабры одного из безов, уже не скованного узами договоров о неразглашении и прочих протоколов. Затем найти подход, точку приложения сил, и вот уже Энвер Алия что-то сбивчиво рассказывает Бригелле, не поднимая глаз.

– Ничего особенного мы не делали, – продолжил албанец, уронив на пол столбик пепла. – Не подпускали к бритоголовым поднебесников, вычищали с окрестных улиц заблудшую шваль. А главное, не лезли на территорию лаб сами. Приказы не обсуждаются, мистер Кодо, ты в курсе.

– А ты в курсе, что собирали граверы?

– Откуда? Говорю же, мы держали публику на отдалении, но и сами носа не совали.

Казалось, заданная Шигеру тема несколько расслабила кучерявого.

Вероятно, он опасался, что «вербовщик» «Горностая» примется копаться в его самом грязном белье или потребует сдать кого-то из коллег, перепачкавших руки, но все еще способных этими руками удушить. А тот неожиданно взялся задавать самые безобидные вопросы, выспрашивая даже не про самого Алию, а про его нудную работу – патрулирование улиц. Ну, прикрывали безы несколько подпольных лаб, дальше-то что? Сейчас до подобной ерунды вообще никому дела нет!

– Точно знаю: все, что было собрано в Кот-Де-Перроне, почти сразу покидало пределы Анклава, – невольно потеряв осторожность, поделился Энвер, туша сигарету о торец столешницы. – Парни из Нового Порта, вот кто перехватывал прикрытие над нейкистами, когда те заканчивали новую партию. Уходило все, если верить слухам, в Европу.

Удовлетворенный Хуго шепотом распорядился завершать переговоры. Миниатюрный передатчик в правом ухе Кодо доставил приказ по назначению, и тот вынул из кармана штанов коммуникатор.

– А теперь, мистер Алия, последняя просьба. – Бригелла

включил навигационную программу, протягивая комм собеседнику. – Отметьте на карте Анклава места, где располагались патронируемые вами электролабы и другие цеха. После этого я исчезну из вашей жизни, а деньги будут переведены на любой из указанных счетов.

Албанец открыл было рот, чтобы продиктовать номер счета, но выражение лица Шигеру Кодо дало понять экс-безу, что «вербовщику» давно известна не только банковская история мистера Алии, но и многое-многое другое. Поджав губы, Энвер обнажил стилус, принявшись помечать маркерами карту района Кот-Де-Перрон, развернутую на сенсорном экране.

– Что там находится сейчас? – задал еще один вопрос Кодо, наблюдая за россыпью отметок.

– Да ничего, – хмуро ответил носатый, не отрываясь от рисования. – Пустые районы, почти все на консервации. Говорят, верхолазы насмотрелись на Фабрвиль, за считаные месяцы заселившийся отребьем. Чтобы не допустить такого же на производственных территориях, специальные людишки распускают слухи, что в лабах Кот-Де-Перрона собирали реакторы для европейских АЭС. А еще, что там находились секретные заводы Мутабор. Этого хватает, желающих проверять нет… Думаю, когда местные боссы подкопят жирка, заводы будут восстановлены.

Он вернул коммуникатор Бригелле.

Тот приподнял его так, чтобы экран попадал в объектив скрытой камеры, и сидящий через дорогу от «Привычки» Энквист насчитал девять маркеров. Кучно, но много. Швед недовольно вздохнул, побарабанив пальцами по краю стола.

– А теперь мы расстанемся, мистер Алия. – Шигеру отодвинулся на стуле, забирая свою «балалайку» и вставляя ее в затылок. – Настоятельно рекомендую вам выпить еще сока, причем не спеша.

Он встал, нависая над бывшим безом и позволяя Хуго рассмотреть того сверху вниз.

– Когда вернетесь в районы с действующей сетью, – негромко продолжал Бригелла, – сможете убедиться, что деньги перечислены. Излишне напоминать, что об этом разговоре не должен знать никто, в особенности – ваши бывшие коллеги. С этого дня рекомендую помнить, что на случай вашей болтливости у нас припасен козырь в виде полного банка данных некой «черной» бухгалтерии. Любопытные цифры, надо заметить…

И не успел албанец что-либо ответить липовому вербовщику частного оборонного агентства, как тот вышел из «Доброй привычки», умудрившись не хлопнуть старой разболтанной

дверью.

Через дорогу от бара, в заброшенной квартире на втором этаже многоступенчатого жилого дома, Энквист и Бакли быстро, но без суеты, сворачивали оборудование. Затем здоровяк разблокировал вход, и мужчины бесшумно спустились по рассыпающейся на куски лестнице. Через лаз между стеной подъезда и упавшей с крыши бетонной плитой выбрались в переулок. После чего Гордон навалился на глыбу, с натугой придвигая ее на прежнее место.

Хуго взглянул на часы. Шигеру наверняка уже находился в точке выхода, даже если учесть страховочные петляния по району. Улыбкой чествуя безупречно сработавший план, швед удобнее забросил сумку с усилителем сигнала на плечо и беззаботно зашагал на восток, к выездам из Фабрвиля…

Бригелла, как и предполагалось, уже добрался до фургона, оставленного на самых границах корпоративных территорий, где функционировала сеть. Лицедей хотел подремать, дожидаясь остальных членов группы в раскаленном нутре мобиля, но даже не успел толком умоститься на пластиковой лавке вдоль борта. Назанин, слушая музыку и обмахиваясь бумажным веером, полулежала на откинутом водительском сиденье.

Осмотрев оживленную улицу цепким взглядом, первым в темно-синюю машину командир пропустил Гордона. Нырнул следом, закрывая боковую дверь, расчехлил компьютер.

– Как прошло? – лениво поинтересовалась девушка, хотя результат операции ей, конечно, уже был известен.

– Хорошо. – Скупость Энквиста была вызвана его задумчивой сосредоточенностью. – Кодо, ты связался с Неврозом?

– Так точно, босс. – Бригелла сделал большой глоток воды из пластиковой бутылки. Протянул Хуго, но тот помотал головой, и питье перекочевало в лапу Бакли. – Уверен, что наш умник уже заканчивает анализ и вот-вот сбросит готовые данные…

Кодо пророчествовал. Вернее, слишком хорошо знал отрядного машиниста, чтобы угадать, как скоро Жицкий справится с поставленной задачей. Через минуту на зашифрованный коммуникатор Энквиста пришло подробное досье на все девять объектов, обозначенных албанцем.

Подключив коммуникатор к компьютеру, швед развернул экран так, чтобы было видно всем. Внимания к припаркованному мобилю могли не опасаться, все документы были оформлены официально. Да и вообще СБА к деятельности частных консультантов относилась с брезгливым презрением, предпочитая не замечать и ни во что не ставить.

Скучковавшись за спиной Хуго, группа принялась читать

подготовленные Неврозом данные. Три объекта, чего можно было ожидать, оказались расположены на корпоративных территориях с ограниченным доступом. Это означало высокие заборы с «колючкой» поверху, глухие дворы замкнутых в глухой периметр зданий, бетонные стены и блокпосты. То есть даже сейчас, когда инфраструктуры Анклавов едва начинали восстанавливаться, проникнуть туда без спецдоступа было невозможно. Точнее, очень сложно.

Еще два объекта, отмеченные Алией, перестали существовать в День Станции. На месте одного из них уже возводили новый промышленный блок в двадцать этажей ростом. Второй до сих пор лежал в руинах, дожидаясь своего часа.

Анализ оставшихся маркеров показал, что до Инцидента бывшие электролабы прятались в подвалах корпоративных производственных центров, сейчас в равной степени пустующих. Набросав примерный маршрут изучения всех четырех целей, Даниэль сообщал, что ждет группу на съемной квартире для разработки дальнейшего плана.

Однако Хуго не спешил возвращаться в дом на окраине эль-Рапида.

Судя по прощальному взгляду Энвера Алии, тот хорошо понимал, за какую именно часть тела его прихватили наглецы из «Горностая». Но противник, особенно слабый и трусливый, горазд выделывать фортеля, не укладывающиеся в логику разумного воина. И если албанец взбрыкнет, то через день – когда Хуго и его люди пойдут исследовать цеха граверов – их может ждать засада.

Не факт, что это будет сама СБА. Но стаю обдолбанных отморозков Алия нанять вполне мог. Просто для того, чтобы снова почувствовать себя крутым мужиком, не терпящим давления…

– Осмотрим цеха сегодня, – негромко объявил Энквист, потирая подбородок. – Шигеру, свяжись с Даниэлем, пусть собирается. Подберем его через четверть часа и двинем вот сюда. – Палец командира уперся в карту на экране. – Затем так и вот так. Если сработаем быстро, организованного сопротивления можно не ожидать.

Бакли догадался, что последняя фраза предназначалась ему – так швед намекал, что они не станут заезжать за тяжелой артиллерией. Впрочем, для организации уличного побоища хватило бы и хранящегося в фургоне арсенала…

Шигеру забрал у шефа коммуникатор, вызвал машиниста. Назанин, вернувшись за руль и подняв спинку сиденья, завела мотор. Мобиль покатил на восток, где группа во время текущей операции снимала недорогое, но качественное и легальное жилье.

Когда Фарахани подъезжала к нужной высотке, эффектно впившейся в склон эль-Рапида среди себе подобных, машинист уже ждал на улице. Мелко переминался с ноги на ногу, грызя ногти и стараясь как можно глубже натянуть капюшон. В людных местах боец Цифры чувствовал себя не очень комфортно, открытым пространствам предпочитая тесные помещения. А потому запрыгнул в машину, едва Гордон приоткрыл ему дверь.

Невроз уселся напротив Хуго, зажавшись между Шигеру и ирландцем. С сомнением покосился на две компактные «дрели», ход затворов и общее состояние которых проверяли коллеги. Вынул «раллер», установил на коленях, открыл.

– Район контролируется системой камер наблюдения, – отчитался машинист, куснув кончик пальца. – Войти в сеть Анклава лихим наскоком я, конечно, не смогу. Но глухануть камеры при въезде в нужный район вполне реально.

– Этого будет достаточно, – кивнул Энквист. – Что по анализу?

– Вероятность встречи с патрулем СБА составляет 6,5 %, – охотно отреагировал Жицкий. Изучить экосистему Кот-Де-Перрона он успел еще до встречи с албанцем. – Высок риск столкновения с мелкими группами трофейщиков, но, судя по имеющимся данным, они не представляют серьезной угрозы. В трехстах метрах от объекта № 3 ведется монтаж ветряков, так что машину предлагаю оставить на подходах. Въезд в район рекомендую отсюда…

– Спасибо, Даниэль, скорректируй маршрут для Назанин.

Хуго закурил, задумчиво уставившись в качающийся пол фургона. Доступ оставался открыт в 57 % уцелевших лаб, указанных Алией. Неплохие шансы хоть что-то обнаружить, но и не самые великолепные.

Какова вероятность, что группа найдет в одной из мастерских новую зацепку за прошлое «Кромлеха»? Один к четырем, 25 %? Такие шансы объективны, если в исходных данных уравнения заложено, что в одной из четырех шкатулок действительно хранится конфетка. Если же лабы подчищены…

Не спеша унывать, особенные надежды швед возлагал на запечатанные цеха, пережившие нашествие мародеров. Если же Фортуна будет окончательно немилосердна, ему предстоит разработать план проникновения на корпоративные территории, чтобы проверить три оставшиеся точки…

Первая лаба оказалась пуста, как вылизанная кошкой миска. Вошли по отработанной схеме, совершенно не представляя, чего ожидать внизу. Вооруженные «дрелями» Бакли и Кодо наступали, Хуго прикрывал, замыкала Фарахани. Черная блестящая ткань

бронежилетов, по приказу Энквиста надетых всеми членами отряда, в свете ручных эспандерных фонарей мерцала полированным обсидианом.

Проверив все шесть помещений подвальной лабы и не обнаружив посторонних, собрались в главном зале, скрестив лучи на полу. Темные своды давили на головы, облепивший мрак казался плотным и враждебным. Озвучивать очевидное не спешил никто, все было ясно без слов.

Электролабу вывезли, причем подчистую, забрав даже мебель, провода, распределительные щитки и осветительные приборы. Если же что-то оставалось, после Дня Станции этим поживились жители Анклава – массивная дверь, ведущая в производственный бункер, была гостеприимно распахнута так давно, что ее петли намертво проржавели.

С тех пор в подвале кто-то селился, об этом свидетельствовали лежаки в одной из комнат. При этом вряд ли надолго – отсутствие окон и низкие своды подстегивали как можно скорее убраться наружу.

Опустившись на корточки, Энквист изучил многочисленные источники питания, когда-то дававшие жизнь установленным повсюду приборам. Прошелся вдоль усеянных дюбелями стен, на которых до эвакуации висели доски для объявлений, заметок и наглядных графиков работы.

Со всех сторон рассмотрел крепежи мощных многоваттных светильников, четыре года назад топивших лабу в ярком свете. Ощупал дверные коробки, в которых были смонтированы герметичные шлюзы для продувки одежды граверов воздушными струями.

Особое внимание Хуго уделил стационарным верстакам вероятного сборочного цеха, когда-то стерильным и покрытым антистатической пленкой, а сейчас запыленным и усыпанным бетонными обломками с треснувшего потолка.

Его охватило уныние, но демонстрировать его своим людям командир вовсе не собирался. Окончательно убедившись, что цех «Кромлеха» принесет его расследованию не больше пользы, чем любой другой подвал Анклава, швед отдал приказ возвращаться в машину…

Снова покатили по району.

В отличие от Фабрвиля, своим жизненным ритмом напоминавшего буйный коралловый риф, где все тянется друг к другу, с равной охотой даря пропитание и смерть, атмосфера Кот-Де-Перрона наводила на мысли о глубоководном океанском дне. Дне, склизкие обитатели которого торопятся убраться под камень, едва их заметили.

Только темно-синий мобиль выворачивал на новый уровень бетонных дорог, похожих на спутанный моток проволоки, во все щели и переулки устремлялись неприглядного вида личности, группками по пять-шесть человек наводнявшие район.

Впрочем, людный пятак они все же обнаружили – на одном из перекрестков обитателям Анклава как раз дарили еду. Ничего особенного, всего лишь недорогие брикеты питательной массы со вкусами рыбы и мяса. Замазку серого цвета со вкусом рыбы и мяса для тех, кто давным-давно забыл их настоящий вкус.

С грузовика СБА, окруженного толпой, двое молодых безов раздавали пачки, считывая данные «таблеток» или «балалаек» на ручной сканер. С бронированного мобиля поддержки за кормежкой наблюдал суровый седоусый пулеметчик.

Фарахани сбросила скорость, позволяя сидящим в фургоне рассмотреть акцию поддержки населения, после Инцидента ставшую традиционной. Знак доброй воли верхолазов, владеющих фабриками по производству пищевых концентратов. Объезжая столпотворение, Наза рассматривала толпу, в эту секунду живущую криками, попытками перекупить клейкую массу, получить больше одного брикета в одни руки, замыслами отобрать или украсть. Безы взирали на происходящее бесстрастно, выполняя свою работу с монотонностью автоматов.

Вот кому-то удалось вырвать желанный кусок из чужих пальцев, и Хуго заметил, как обтянутая спортивной курткой спина вора исчезла в соседнем переулке. Закричала женщина. Громко, надрывно, призывая на помощь служащих СБА, но никто, даже седоусый, не удостоил ее взглядом. В таких кварталах, как этот, всегда воруют и отнимают, а вмешиваться во все потасовки у безов элементарно не хватит людей. И патронов.

Женщина продолжала голосить.

С ребенком на руках, она все плакала и плакала, и казалось, это будет длиться вечно. Вслед за ней заревел мальчик на руках. Лет четырех, наверное, таким полагалась половина дозы. Толпа, то ли от брезгливости, то ли от чувства вины, плавно расступилась вокруг обворованной мамаши. Толпа старалась не смотреть, не видеть, не замечать. Люди продолжали жадно хватать положенный рацион и убегать, пока с ними тоже не приключилось что-то дурное.

А затем к маме с ребенком на руках подошел мужчина.

Неказистый на вид – в другой момент Энквист предположил бы, что он тоже хочет ограбить женщину или ударить, лишь бы заткнулась. Но вместо этого тот сунул зареванной мамаше свой паек. Едва надкушенный и снова завернутый в пищевую фольгу. Мятый брикет шпатлевки серого цвета. Затем развернулся и

пошел прочь, сунув руки в карманы и ссутилившись.

Женщина, не в силах поверить, смотрела ему вслед. Затем всхлипнула, пряча еду в нагрудной сумке, поудобнее перехватила сына и зашагала в другую сторону. Она еще долго оборачивалась на неказистого, будто не веря тому, что только что произошло…

Стараясь не встречаться взглядом с седоусым пулеметчиком, швед отвернулся, внезапно ощутив к сутулому мужичонке неожиданный прилив уважения. О каких еще чудесах могут молить богов люди, когда в их привычном и реальном мире случается *такое*? Когда, пусть и редко, настоящие чудеса происходят совсем рядом, только обернись…

Фургон выбрался на открытый участок магистрали, двинувшись дальше.

Когда транспорт достиг второго объекта, Энквист распорядился, чтобы вместе с машинистом в мобиле осталась вооруженная «дыроделом» Фарахани. Учитывая пустоту подвалов и трусливость местных обитателей, серьезного сопротивления внизу мужчины встретить не могли. А вот одинокий социопат, запертый в машине вместе с дорогущим «раллером», легко мог стать добычей гиен и шакалов Монреаля…

Новая лаба отличалась от предыдущей видом, но отнюдь не содержанием. Первое, что удивило спустившихся по бетонному пандусу бойцов, это входная дверь. Точнее, ее отсутствие на положенном месте. Получив удар невероятной силы и прихватив с собой армированные куски стены, несколько лет назад дверная коробка выпала наружу, где и покоилась до сих пор.

Сначала Энквист решил, что виной всему стало землетрясение. Но вскоре узрел истинную причину.

Данное прибежище тритонов не эвакуировали – его элементарно выжгли, заминировав оборудование и расставив по углам емкости с напалстером. Злая липкая дрянь уничтожила все, оставив вместо навороченных и баснословно дорогих станков по сборке «железа» обугленные комки и стойкую вонь.

Хрустя сплавившимся бетоном, после пожара больше напоминавшим грунт пустыни Мохаве, Хуго прошелся по пропахшим гарью помещениям. Удрученно покачал головой, подсветив лучом фонаря наглухо запаянные взрывом вентиляционные короба. Почти полное отсутствие тяги не позволило помещениям проветриться даже за несколько лет, а потому внутри было очень трудно дышать.

Еще раз торопливо обойдя цеха и не обнаружив ни единого уцелевшего клочка, швед махнул на выход…

Третья лаба оказалась очень похожей на первую.

«Горностаев» встретили пустые помещения, изредка

посещаемые бомжами, пыль и отсутствие окон. Однако часть мебели хозяева цехов вывозить не стали, а потому в дальней комнате громоздились переломанные столы и шкафы, помаленьку пускаемые местными жителями на растопку костров.

Там же искателей ждала первая находка. Не самая уникальная и обнадеживающая, но все же – на фоне подчистую выпотрошенных цехов – невероятно ценная. Коробка с транспортными накладными обнаружилась на одном из верстаков, задвинутая глубоко под обломок покосившейся стены. Использовать листы тонкого пластика на растопку было не очень эффективно, так же, как подтираться ими, а потому пачка накладных избежала лишнего внимания подземных жителей.

Энквист сунул коробку под мышку, но даже беглое изучение документов говорило, что ничего интересного находка выяснить не позволит…

Когда мужчины покидали бывшую граверную мастерскую, слева и вверху, куда плавным виражом уводил бетонный пандус для спуска мобилей, раздался шорох. Бойцы тут же рассредоточились, вскидывая оружие. Но определить, крыса ли подкрадывалась к дверям или человек, так и не смогли.

Выждав, все трое вернулись к машине, устало падая на лавки вдоль бортов.

Теперь Хуго уже не мог скрывать разочарования. Закурив, он перебрался на переднее пассажирское сиденье, лишь бы его удрученного вида не заметили остальные члены отряда. Даниэль, мельком пробежавшись по найденным бумагам, лишь пожал плечами.

– Все это – списки деталей для сборки «раллеров», шеф… Документы на поставки микросхем из Сингапура и Гонконга. Запасные части на граверное оборудование, сварочные иглы и линзы для лазеров… Вот целый пакет на проектор трехмерного моделирования. Возможно, более детально изучив все это, я смогу выявить некую закономерность, но многого ждать не советую…

Благодарно, но устало кивнув машинисту, Энквист приказал девушке заводить машину. Вечерело, а последняя из точек, когда-то «крышуемых» Энвером Алией и его подельниками из СБА, оставалась непроверенной.

Четвертый цех был расположен на самой северной окраине района, в свое время основательно подмытой одним из разлившихся речных ответвлений. Слева от дороги, по которой прикатил фургон, виднелись легионы пакгаузов, до сих пор наполовину затопленные и брошенные безвозвратно.

Справа возвышались приземистые десятиэтажные здания, в

которых до Инцидента корпорации держали предприятия по производству промышленной химии и пищевых продуктов. На одном из таких строений албанец и оставил маркер, который предстояло проверить.

Назанин заглушила мотор, внимательно осматривая пустынные переулки.

Вдали на подступившем к району побережье виднелись две крохотные фигурки и лодка, на борт которой трофейщики поднимали со дна уцелевшее барахло, продаваемое затем на «блошиных» рынках окраин. Заметив мобиль, фигурки юркнули куда-то в глубь уцелевших складов. Ни патрулями СБА, ни системой камер брошенные кварталы не контролировались. Сеть, как и предполагалось, здесь тоже почти не ловилась.

– Будьте начеку, – приказал Хуго, выпрыгивая из фургона на потрескавшийся асфальт проезжей части.

Жицкий, уткнувшись в найденные бумаги, не отреагировал на слова шефа, и лишь девушка понимающе кивнула. Здесь, на самой периферии Анклава, в считаных километрах от внешней стены, исправный мобиль сам по себе являлся богатой добычей для особо рьяных и бесстрашных уголовников.

Трое мужчин пересекли пустырь, приближаясь к жестяным транспортным воротам, ведущим в глубину промышленного здания. Рифленый лист рольставни был промят таранным ударом, отчего по его краям остались проходы, куда вполне мог протиснуться человек. Накачав новый заряд в фонари, Энквист и его люди вошли внутрь.

Темно, сыро, повсюду крысиный писк.

Под ногами обломки мебели, деформированные колеса грузовых электрокаров, мусор и кучки наметаемой сквозняком пыли. С потолка капает, затхлый воздух разгрузочной платформы будит воспоминания о гнилых водорослях и запутавшихся в них утопленниках…

Стараясь ступать бесшумно и расстегнув пистолетные кобуры, «горностаи» двинулись вперед, держа друг друга в поле зрения. Самый беглый осмотр давал понять, что бездомные никогда не селились в инспектируемых постройках, даже на ночлег не вставали. Может быть, действовали слухи о наследии страшной корпорации Мутабор, может быть – байки о радиации. Какой бы ни была причина, портативные дозиметры, с недавнего времени входившие в перечень обязательного снаряжения группы, не показывали ничего страшного.

Спуск к лабе обнаружился в закутке справа от общего зала, когда-то служившего небольшим логистическим терминалом.

Хуго воочию представил себе, как получившие взятку

начальники складских бригад отворачиваются, когда рано утром новая смена сверкающих лысинами тритонов проходит сквозь ворота, направляясь в секретную мастерскую. Их наверняка прикрывают вооруженные люди, на всех инаковерующих взирая с презрением и скрытым пониманием скорого будущего планеты. Граверы и их охрана спускаются по бетонной лестнице на четыре пролета вниз, останавливаются перед дверью…

– Это интересно, – первым озвучил общие мысли ирландец, водя лучом по совершенно не тронутой временем и вандалами створке. – Это очень интересно…

Энквист был склонен согласиться, но смолчал.

Поставив фонарь на треснувший пластиковый ящик так, чтобы тот освещал запорный механизм, он внимательно изучил пульт доступа, не веря глазам.

Да, много пыли. Да, ни пультом, ни дверью не пользовались уже несколько лет. Но электроника выглядела исправной, как на входе в резервное бомбоубежище, давно забытое создателями. Швед провел пальцами вокруг коробки, убеждаясь, что ведущий в лабу квадратный люк был установлен значительно позже строительства самого здания. И весьма грубо.

Значит, Алия не обманул и в этот раз – отряд находился перед мастерской граверов. Мастерской, которую кто-то старательно укрепил перед тем, как начать использование…

– Вызывай Невроза, – бросил блондин Кодо, продолжая осматривать дверь.

Бригелла коротко кивнул. Поднялся на пару лестничных пролетов, чтобы дать сигналу большую мощь, и поднес к губам браслет радиопередатчика, связавшись с фургоном снаружи.

– А ведь и впрямь похоже на бомбоубежище, – негромко пророкотал Бакли, жужжа эспандером фонаря. – Я такое видел в детстве в подземельях Данганнона, где мы черенками дурь курили.

Здоровяк опять перепутал город, в котором родился, но Энквист не был настроен поддерживать игру, погруженный в собственные мысли. Тяжело и с легкой обидой вздохнув, ирландец отступил в угол, качая на руках казавшуюся игрушечной «дрель».

Машинист, чертыхаясь на каждом шагу и чихая еще чаще, появился через минуту. Шел медленно, выбирая направление в неверном полумраке. Шигеру снова поднялся повыше, подсветив Даниэлю дорогу.

– Займись, – распорядился Хуго, указав машинисту на дверь, едва тот спустился. – Выглядит целой.

– Так и есть, – еще не до конца распутав шнур психопривода,

согласился Жицкий, с прищуром осматривая цель. – Подсвети-ка вот сюда… ага, спасибо. Так и есть! «Нокс» четвертой модели, дорогая игрушка. Такую обычно ставят… ставили на корпоративных заводах, ограничивая доступ между цехами. Автономная система питания, вход по электронному коду в «балалайке», вот сканер. Полная герметичность, сигнализация на взлом, трехступенчатая защита…

– Сможешь открыть?

– Отчего бы не рискнуть?

Даниэль сдвинул панель, несколько раз с силой дунув на запыленные разъемы. Эхо его дыхания ударилось в потолок, паутиной осело на волосах. Загнанному в каменный мешок Энквисту было не по себе, но он не позволял эмоциям возобладать над разумом.

Сигнализация, сказал Жицкий. На двери установлена сигнализация… Уцелел ли на этой планете хоть кто-то, способный перехватить ее тревожный сигнал?

Подключившись к электронному замку, машинист на какое-то время ушел в себя. Несколько секунд смотрел в пустоту, что-то вычитывая на глазном наноэкране, а затем застучал по клавишам «раллера», который держал на сгибе локтя. Губы его шевелились, словно паренек тихонечко болтал с призраками, на лбу змеились морщины, левый глаз заметно дергался.

– Готово, – объявил он, поворачиваясь к командиру. – Система стандартная, фабричная. Видимо, обитавшие здесь граверы не рассчитывали на ее физический взлом. «Нокс» был установлен против силового вмешательства в их личную жизнь…

– Тревога?

– Ничего подобного, – решительно замотал бритой головой поляк. – Попасться на взломе такой безделушки мог бы только юнец!

Он притопил еще несколько клавиш «раллера», после чего торопливо выдернул психопривод и отступил за спину Гордона. Внутри двери щелкнуло, натужно зашипело, затем загудели батареи Ллейтона.

– Лишь бы хватило заряда, – прошептал машинист, выглядывая из-за здоровяка.

– Внимание! – Хуго вернулся к лестнице. – Помните, что одна из четырех электролаб была заминирована, и мы не знаем, при каких обстоятельствах сработали заряды.

На всякий случай обнажив «Корд», он пытался просчитать вероятность того, что после отступления тритоны накачали помещение газом или расставили иные ловушки. Риски выходили минимальными – когда четыре года назад в Анклаве плясали все

здания от коттеджей до небоскребов, подготовленные капканы были просто обязаны сами себя обезвредить. И все же на душе оставалось неспокойно, а своему чутью швед доверял…

Услышав, что вход может оказаться заминированным, Невроз судорожно втянул пыльный воздух и бросил полный мольбы взгляд наверх, к спасительной лестнице. Закрыл «раллер», чтобы не мешал бегству, сунул в нагрудный карман комбинезона.

Какое-то время входная система боролась сама с собой, силясь потратить иссякший заряд батарей на открытие засовов. Затем гудение стало ровным, щелчки более звонкими, и «горностаи» услышали, как внутрь створки втянулись железные спицы, блокировавшие квадрат в стене.

Бакли, не дожидаясь приказа, подскочил к двери, потянув на себя.

С оглушительным скрипом та поддалась, открывая проход в лабораторию граверов. Как выяснилось, она состояла из двух огромных залов и коридора, образуя букву Н. Вход располагался в левом нижнем углу «буквы», и оттуда был виден открытый шлюз в другую часть мастерской, а также стеклянные перегородки, разделяющие помещение на более компактные отсеки.

Не спеша входить, бойцы замерли на пороге, вонзив в темноту лабы лучи трех фонарей. Внимательно, концентрируя свет на одном объекте, поочередно осмотрели все, что позволял угол обзора. И чем больше они замечали, тем шире становилась улыбка Хуго Энквиста.

– Святая Цифра! – крякнул Невроз, высунувшись из-за Бакли, который, по его мнению, был способен прикрыть лысого от взрыва напалстеровой бомбы. – Да они же не успели ее вычистить…

Большего говорить нужды не было – в негромком, полном благоговения голосе машиниста прозвучала четкая и объективная оценка увиденной картины.

Тритоны, хозяйничавшие в лабе незадолго до Дня Станции, действительно не завершили эвакуацию цехов. Вероятно, просто не успели, когда не без помощи их сумасбродного Пророка мир съехал с катушек, пустившись отплясывать джигу.

О незаконченном переезде красноречиво сообщали пустые столы и офисные кресла, сдвинутые в один угол. Или составленные в штабели коробки с микросхемами. Или накрытые пленкой заводские микроскопы и целый гардероб защитных костюмов, в которых граверы уходили работать в «чистый» цех первого класса. Или демонтированные с рабочих мест, законсервированные, но не вывезенные полуавтоматизированные агрегаты по сборке плат. Навскидку можно было предположить,

что адепты Сорок Два успели забрать наружу не более двух третей оборудования электролабы.

Хуго вошел первым, ощущая себя средневековым конкистадором, обнаружившим мифическое Эльдорадо. Спрятал пистолет и двинулся вдоль стен настолько осторожно, словно находился в музее. Наследия тритонов в лабе сохранилось так много, что впору было покупать переносной генератор и восстанавливать систему освещения, прежде чем начинать оценку.

Невроз, напрочь забыв о недавних страхах, восторженно перебегал из одной «отсечки» в другую, тараторя практически без умолку.

– Бригелла, подсвети сюда… да сюда, говорю тебе, чем слушаешь?! О, это же «поплавки»… Смотри, шеф, целая партия, почти закончена… Сюда свет, Бригелла, не шатайся! Даже аргоновый тигель для поликристаллического кремния… А в соседнем цехе модули для фотолитографии! Генераторы ионизированной плазмы… Всемогущая Цифра, да это же части комплекса «ТЕК-9»! Никогда бы не поверил, что его можно развернуть в «домашних» условиях… Да не уходи ты от меня, Кодо! И вообще, дай-ка фонарь сюда… Нет, вы только посмотрите!

Однако командир «горностаев» не разделял восторгов своего машиниста.

Да, хорошее «железо» всегда высоко ценилось на рынках мира, хоть и изрядно обесценившись после Инцидента. Ценилось в той же степени, что и корпоративное оборудование для его изготовления. Неужто поляк прав, и они действительно нашли фрагменты «ТЕКа»?.. Но внимание блондина приковали не россыпи микросхем и не тушки наполовину начиненных «раллеров».

Он смотрел на рабочие места граверов, с которых тоже успели унести далеко не все. На разбросанные по столам «балалайки», скорее всего, липовые и оформленные на виртуалов. На электронные пропуска в промышленные комплексы Кот-Де-Перрона. На настенную доску для пометок, изрисованную маркером, – побледнев от времени, покрывшись пылью, она все равно пестрела читаемыми надписями и формулами, смысла которых Энквист не понимал.

Бродя по комнатам, Хуго совал в карманы армейских штанов все, что его мозг помечал, как «потенциально важное». Фотографировал на «балалайку» схемы, графики и чертежи на стенах. Увлеченный открытием, он не сразу спохватился, что Кодо и Бакли все еще находятся в дверях, держа лестницу под

прицелами «дрелей».

– Невроз! – Одним спокойным словом Энквист прервал ликования Даниэля. – Спокойно. Сейчас мы не сможем вдумчиво оценить находку. Однако я не исключаю, что вернуться сюда повторно друзья мистера Алии нам не позволят. Поэтому у тебя есть десять минут, чтобы проанализировать все ценное, что нам под силу унести. Все, что может навести нас на новый след «Кромлеха», ты меня услышал? Остальное придется бросить, замуровав лабу так, как это было сделано до нашего визита.

Определенно расстроившись, Жицкий тем не менее послушно кивнул. В первую очередь он оставался «горностаем» Хуго Энквиста, а уже потом машинистом, теряющим голову от вида таких богатств.

Потерев лицо руками и заставив себя сосредоточиться, бритоголовый двинулся по комнатам мастерской, оценивая все, на что падал луч фонаря. Что-то бормотал, что-то совал в карманы комбинезона, что-то откладывал в сторону.

Хуго, довольно улыбнувшись, направился к выходу.

Почти в это же мгновение все и пошло не по плану.

Бинарный код 101

«А мы по-прежнему считаем, что Анклавы должны стоять над государствами. Не наоборот».

Михаил Щеглов, начальник Управления дознаний и первый заместитель директора московского филиала СБА

– Фулл-хаус!

Бифорд лениво растянул губы до ушей, что на его «лошадином» лице смотрелось несколько гротескно и жутковато. Высоченный, если не сказать – долговязый, он протянул длинные ручищи, приготовившись загребать банк, даже не привставая со стула.

– Три десятки, две дамы. – Победитель вскрыл десятки, придвигая их к уже имевшимся на столе. – Полный дом, друзья! Пора звать гостей…

– А, проклятье, пара пятерок к вашим дамам! – Плакса небрежно сбросил карты «рубашкой» вверх, проведя рукой по лысине и что-то пробубнив под нос. Что-то неприличное. – И чего я ввязался?..

– Не спеши, каланча… – Вкрадчивый голос Муджалида заставил Бифорда застыть, в недоумении глядя на третьего участника партии. Пальцы декомпилятора чуть-чуть не дотянулись до неровной пирамиды монет, громоздившейся в центре стола. – Лифчик с жены будешь с таким рвением срывать… Покер же любит вдумчивость и неторопливость, не так ли? Вот вам, парни!

И он аккуратно, коротким веером подложил к уже имеющимся на флопе картинкам еще две карты. Образовав каре на дамах.

– Четыре одного рода, не так ли? Соси кеды, Плакса. Извини, Орландо…

Тот, почти прикоснувшись подушечками пальцев к холодному металлу мелких фэней, ошарашенно уставился на победную комбинацию. Отстранился от выигрыша, нескладно примостив локти на стол перед собой и чуть не опрокинув чашку остывшего кофейного напитка.

– Пятый раз подряд, проклятье! – Плакса замотал

татуированной головой, отказываясь верить. – С вами играть – только разоряться… Все, дальше без меня.

Он встал, со скрипом отодвигая стул по бетонному полу. Забрал футлярчик с чипом. Вынул из кармана сигареты, отошел в дальний угол комнаты и щелкнул зажигалкой.

– Да как скажешь, – усмехнулся Муджалид ибн Шавкат по прозвищу Кончар ему вслед, по одному цзяо перекладывая добычу на свою часть стола. – Мы на трусов не в обиде… Ну что, командир, еще раздачу?

Лучше бы не улыбался.

Покрытый шрамами, да еще и с рождения красотой не одаренный, руководитель силового крыла организации в моменты радости был похож на тролля, упавшего в кислотный чан. Однако сидевший напротив Орландо Бифорд, его старый друг и неформальный глава остатков группы, глаз от страшного зрелища не отвел.

– А ну-ка, Муджалид, покажи-ка затылок?

Он легким движением отбросил с плеч две короткие каштановые косы, заплетенные так, чтобы не закрывать разъем «балалайки». В отличие от других декомпиляторов, Бифорд никогда не стриг голову и не наносил татуировок. Поговаривали, что именно это спасло долговязому жизнь, когда после Инцидента в большинстве городов мира машинистам устроили ночь Нового Варфоломея.

– Это еще с чего? – неподдельно удивился ибн Шавкат, перестав пересчитывать монеты и приподняв лежавшую рядом «балалайку». – Все честно, перед игрой снял, как все!

– Так… – Орландо вымученно улыбнулся, начиная укрепляться в подозрениях. – Повернись. Это приказ, если угодно.

– Недоверие? – с грустью протянул Кончар, скалясь так, что морщины и шрамы на квадратном лице заколыхались живым ковром змей. – Главный враг настоящей дружбы, Бифорд, я говорил тебе об этом?

– Бывало, – со знанием дела кивнул тот. Но смотрел неотрывно, даже не мигая. – Повернись.

– Ладно-ладно, ты меня разоблачил, не так ли? – Хохотнув, коренастый уродец вынул из затылка еще одну «балалайку», щелчком пальца отправляя ее поверх вскрытых карт.

– Говоришь, покер любит вдумчивость и неторопливость? – нахмурился, впрочем, без особой злобы, старший декомпилятор. – Пять раз подряд сорвать банк? Сдается мне, Муджалид, твой покер любит просчитывать вероятность с помощью индивидуального чипа, что запрещено и на официальных турнирах, и на дружеских посиделках… Плакса, иди сюда, дели

банк этого жулика на двоих…

– Вовсе я не жулик, друг мой, – парировал Кончар, уже не впервые пойманный за руку, но без ссоры спускающий сей факт лидеру общины. – Меня благословляет и ведет Цифра, не так ли? Это она подсказывает мне, когда сбросить, а когда идти ва-банк…

И он искренне рассмеялся, глядя на пунцового Плаксу.

– И когда только вставить успел? – прошипел тот, пересчитывая юани. – Руки же на виду постоянно…

– Ай, жмот, все бы тебе искать подвох! – Неожиданно радостный для разоблаченного шулера, ибн Шавкат встал из-за стола, потягиваясь и хрустя суставами. – Нет чтобы поверить в чудо?! Пять выигрышей подряд, не это ли *оно*?

– Перестань, Кончар.

Бифорд произнес это очень тихо, но зарвавшийся декомпилятор притих, словно больше походил на домашнего пуделя, чем на боевого мастифа. Все трое невольно повернулись к закрытой двери, за которой гудело так, что пробивалось даже сквозь усиленную металлопластиком створку.

– Прости, Орландо, – почти искренне извинился Муджалид, почесывая щеку. – Занесло меня, ты же знаешь, что я никогда…

Стушевался. Взглянул на узкую горизонтальную панель коммуникатора над дверью в рабочие кабинеты, где для посетителей комнаты отдыха плясали столбцы оперативной информации из «командного центра». Заметил значок устойчивого сигнала. Торопливо добавил, чтобы скрыть подступающее смущение – в первую очередь от совсем юного Плаксы, чью утреннюю смену решили скоротать старшие декомпиляторы:

– Ты не напрягайся, бездельник. Дядя Муджалид сам проверит, как прошла операция в Кёльне…

И ушел, не дожидаясь ответной реакции Бифорда. Стало слышно, как в соседней комнате заскрипел старый рабочий стул, а затем тихонько зацокали клавиши «раллера».

Ибн Шавкат не был первоклассным машинистом. Но устанавливать контакты с dd или представителями криминала у мужика получалось просто волшебно. Для операции в Кельне, состоявшейся час назад ранним европейским вечером, было нужно именно это – силовое прикрытие при минимуме работы с сетью.

Конечно, нанимаемые Кончаром бойцы не шли ни в какое сравнение со стрелками времен Сорок Два, готовыми ради нейкистов на все. Но разгромленному арьергарду их когда-то победоносной армии требовались солдаты. Даже такие низкопробные, как современные «псы» в своем большинстве…

Плакса, свою часть шулерского банка распихавший по карманам, завалился на продавленный диван в углу. Вообще-то утренняя вахта была именно его вахтой. Однако раз уж старшие товарищи не только согласились скрасить дежурство, но и самолично проверять отчеты, паренек решился вздремнуть. Все равно тролль Кончар разбудит, когда устанет делать чужую работу, причем разбудит грубо и бесцеремонно. Нужно пользоваться ситуацией…

Встав из-за игрового стола, Орландо машинально пригнулся. Он уже привык ходить по двум верхним этажам их дома с полусогнутыми коленями, чтобы не сшибать закованные в железную сетку потолочные лампы. При этом на самые нижние ярусы, где размещались спальни рядового персонала, хранились припасы, «железо» и хилый арсенал, долговязый предпочитал не лазать вовсе – для этого ему приходилось почти вставать на четвереньки. Рассчитанный на низкорослых японцев, за время знакомства береговой бункер набил Бифорду немало крепких шишек…

Переступая через провода, густо устилавшие старинный бетонный пол, Орландо прошел в угол комнаты. Обогнув истертый до дыр бильярдный стол, выплеснул остатки холодного кофе в раковину. Запрограммировал комбайн на новую порцию терпкой горькой бурды.

Забрав дымящуюся кружку, вернулся на прежнее место. Вставил в затылок чип и взялся собирать в коробку разбросанные пластиковые карты, за которыми дежурные тянули еженощные вахты. Вызвал на глазной экран циферблат, поразившись пролетевшему за игрой времени.

Совсем скоро настанет час побудки, и бункер наполнится ленивым гомоном, зевками и топотом ног. Скоро люди, поверившие Орландо Бифорду и решившие идти за ним в «горе и радости», позавтракают и займут рабочие места, настраивая, калибруя, готовя новые «поплавки» и пополняя базу данных…

– Орландо?! – Окрик Кончара из пустынного кабинета заставил вздрогнуть даже придремавшего Плаксу. – Тебе стоит взглянуть…

Бифорд швырнул колоду на стол, рассыпав неровной пестрой кучей. За свои сорок шесть лет жизни он доподлинно установил, что ни одна хорошая новость никогда не начинается со слов «тебе стоит взглянуть». Еще и произнесенных таким неуверенным, полным недопонимания голосом.

Орландо смерил перевернувшегося на другой бок Плаксу недовольным взглядом. Покачав головой, направился в двухэтажный зал бункера, больше четырех лет назад

оборудованный в центральное машинное отделение. Когда-то, должно быть, в нем тоже размещался самурайский штаб…

– Что у тебя? – Нагибаясь над сидящим в кресле Муджалидом и заглядывая в экраны компьютеров, Бифорд походил на колодезный «журавель», оживленный сказочным заклинанием. – Операция в Кёльне сорвана?

– А?.. – Казалось, ибн Шавкат озадачен настолько, что полностью ушел в себя. – Кёльн? Нет, Орландо, там все прошло чисто, взяли почти полмиллиона… Парни уже получают нашу долю, 25 %, не так ли? Скоро переведут на счета… Меня заинтересовало иное.

Он ткнул коротким пальцем в один из дисплеев, привлекая внимание командира.

– Взгляни только. В Монреале сработал «Нокс» почти пятилетней давности, можешь поверить? В одном из гнезд, когда-то принадлежавших Пророку…

– Монреаль? – Бифорд нахмурился, всматриваясь в отчет системы. Та красноречиво сообщала о начавшемся взломе. – Секундочку… как «Нокс» мог сработать, если все цеха были уничтожены?

Муджалид промолчал, не удостоив риторический вопрос вниманием.

– Великая Цифра, этого не может быть… – По сердцу Плотника будто забарабанил игрушечный зайчик. – Монреальские цеха демонтированы задолго до Дня Станции. Я лично сводил отчеты…

Кончар хотел припомнить товарищу старую пословицу про надписи на заборах, за которыми лежат дрова. Сдержался, прочувствовав неуместность момента.

– Как вышло, что мы несколько лет не подозревали о существовании уцелевшей законсервированной лабы? – Очередной вопрос Плотника повис в воздухе. Он помассировал виски, собираясь с мыслями. – Будь оно неладно… Кто это может быть?

– Наверняка мародеры. Но непростые, – медленно покачал головой Муджалид.

Если бы бывшую базу тритонов обнаружили уличные бандиты, дело едва ли решилось бы взломом – дверь в лабу взорвали бы тактическим зарядом или вообще выжгли автогеном. А сейчас передаваемые системой «Нокс» данные гласили, что замок аккуратно вскрывают в обход давно утерянных кодов допуска.

Конечно, Орландо помнил о лаборатории в Монреале – именно там граверы Сорок Два, не всегда посвященные в детали

процесса, собирали *особенные* «раллеры». Сам Бифорд бывал там всего единожды, посетив только две из шести мастерских, но хорошо запомнил спешку, с которой братья-декомпиляторы эвакуировали оборудование, когда хаос последователей Троицы на Земле достиг апогея. Гнездо, в котором сработал «Нокс», считалось ликвидированным, как все остальные. До этого дня…

– Неужели СБА? – Сложенное из мелких гранитных камешков лицо Кончара пришло в движение, когда он состроил недоверчивую гримасу. – Мы же подчищали базы данных!

– Подчищали, – кивнул Бифорд, все еще нависавший над его плечом. – Однако лабу мог найти новый собственник здания. Получить добро на вскрытие… Будь оно неладно… Муджалид, у нас есть перечень завезенного в Монреаль оборудования?

– Уже изучаю.

На соседнем экране развернулась таблица, в строках которой отчетливо виднелись компоненты миниатюрной фабрики «ТЕК-9». Одной из нескольких «кормилиц» всего движения, невероятным образом раздобытых Сорок Два и дарованных соратникам-нейкистам.

– Там есть?.. – Бифорд облизнул губы, подбирая слова. – Есть там что-то, способное вывести на *наш* след?

– Возможно. – Кончар рывком вскинул оба плеча. – Что будем делать?

– Сигнал перехвачен еще кем-то из наших? Чтобы подстраховаться?

– Этого я увидеть не могу. – Муджалид потер бугристый лоб. – Ты не хуже меня знаешь, что мы контролируем площадки, когда-то имевшие отношение к «Кромлеху», исключительно для проформы. Поймают ли сигнал другие отделения, знает только Цифра…

– Будь оно неладно…

Орландо Бифорд уже принял решение, возблагодарив провидение, что сегодня остался полуночничать и играть в карты с друзьями. Вероятнее всего, неопытный Плакса на сигнал тревоги с похороненного годы назад передатчика заброшенной – более того, считавшейся уничтоженной – фабрики внимания бы не обратил вовсе…

– Собери группу, – распорядился декомпилятор, резко распрямляясь и чуть не задевая макушкой тусклую лампу. Сейчас в его голосе трещали командирские искры, хорошо знакомые всем, принимавшим участие в сетевых налетах под руководством долговязого. – Как можно скорее. Любых бойцов, способных провести разведку и пресечь активность мародеров… Предупреди о ломщике, дело им придется иметь явно не с дворовой шпаной.

Если на точке монреальские безы, пусть делают ноги…

Но Муджалид уже не слушал наставлений.

Дай волю лидеру их запрятанного в заднице мира убежища, тот не обидит и мухи, не то что своего врага, покусившегося на жизнь или секреты. Поэтому, едва дело доходило до силовых операций, Кончар предпочитал брать дело в собственные руки, не всегда посвящая Бифорда в тонкости и детали. Особенно, если приходилось прибегать к помощи таких отъявленных ублюдков, как Хромоножка Рамзес и его «уховертки»…

Если бы в комнате не было Орландо, согнувшегося над плечом жилистой грузовой лебедкой, ибн Шавкат непременно разразился бы проклятиями. В том числе и в адрес всемогущей Цифры – в зоне досягаемости и по сходной цене не наблюдалось ни единого формирования dd, кроме Рамзеса и его отморозков. Да и этих-то назвать «псами» язык поворачивался исключительно от безысходности. Хромоножка и сотни ему подобных наводнили Анклавы и крупные города, словно гадкие сорняки, мимикрировавшие под благородные растения прошлого.

Новой безусой порослью, молокососами да жадными до легкой наживы выродками, разжившимися одним-двумя стволами, – вот кем считал Кончар северо-американского египтянина и ему подобных. Относился с презрением, как к стервятникам, использовавшим старые адресные площадки славных «темных собак», словно доски объявлений, где можно заполучить выгодное непыльное дельце и по-легкому срубить деньжат…

Однако выбирать не приходилось. И на монреальские сервера обрушился поток запросов с пометкой высочайшей срочности. Невидимой волшебной волной, в могущество которой верили все нейкисты, но все по-разному, пересек океаны и континенты. В мгновение ока переправил информацию, для пересылки которой еще двести лет назад человеку требовались бы томительные недели и месяцы…

Хромоножка охотно ухватился за полученное задание – в его жадной натуре Муджалид не ошибался ни разу. И уже через пятнадцать минут из логова Рамзеса, где бы оно ни находилось, в указанный район Анклава выдвинулся старенький фургон, в кузове которого сидели пятеро вооруженных наемников.

Получив подтверждение на приемку заказа, ибн Шавкат откинулся на спинку кресла, задирая уродливую голову и снизу вверх глядя на рослого товарища. Орландо, наблюдавший за экранами откуда-то из-под потолка, устало вздохнул. Дальнейшее зависело от декомпиляторов не больше, чем от сотрудника багажной службы, завершившего погрузку чемоданов на борт

«страта»…

– Чего ищем, босс? – поинтересовался один из бойцов, проверяя ход затвора в стареньком укороченном дробовике.

– Караем хулиганов, – вместо Рамзеса ответил его сосед, хихикнув и закинув в рот новую порцию жевательного наркотика. – Говорят, какие-то минусы ломанули хранилище, которого ломать были не должны. Сейчас мы их поймаем и немножко накажем. Верно толкую, босс?

– Верно, – коротко бросил через плечо Хромоножка, сидевший рядом с водителем.

Машина «уховерток» втиснулась в улицы Кот-Де-Перрона, катясь вдоль затопленных жилых районов. То здесь, то там в прохладную тину погружались собиратели «плавника», рискующие рано или поздно намертво застрять в лабиринте конструкций, скрытых водой. Разглядев на прибрежных эстакадах приметный фургон Рамзеса, многие ныряльщики предпочли взяться за весла.

– Вон тот дом, – отрывисто выдохнул толстый боец, ведущий мобиль.

И для убедительности ткнул пальцем вперед, указывая на серое промышленное здание, комплекс близнецов которого занимал целый квартал.

Улицы, ведущие к заброшенной фабрике, были пустынны. Лишь виднелись кое-где у обочин ржавеющие мобили, безжалостно разутые и лишенные начинки, да громоздились редкие горы строительного мусора.

Глухую стену дома через дорогу украшала яркая свежая надпись, нанесенная люминесцентной краской. Высокие буквы, ровные и аккуратные, сразу указывали, что писали не в спешке. «На страже родного дома», сообщал уличный граффитист. «Вступай в ряды «Мидгарда», не позволь москвичам поднять на штыки нашу общую мать!»

Рядом пестрел незнакомый символ, вероятнее всего – знак того самого «Мидгарда», но «уховерткам» было плевать на геральдику. Чуть ниже знака, совсем не так пестро и ровно, кто-то дописал куда более пессимистичное: «Мир сам захотел убить себя! Богов нет! Надежды нет! Чудес не бывает! Мы сами творцы своего финала!».

В выбитых окнах окрестных домов, исписанных столь же красноречивыми лозунгами, мелькали лица любопытных. Однако, узнав желтую машину, частенько наводившую ужас на нищих обитателей окраин, большинство зевак предпочитало тут же ретироваться…

Ни летательных, ни наземных средств передвижения СБА замечено не было. Осмелев, фургон «уховерток» притерся к стене комплекса, почти достигнув сброшенных заказчиками координат.

– Как связь? – осведомился Рамзес, легонько постучав пальцем по затылку – в последнее время его «балалайка» стала барахлить, отзываясь только на принудительное шевеление контактов. – Только у меня пропала?

– У меня тоже, – откликнулись из фургона. – Долбаные тритоны…

– И у меня нету…

– Черт… ладно, парни, – прищурился смуглый, как жареный табачный лист, египтянин. – Не расходимся, держимся рядом в пределах видимости, и связь нам не понадобится… Мо-Мо, ты в машине остаешься. Приглядывай тут, как бы безы не нагрянули… Если что, дави на газ и сигналь, мы дворами уйдем.

И бандит, одна нога которого ниже колена представляла собой средней паршивости титапластовый протез, первым выбрался из канареечного фургона, подавая пример. Трое бойцов, совершенно не скрывая оружия в руках, двинулись следом.

Достигли жестяных транспортных ворот, вмятых внутрь ударом мобильного бампера. Немного покрутились на пятаке перед входом, высматривая признаки ловушки. Не обнаружив ничего подозрительного, вошли…

Мо-Мо скучал. Он был толстым, годился только для сидячей работы, и парни брали его на дело крайне редко. Водить мобиль, сидеть на шухере, подслушивать телефонные переговоры или вообще покупать жратву. А потому он скучал, рассеянно поглядывая по сторонам и дожидаясь возвращения остальных. Хорошо хоть Рамзес делился по-братски, не обделяя зарплатой даже водителей и доставщиков пиццы…

Внезапно Мо-Мо обмер.

Моргнул, не поверив глазам. Еще раз.

И широко, слюняво улыбнулся, окончательно убедившись, что в стоящем через дорогу фургоне сидит молодая женщина. Да не простая, а красивая, будто ангельское сияние в июльских небесах, наполненных пением разноцветных соловьев и тихой прекрасной музыкой. Облечь свои впечатления в слова Мо-Мо не мог, но за секунду в его голове пронеслась именно такая картина – волнующая и сумбурная.

Проверив, надежно ли «дыродел» заткнут за пояс, он выбрался из желтого мобиля. За время работы в dd – а толстяк не сомневался, что работает на настоящих «собак», – бандит усвоил одно. Репутация Рамзеса тянет за собой определенную известность. В ее шлейф попадают все, вкалывающие на

Хромоножку. С таким багажом любовь прекрасного пола находят даже те, кому в обычной жизни с женщинами не везет. Находят, даже если силой или угрозами…

Стараясь вышагивать самой неотразимой из своих походок в стиле «плохой мальчик», Мо-Мо приблизился к машине, в которой сидела незнакомая красавица. Ай, вот это женщина! Черные брови, пышные волосы, покорный взгляд хорошей девочки, дожидающейся приглашения на вечеринку.

Ее мобиль был фургоном, так же, как транспорт «уховерток», только неприглядным, серо-синим, словно подобранным на свалке. Несмотря на вечерний ветерок, в каменной кишке переулка ощутимо припекало.

– Привет, красивая, – сладко улыбнулся Мо-Мо, заглядывая в окно серого фургона. – Вот уж не ожидал встретить в этой дыре такую милую девочку…

Всю следующую секунду Мо-Мо с откровенным непониманием всматривался в вороненую трубку, наведенную ему между глаз. А затем почувствовал, как крупнокалиберная пуля, выпущенная из шумогасящего устройства, пробивает его лобовую кость. Почувствовал всего на мгновение, напоследок услышав лязг выстрела, хруст, чавканье и шлепок. В лицо ударила волна горячего порохового газа, обжигая сетчатку и безвозвратно портя глазные наноэкраны.

А затем Мо-Мо грузно рухнул навзничь прямо возле водительской дверцы чужого фургона, угасая с каждым мгновением. Но и их хватило, чтобы толстяк разобрал, что окруженная неземным сиянием красавица злобной мегерой шипит в браслет передатчика на запястье:

– Кодо, мать твою, ответь! Прием, «горностаи», если меня кто-то слышит, у вас гости! Твою мать…

И самым-самым последним, что увидел умирающий Мо-Мо в своей жизни, была неописуемо гармоничная и спортивная фигура его неразделенной любви, выскальзывающая из мобиля с длинным пистолетом в руке…

В момент, когда лоб Мо-Мо вошел с фатальное соприкосновение с пулей, четверо «уховерток» спускались по лестнице. Пыльной, обжитой крысами лестнице, обнаруженной в секретном закоулке правого крыла огромного пустого склада. Мужчины чертыхались, напрягая зрение, и сетовали на отсутствие фонарей. Под подошвами хрустели осколки бетона, а иногда нога наступала на что-то мягкое, шерстистое, норовящее поскорее шмыгнуть прочь.

– Фу, какая гадость… – прошипел один из стрелков, морщась и едва сдерживаясь, чтобы не ринуться обратно. – Ненавижу

крыс… Есть на свете что-то более мерзкое?

– Заткнись, сука, – едва различимым шепотом, но с очевидной угрозой приказал Рамзес. – Еще раз пикнешь, я тебя среди этих крыс спать уложу, понял?!

Они миновали уже три лестничных пролета, но в полумраке подвальных уровней не было видно ни вскрытого склада, ни нарушителей спокойствия. Подсвечивая себе яркими экранами коммуникаторов, «уховертки» спустились еще на пролет, замерев перед распахнутой квадратной дверью.

– Вот оно, – одними губами произнес Хромоножка, снимая «дрель» с предохранителя. – Пошли, только осторожно…

И они вошли в квадратную дверь.

Аккуратно, двигаясь как можно тише, чтобы не спугнуть засевших внутри мародеров. Держа в правой руке по «дрели» или дробовику, а в левой – включенный комм, все четверо принялись осматриваться. Почти сразу обнаружив себя в одном из ответвлений большой буквы Н, в форме которой и была выстроена подземная мастерская.

Словно вызывая духов, «уховертки» водили руками из стороны в сторону, пытаясь хоть как-то осветить просторное помещение, перегороженное прозрачными переборками. Чертыхаясь шепотом, натыкались на обломки мебели и наступали друг другу на ноги. Но ни единого следа чужаков обнаружить не могли. Отряд Рамзеса окружали только крысиный писк, пыль и забвение давно покинутого помещения.

– Кажется, мы опоздали… – уже не скрываясь, произнес египтянин, опуская оружие.

И в этот момент в них начали стрелять. Сразу с трех сторон, что казалось невозможным в полностью обследованных помещениях подвала.

Одного из стрелков Хромоножки скосило сразу. Еще один был ранен, но отлетел к стене и все же вскинул «дрель». Сам Рамзес и последний наемник рванулись к выходу, принявшись палить вслепую. Их первые пули угодили в раненого собрата, остальные стали безжалостно крушить тонкие внутренние перегородки.

Там, где несколько лет назад люди работали с микроскопическими величинами, вроде одной десятитысячной миллиметра… там, где несколько лет назад не допускалось наличие не только пылинки, но даже ее частички… там, где несколько лет назад ковалось могущество Сорок Два, сейчас забушевал свинцовый смерч.

Пули жевали стены и уцелевшие переборки. Прогрызали камеры для фотолитографической обработки чипов и дырявили

шкафы для реактивов. Рикошетили от потолка, оставляя после себя эффектные росчерки, и впивались в человеческую плоть. Завывали ирландскими баньши «дрели», гавкали дробовики, щелкали пистолеты.

Схватка, продолжавшаяся считаные секунды, казалась растянутой на годы и века. Медленно сыпались на пол гильзы. Медленно валились на пол люди. Мародеры, если они вообще таковыми являлись, оказались слишком хорошо вооружены и подготовлены к встрече…

Лежа на ледяном бетоне и не чувствуя ног, Рамзес думал о поражении без особенного сожаления. Египтянин давно смирился, что путь наемника завершается на конечной точке полета чужой пули, а потому ни о чем не сожалел – за три года бесшабашного наемничества Хромоножка успел пожить вдоволь. А вот легкая обида на высокий уровень подготовки противников оставалась…

Прекратив стрелять, те собрались вокруг перебитых «уховерток», высматривая уцелевших. Сколько их? Трое? Четверо?.. Проклятье, противник ведь даже не превосходил числом… Интересно, Мо-Мо успеет свалить?..

Зажглись фонари, подвижно перекрещиваясь над трупами.

В дверях, чертыхаясь, как портовый грузчик, появился еще один «мародер». Судя по голосу, женщина. Над Рамзесом склонились, взмахами руки отгоняя густые полосы пороховых облаков, плывших через подземную лабораторию. Там, где когда-то воздух был чище, чем в операционной лучшего пластика в мире, теперь клубились дым и пылевая взвесь…

Кровавая пленка, застилавшая глаза, все же позволила Хромоножке рассмотреть, что склонившийся над ним мужчина высок и светловолос. Осторожно приподняв голову Рамзеса, тот что-то спросил. Слова комками бессмысленных звуков застряли в ушах наемника, и он криво улыбнулся.

– Кто вас послал? – разобрал потомок фараонов, едва под нос ему сунули склянку с резким запахом, а в мозг словно вонзилась игла. – Тебя наняли тритоны?

Рамзес, по прозвищу Хромоножка, попробовал рассмеяться беловолосому в лицо, но лишь забулькал кровью и ею же поперхнулся. Он уже не чувствовал, насколько холоден пол подвала, а взгляд начинал затягиваться туманом.

– Заканчивай, Кодо, – прозвучало в бывшей электролабе.

Щелкнул выстрел из пистолета с глушителем, но Рамзес его уже не слышал – скорость полета данной конкретной пули оказалась чуть выше скорости звука. Не слышал командир «уховерток» и следующей фразы, с нервным сарказмом

брошенной куда-то в дальний угол разгромленной мастерской граверов:

– Говоришь, – усмехнулся блондин, с прищуром глядя в темноту, – что проколоться на взломе мог бы только юнец?..

Через несколько часов узнав о монреальской бойне, Орландо Бифорд по прозвищу Плотник надолго заперся в личном кабинете, погрузившись в тревожные, не предвещавшие ничего хорошего раздумья…

Бинарный код 110

«Коллекционирование предметов старины – весьма достойное и необходимое занятие для человека с положением. Чтобы по-настоящему постичь «сейчас», добиться всего, чего желаешь, необходимо обладать мудростью веков».

Кирилл Грязнов, управляющий партнер антикварного дома «Шельман, Шельман и Грязнов»

В пути через Атлантику он пытался вздремнуть, но сон не желал являться по приказу, дразня полудремой и выматывая. Смирившись, Витторио выпил кофе и принялся слушать новости, даже не вникая в их содержание. На этот раз дорога к дому хунгана казалась ему необычайно долгой и отчего-то утомительной. Возможно, на плечи странника излишне давили тяжелые думы и гнет сомнений?

Пожалуй, душу действительно приминал груз неприятных размышлений, другого объяснения не нашлось… Привычный прыжок из аэроузла Кефлавик-Порта оказался столь же молниеносным и необременительным, как всегда, – в одном из ангаров на окраине Рейкьявика молодого верхолаза круглосуточно дожидался чартерный «страт», стоимость одной поездки на котором сегодня превышала все разумные пределы. Однако Цикл твердо решил нанести наставнику визит, а потому пошел на траты с чистой совестью.

Из аэропорта Мехико, где приземлился игловидный «Альбатрос», его забрали знакомые корпобезы с нашивками филиала «GA». Погрузили в пузатый корпоративный конвертоплан, без лишних инструкций взяв курс на юго-запад – в открытый океан, бескрайний и пугающий.

Где-то там, на его равнинах, курсировал вдоль побережья Анд один из танкеров дядюшки, официально занимающийся сбором и переработкой водорослей, но на самом деле обеспечивающий вооруженное прикрытие грузовым судам фирмы. Судам, о содержании трюмов которых не полагалось знать ни Европолу, ни ФБР, ни анклавным безам.

Скоростной конвертоплан еще опускался на широкую корму «Гая Маєрия», а из его распахнутого недра уже поднимали личную машину богача в фарфоровой полумаске – двухместный маневренный «Колибри» на реактивной тяге с пышным гербом на дверцах.

Нанеся визит капитану «Маєрия», Витторио провел ритуальный обмен любезностями и слил в «балалайку» свежие сводки по патрулированию и стычкам с пиратами. Вежливо отказался от обеда, но отведенную каюту все же посетил, переодевшись и натянув удобные ботинки для лазанья по горам. Сменив наномаску для путешествий на зеркальный шлем, укромными коридорами попал на взлетную площадку, где без свидетелей и дальнейшего промедления забрался в тесную кабину электроджета. И уже через полчаса держал курс на восток, ориентируясь не по картам, а по обновленным очертаниям побережья.

Станет ли бокор смеяться над его терзаниями? Воспримет ли всерьез предположения, основанные на сетевом фольклоре? Не упрекнет ли в излишней наивности и склонности фантазировать на пустом месте? Все это Гамба мог узнать, лишь добравшись до пункта назначения. Второй раз за сентябрь, будь неладен Энквист и его расследование, идущее по взятому следу…

Машина зависла над каменным пятаком, дотла выжженным реактивными струями предыдущих взлетов и посадок. То ли ящерица, то ли другой юркий зверек метнулся в скальную трещину; колючий кустарник и крохотные кактусы по периметру круга полегли под невидимой воздушной подушкой.

Рисково покачавшись под ударами бокового ветра, «Колибри» мягко сцепился с горной грядой. На глазных экранах пилота замерцали зеленым отчеты о благополучном приземлении. Двигатель замолчал, батареи Ллейтона ушли в режим автоматической подзарядки, психопривод втянулся в приборную панель. Не торопясь выбираться из кабины, Витторио рассматривал крохотное поселение из нескольких круглых приземистых домишек, среди которых размерами выделялась лишь умфро – священная хижина-храм, обиталище духов Лоа.

Двор бокора располагался на самом краю естественного скального волнолома высотой в сотню метров, опасно нависая над океаном. Со склона, на котором приземлился Гамба, казалось: выйди ночью из дома отлить, неловко оступись, и твое тело никогда не отыщут – с острых скал на дне пенной пропасти его слижет прибой.

Впрочем, живущие в примитивных хибарах никогда не оступались. Во всяком случае, пока этого не хотел хозяин.

Цикл не знал, где бокор берет прислужников. Может быть, так же, как другие подношения, ему их присылают горцы? А возможно, он сам набирает кандидатов, спускаясь в долины и наводя ужас своей погремушкой. Но ни к Витторио, ни к его дядюшке старик никогда с подобным вопросом не обращался, хоть и знал о профильной семейной деятельности. При этом каждые три-четыре месяца безвольные слуги с оловянными глазами в его «усадьбе» менялись на свежих, крепких, пышущих здоровьем.

Прибывший с легким недоумением откинулся на спинку кресла. Ни Гэлле, ни его лишенных души сервов не было видно. Может быть, колдун ушел в горы или ближайшее поселение, а его молодой воспитанник прибыл в неурочный час? Настроившись на ожидание, верхолаз скорее почувствовал, нежели заметил движение справа от себя.

– Так и будешь торчать в своей железной коробке? – хихикнул широкоплечий желтоликий старик, развалившийся на соседнем сиденье электроджета.

Витторио дернулся, машинально потянувшись к пистолету под лацканом плаща, но в следующее мгновение морок развеялся, заставив его чертыхнуться сквозь зубы. В кабине, кроме самого Гамбы, не было никого. Но через правое боковое окно теперь был заметен тот самый старик, неподвижно стоящий на каменистом склоне в десятке шагов выше «Колибри».

Гэлле улыбался, покуривая трубку с длинным белым мундштуком, и кутался в шерстяное пончо от заигрываний сентябрьского ветра – в этих краях, как хорошо знал верхолаз, осень приходила очень рано. Заметив, что зеркальная личина повернулась в его сторону, отшельник улыбнулся еще шире, приглашающе взмахнув рукой.

Цикл выбрался наружу. Ветер тут же бросился обнимать его, как родного, с треском распахнув полы длинного красного плаща. Хрустя камнями и стараясь не поскользнуться на светло-зеленом мху, мужчина начал подниматься.

– Здравствуй, Гэлле! – Витторио приветливо вскинул руку в красной перчатке. – Не помешал визитом?

– И тебе не болеть, сорванец, – покивал тот, оправляя лезущие в лицо длинные седые пряди. – Зачастил к старику, зачастил. То с весны не виделись, а тут дважды подряд… – Он откровенно насмехался над молодым человеком, покусывая мундштук крепкими белыми зубами. – Может, мне приказать своим las almas perdidas построить тебе личную хижину?

– Все бы тебе смеяться… – Цикл осторожно и искренне обнял воспитателя. – Мне нужен совет, бокор.

– Сюда за другим и не приходят.

Глядя на запад, за предел бесконечного бездонного океана, Гэлле выбил трубку, выточенную из прочного древесного корня. Выбил прямо о широкую морщинистую ладонь, прикрытую бежевым с красными узорами краем пончо. Смахнул угольки, заткнул мундштук за пояс и вынул из-под полы неразлучный ассон – небольшую хунганскую погремушку из темно-желтой тыквы.

– Ты еще не применял травы, которые я дал тебе? – вдруг спросил он, меняя тему.

– Нет, – честно сознался Витторио, испытывая неловкость. – Пока терплю. Надеюсь отсрочить следующую операцию. Но я обязательно…

– Сними-ка шлем, сорванец.

Гамба замешкался.

Снимать герметичную маску, подставляя лицо кусачему ветру Южных Кордильер, совсем не хотелось. Перечить властному круглоликому старику – тоже. Тот нахмурился, нетерпеливо взмахнув ассоном – ну же, чего медлишь?!

Расстегнув ремни под затылком, Витторио осторожно стянул шлем, передняя часть которого казалась отлитой из жидкого зеркала. Вот уже четыре года верхолаз позволял себе полностью избавляться от масок лишь в местах, исчисляемых пальцами на одной руке, а тут…

Гэлле не дал опомниться или насладиться необычностью момента.

Выбросил к его голове ладонь, едва коснувшись шрамов на щеке и шее. Что-то неразборчиво прошептал, тряхнул погремушкой. Змеиные зубы, птичьи лапки, лакированные глаза и бусины, украшавшие ассон, ответили на приговоры человека. И уже через секунду Гамба почувствовал, что острые иглы, раздирающие его плоть, вдруг отступили, почти исчезли. Облегчение стало таким неожиданным, что итальянец чуть не пошатнулся.

– Спасибо, – сдержанно ответил он, удержавшись, чтобы не ощупать лицо, с которого, казалось, вообще исчезли увечья. – Это… это было мне так нужно.

– Ты знаешь, как отблагодарить старика, сорванец. Кстати, я уже говорил тебе, что раны на твоем лице не просто дырки в коже? Говорил, что это проклятие?..

– Сто раз, старик, сто раз… – Цикл улыбнулся, почти не испытывая боли, а оттого мысля свежо и с кристальной чистотой. – Может, уйдем с ветра?

Он далеко не сразу сообразил, что все еще держит шлем на

сгибе локтя.

– Лучше прогуляемся, – беспечно ответил Гэлле, кивнув на голые коричневые склоны. – Сейчас тебе нельзя в умфро. Многие духи Лоа хотят твоей смерти. Убеждают меня в ее необходимости. Лучше не тревожить их лишний раз…

– Когда это началось? – спросил его гость, стараясь не выдать удивления.

Волнение эфемерных существ, всю жизнь окружавших старого бокора, не удивило Витторио. За годы общения с отшельником он привык, что духи непостоянны. Невидимые, мрачные и своенравные, они были вынуждены год за годом жарко спорить меж собой, буйствовать и остро реагировать на любой поступок человека и даже мысль. Однако если бы речь шла о чем-то несерьезном, Гэлле вряд ли поставил бы воспитанника в известность…

– Недавно, – туманно ответил хунган, подтверждая сладкие предчувствия собеседника. – Так зачем ты прилетел, сорванец? Припасов, привезенных тобой в начале месяца, сполна хватит до зимы…

Какое-то время двое мужчин молча шагали по склону, вслушиваясь в песни ветра, бродившего среди скальных оснований. Гамба подбирал слова, не зная, как начать важный разговор. Старик терпеливо ждал.

– Я в смятении, Гэлле. – Цикл рассудил, что искренность и прямота высказываний помогут ему точнее донести до наставника суть сомнений. – Еще летом, до предыдущего прилета, я обнаружил… кое-что интересное. Кое-что из прошлого, каким его помнят пережившие Катаклизм. Кое-что, изначально не показавшееся достойным изучения. Но интригующее все сильнее. Однако теперь мне кажется, я иду по следу, который может оказаться ложным.

Бокор покосился на молодого верхолаза, тряхнув крохотной тыквой.

– У любого следа есть хозяин. Все следы кому-то принадлежат. Степень их запутанности, вот что может стать препятствием для охотника.

– Но след может завести в тупик, не так ли? Умирающее животное тоже оставляет отпечатки. Но, обнаружив в конце дороги падаль, я не прикоснусь к ней.

– Для мудрого человека ни одна тропа не завершается тупиком. – Старик пожал широкими плечами, ставя под сомнение слова Витторио. – Идущий по следу умирающего слона может обнаружить целое кладбище гигантов, способное стать источником богатства.

Витторио наклонился, отламывая сухую колючую веточку, и неопределенно помахал ею в воздухе. Вся его сущность кричала, что он должен перестать ходить вокруг да около, выложив бокору все имеющиеся факты. Однако недостоверность информации, ее обрывочность и… *неправдоподобность* мешали верхолазу сосредоточиться и вести предметный разговор.

– А ты ведь ждал меня, правда? – с неожиданным пониманием меняя тему, нарушил молчание Цикл. – Духи нашептали тебе, о чем пойдет разговор, я угадал?

– Этот мир прекрасен тем, что в нем, с разной степенью вероятности, могут произойти самые невероятные вещи, – усмехнулся Гэлле, успев прижать к телу край теплого пончо, чуть не задранный ветром-шалуном.

Поцокал языком, словно отчитывая кого-то за детскую проказу, и коротко тряхнул ассоном. На этот раз звук был вовсе не мелодичным и мягким – внутри погремушки словно перекатились чугунные шарики. Ветер вокруг двух прогуливающихся по склону мужчин тут же ослаб.

– Может, нашептали… – Хунган с хитрецой покосился на спутника. – А может, и нет… Раз уж ты приехал, сорванец, почему бы тебе не поведать все старику лично?

Витторио повертел в руках шлем, едва не взглянув на собственное отражение в изогнутой личине. Вовремя отвел взгляд, умостил маску на сгибе руки. Посмотрел в небо, в котором даже днем проглядывали колкие светлячки далеких звезд.

– Я всегда боготворил технологию и прогресс, Гэлле, – произнес он, замедляя шаг. – Современную медицину, кибернетику, развитие генной инженерии, имплантирование, сверхмощные чипы. Компьютеризацию и полеты в космос, новые виды энергии, познание силы мозга. В чем-то я даже был похож на одного из оголтелых тритонов, накачанных «синдином» и утверждающих, что человек уподобился богу, став всесильным… Для меня религией стала наука. Покорная воле и немалым инвестициям, она стала моим личным ключом в будущее, где открыты все двери. Однако…

Цикл замолчал.

Он не привык к себе *такому* – неуверенному, нерешительному, с трудом подбирающему слова. Но Гэлле и не думал торопить или подтрунивать над спутанной речью воспитанника. Прищурившись так, что глаза превратились в щелки среди морщин, он ритмично потряхивал погремушкой, словно задавал их прогулке неспешный ритм.

– Ты хорошо знаешь, старик, что я верю в возможность сплава

религии и науки. Не в буквальном смысле этого слова, без обращения воды в вино… Но в смысле превращения ее в высокое учение избранных, возвышенных, приближенных самой Наукой. И, безусловно, способных повелевать остальными – беспомощными, глупыми людьми, в образе жизни недалеко ушедшими от дикого зверя с его жаждой продления рода, вечным голодом и инстинктом хищника.

Он вспомнил о коллекции, собираемой в горном убежище неподалеку от Сейдауркроукюра. О «колоде карт», каждая из которых может сыграть свою роль, когда Гамба минует порог.

– Любой артефакт великих Традиций для меня – своего рода прибор, который нужно уметь применить в подходящий момент, – признал он, размышляя о силе хранимых им предметов древности. – Каждый из них поможет явить людям чудо, направить их устремления в верное русло, затуманить рассудки. Однако не так давно я наткнулся на нечто… нечто необычное. Во что, конечно же, не поверил. Однако факты говорят за себя – кто-то пытался пройти моей дорогой. Еще до того, как во время Катаклизма у Кордильер отвалилась задница…

Витторио усмехнулся, но шутка вышла не самой удачной и совершенно неуместной, и верхолаз вздохнул. Гэлле, погрозив ему ассоном, деловито поинтересовался:

– Ты нашел нечто, чему не можешь дать рационального объяснения, признай?

– Если это фальшивка, то на нее потрачено безумно много сил. Денег. Людей. Но и правдой она оказаться не может. Потому что…

– Потому что чудес не бывает? – хохотнул бокор. – Ты отрицаешь религии, но веришь в духов, населяющих мое умфро, сорванец. Сознайся честно, хотя бы самому себе, чего именно ты боишься: самой картины и ее создателя, которых не видел в глаза, или твой страх лежит в самом факте их возможного существования?

– Я не говорил о картине…

– Знаю…

Гэлле улыбнулся. В этот момент, освещенный низким горным солнцем, он был больше похож на приветливого, дочерна загоревшего фермера от истоков Рио-Бермехо, нежели на отшельника-хунгана, способного говорить с невидимым и умиротворять ветер взмахом ассона.

– Я должен продолжить поиски, Гэлле? – напрямую спросил Цикл, останавливаясь и ставя ногу на темно-серый камень. – Картина поможет мне добиться цели?

– Ты доложен научиться мыслить шире… – Бокор тоже

остановился, с кряхтением садясь на соседний булыжник и вынимая из-за пояса длинную трубку. – Знаешь, сорванец, духи… не те, что жаждут крови, другие… они пророчат тебе куда *большее*, чем пьедестал изобретателя новых лекарств… Да, это благородная цель сама по себе, но не твой путь…

– Значит, ты все-таки видишь мое будущее? – Витторио подался вперед, жадно вчитываясь в мимику собеседника.

– Сорванец… – Гэлле покачал головой, сетуя на легкомыслие гостя. – Будущее видят лишь избранные свыше. И сумасшедшие. К кому из двоих хотел бы обратиться ты?

– Знаешь, старик, говорят, что вещь, которую я ищу, – сама по себе сумасшествие. Системная ошибка нашей реальности. Сочетание несочетаемого.

– Но она может тебе помочь. Приблизить к цели, я прав?

– Возможно… – Цикл отбросил веточку, которую до сих пор вертел в пальцах.

На красной коже перчаток осталась мелкая горная пыль.

– Как? – бесхитростно поинтересовался бокор.

– Если байки правдивы хоть на четверть, картина может стать символом, вокруг которого сплотятся люди.

– Твой Грааль – не знамя. Но ключ. – Отшельник прислушался, то ли к дыханию ветра, то ли к голосам, слышать которые мог лишь он один. – Может быть, к чему-то новому. Несоизмеримо огромному, гораздо большему, чем ты ожидаешь…

Витторио стиснул кулак.

Делясь знаниями, полученными от духов Лоа, Гэлле нередко обнадеживал своего воспитанника. Тому хотелось верить, что и сейчас старик не озвучивает пустые умозаключения, но опирается на некое сакральное знание…

– Ключ позволит мне прорваться через Арку? – спросил Витторио негромко и так вкрадчиво, словно из-за ближайших камней разговор мог подслушивать кто-то посторонний.

– Ну вот, сорванец, – улыбнулся жрец, закончив забивать трубочку, – ты опять хочешь знать будущее. Какой в этом прок и интерес? Предсказание само по себе не самоцель – настоящим чудом является человек, способный предсказывать. Вот в ком сила. В существе не от мира сего. Его-то и нужно держаться, а вовсе не произнесенных слов…

– Если поиски моих людей ни к чему не приведут, я зря трачу силы и деньги.

– Не трать, – с показным равнодушием пожал плечами бокор, затягиваясь сладковатым дымом. – Но если не пробовать, зачем жить? Забудь о легендах. Выброс из головы. Чем станешь заниматься тогда? Тренировать своих верных псов, преданных

головорезов, личную армию? Отлично! Но что ты собираешься делать дальше? Ворваться на Станцию с автоматом в одной руке и флагом корпорации в другой? Многие пытались, сорванец, и ты знаешь, к чему это привело…

– Я прорабатываю различные варианты. – Витторио уклонился от прямого ответа, размышляя о скором завершении проекта «Плод». Если партию с вакциной правильно разыграть, на Станцию будут врываться совсем другие люди… – И далеко не все из этих вариантов намереваюсь исполнять своими руками.

Словно подтверждая сказанное, он легким хлопком очистил перчатки от пыли.

Старик окутал себя облаком дыма. Отложив трубку на камень, сунул руки под пончо, вынимая оплетенную веревкой бутылку и стеклянный стакан, не мытый тысячу лет. Большим пальцем выбил пробку, прикрепленную к горлышку тонким витым шнурком. Плеснул граммов сто, выпил залпом, гостю не предложив. Когда они оба садились за стол в жилой хижине бокора, тот всегда угощал верхолаза. Но что именно старик пил из «личных» бутылок, стоящих на алтаре или таскаемых под мешкообразной накидкой, Витторио даже не предполагал.

Покривившись, Гэлле убрал емкость обратно под одежду.

– Своими руками работают только дураки, – изрек он старую, как его собственные башмаки, истину. И вдруг спросил, совершенно выбив Гамбу из колеи: – Как ты считаешь, кому Мертвый раздает открытые планеты?

– Государствам, – не успев подумать, ответил верхолаз, недоуменно глядя на собеседника сверху вниз. – Это очевидно, об этом знают все. Свой мир получают поднебесники, индусы, американцы и другие вудуисты…

– Замолкни, дурачок! – без злобы, но твердо оборвал его бокор. – А теперь *подумай* и ответь снова.

Цикл повернулся к океану, одному из самых страшных и непознанных существ на всей планете. Вдумался в вопрос, постаравшись сдержать обиду на пренебрежение старика к его умственным способностям.

– Традициям. Мертвый дарит миры устоявшимся Традициям. А уже они, как паровозы, тянут за собой целые государства…

– Ты всегда был умным мальчиком, сорванец, – удовлетворенно кивнул Гэлле, глубоко затягиваясь. Глаза его покрылись пленкой, словно тончайшим слоем слюды, и было сложно сказать, что стало причиной: алкоголь, табак или голоса духов. – И теперь ты понял самое главное. Московский дракон выдает подарки не по национальности или цвету кожи…

– Значит, это и есть мой путь? – Витторио нахмурился, что

отразилось гримасой на его обожженном лице. – Зачем же ты потакал моим экспериментам с артефактами? Пускал по ложному следу? Я вбухал в это огромные деньги! Буквально несколько дней назад узнал, что в мои руки попал тюнгур алтайских камов, а теперь ты заявляешь, что…

– Перехвалил… – Покачал головой одинокий хунган, не подчинявшийся никому. – Вот скажи, кому легче от твоих глупых вопросов? Тебе самому?.. Пойми, сорванец, мы до сих пор не знаем, каким образом артефакты Традиций отзовутся на голос новых миров. Но попробовать, бесспорно, стоит, ты сам приводил сравнение с приборами и подходящим моментом. Но коллекционирование никогда не было самоцелью. Первый шаг, и я говорил тебе об этом неоднократно, – победить крылатого змея и попасть в пещеру. А еще – найти могущественных союзников и вычислить потенциальных врагов.

– Но… – Цикл чуть не поперхнулся. – Если картина существует, моими союзниками станут… нейкисты? Презираемые за события пятилетней давности? Проклятые цивилизованным миром? Жалкие, разрозненные и беспомощные? Не способные разбить куриное яйцо или подобрать галстук к рубашке и теряющие последнюю силу без «синдина» и «балалайки»?

– Вот же глупец! – Гэлле всплеснул руками. – А кто говорил о знаменах пять минут назад? Сорванец, люди, искавшие откровение, истину или новую веру, но обманутые и заведенные в ловушку, машинально нащупывают точку опоры. Когда армия разбита, вдохнуть силы на решительную контратаку может самая незначительная мелочь. Например, выживший трубач, поднявшийся в полный рост под ураганом свинца…

– Они же просто орда… стадо. Причем лабораторное стадо, выпущенное из вольеров после серии неудачных экспериментов…

– Не делай преждевременных выводов, не познав суть предмета, поисками которого заняты твои люди, – нахмурился старик. – Нейкисты не всегда были стадом, и чтобы знать об этом, не обязательно спускаться с гор. Женщина пыталась объединить их, но погрязла в заблуждениях. Мужчина повел их, но действовал против собственной воли. Возьми лучшее от обоих и преуспеешь.

– Но…

Витторио Гамба с силой сжал край зеркального шлема, не сразу озвучив опасения:

– Но что, если картины никогда не существовало? Что, если ее сотворение – байка? Очередная сетевая байка, которые так любят травить машинисты за кружкой дешевого пива?

– Сомнения? – вопросом на вопрос парировал бокор. И

понимающе кивнул. – Знаешь, духов Лоа они только радуют. Уверяю тебя, многие из них возликуют, если ты примешь решение отступиться. Там, – мундштуком трубки Гэлле указал вниз, в сторону своего скромного поселения, – под крышей храма они разделились, ругаясь и ссорясь в эту самую минуту. Часть из них пророчествует. Часть рекомендует мне убить тебя здесь и сейчас… и голоса последних звучат все громче по мере укрепления твоей собственной решимости завершить начатое. Как ты полагаешь, сорванец, стали бы духи паниковать, если бы в будущем тебе предстояло найти лишь пустышку?..

Бинарный код 111

Я немало говорил о заблуждениях Поэтессы. Но главной – самой чудовищной ее ошибкой я считаю бездумное отрицание прошлого и юношеский нонконформизм, с которым автор «Чисел» смела с доски суть человеческой души-веры-самопознания, решив, что машинисты способны сотворить будущее с чистого листа…

Итогом стало свержение кумиров, разорение капищ и подрыв вековых устоев. Если бы не ужасные последствия бесчинств тритонов, за которые предстоит расплачиваться нам, все произошедшее можно было бы сравнить с боем на подушках. Дети резвятся, не замечая, что порвали пижамы и разгромили собственную комнату; им весело, они охвачены азартом, а лукавое существо из шкафа подбивает продолжать «праздник непослушания», наплевав на советы и предостережения старших…

Увы, электронным альбигойцам наших дней никто не помешал. Тритоны Сорок Два отомстили не только за свое неумение адаптироваться в материальном мире, произвол верхолазов и хищность капитализма. Также они отомстили за когда-то разрушенный Монсегюр, охотно бросившись в Крестовый поход против «примитивных верований».

Начисто отрицая религиозную подоплеку нейкистского движения, и Поэтесса, и Сорок Два не смогли прочертить зримую грань и указать

на разницу. Год за годом они оба впустую играли словами, пытаясь скрыть очевидное – налицо сходство идеологий и способов внедрения в умы человечьи…

Поэтесса утверждала, что все чудеса способен творить человек. Сам, лично, своими руками, уподобившись Богу. Три года назад человечество увидело, к чему могут привести подобные заблуждения. Потому что человек – не есть Бог, никогда им не был и никогда не станет. Предел пути его – возвышение над себе подобными. А все попытки грозить небу кулаком обыкновенно имеют особенность заканчиваться ударом молнии…

Далеко не все в этом мире, даже насквозь пропитанном наукой и Цифрой, имеет рациональное объяснение. Далеко не все. И ровно столько, сколько на Земле будут происходить крохотные или глобальные чудеса, среди людей найдутся жалкие трусы. Слабые духом человечки, боящиеся признать существование чего-то запредельного и волшебного, настаивающие на применениях фальсификаций, еще не открытых законах физики, математики и кибернетики.

«Шепот цифровых идолов», глава 4

– Запомнил, что именно от тебя требуется?

– Д-да… – Голос дрогнул всего чуть-чуть, но от Хуго это не укрылось.

Швед понимающе качнул головой, разворачиваясь на пассажирском сиденье просторного «Ауди Дромадера» так, чтобы максимально прямо смотреть на машиниста. В его глазах не читались ни усталость, ни раздражение. Даниэль знал, как хорошо шеф относится к нему и к остальным членам группы, но с волнением поделать ничего не мог.

Над припаркованным в нижних кварталах внедорожником пронеслась монорельсовая «собачка». Франкфурт восстанавливал инфраструктуру весьма оперативно – сказывались нетерпеливость верхолазов и поток дешевой рабочей силы, не совсем легально завозимой в Анклав с юга Франции.

– Понимаешь, Даниэль, что намеченное можешь исполнить только ты? – мягко, почти по-отечески спросил Энквист, разминая в пальцах светло-зеленую сигарету со вкусом мяты, но не спеша прикуривать.

Гордон Бакли, сидевший за рулем «Дромадера», в разговоре участия не принимал, разглядывая новое приобретение в коллекцию – какую-то средневековую монетку. Деньги – это ток жизни, так он говаривал? Глядя на пышущие жизнью районы центрального Франкфурта, Даниэль Жицкий был склонен согласиться.

Подумать только, в вечерний час пик здесь даже зажигали неоновую рекламу! Ненадолго и не на полную мощь, но верхолазы давали подданным почувствовать, что жизнь налаживается. Жизнь. Финансовые потоки. Власть.

Заметив, что мысли машиниста снова свернули с верной тропки, Хуго побарабанил пальцами по кожаной спинке сиденья. Невроз виновато улыбнулся и кивнул.

– Понимаю, шеф.

Наверное, дело было не только в перспективе выхода в шумный ночной город. Проблема состояла в том, что Жицкий никогда не любил коллег по цеху. Ни до Инцидента, ни после. А уж тех, кто пошел за Сорок Два, присягнув на верность «поплавкам» и п-вирусам, поляк просто ненавидел…

– Ты отдаешь себе отчет, Даниэль, что никого другого в бар не пустят? Не пустят даже на порог.

– Отдаю…

В голове все еще вертелись образы ненавистных тритонов. Слабых, беспомощных без волшебства Троицы. Он наверняка встретит кого-то из них внутри. Наверняка. Худых, доживающих последние годы своей никчемной жизни. Готовых за дозу «синдина» пойти на штурм серверов Пирамидома и даже продать душу. Впрочем, они и так продали свои жалкие душонки. Продали за бесценок Сорок Два, этому лживому Пророку и его слепому Крестовому походу, обернувшемуся беспощадным экономическим луддизмом.

– Понимаешь, что идешь без прикрытия? – Может быть, со стороны казалось, что Хуго разговаривает с машинистом, будто с умственно отсталым. Но командир делал это так ненавязчиво, что обижаться вовсе не хотелось. – Уяснил, что рядом не будет ни

меня, ни Бакли?

Глубоко и, как ему показалось, решительно вздохнув, Невроз снова кивнул.

– Это твои коллеги, Даниэль. – Энквист снова развернулся к лобовому стеклу «Дромадера», вставляя сигарету в губы. – И даже если ты презираешь нейкистский сброд каждой клеткой и частичкой сознания, они остаются твоими коллегами. И в чем-то даже единомышленниками.

Швед был прав, чего тут спорить? Но от этого спланированное им задание легче не становилось. Даниэль вытер вспотевшие ладони о штанины джинсового комбинезона.

Несмотря на то, что ему неоднократно напоминали о мощной силе воли, в свое время удержавшей машиниста от употребления «синдина», он себя сильным человеком не считал. Да, уберегся. Да, выждал должное количество времени. Но причинами были не расчет и здравый смысл, а откровенное недоверие, с которым Невроз отнесся к новому веянью. А все, что было потом – вера в собственные силы, убежденность, что виртуозом сети можно стать и без химических костылей, – это все пришло позже, став оправданием собственной трусости.

– Оставайся начеку, дружище, – не оборачиваясь, предупредил шеф, вставляя в ухо динамик передатчика.

– А если почуешь подвох, тощий, сразу беги, – не отрывая взгляда от монеты, вставил ирландец, коротко хохотнув. – Уж снаружи-то мы тебя прикроем, будь спокоен…

– Останусь, – как можно спокойнее и увесистее подтвердил Жицкий, берясь за дверную ручку. – Шеф, не переживай, я справлюсь. Да, мне страшно и неуютно, я много лет не общался в реале с «собратьями по цеху», но я справлюсь.

Поймав его взгляд в зеркале заднего вида, Энквист ободряюще улыбнулся и кивнул в ответ. Он верил в своего человека, как в самого себя, и точно знал, что в нужный момент тот сможет победить собственный страх.

Открыв дверь, Невроз выбрался на влажный от дождя тротуар Сумеречного Квартала. Люминесцентная реклама на стенах окрестных домов отражалась в лужах. Всполохи оставались лишь былым подобием неонового пиршества, которым славились улицы городов до всемирной встряски, но и они словно кричали: все будет хорошо, мир возродится!

В голове не укладывалось – второй Анклав за последние несколько недель. Еще в начале сентября они колесили по Монреалю, выискивая законсервированные лаборатории граверов, и вот уже пересекают океан на скоростном лайнере, приземляясь в самом сердце Европейского Союза.

Большие деньги, очень большие. Нереально большие деньги, вложенные в расследование. Жизненная сила цивилизации, как говорит ирландец. Волшебный ветер, способный за считаные часы перенести крохотного человечка через половину земного шара.

Даниэль не знал, что именно ищет их хозяин на этот раз. Но, судя по расходам, дело того стоило. Это в свою очередь означало, что на карту поставлено очень много, и от «горностаев» требовалось показать себя с лучшей стороны. А в эту конкретную минуту – лично от Даниэля Жицкого, тридцатилетнего поляка из крохотного гетто на границе Старой Варшавы.

Он справится. Он – полноценный член команды, а не только придаток «раллера», прикрывающий боевые операции из сети. Стрелять, конечно, за время работы с Энквистом ему приходилось, но считаные разы, да и то наугад, создавая видимость. Но бывало ведь и такое. Значит, Даниэль справится и сейчас. Несмотря на волнение, потные ладони и перспективы общения с себе подобными.

– Как слышишь меня? – спросил передатчик в ухе голосом шефа.

Заглянув в переднее боковое окно «Дромадера», Невроз поднял вверх оттопыренный большой палец. Из-за электронной тонировки сидящих внутри мужчин видно не было, но машинист знал, что его жест заметили.

Сейчас он пересечет улицу. Под пристальными взглядами двух вышибал войдет в «Дигитале рейхгстаг». А затем найдет для группы новую зацепку. Ведь не зря же они жгли порох на улицах Монреаля?

Конечно, не зря.

Трофеи, раздобытые в северном Анклаве на другом конце океана, свое дело сделали. И пусть под огнем неизвестного противника им удалось захватить совсем немного, свою пользу принесли и эти крохи. Несмотря на то, что для анализа вынесенных из лабы «балалаек» и электронных пропусков пришлось несколько суток напролет шерстить нестабильную сеть, след был обнаружен…

Вспомнив о перестрелке в Монреале, где его чуть не достала шальная пуля уличного отребья, Даниэль вздрогнул. Прогнал невеселые воспоминания, зашагал к бару, чья яркая вывеска была подсвечена тремя химическими фонарями.

Конечно, большую часть спасенного в электролабе Кот-Де-Перрона пришлось уничтожить, оно не представляло никакого интереса и до сих пор могло «маяковать». Еще одна часть тянула ниточки к людям, давным-давно простившимся с жизнью. И только малая толика информации, одна-единственная улика, как

называл ее Энквист, вела к человеку, все еще топчущему умирающую планету. И здесь Невроз без лишней скромности мог заявить, что вычислить этого человека помог именно он – отрядный машинист, несколько дней лопативший тонны бесполезного сетевого мусора.

Теперь лабу, богатство которой Жицкий вспоминал с душевным трепетом, наверняка ликвидировали. Эвакуировали, если за нападением стояли прошлые хозяева мастерской, или вообще безжалостно выжгли, уничтожив все следы. Но один все же остался, и именно поэтому позавчера утром пять «горностаев» сошли с трапа комфортабельного «Орбитал Джета», один полет на котором стоил месячной зарплаты большинства сидящих в «Рейхстаге».

Даниэль не упустит уцелевшую зацепку. Даже если для этого ему придется на один вечер переквалифицироваться в оперативного сотрудника, как того хочет Хуго.

Скорее по привычке, нежели от истовой веры, машинист вознес короткую молитву Цифре, как всегда делал при входе на небезопасную и враждебную сеть. Он и заметить не успел, как ноги принесли его к дверям кабака, оставив нерешительно мяться под присмотром двух широкоплечих арабов.

– Вход только машинистам, – отстраненно предупредил один из них, скрещивая руки на груди.

– Я и есть машинист. – Неврозу показалось, что он произнес это громко и уверенно, но из глотки вырвались невнятные хрипы. – Я машинист, – повторил он уже разборчивее.

В принципе все наглядные атрибуты были при нем. Но бритая голова и несколько блеклых татуировок, демонстративно относящих его к ледоколам Цифры, еще не являлись гарантией членства в транснациональном братстве. Поэтому араб отступил в сторону, позволяя рассмотреть дисплей и выдвижную деку слева от двери в бар.

– Ну, тогда попробуй войти, – с деланым равнодушием промычал он, почесывая небритую щеку.

Даниэль сделал шаг вперед, с сомнением рассматривая компьютер-привратник. Раз в несколько минут тот генерировал случайную задачу, решить которую было под силу почти любому машинисту. Любому взрослому настолько, чтобы шляться по барам, – уж точно.

Брезгливо выдернув из деки заляпанный сотнями рук привод, Жицкий вынул из комбинезона собственный, подключаясь к пропускной системе. Получил задание, приступив к набору команд еще до того, как мозг проанализировал мизерную сложность теста. На дисплее зажглись надписи «Задание

выполнено, вход разрешен», исполненные на арабском, немецком и русском языках.

Мускулистые арабы, нанятые хозяевами бара для физической охраны парадного, потеряли к гостю последние крохи интереса. Вот если бы тот ненароком ошибся, заставив машину выдать предупредительный сигнал, тогда парням было бы чем поразвлечься во время рутинной вахты. А так… вероятнее всего, контингент, наводняющий «Дигитале рейхстаг», крепыши и за полноценных людей-то не считали.

Замок с шипением разомкнулся, створки раздвинулись, приглашая Невроза в шумные просторы бара. Едва удержавшись, чтобы не оглянуться на «Дромадер», припаркованный в сотне метров вниз по улице, он вошел внутрь.

– Все в порядке, старичок, – услышал он умиротворяющий голос командира. – Ты справишься.

Конечно. Сомнений нет. Машинист не имеет права подвести команду, даже выбравшись из недр оперативного центра…

Кабак, заполненный коллегами Жицкого, был таким же, каким запомнился еще юному Неврозу, только начинавшему постигать тонкости укрощения Цифры. В одном из его залов танцевали под ритмичные уханья, вживую извлекаемые двумя парнишками из портативных механических синтезаторов. Во втором, где хотели пообщаться, над укромными кабинками парил мерный гул голосов.

Было темно, душно и прокурено.

Осмотревшись с порога, «горностай» двинулся к стойке.

На него косились – новенькие захаживали в «Рейхстаг» нечасто, сказывалось нестабильное транспортное сообщение между Анклавами, превратившее Франкфурт в почти автономный паровой котел. Или кастрюлю с вечно варящимся супом, куда давно не подбрасывали новых ингредиентов. Или банку с пауками, никак не способными сожрать друг друга.

Половина столиков пустовала: не так много осталось в одном из крупнейших европейских Анклавов тех, кто мог с легкостью пройти через электронного привратника. Свет давали толстые трубки, заполненные светящейся химической взвесью, которую раз в час приходилось основательно взбалтывать, иначе иллюминация затухала.

Как и прежде, здесь обменивались информацией, делились тонкостями мастерства, корректировали рецепты «динамита», искали и продавали заказы, бахвалились удачным взломом, торговали наркотиками и непомерно дорогим «синдином». А еще просто надирались, методично приканчивая физические оболочки и давая отдых перегруженным Цифрой мозгам.

Усевшись на высокий барный стул, Даниэль вынул из кармана пачку евродинов.

Барменша, разглядевшая наличку, тут же оказалась рядом, услужливо наклоняясь вперед. Алкоголь продавала высокая мужеподобная женщина с истатуированными руками и лбом. Сразу видно – машинистка в отставке, именно такие личности и держали заведения «для своих», где с написания первой строчки программного кода собирались электронные фанатики.

– Новенький? – напрямую, но без подозрения, полюбопытствовала она. Впрочем, ответа на риторический вопрос не ждала, просто констатировала факт. – Что будешь пить?

– «Дефрагментацию», пожалуйста. – Углядев за спиной барменши изрисованную мелками доску-меню, Невроз отсчитал нужную сумму. – И чего-нибудь погрызть.

Перед ним материализовались высокий стакан с легким водочным коктейлем и миска неприглядных на вид стручков. На вкус продукт напоминал соленый арахис, и если не смотреть в тарелку, был очень даже недурен. Потягивая напиток, Жицкий приготовился внимательно осмотреть бар, выискивая клиента. Но барменша не позволила.

– По делам или нажраться? – спросила она, изогнув тонкую бровь и заставив татуировку на лбу смяться в гармошку.

– По делам, – честно сознался Невроз, незаметно для себя куснув ноготь на правой руке. – Меня Неврозом кличут.

– Циркулярка. – Женщина шутливо отдала честь, отчего татуировки микросхем на запястье изогнулись. – Добро пожаловать в «Рейхстаг».

Она задумалась, мутно уставившись в стойку. Но было очевидно, что сотрудница бара оперативно протряхивает «балалайку», выискивая в «сарафанной» базе данных любую информацию о назвавшемся чужаке. Об этом Даниэль не волновался, его официальный послужной список был чист, как древний арктический лед.

А вот врать бармену на первых минутах знакомства было бы крайне опасным занятием. Машинисты во все времена являлись закрытым клубом, сообществом необычайно подозрительных и недоверчивых личностей, легко вычислявших подосланных нюхачей…

– Что интересует? Заказы, покупка софта, новое и старое «железо»? – продолжала выпытывать Циркулярка, не дав понять, смогла ли что-то разузнать про нового посетителя. – Есть немного «топляка», кое-что подфанивает. Если ищешь работу, зашел в неудачный день, биржа открывается по средам.

Она не давила, просто интересовалась, чем еще может быть

полезна заблудшему коллеге с пачкой наличности в кармане. Тот, несколько смущенный повышенным вниманием, вымученно улыбнулся.

– Не тушуйся, – прошептал Энквист в его ухе сквозь помехи динамика, отчего стало чуть спокойнее. – Будь собой, Даниэль…

– Вообще-то ищу одного человека, – выдохнул Невроз.

Подготовленный план мирно отсидеться в углу и высмотреть знакомое лицо пошел прахом, приходилось выкладывать карты на стол. Впрочем, законы баров для машинистов именно такой подход к делу и предполагали – согласно своду неписаных правил, все распри, корпоративные интересы и наниматели оставались за порогом, хотя бы ненадолго превращая потенциальных противников цифрового поля в единомышленников и собратьев.

И все-таки Жицкий поражался.

Со дня крушения сетевого мира прошли годы, так и не вернувшие сети былую глубину. Тритоны, поставившие экономику планеты на колени, отрубившие ей голову и напившиеся крови, вымирали как вид. Даровавшего могущество «синдина» оставалось все меньше, во многих странах и Анклавах за его использование пожизненно сажали на нары или вовсе казнили. А собравшиеся в «Рейхстаге» машинисты до сих пор мнили себя выше остального человечества, продолжая упиваться игрой в «своих» и «чужаков».

Каким же неисправимым оптимистом нужно быть, чтобы считать, что для возвращения всего на круги своя достаточно дождаться перезагрузки сервера? Или дело не в оптимизме, а в непросветной тупости? В неумении видеть дальше собственного «раллера»? В наивной вере в «доброго дядю», способного восстановить сеть и вернуть аквариумным рыбкам былые океанские просторы?

– Ломали вместе? – прощупала почву Циркулярка. – Или задолжал?

На этот раз Невроз ничего не ответил барменше. Посмотрел на нее поверх бокала, сделал неспешный глоток, мельком отметив высокое качество напитка. Он, конечно, был новеньким в «Рейхстаге», но при этом вовсе не выглядел семнадцатилетним простачком, готовым делиться профессиональными секретами.

Женщина за стойкой взгляд истолковала верно, примирительно продемонстрировав ладони.

– Понадоблюсь, я тут, – улыбнулась она, отступая к стеллажам с бутылками. – На этом самом месте.

– Молодец, – догадавшись о произошедшем, похвалил его командир, добавив еще несколько фраз, но Жицкий не разобрал

из-за помех.

Видеть происходящее в баре через «балалайку» своего машиниста Энквист не мог – «Рейхстаг» был надежно экранирован, так же, как другие притоны цифровой братии. Хорошо хоть стены острова безмятежности пропускали радиосигнал, пусть и с трудом.

Благодаря конспирации хозяев кабака, вести диалог приходилось предельно редко, только в самые важные моменты – мало ли какими декодерами радиоперехвата была оснащена эта дыра?

Оставшись в одиночестве, Даниэль наконец осмотрелся.

Его окружали бритоголовые мужчины и девушки, нищие и обеспеченные, но одинаково небрежные в стиле одежды и отношении к внешнему виду. Глупые двуногие гусеницы, возомнившие себя куколками, из которых рано или поздно в мир Цифры выпорхнут бабочки их свободолюбивых бунтарских душ.

Над угловатым редутом Циркулярки беззвучно и безостановочно вкалывал длинный изогнутый коммуникатор, бросавший на полированные стойки яркие пятна отражений. Шли новости. Звук был приглушен до минимума, но происходящее на исцарапанном экране воспринималось без лишних комментариев.

Перед одной из фабрик Анклава шла забастовка. Шумная, людная, с плакатами и гневно вскинутыми кулаками. Проволочное ограждение прогибалось под напором негодующей толпы рабочих. Изнутри, хмурясь под козырьками пластиковых шлемов, на них поглядывали бойцы местной службы безопасности, расставленные перед воротами редкой цепью. Представители предприятия, все как один в серых или коричневых костюмах, рискнули выйти на переговоры.

Бойня началась через полторы минуты, удачно заснятая сразу с трех разновысотных камер. Вероятно, операторы новостного канала готовились к потасовке. А может, и вовсе были предупреждены, но начавшаяся свалка по драматизму крупных планов вполне могла претендовать на награды…

Сначала кто-то вцепился в серый пиджак.

Затем мелькнула доска, вминаясь в ребра.

Безопасники, вскинув щиты и электрические дубинки, тут же двинулись вперед, разрубая толпу. И уже через мгновение в ход пошли обрезки труб, арматура, палки и даже ножи. Полилась кровь.

Каперы, так и не сумевшие договориться с протестующими, были вынуждены отступить под прикрытием силовиков, оставив на поле брани двоих или троих, бездыханно упавших под ноги орде.

Затем в кадре показался небольшой грузовик СБА, обшитый титапластовыми листами и увенчанный автоматическим водометом. В демонстрантов ударила струя, но от этого рабочие озверели еще сильнее, бросившись на окончательный штурм ворот и самого водомета.

Дальше Жицкий не смотрел. Он был уверен, что пока в мире происходит подобное, кто-то на другом конце земного шара обязан проводить время в молитвах. Молиться, денно и нощно выпрашивая хищному человечеству толику чуда. Милосердия, сострадания, заботы о ближнем и доброты. Потому что если уверовать, что никакого чуда ниспослано не будет и оскал людской останется волчьим до скончания веков, то стоит ли вообще уповать на сохранение пострадавшего рода Адамова?..

Машинисты и ломщики шушукались по кабинкам, сливая друг другу свежий софт или делясь сплетнями. Флиртовали, накуривались, танцевали под необычную рваную музыку и вообще наслаждались жизнью. Отчего Невроза охватил такой острый приступ мизантропии, что захотелось вскочить на стойку, во весь голос поведав «раллерным» придаткам, что на самом деле происходит за дверями душного бара…

Он удержался.

Отпил еще, чувствуя легкий шум в голове. А затем заметил клиента, в одиночестве сидящего в самой дальней и темной кабинке. Мужчина средних лет навалился на столик всем весом, почти лег. Отодвинув стакан с недопитым пивом, он уставился на свечу, горевшую на стене его кабинета, что-то бормоча под нос.

– Нашел, – прошептал Невроз, надеясь, что Циркулярка не заметила. – Начинаю.

– Удачи, – ответил ему Хуго.

Дэниэль приблизился к столику, за которым сидел одинокий ломщик. Татуировки на его голове выглядели грубыми и нарочито самодельными. Не заметив нависшего над столом гостя, тот продолжал разговаривать сам с собой.

– Я присяду? – осторожно поинтересовался – Жицкий.

– Братушка, какие вопросы? – Юрий Гончаров по прозвищу Керамика поднял на машиниста замутненный взгляд. Смотрел вроде бы в лицо, но при этом казалось, что ровнехонько сквозь собеседника. – Конечно, падай, места хватает.

Говорил Керамика по-русски, и для общения с клиентом Неврозу даже не требовался переводчик в «балалайке» – в свое время поляк выучил этот язык. А вот речь стареющего ломщика казалась замедленной, тягучей, необъяснимо странной.

– Угостить тебя? – спросил Даниэль, усаживаясь напротив и ловя на себе странные взгляды из-за стойки. – Еще пивка?

– Это можно. – Юрий оживился, словно забыв, что сбоку стоит недопитая кружка. – Это мы завсегда.

– Невроз, – представился «горностай», устраиваясь поудобнее и протягивая ладонь.

– Керамика, – озвучил и без того известную информацию русский, но на рукопожатие не ответил.

Только сейчас стало заметно, что на левой кисти у него не хватает указательного и безымянного пальцев, а глаза бегают из стороны в сторону. Странно бегают, слезливо, выдавая живущую в голове беду…

По жесту Невроза к столу подошла Циркулярка. Приняла заказ и купюру, наклонившись в сторону поляка так, что едва не провела по щеке крупной качающейся грудью. Жарко дохнула чуть различимым оттенком синтетического тетрогидроканнабинола.

– Аккуратнее с ним, парень, – шепотом предупредила она, красноречиво закатывая глаза. – Старина Керамика совсем плох стал… Если его искал, многого не жди…

И мимолетным движением начертила на столешнице короткую черточку – минус.

– Чего это ты городишь? – нахмурился русский. То ли расслышал, то ли просто был недоволен вмешательством барменши в разговор. – Опять мою фотографию нашла? Выброси немедля, пчелы ждать не будут.

Сначала Невроз не совсем уловил, о чем говорит ломщик. Но заготовленный на всякий случай переводчик дословно воспроизвел сказанное, и Даниэль убедился, что дело в странности фонетического конструкта.

– Открыть тебе тайну, братушка? – тоном заговорщика поинтересовался Керамика, как только женщина отошла.

Сердце Невроза совершило кульбит. Он кивнул, наклоняясь вперед, и опешил, не ожидая услышать продолжение:

– Этот мир значительно сложнее, чем когда голуби начинают волноваться. Волнениям нет образования, это всего лишь перманентный энергетический поток. Думаешь, он связан с таяньем снегов? Вот тут ты и ошибаешься…

Закончив, Юрий многозначительно покачал головой, словно предлагая разделить триумф открытия. Жицкий побледнел. Слухи о помешательстве русского ломщика не только соответствовали действительности, но и безнадежно устарели. Керамика, судя по всему, просто свихнулся. Окончательно и бесповоротно.

– Значит… – Невроз прочистил горло, начисто забыв все, с чего собирался начать беседу с клиентом. Его охватил страх. –

Значит, ты и есть тот самый Керамика, что работал с Сорок Два?..

– Сорок Два? Блаженный Пророк… – Беспалый зло усмехнулся, вдруг даря надежду на обстоятельную беседу. И тут же срезал ее росток на корню, припечатав собеседника таинственным: – Единичные окна позволяют, множественность материнства сводит все на нет. Видишь? Это пример отстранения от космоса и его угольков, братушка.

Циркулярка принесла пиво, повторив выразительный взгляд предупреждения, но Даниэль даже не посмотрел на барменшу. В его ухе ожил передатчик, нашептывая голосом Энквиста.

– Так, Даниэль… Похоже, у клиента шизофазия, причем определенно не алкогольная… – Помехи забивали половину слов командира, но общий смысл угадать позволяли. – Продолжай беседу, задавай вопросы. Попытайся ухватиться за поток его сознания и вывести на нужные темы…

Глотнув «Дефрагментации», «горностай» наблюдал, как русский задумчиво изучает вторую кружку пива, будто не зная, что с ней делать. Почти врожденные социопатия и лютая боязнь общения, казавшиеся Неврозу страшными препятствиями для его полноценной жизни, теперь представлялись сущими пустяками, как насморк или мозоль на ноге.

– Юрий? – позвал он, заметив в глазах Керамики робкий огонек понимания. – Я искал тебя, чтобы поговорить. Долго искал. Мы ведь можем поговорить?

– А ты не так прост, как кажешься, да, братушка? – оскалился тот, бесстыдно обнажая провалы отсутствующих зубов. – Давно мы с Сорок Два работали, очень давно. Лет двадцать тому. Может, больше…

– Чем вы занимались, Керамика? – Жицкий старался говорить уверенно и твердо, но при этом понижал голос, чтобы разговор не расслышали в соседних кабинках. Его начинало потряхивать. – Чем занималась группа «Кромлех», в которую ты вступил в Монреале?

– В вакууме возможно сотворение огромного, – со знанием дела ответил Гончаров, пожав плечами и заставив Невроза мысленно застонать. – В зеленой комнате возможно сжигание крохотули. От конкретного движения все зависит, крепко рассуждаю. Атмосфера наполнена кислородом, потому что у нее такая же биография, как, например, у смолы. Структура такая же. От этого принятие и происходит, мягкость нот не укладывается даже во рту.

«Горностая» пробил холодный пот. Он сглотнул шипастый комок, мешавший дыханию, абсолютно не представляя, как продолжить. Но собеседник неожиданно замотал головой, лукаво

прищуриваясь.

От смены его настроения хотелось выть. Казалось, разыгрываемое перед Неврозом представление – откровенный фарс и насмешка. Но в другую секунду помешательство выпрыгивало на передний план, заставляя отбросить любые помыслы об издевательстве и намеренном запутывании.

– Брось это дело, братушка, тебе не по зубам… – Русский по-приятельски подмигнул ему. – Или заказ выхватил? Все равно брось… Не доведет до добра…

– Это заказ, – честно сознался Невроз, проигнорировав предупреждение в наушнике. – Отказаться не могу. Расскажи, что знаешь?

Просветление сознания Керамики воодушевило его, заставив подобрать нужные слова, и комментарии командира могли только все испортить.

– На кого ж ты работаешь, братушка?

Внезапно обнаружив перед собой кружку с пенной шапкой, Юрий довольно улыбнулся, отпивая почти половину. Пена осталась висеть на кончике носа, как гроздь искусственного снега. Если бы не бегающий взгляд и странная десинхронизация жестов, он выглядел бы почти нормальным. Пусть выпившим, но нормальным…

– Это опасная информация, – осторожно парировал Жицкий.

– Мы же вроде договорились быть откровенными? – удивился безумный ломщик, поднимая брови и намереваясь по-детски обидеться.

– На… на одного верхолаза… – ушел от прямого ответа Невроз. – Обычно он занимается коллекционированием антиквариата, но сейчас его заинтересовал «Кромлех»…

– Пусть забудет. – Русский поджал губу. – Проект закрыли еще до Катастрофы.

– Это мне известно… а ты можешь подробнее поведать, чем занималась ваша группа?

Керамика посмотрел на него так серьезно, что Даниэлю показалось, что тот сейчас либо вскочит и ударит его, либо откроет секрет изготовления философского камня. Но вместо этого в глаза ломщика вернулся туман.

– Можно построить сто алтарей, – задыхаясь, прошептал он. – Можно прослыть лучшим архитектором. Прослыть архитектурной выставкой. Ее тоже бросят на алтарь.

– Вы что-то создавали, ведь так? Новое «железо», совершенно необычное, да?

Невроз обливался потом, забыв про теплый коктейль.

За какие-то пару минут он успел тысячу раз убедить себя, что

совершенно не подходит для подобных операций. Будь на его месте Бригелла или Назанин, те мигом нашли бы ключи к заржавевшему замку в голове русского. А он? Он – простой отрядный машинист, его дело сидеть в бронированном фургоне, опекая оперативников из сети…

Керамика демонстрировал двуличие, достойное греческого Бога Дверей. Смотрел внимательно и пронзительно, будто раскусив замысел поляка, и тут же начинал нести полную ахинею. Причем так серьезно, словно речь шла о спасении чьей-то жизни.

– Люди толпятся у дверей, понимаешь, братушка? – обреченно поинтересовался Юрий. – Они, как пробка в цветочной вазе. Вазы разбиты, люди падают в пустоту. – Он отрешенно покачал головой, потер виски мизинцами. – Другие это запомнят, смогут передать пользу. Их сомнения не нужны. Никому не нужны. Это закон зачатия, от него поколения смогут признать непостоянство.

– Привлеки его внимание… – наконец разобрал Жицкий в собственном ухе сквозь трескотню статики. – Уводи от шизофренической демагогии.

– Юрий? Керамика? – Наклоняясь ближе и заставляя себя не морщиться от страха и брезгливости, Невроз заглянул сумасшедшему прямо в глаза. – Ответь на мой единственный вопрос, ладно? Не отвлекаясь, хорошо?

– Конечно, братушка! – Тот сел прямо, как прилежный школьник, готовый рассказывать урок.

– Над чем именно работала группа «Кромлех»? – старательно выговаривая слова, спросил Даниэль, вцепившись в край стола, лишь бы не отодвинуться.

Какое-то время русский молчал, покусывая губу. Так долго, что Жицкому начало казаться, что он снова упустил сознание безумца, отчалившее в дырявой лодке здравого смысла по безбрежным просторам шизофазии.

– Мы создавали… Бога, – распахнув глаза, вдруг прошептал ломщик, наклоняясь так близко, что «горностай» почувствовал его гнилое дыхание. – Нарушали законы мирозданья. Сжигали души во имя Цифры. Сингулярика воплощает вектор потенциала. Она – величайшее зло и добро. Для тебя. Для меня. Для всех них…

Он обвел беспалой рукой зал «Дигитале рейхстага», задумчиво уставившись в кружку.

– Плотник совершил ошибку. Уподобившись Творцу, часто забываешь закрыть заднюю дверь. От мух еще можно отбиться, но от пчел не спастись…

Его лицо дрогнуло, словно Гончаров собирался разрыдаться.

Циркулярка, следившая за диалогом от стойки, с укором посмотрела на сумасшедшего клиента, сочувственно качая головой. Она не слышала беседы, это считалось в нейкистских барах дурным тоном, но искаженное лицо русского говорило о многом.

– Плотник? – спохватился Даниэль, впиваясь в новое имя, как тонущий – в спасательный круг. – Кто это? Кто еще может знать о «Кромлехе»?

– Все мертвы, – просто ответил Керамика, пожимая плечами. – В небытии. Мертвы. Ушли. Знал Мартинес. Да, он многое знал, первым все понял… Да, Колорадо вовремя спрыгнул.

– Колорадо? Кто это? Гравер, тритон? Как мне его найти?

Казалось, жизненные силы покидают взгляд русского, отчего Невроз затараторил быстро-быстро. «Горностай» и не заметил, что уже не первую минуту обгладывает ногти на руке. Видимо, они с Юрием сейчас выглядели весьма знатно – парочка определенно съехавших с катушек машинистов, ведущих бредовый диалог.

– Белый вудуист, – к удивлению Жицкого, произнес беззубый, шмыгнув носом. – Из Америки, ага. Спрыгнул, братишка, как пить дать, спрыгнул. И в Штаты укатил, грехи замаливать. Говорят, в Гвардию подался машинерить, но кто его знает… Нужно отлить…

Керамика неуверенно поднялся из-за стола, и Невроз чуть не встал следом. Чего он хотел от русского в туалете? Подержать и стряхнуть? Чувствуя, что краснеет, «дознаватель» опустился на дерматиновый диван, расстрелянный дробью сигаретных ожогов.

Шатаясь, спятивший ломщик исчез в направлении туалетов, и возле стола тут же появилась Циркулярка. Забирая кружку с выдохшимся пивом, она испытующе посмотрела на недопитую «Дефрагментацию». Даниэль не отреагировал, и барменша унесла еще и коктейль.

Уже возвращаясь к стойке, вдруг обернулась, недоверчиво хмыкнув.

– Нашел, значит, своего приятеля? – В ее голосе сплелись жалость и раздражение. – Да, уже не тот Керамика… А знаешь, говорят, это у него крыша протекла от неграмотной варки «динамита». Хотя, может, и «синдин» эффект дал… Я тут третий год, таким в точности его и помню, несет всякую ерунду…

Она на мгновение задумалась, словно Жицкому был интересен ее треп.

– Хотя нет. Вру. Не таким. Все хуже и хуже Керамике, с каждым днем чахнет…

А тот, легок на помине, уже вернулся из уборной. Однако вместо того, чтобы сесть на прежнее место, вдруг упал на диван за соседний столик, завороженно уставившись в сердцевину

догорающей свечи.

– Циркулярка, где тебя носит?! – звонко выкрикнул он, заставив Жицкого вздрогнуть. – Пива принеси!

И скользнул по лицу Невроза таким безразличным взглядом, что не снился ни одному театральному актеру на свете во все века. Подделать такой взгляд было столь же легко, как синтезировать «синдин» в кухонных условиях. Одним словом, его было невозможно подделать – русский просто не узнал машиниста, пять минут назад угощавшего его выпивкой.

Барменша, к подобным поворотам сюжета привыкшая, понимающе кивнула из-за блестящей дуги пивного крана. Даниэль неловко заелозил по шершавому дерматину, пытаясь выбраться из кабинки и намереваясь возобновить разговор, но тут в ухе снова сработал передатчик.

– Невроз? – Голос Энквиста был удивительно спокоен, что совсем не вязалось с услышанным далее. – Остаешься один, действуй по обстановке. Мы отлучимся на пару минут. Главное, все записывай…

Жицкий похолодел, намертво сросшись с диваном. Конечно, он понимал, что в случае неприятностей боевые братья снаружи ничем не смогут ему помочь – не выламывать же, в конце концов, двери, переступая через трупы вышибал? Но знание того, что тебя слышат и контролируют, успокаивало.

Что означало «действуй по обстановке»? Должен ли он продолжить общение с Керамикой? Или больше из русского ломщика, ставшего безумнее сказочного Шляпника, уже ничего не вытянуть?

О том, как поступать дальше, Невроз не имел ни малейшего представления.

И о том, что происходило за экранированными стенами «Дигитале рейхстага», – тоже.

А там, в черном дизельном «Дромадере», припаркованном в сотне метров от бара, Хуго Энквист отключил микрофон, чтобы его дальнейшие слова были слышны только сидящему рядом напарнику.

Тот, уже несколько минут назад спрятав серебряный шиллинг в карман, хмуро пялился в зеркало заднего вида, управляя углом обзора с пульта на руле. Взгляд Бакли не предвещал ничего хорошего.

– «Кассава» в двух кварталах к западу? – на всякий случай уточнил швед.

– Точно. – Гордон хищно прищурился, из добродушного увальня превращаясь в человека, способного пальцем пробить селезенку. – Запомнил ее еще с Фриц-Шубер-Ринге, едва в зону

действия сети вошли.

– Безы?

Хуго неторопливо отстегнул от воротника микрофон, убирая радиостанцию в «бардачок» машины. Вынул портативный тепловизор, пригодный для установки на армейский шлем. Извернувшись на сиденье, прицелился в дальний конец улицы, подстраивая увеличение.

– Вряд ли, уровень не тот… скорее уголовники.

Модный тонированный мобиль и вправду никак не вязался с прагматичным стилем сотрудников СБА. Низкий, прилизанный, он полностью оправдывал свое название, взяв имя вымершей габонской гадюки.

– Внутри двое, – сообщил блондин ирландцу. – Большего с такой дистанции сказать не смогу.

– Пощупаем? – запросто осведомился здоровяк в ответ.

– Непременно…

Особенного удивления Энквист не испытал. Специфика работы сказывалась, да и заваруха в Монреале дала понять, что их расследованием кто-то заинтересовался.

Принадлежность перебитых dd все еще находилась под вопросом. Но в том, что на группу напали не обычные уличные стрелки, возжелавшие легкой наживы, швед был уверен на 100 %. Оставалось надеяться, что хозяин задействует свои, самые что ни на есть верхолазные каналы, в самое ближайшее время установив потенциального противника…

Вынув из кобуры «корд», Хуго дослал патрон. Плавно щелкнув затвором, аналогичную операцию проделал и Гордон. Вмешательства СБА Энквист не опасался, он уже разработал план, по которому пострадавшей стороной будут выглядеть именно пассажиры «Дромадера». Нельзя исключать, конечно, что затем «горностаев» возьмут под более пристальный контроль, но лидер группы всей душой надеялся, что их миссия в шумном Франкфурте скоро подойдет к финалу…

Его охватил азарт, снова закололо ладони, спрятанные под бархатистыми перчатками без пальцев. Активировав одну из программ «балалайки», Энквист подготовил к запуску систему «Уайатт Эрп». Контролируя имплантат в правом локте и предплечье, боевой софт не только увеличивал меткость, но и позволял выхватывать оружие с немыслимой скоростью.

Улица, прилегавшие к ней переулки, бары и публичные дома Сумеречного Квартала превратились в шахматную доску, на которой Хуго предстояло сыграть свою очередную партию. Указав вперед, он отдал приказ.

– Через шестьдесят метров направо и включай «зонтик».

Конечно, если СБА найдет в «Дромадере» собранное Неврозом устройство, возникнут вопросы и претензии. Но безы по умолчанию предполагали, что у сотрудников частных военизированных фирм рыльце в пушку, а потому феерического скандала Энквист не ждал. Да, пошумят. Влепят штраф и пару предписаний, устройство наверняка конфискуют. И то, если не удастся решить дело взяткой.

Кроме того, польза прибора оправдывала все возможные риски – «зонт» на короткое время создавал вокруг транспортного средства такой уровень помех, что стирал его с радаров, спутниковых навигационных программ и систем городского слежения. Жицкий утверждал, что его разработка способна заглушить даже армейский наноскоп, но проверять последнее утверждение Хуго не мечтал…

Едва «Ауди» тронулась с места, плавно выруливая на проезжую часть, «Кассава» ожила. Включать фары, позволяя обнаружить себя раньше времени, не стала. Но и мешкать ее водитель тоже не собирался – отлип от тротуара, плавно катясь следом за внедорожником. Мобилей на улицах Сумеречного Квартала было не очень много, потому тот и не думал затеряться в потоке. Просто держал дистанцию, притормаживая возле скоплений уличных проституток и всем видом демонстрируя праздную ленцу.

Проехали под информационным щитом, нависавшим прямо над дорогой. Не электронным, как в былые времена, а жестяным, с ровными светящимися буквами, наклеенными по трафарету. «Служба Безопасности Анклавов предупреждает: не принимайте приглашения незнакомых лиц по пересылке волонтеров на Станцию «Науком». Требуйте лицензию и иные официальные документы! Не доверяйте свою жизнь и судьбу мошенникам и торговцам людьми!»

Перебравшись на заднее сиденье, Энквист нащупал в багажном отделении легкий бронежилет, втянул экипировку в салон. Надел, хрустя «липами», и подсел к левой задней двери ровно в тот момент, когда Бакли сворачивал в переулок. В нескольких словах обрисовав замысел, Хуго выскользнул из машины, даже не сбавившей ходу.

Через секунду Гордон включил «зонтик». Резко дал по газам, одним рывком пролетая пару десятков метров пустынного переулка. И застыл, погасив габаритные огни.

Улица пролегала между кабаре и круглосуточной забегаловкой, где можно было почти задарма набить живот безвкусной синтухой. В темный поворот дороги выходили разгрузочные ворота, двери запасных выходов и вентиляционные

короба, дышащие влажным паром, будто мифические драконы.

Плавно, в несколько движений забравшись на крытый мусорный контейнер, Энквист подпрыгнул еще выше, хватаясь за край пожарной лестницы. Перебрался на крышу одного из дымящихся коробов. Присел на корточки, почти незаметный снизу, и расстегнул кобуру «корда».

А еще через пару мгновений в переулок суетливо сунулась «Кассада». Пронырливая, похожая на океанского угря, выискивавшего добычу в хитросплетениях рифа.

Как и предположил Хуго, их вели с помощью инфракрасной метки, ориентируясь на радар. Когда метка вдруг исчезла с экрана по велению «глушилки», преследователи заволновались и увеличили скорость. Бакли дал им чуточку времени, позволяя окончательно втянуться в ловушку, а затем врубил задний ход, предусмотрительно пристегнувшись.

«Кассада» резко затормозила, крылом почти зацепив крыльцо служебного входа закусочной. Начала пятиться. Но многотонная туша «Дромадера» уже надвигалась на нее, набирая скорость.

Грохот тарана взметнулся по переулку, наполняя бетонный мешок скрежетом сминаемого металла, лопнувшего пластика и стекла. В один присест легковой мобиль лишился морды. Подстелился под внедорожник, взгромоздившийся на его обтекаемый капот.

Не дожидаясь, пока колеса «Дромадера» перестанут вращаться, Бакли выскочил наружу, держа перед собой «дыродел» с глушителем.

«Корду» Энквиста дополнительные устройства гашения звука были не нужны, пистолет и так бил почти беззвучно, оставляя после себя тонкие пластиковые гильзы, растворяющиеся с первым дождем. Как только тяжеловес врубился в «Кассаду», швед ловко спустился с наблюдательного пункта, пружинисто приземляясь ровно позади легкового мобиля. Выхватил оружие, огибая приземистый спорт-мобиль справа.

Водитель «Кассады», насколько позволяла рассмотреть тонировка стекол и густая сеть трещин, потерял сознание. Уткнулся лицом в руль, едва не придавив клаксон, и теперь заливал штанины кровью из рассеченного лба. А вот его пассажир от удара пострадал намного меньше, тут же перейдя в контрнаступление.

Поземкой зазмеился по асфальту, едва приоткрыв дверь. И сразу, без выцеливания или подготовки пустил в сторону шведа короткую очередь из «дрели». По крыше «Кассады» плясанули гильзы. Чудно и диковато взвыло, вынудив блондина до хруста в коленях рвануться за багажник легковушки. Бетонная стена

кабаре оскалилась свежими щербинами, дым из-под разбитого капота смешался с кухонным дыханием переулка.

Хуго выстрелил в ответ. Дважды. Не в цель, а чтобы не дать противнику развить атаку. С противоположной стороны машины сочно хлопнул «дыродел» Гордона. Раздался вскрик, за ним еще одна очередь, безжалостно раскрошившая заднее стекло «Дромадера».

Тогда Энквист бросился вперед.

Вывернул из-за прилизанного багажника, не торопясь выпрямляться. В два длинных скользящих шага очутился за спиной стрелка. Тот, зажатый с двух сторон, попытался перенести огонь на новую угрозу, но швед уже выбивал оружие из его рук.

Хлестнул рукоятью «корда» в гортань, ударом ступни сломал колено. «Дрель» завертелась по асфальту, отскакивая под мусорный бак. Ее обладатель – худой турок из коренных немцев – взвыл громче залпов собственного оружия.

Хуго отступил на шаг, полагая врага деморализованным, но тот вдруг выхватил из-под куртки нож. Длинный, гибкий, выплавленный из матового черного пластика, неподвластного оку сканера и наноскопа. И сразу, словно забыв о нечеловеческой боли, рванулся на шведа, целя в пах.

«Дыродел» Бакли хлопнул еще раз.

В голове раненого раскрылась алая роза. Ударившись о борт легковушки, он сполз на пятую точку, оставшись сидеть подле машины с безвольно раскинутыми руками.

– Время идет, а проблемы у турков все те же… – с неодобрением пробормотал Гордон, ногой толкая труп так, чтобы тот отлип от борта «Кассады» и распластался по асфальту.

– Осмотри… – коротко бросил Энквист.

Сам же обогнул полуспортивный мобиль, пережеванный внедорожником, подскакивая к водительской двери. Как выяснилось, вовремя: второй турок, носящий козлиную бородку без усов, уже приходил в себя, сонно пытаясь передернуть затвор «дыродела». Распахнув створку, Хуго вырвал оружие из рук водителя, наотмашь ударив в нос рукоятью пистолета.

Турок вскрикнул, схватившись за сломанный клюв, которому позавидовал бы горный орел. Дернулся выбраться наружу, одновременно потянувшись под куртку. Но наученный предыдущим Хуго опередил, выхватив из подмышечных ножен длинный гибкий клинок.

– На кого работаешь? – хрипло спросил «горностай», хватая водителя за волосы и откидывая голову назад. – Кто послал?

В ответ турок разразился таким потоком брани на смеси немецкого и родного, что «балалайка» Энквиста подвисла, прежде

чем сумела предложить пользователю возможные варианты перевода.

Опустив «корд» вниз, Хуго всадил пулю в левое бедро пленника. Тот вскрикнул еще раз, дернувшись так, что в пальцах стрелявшего остался клочок черных волос.

– Кто послал? – бросив короткий взгляд через плечо, повторил блондин.

В переулок уже совались зеваки – в основном уличные феи и рикши, караулящие подвыпивших клиентов на официальной парковке. Неожиданная авария, да еще и с характерным вокалом «дрелей», не могла не привлечь лишнего внимания.

– А ты бы сказал, белобрысый ишак?.. Amina koyim in den arsch…

Турок вязко сплюнул кровью. Ею было залито все лицо – из разорванного лба, а также шрама на переносице. Энквист рванул чернявого за рукав куртки, проверяя, сможет ли оперативно забросить тело в багажник «Дромадера». Почуяв это, противник намеренно обмяк, пытаясь отползти как можно дальше в глубь разбитого мобиля.

– Нужно уходить, безы в пути, – констатировал Бакли, обходя «Кассаду» со стороны багажника. – Это рядовые dd, у мертвяка наколка на шее. Не уверен, что им сообщили о предпосылках задания…

Ирландец, разумеется, был прав. Кто бы ни нанял двух вооруженных наемников проследить за «горностаями» на территории Анклава, вряд ли объяснил тем суть миссии. Их со шведом противниками в темном дымном переулке стали обычные головорезы. Причем, вероятнее всего, втянутые в работу весьма поспешно…

Выдернув из затылка водителя «балалайку», Хуго брезгливо отер окровавленные пальцы о его штанину. Ствол «корда» все еще смотрел в лицо турка, чуть повыше дурацкой бородки, но стрелять Энквист не спешил.

Он хотел надиктовать послание, которое раненый был бы способен донести до своих заказчиков, но слова упорно не желали подбираться. Тогда Хуго выбрал самое простое сообщение из доступных, чуточку отстранившись и спустив курок. Тявкнув, «корд» оставил в щеке турка крохотную дырочку и забрызгал спинку водительского сиденья клейко-розовым. На асфальт упала тонкая пластиковая гильза.

Бакли, уже заведя «Дромадера», рванул вперед, одним скачком сорвавшись с хрустящего месива, в которое превратилась «Кассада» преследователей. Внедорожник от аварии почти не пострадал, лишь отломился фаркоп и помялся массивный бампер.

Энквист запрыгнул на заднее сиденье, хлопнув дверью так, что раздробленное пулями заднее окно окончательно вывалилось наружу.

Не включая фар, черный «Ауди» проскочил переулок, потерявшись в лабиринтах Сумеречного Квартала…

– Невроз? Слышишь меня? – Спустя пару минут ирландец протянул назад передатчик, и Хуго снова попытался наладить связь с машинистом. – У нас тут легкие неприятности. Поэтому возьми, пожалуйста, рикшу и возвращайся в квартиру.

Даниэль, сквозь шум статики разобравший только слова «неприятности», «рикша» и «возвращайся», окончательно погрустнел и побрел к выходу из «Дигитале рейхстага».

Циркулярка, на прощание получив щедрые чаевые, приветливо помахала ему вслед. И с тяжелым вздохом покосилась на Керамику, спорившего с невидимым собеседником.

Бинарный код 1000

«Бессмертия нет, потому что нет смерти. Есть замкнутый цикл рождения, становления и распада, и каждый круг дает нам нечто новое. В этом смысл вечности».

Всадник, региональный менеджер Консорциума Транснациональных Перевозчиков

Удар. Еще один удар. Самодельная боксерская «груша», собранная из синтетической мешковины и самого настоящего песка, гулко отзывается на выпады ибн Шавката, пружинит и покачивается. Коренастый машинист скачет вокруг, вымещая на беззащитном предмете всю скопившуюся злость.

– Подумать только, какие сволочи!.. Дети блудливой волчицы, пожравшей собственных щенят!..

Последние слова тонут в шипящих ругательствах на родном языке Муджалида, весьма приблизительно переведенных «балалайкой» Бифорда. Несмотря на нелюбовь к физическим нагрузкам, сейчас старший декомпилятор тоже в крохотном спортивном зале, оборудованном в одной из каморок убежища.

– Недоношенные выродки пришили обоих, не так ли?

Кончар наносит «груше» еще несколько ударов и отходит в угол, легко прыгая на месте и примеряясь бить снова.

– Вычислили и замочили!

Передумывает продолжать, замирает на месте. Его боевой танец подходит к концу, время возвращается к привычному течению…

Ибн Шавкат наклонился над микроскопическим умывальником, брызнул в лицо теплой застоявшейся водой, сорвал с крючка полотенце. Плотник наблюдал за буйством товарища с плохо скрываемой неприязнью. Даже несмотря на обуявшую обоих тоску и злость, Орландо не позволял себе лишних эмоций, предпочитая взвешивать факты на трезвую голову.

Обтерев шею и лицо, Муджалид отошел к противоположному углу, стягивая влажную майку. В тесном спортивном зале пахло застарелым потом. За дверью негромко общались рядовые члены «Кромлеха», их бубнеж пробивался через тонкую створку.

И все же Кончар был абсолютно прав.

Люди, за которыми декомпиляторы попробовали установить слежку, не только сорвались с крючка, но и уничтожили двух dd, приставленных для наблюдения.

Плотник сжал тонкие губы, потирая лоб указательным пальцем.

Он искренне сожалел о переменах, произошедших в сообществе dark dogs, но ничего не мог поделать. Все попытки создать новую структуру – ddd, что расшифровывалось как dark digital dogs – пока не приводили к успеху. На создание нового силового крыла откровенно не хватало ни времени, ни связей, ни элементарно денег, даже наворованных со счетов законопослушных жителей планеты.

Изначальная же армия нейкистов, основательно пострадавшая еще в дни перед Инцидентом, загибалась с каждым днем. Назвать себя «собакой» норовил любой уголовник, умевший брать заказы с серверов. Репутация организации наемников трещала по швам, окончательно хороня и основы системы, и ее будущее.

– Ты сам знаешь, что столь оперативно приставить к корпоративным ищейкам профи мы не успевали, – пробормотал Бифорд, старательно скрывая раздражение.

– Знаю… – коротко выдохнул Муджалид. – А ты знаешь, что этого вообще не стоило делать.

Конечно, Кончар знал. Вербовкой турков, посаженных на хвост любопытным наемникам, занимался именно ибн Шавкат. Спешно, без особого отбора, в очередной раз схватившись за первое попавшееся предложение. Эх, не те нынче dd, совсем не те…

И во второй половине своего утверждения силовик был прав. С его точки зрения, декомпиляторам стоило просто затаиться – еще четыре года назад они убедились, что к убежищу на острове не ведет ни одна из ниточек прошлого. Но Плотник никогда не считал себя профессионалом военного дела. Да что там скрывать – в вопросах ножа и пистолета он оставался откровенным дилетантом.

Но навязчивый страх неизвестности не давал ему покоя, вынуждая узнать, докопаться, кто же стоит под дверью «Кромлеха», тяжело дыша и намереваясь войти. Бифорд разделял опасения товарища, но пока именно он возглавлял группу, любыми средствами намеревался вычислить человека или группу людей, проявивших интерес к событиям многолетней давности…

– Что удалось узнать о *том* машинисте? – осторожно меняя тему, поинтересовался Орландо, наблюдая, как друг

переодевается в сухую одежду.

Сердце в последние дни вело себя странно – ныло, заставляя пить таблетки, и примерно раз в неделю наполняло грудь тяжестью, мешавшей заснуть. А еще принялись шататься несколько зубов, да солнечные ожоги сходили дольше обычного…

– Почти ничего… Я связался кое с кем, попросил навести справки. Циркулярка из «Рейхстага» рассказала, что видела его впервые. Назвался Неврозом, беседовал с парнем по имени Керамика…

– Керамика? – Нахмурив брови, Плотник пожевал тонкую губу. – Что-то знакомое… Он работал с Сорок Два?

– Пять лет назад любой нейкист работал с Сорок Два, не так ли? – пожал плечами Кончар. – Но ты прав. Керамика входил в «Кромлех». Отделение граверов, паял в Монреале. Тебя он помнит.

Сомнительный комплимент… Но Монреаль? Неужели гравера вычислили после посещения электролабы? Это было бы крайне неприятно. А еще это говорило бы о немалой проницательности того, кто заинтересовался разработками группы.

– А что по Неврозу?

– Глухо. – Безобразное лицо Муджалида скривилось, огромные ломаные уши задвигались, словно у мультипликационного слоненка. – Вроде был такой парень, откуда-то из Варшавы. Звезд с неба не хватал, но дело свое знал. Последнее, что удалось про него узнать: семь лет назад связался с верхолазами, перешел на постоянную, так сказать, работу. И сгинул где-то в джунглях Колумбии.

– Сомневаешься, что это он?

– А в чем сегодня можно быть уверенным, дружище?

Кончар устало опустился на соседний стул.

Взял со стола бутылку с родниковой водой. Жадно напился, отирая выступивший на лбу свежий пот. Протянул пластиковую емкость Плотнику, но тот задумчиво помотал головой, погруженный в себя.

– Невроз тоже работает в «Горностае»?

Справок о частном военном агентстве удалось навести немало, но вот толковой информации там сыскалось с гулькин хвост. Что, впрочем, не помешало Плотнику связать присутствие корпобезов в Монреале с бойней в секретной лабе, а также вычислить скорое прибытие костоломов во Франкфурт, где их уже поджидал «хвост». Пусть и столь бестолковый…

– Вероятно, но недоказуемо. Чтобы установить это, придется ломануть базу данных одной небезызвестной корпорации, а это привлечет внимание…

– С Керамикой поговорить удалось?

– Ха! – Силовик декомпиляторов беззлобно фыркнул, широко и страшно улыбаясь. – Какой там! Сторчался Керамика, я субнормалов встречал адекватнее… Несет чушь какую-то, откровенный шизофренический бред. Но мои парни, что с ним потолковали, упоминали с его слов *машину*… Может, шифер у него и протек, но что-то гаденыш помнит.

– Действительно? – Бифорд бросил на друга короткий внимательный взгляд.

– Ага. Не помню точно, на каком этапе «Кромлех» задействовал этого парня, но кое-что он знает. Точнее, знал – сейчас в его потоке сознания не разберется даже заправский мозгоправ…

Плотник нахмурился еще сильнее.

Сначала Монреаль. Лаборатория с остатками «ТЕК-9», где собирались «поплавки». Убийство посланных проверить обстановку людей Рамзеса и самого египтянина. Теперь Франкфурт, специальный бар для машинистов, где некто Невроз общается с бывшим гравером Сорок Два. Устранение посаженных на слежку турков. Совпадение? Едва ли…

Приняв его сумрачность за переживания о Керамике, ибн Шавкат поспешил добавить, разводя руками:

– Да не грей голову, Орландо. Этот малый – настоящий овощ, он и под «открывалкой» ничего толкового не выдаст.

Плотник кивнул. Встал, нависая над Муджалидом тощей водонапорной вышкой. Пригладил косы, обрамлявшие разъем для «балалайки», снова покивал собственным мыслям.

– Собери людей, Кончар, – негромко распорядился он. – Найми много и надолго. Установи наблюдение за всеми уцелевшими объектами, к которым имел отношение «Кромлех». Пусть в каждом живом Анклаве наготове дежурит хотя бы одна оперативная группа, готовая сорваться по первому приказу. И еще отбери особенно надежных, идейных. Лучше всего из тех, кто служил Поэтессе еще до Дня Станции и умеет держать язык за зубами. Человек пять-шесть. Пусть прибудут сюда, бункеру не помешает охрана…

– Ты с ума сошел, старина? – Муджалид прищурился, еще раз хохотнув. – Хочешь вычистить казну организации еще до того, как та пополнилась? Наём стрелков на постоянную основу станет недешевым удовольствием, не так ли?

Бифорд ответил не сразу.

Смерил комнату широкими шагами, ловко пригибаясь под лампами, огибая «груши» и штанги на полу. Представил, что за бетонными стенами ждут его приказов и откровений почти два

десятка тех, кто в свое время нарушил приказ Пророка, обрекая себя на забвение и обвинения в предательстве.

Почти два десятка надежных, умелых машинистов, верящих в нечто большее, чем простое торжество наркотика, специального вируса и бракованных нанов. Двадцать выживших из сотни. Два десятка декомпиляторов, узревших недоступное другим и променявшим жизнь в свободных Анклавах на тесноту старинного убежища. Стойких, терпеливо продолжающих работу, ни разу не пожаловавшихся на суровые условия жизни…

Сам Орландо Бифорд на нее тоже никогда не жаловался.

Ни четыре года назад, во время поспешного бегства из Европы. Ни чуть позже, когда собственными руками расчищал горную армейскую нору, налаживая коммуникации и таская припасы. Ни во время Инцидента, заставшего Бифорда в комнате, где сейчас разместились бильярдный и карточный столы. Ни после, когда связь с внешним миром оборвалась, причем надолго, а электричества не хватало настолько, что пришлось почти на полтора года выключать главное сокровище бетонного мешка…

Он прислушался, стараясь уловить *ее* гудение. Не смог, мешала толща стен.

Многим позже – через двадцать томительных месяцев после всемирной катастрофы – они восстановили энергосистему убежища, до той поры обходясь фонарями, кострами и факелами.

Вырвались на большую землю, оказавшуюся отныне не такой уж большой.

Выкупили в разрушенном наводнениями Дарвине уцелевшую рыболовецкую шхуну на компактном реакторе. Наняли инженеров, согласившихся прибыть на остров и реанимировать энергетический контур под старым бункером. Смонтировали собственные вышки связи, позволявшие перехватывать сигналы спутников, вернулись в сеть…

Платили, разумеется, услугами, раз в неделю наведываясь в уцелевшие по окрестностям города на весельном баркасе. Услугами…

Похлопав по упругой «груше», Орландо горько усмехнулся.

Да, к незаконному пополнению электронных счетов группа вернулась значительно позже. После поэтапного и повсеместного возрождения электронной коммерции, подкошенной глобальной потерей связи.

А на первых порах люди Бифорда чинили коммуникации в подтопленных океаном деловых центрах, ремонтировали компьютеры, помогали налаживать в Дарвине телефонную сеть и подключать радиовышки. Люди, совсем недавно поставившие на колени не только Цифру, но и весь нецифровой мир, стали

поденщиками от собственного таланта, получая за работу не деньги – консервы и медикаменты.

Все это было позже, намного позже самых страшных дней в истории человечества, а потому Орландо Бифорд не жаловался на жизнь. Одолевают теснота, насекомые, крысы и горькое пойло вместо нормального кофе? Значит, так тому и быть. Просто во время следующей вылазки за провиантом нужно закупить более качественный порошок да рассыпать по всему подвалу новую партию яда…

И все равно концентрат напитка, засыпанный сейчас в комбайн на кухне, непередаваемо вкусней холодной дождевой воды, которую на протяжении месяца полсотни машинистов каждое утро слизывали с листьев папоротника, прежде чем отыскали родник. Полсотни настоящих гениев сети, лишенных самых простых навыков выживания в мире южных джунглей. Полсотни беспомощных детей, большая часть которых погибла в первые месяцы после бедствия…

Синтетическая тушенка? Она стократно лучше, чем жесткое и полусырое, совершенно непрожаренное мясо свиньи-бабируссы, успевшей распластать сразу троих «охотников», прежде чем те наконец расстреляли ее из «дыроделов» резервного арсенала.

Тусклый свет с потолка в постоянном режиме экономии энергии? Он в тысячу раз прекраснее тщедушного костерка, за границами которого во мгле поблескивают внимательные и немигающие глаза огромных полосатых кошек.

Иногда Бифорду не верилось, что они смогли все это пережить.

Смогли восстановить базу, наладить связи с внешним миром, снова подчинить себе сеть и пополнить виртуальные кошельки невидимыми монетами. Сумели наладить коммуникации с отделениями dd почти по всему миру, завязать на себя уцелевших собратьев и координировать их работу; вести ненавязчивую пропаганду и просто поддерживать тех, кто отчаялся в скором наступлении Эпохи Цифры. Оказались способными не только стучать по клавишам «раллеров», но и чинить обшивку баркасов, строить вышки, таскать камни, охотиться и вести корабль по звездам.

Сумели выжить и спрятаться.

От Сорок Два.

От бесчинства обезумевших толп, уничтожавших Мутабор; от безов и верхолазов.

Спрятаться и выжить.

Чтобы продолжить начатое. Довести его до конца.

Снова явить цифровому миру настоящее чудо.

Если только некто, вдруг поверивший в сетевые проповеди Плотника, не сможет узнать чуть больше, чем ему дозволено…

– Увеличьте активность на фондовых рынках. – Бифорд по-прежнему смотрел сквозь стену, словно мог с помощью особенного зрения наблюдать за своими людьми на всех этажах убежища. – Действовать придется урывками, чтобы не привлекать внимания. Брать помалу. Осторожничать. Но ломать отныне будем круглые сутки, как только стабилизируется сеть. Каковыми бы ни были наши траты, организация нуждается в защите своих интересов. И тайн…

Кончар, размышлений старшего декомпилятора не прерывавший, вкрадчиво предупредил:

– Орландо? Я в последний раз советую затаиться. Так будет надежнее, поверь…

– Затаимся. Но лишь после того, как выясним личность человека, начавшего охоту…

Затем Плотник взглянул товарищу в глаза.

– Чувствую, мои сетевые откровения втекли не в те уши, будь оно неладно, – очень невесело произнес он. – Пытаясь привлечь внимание собратьев, я, кажется, разбудил очень неприятного зверя. И нам остается лишь надеяться, что он не окажется излишне проницательным…

Бинарный код 1001

Босяк, возжелавший стать верхолазом, не будет жрать золото, чтобы самому превратиться в драгоценный металл. Он начнет преумножать и копить, превращаясь в существо максимально высшего порядка из всех высших существ, предусмотренных системными условиями нашего материального мира. Деньги станут его инструментом, их капитализация – способом достичь цели.

Почему нейкисты решили иначе? Почему уподобились элементам компьютерного вируса, вместо того чтобы использовать его для достижения цели?

Ответов может быть два. Первый – они слишком рано получили истинную силу Цифры. Они возгордились, за что и были низвергнуты историей, обстоятельствами и высшей силой. Второй – братья недавнего прошлого двинулись по заведомо ошибочному пути, заведшему их в трясину. По смертельно опасному пути искусителя и предателя, но об этом ниже…

Когда я говорю о новом пришествии Цифры, я рассуждаю не о столь банальных и меркантильных вещах, как вседоступные братству деньги. Я говорю о вере, каковой ее понимают последователи иных мировых религий.

Согласитесь, что получение сана верховного священника – не самоцель на пустом месте. Это финальный результат беспрестанных молитв, работы на авторитет среди коллег,

посвящения себя выбранному делу и глубочайшего познания священных книг. Становление Великим машинистом – результат кропотливой работы и решения сложнейших задач, удачливого сложения факторов успеха и бесконечного совершенствования своих умений в виртуальном мире.

Но становится ли монах-отшельник частью штудируемого им писания и фрагментом молитвы? Отчасти да, если так пожелают его последователи, вписавшие имя в скрижали истории. Но по большому счету – нет, не становится. Он получает от своего покровителя жизненные блага и, возможно, чудеса. Он получает сан, трон, власть над людьми и безбедную старость. Но сам все равно остается служителем, а никак не объектом служения.

И вот вам одна из главных идей моего дневника. Наша цель – служить Цифре, пользуясь ее благами и возвышаясь над другими людьми. В этом Поэтесса, безусловно, права. С точки зрения обывателя – мы стали Богами. Но главное, самим не поверить в это, не позволить тщеславию и алчности закрыть нам глаза, как это произошло несколько лет назад.

Наш инструмент – это «железо», дающее власть над Цифрой. Наша цель – доказать ее могущество, способное сравниться с религиями древности.

Но сейчас, на развалинах цивилизации, едва не потеряв самое дорогое, что у нас было – вселенную Цифры, мы должны понять – «раллер» не является следующей

ступенью развития человеческой религии. Он всего лишь инструмент, способный сосуществовать в огромном мире, наполненном таинственным, мистическим, необъяснимым. Наша личная «волшебная палочка» в реальности, и без того наполненной чудесами…

«Шепот цифровых идолов», глава 6

Над семидесятитысячной публикой «Нордекс-Корп-Гарден» воцарилась такая тишина, что казалось – прислушайся, и разберешь жужжание ударопрочных «балалаек», с помощью которых спортсмены обмениваются стратегиями предпоследней игровой четверти. Наконец арбитр дал свисток, и началось…

Нападающие таклы красно-желтых «Гладиаторов» бросились вперед.

Чуть левее центра, вчетвером сомкнувшись в плотную коробочку и небольшими титапластовыми щитами прикрывая несущего мяч тейлбека. «Безумцы» выслали наперерез клин из трех лайнбрейкеров, двое из которых были вооружены битами, а один ручным шокером. Защитные таклы техасских бело-синих, дожидаясь атаки на владеющего мячом игрока, нервно подрагивали на низком старте.

Сшиблись на третьей пунктирной линии, заставив стадион взорваться свистом, громом возгласов и аплодисментами. Удары плоских пластиковых бит посыпались на круглые щиты, из-под шипованных бутс взлетели комья земли. Один из защитных таклов пропустил жгучий удар в бедро, кулем валясь на зеленый газон, отчего оборонительная конструкция «Гладиаторов» распалась карточным домиком.

– Давайте же, сукины дети! – до хрипоты взревел Кеннет Газарра, вскакивая с цельнолитого кресла и потрясая кулаками. – Папочка поставил на вас!

Кулаками потрясти не удалось. В левой руке Газарры была зажата полиэтиленовая туба с крепким «Хаклл Баффом», в правой – картонный стакан с суррогатными кукурузными палочками. От встряски пиво хлестануло на рукав куртки, закуска посыпалась на головы сидящих ниже.

Те, да и сам Кеннет, внимания на такой пустяк не обратили – слившись в единое целое, пришедшие на стадион денверцы и гости города плевать хотели на свой внешний вид и манеры. Слепив в голосистую массу, их всецело утопил азарт

развернувшегося внизу сражения.

Тейлбек «Гладиаторов» успел пробежать еще четыре шага, прежде чем шокер лайнбрейкера дотянулся до него, прижигая в спину мощным электрическим разрядом. Экраны, подвешенные над трибунами, оставались черны – администрация «Нордекса» экономила энергию. Но десятки тысяч фанатов файтбола все равно сумели воочию представить себе крупный план: из коротких шипов разрядника вырывается синяя искра, изгибается дугой, вонзается в желтую лопатку спортсмена. Тот содрогается, обмякает и в замедленной съемке тут же валится лицом вперед…

– Вперед, ленивые ублюдки, защищайте же его! – вдруг разобрал Газарра слева по ряду сквозь шум волнующейся толпы и отборный мат окружавших мужиков.

С немалым удивлением повернулся, заметив в шести сиденьях от себя шикарную светловолосую девушку в куртке с нашивками «Гладиаторов». Болельщица порывисто вскочила, яростно грозя зеленому полю кулачком.

– Отоспитесь на том свете! Даже не думайте проиграть! – Вероятно, накал предыдущих периодов не был столь острым, только сейчас подстегнув блондинку дать волю эмоциям.

Защитные таклы «Безумцев», имеющие право завладеть дынеобразным мячом после падения тейлбека, тут же бросились к месту свалки. Им навстречу шагнула линия «Гладиаторов», состоящая преимущественно из таких же таклов. Вооруженные короткими дубинками в две руки, спортсмены принялись осыпать друг друга градом ударов. Треск пластиковых доспехов прокатился над полем, тут же утонув в овациях, как горсть камней в пруду…

Газарра, одним глазом не забывая следить за напряженным четвертьфиналом, другим теперь косился на привлекательную болельщицу. Высокая, с обалденной грудью. Лет двадцать пять, вряд ли больше. Одета неброско, как большинство посетителей «Нордекса», но за собой следит, это замечалось сразу.

Дождавшись, когда блондинка устанет кричать и потрясать кулаком, опустившись на сиденье вместе с соседями по ряду, Кеннет остался на ногах. Девушка заправила за ухо прядь, покрутила головой, и все же заметила улыбчивого мужчину шестью местами правее. Тот помахал рукой, одними губами прошептав:

– Привет!

Поддерживая своих кумиров и освистывая команду противников, болельщики бесновались, размахивая плакатами и разноцветными фальшфейерами. Самые пьяные или отчаявшиеся швыряли на поле бутылки и коробки от еды, падавшие на

прочный стеклянный купол поверх газона и оседающие вдоль его бортов мусорными валиками.

Кто-то из бело-синих фанатов попробовал прорваться в зрительную зону противника, отчего на трибунах завязалась стремительная потасовка. В ход пошли стулья, кулаки и зубы, но развиться баталии не дали копы, ручными водометами усмирившие буянов и восстановившие мир.

– Привет, – ответили пухленькие губы блондинки.

Слов Газарра, конечно же, не разобрал, но артикуляции было предостаточно. А еще – улыбка, которой болельщица одарила Кеннета. Щеки ее раскраснелись, грудь мерно вздымалась. Еще раз дружелюбно помахав соседке, капитан невероятными усилиями заставил себя вернуть внимание игре, на исход которой поставил треть месячной зарплаты…

Лайнбрейкеры техасских «Безумцев» оказались парнями не промах. Они не только удержали первый натиск вражеских таклов, отбиваясь неудобными двуручными битами, но и вышибли мяч на третью линию, где его тут же зафолил тайт-энд. Над стадионом разнесся оглушительный свист судьи.

Команды, далеко не сразу остановившие сражение, расходились по своим позициям.

На поле устремились бригады медиков и оруженосцы, в задачу которых входило восстановление арсенала и осмотр пробитых доспехов.

После того, как игроки были снова расставлены, матч возобновился. «Гладиаторы» теснили, намереваясь увеличить разрыв в счете, но техасцы сопротивлялись с упорством быков, не позволяя хозяевам поля забивать. За оставшиеся шесть минут периода было заколочено всего два мяча, после чего арбитры объявили третий перерыв.

На площадку поверх стеклянного купола над полем тут же поднялись полуобнаженные девушки из команды поддержки «Гладиаторов», отплясывая под грохот барабанов и пение труб – привезти в «Нордекс-Корп-Гарден» живой оркестр сегодня было значительно дешевле затрат на трансляцию записей…

Воспользовавшись паузой, большая часть болельщиков вокруг Газарры живым ручьем стекла под трибуны, где наливали дешевый алкоголь и торговали едой. Потягивая пивко, Кеннет якобы случайно повернулся влево, почти убедив себя, что блондинка тоже ушла.

Однако, к его приятному удивлению, та оказалась на прежнем месте. Разглядывая себя в крохотное зеркальце, она подкрашивала губы, необычайно эротично причмокивая. А еще – и это Кеннет заметил в первую очередь – она была одна…

– Привет, – как можно ниже и волнующе повторил он, приближаясь на пару пустых сидений и отсалютовав пивом. – Нечасто встречаю на матчах Лиги таких… эффектных фанаток.

Она улыбнулась, оценив комплимент.

Впрочем, Газарра мог опустить слово «эффектных». Болельщиков женского пола на матчах по файтболу вообще было немного, вне зависимости от их привлекательности. Основными посетителями «Нордекс-Корп-Гардена» были и оставались мужчины за сорок, чаще всего зарабатывающие ниже среднего, с кучей проблем в личной жизни и на сексуальном фронте…

– Ты не поверишь, как меня заводит файтбол! – доверительно сообщила блондинка, скромно потупившись. – Ничего не могу с собой поделать…

Сначала Кеннет опешил, но почти сразу сообразил, что девчонка вовсе не флиртует. Она на самом деле балдела от жесткой игры, в чем не стеснялась признаться соседу по трибуне. В голове Газарры наиграли свою мелодию рождественские колокольчики, и он снова улыбнулся – на этот раз в предвкушении возможного подарка…

– И как же к твоему увлечению относится муж? – Дьявольски-коварно, как ему казалось, прищурившись, он сделал глоток пива, продолжая раздевать фанатку взглядом.

– Никак, – фыркнула та, дернув плечиком. – Я бросила этого козла еще до Большой Встряски. А теперь, как понимаешь, найти нормального мужика сложнее, чем хорошую кубинскую сигару…

Несмотря на глоток пенного хмельного напитка, у Газарры пересохло в горле. Ему показалось, что на этот раз девчонка вложила в свои слова что-то большее. Да еще и посмотрела так необычно, что колокольчики запели значительно громче. Чувствуя, что у него встает, Кеннет присел рядом с блондинкой.

– Не возражаешь, если досмотрим матч вместе?

– Нисколько. – Она протянула руку, крепко пожимая его ладонь. – Я Синтия.

Представившись, Кеннет Газарра мысленно взвесил шансы, вдруг поймав себя на яркой и правдоподобной мысли, что сегодня ему обязательно повезет…

Четвертый период, самый короткий из всех, был сыгран красочно, но общей картины сражения не поменял. Отчаявшись, за две минуты до конца матча проигрывающие «Безумцы» выпустили на поле дополнительного тайт-энда и даже использовали станшутера. Ставка была высока, но выход в полуфинал того стоил – игрок с однозарядным пневматическим ружьем останавливающего действия мог использоваться всего три раза в сезоне…

Однако козырная карта тоже не помогла бело-синим. «Гладиаторы» увеличили разрыв еще на один гол, обыграв гостей со счетом 7:5. За это время врачи унесли с газона трех татлов, одного лайнбрейкера и квотрбека красно-желтых. На противоположной трибуне снова попыталась вспыхнуть фанатская драка, но затихла еще до подхода стадионных служб безопасности.

Ликование болельщиков денверской команды не знало предела. Вместе со всеми вопили, махали руками и обнимались Газарра и его новая подружка. Все это время Синтия радостно подпрыгивала рядом с ним, охотно угощалась пивом и возбужденно хлопала в ладоши, каждое событие на изумрудном поле переживая так, будто там сошлись в схватке ее родственники.

Огромная грудь блондинки, мерно подскакивая под тонким свитером, постоянно отвлекала Кеннета от игры, заставляя колокольчики в голове звенеть беспрерывным набатом. Казалось, он уже чувствует на губах вкус девичьих сосков…

– Уф… – Устав кричать, Синтия повалилась на пластиковое сиденье. – Хорошая была игра… Если бы наши продули, я бы пошла сейчас в раздевалку и устроила лайнбрейкерам такое представление, что удар шокером показался бы шуткой…

Едва прозвучал финальный свисток, над стадионом выключились прожектора – каждая секунда ночной иллюминации стоила хозяевам кругленькую сумму. Вместо них повсюду зажглись тусклые энергосберегающие аварийные лампы, указывающие дорогу к выходам.

С трибун потянулись болельщики. Обмениваясь впечатлениями, они хлопали друг друга по плечам, радостно распевая гимн команды. Газарра замялся, дождавшись, пока ряд опустеет.

– Знаешь, Синтия, – понизив голос, как всегда делал в общении с глупенькими девчушками, сказал он, – а ведь победа «Гладиаторов» стала и моей. Тотализатор, детка. Я выиграл. Не скажу, что стал баснословно богат, но отпраздновать хватит.

– Да ты никак угостить меня хочешь?

Глаза Синтии загорелись, и она проворно вскочила на ноги. В призрачном красном свете «аварийки» девушка казалась необъяснимо желанной. Как это было во время всего четвертого периода, Кеннет чувствовал легкий запах ее духов, пота, возбуждения и азарта.

Слова смешались, не найдя выхода, и он только кивнул.

Сегодня удача определенно решила выступить на стороне мистера Газарры, скрасив серые будни не только выигрышем

любимой команды, но и предстоящим перепихоном.

Он даже не станет звонить жене. Потом опять сошлется на проблемы с сетью, сбой связи или законы спортивного бара, запрещающие пользоваться «балалайками» в вечернее время. Да, туда по легенде он сегодня и пойдет – в любимый спортбар, обсуждать с приятелями прошедшую игру и переломы файтболистов.

Мысли Кеннета текли плавно, дополняя одна другую. Но Синтия вдруг придвинулась, сказав такое, что увеличило пульс втрое, затянуло спину «гусиной кожей» и мигом вычистило из головы хмель.

– Зачем тратить деньги на кабак, Кенни? – шепотом поинтересовалась она, прикусывая губу. – Может, купим пару бутылок чего покрепче да завалимся в гостиницу, которую можно нехило разгромить?..

Ее огромные голубые глаза оказались немыслимо близко и при этом так сияли… Кеннет даже растерялся. Настолько быстро, как эта недавняя соседка по трибуне, его мимолетные подруги не заводились. И он определенно не поверил бы чужим рассказам в баре, если бы не видел сам – этого учащенного жаркого дыхания, этого взгляда и сосков, набухших настолько, что выпирали даже через свитер и бюстгальтер. Вот что делает спортивный азарт!

Широко улыбнувшись, он приобнял Синтию за узкую талию, уводя с опустевшей трибуны. Сегодня ему точно перепадет, теперь в этом не осталось ни малейших сомнений.

Ничего серьезного, просто разовый трах. Не имеющий никакого отношения к жене и детям. Которых Кен, безусловно, очень любил. Просто… Двое спиногрызов, постоянный стресс и столь же постоянная нехватка денег давали о себе знать… А еще рутинная работа. Напрочь кабинетная. И это после полевой оперативной, позволившей капитану Национальной Гвардии Кеннету Газарре добиться немалых успехов там, где другие скулили о скорой смерти или спасении?!

Такая жизнь утомительна. И, чтобы не сойти с ума, ее нужно разбавлять разного рода приключениями. Вроде выигрыша на тотализаторе, о котором не пронюхает семья. Или легкой интрижки на одну ночь. Пусть не в первый раз, но Газарра точно знал, что секс на стороне ничего не значит для его чувств к жене.

А Синтию он выкинет из головы уже к утру, возвращаясь домой на служебном мобиле. Уже самым ранним утром, попивая кофейный напиток, он забудет о ней, как забыл и о многих других. Многих, многих других. Для своих сорока девяти он оставался еще весьма привлекателен для противоположного пола.

К счастью, дома о похождениях Кена не догадывались –

милосердный и щедрый Иисус Лоа подарил супруге совсем малую толику мозга. Настолько малую, что когда Газарра жарил ее лучшую подругу в гостевой спальне, жена полагала, что муженек вправляет бедняжке вывихнутое плечо…

Помогая Синтии сесть в мобиль и прикрывая дверцу, Газарра включил свой самый неотразимый, в чем был всегда убежден, взгляд. Блондинка ответила томной улыбкой, от которой у Кеннета едва не треснула ширинка. Упав за руль, он лихорадочно вспоминал адрес ближайшего магазина, торгующего выпивкой…

…Она набросилась на него прямо в дверях номера, едва прикрыли створку и включили свет. Пакет с покупками упал к ногам, внутри звякнуло. Кен попробовал выкрутиться, чтобы закрыть задвижку или хотя бы скинуть верхнюю одежду, но Синтия оказалась на удивление сильна.

Толкнула на кровать, разрывая замки куртки так, что едва не выдрала «молнию». Прыгнула следом, прижимая к тонкому продавленному матрасу. Впилась губами, жадно, необузданно, немного пугающе. Принялась срывать с Газарры одежду, одновременно раздеваясь сама.

– Не люблю домашнее видео, – задыхаясь, выдавила Синтия, умудрившись одной рукой избавиться от бюстгальтера, а другой вынуть из его затылка «балалайку».

Кеннет застонал от наслаждения и восторга.

Нагота соблазненной им на стадионе девушки оказалась феноменальной. Неземной, сошедшей с обложек модных сетевых журналов. Или виртуальных симуляторов секса, на главные роли в которых попадали только самые качественные трансеры…

Обнаженная грудь качнулась над мужским лицом, предлагая попробовать на вкус, и Кен не заставил даму ждать.

Газарру завертело, унесло в тропическом шторме жаркого безумия. И даже ощутимая прохлада дешевого номера не могла одолеть его разгоряченного обнаженного тела, морской звездой распластанного на кровати.

Почувствовав, что Синтия тянет правую руку Кеннета куда-то вверх, он заморгал, будто стряхивая морок. И с удивлением обнаружил, что левое запястье уже привязано к кроватной раме тонким гостиничным полотенцем.

– Расслабься, милый, – промурлыкала блондинка, покусывая кончик его уха. – Останешься доволен, я обещаю…

– Давай, сучка! Покажи-ка папочке, на что способна! – сдавленно выкрикнул Кен.

Она несколькими быстрыми движениями привязала к железной раме его вторую руку, наездницей усаживаясь на волосатую грудь и позволяя рассмотреть себя вблизи. В принципе

Газарра не имел ничего против сексуального доминирования. И даже приготовился выполнить любую прихоть новой знакомой. Но та вдруг лениво слезла с него, в одну секунду потеряв к игрищу интерес…

– Ты чего, солнышко? – с неподдельной озадаченностью поинтересовался ловелас, выворачивая шею, чтобы видеть Синтию. Блондинка стояла справа от кровати, склонившись над брошенной курткой. – Папочка тебя чем-то обидел? Прости, я думал, тебе нра…

Быстро повернувшись, голая девушка вдруг нависла над ним, одним движением заклеивая рот полосой серебристой изоляционной ленты. Так умело и метко, что Газарра даже не успел замотать головой. Он замычал, рванулся, но хлипкие на вид гостиничные полотенца держали так крепко, что мужчина чуть не вывернул обе кисти.

Тут же взбрыкнул ногами, попытавшись немалым весом пятидесятилетнего мужика перевернуть кровать, но Синтия уже прижимала его ступни к покрывалу. В руке девчонки мелькнули длинные жгуты эластичных наручников. А затем ноги капитана бесстыдно развели в стороны, чуть свесив с матраса и намертво прихватив к нижней части каркаса.

Она пленила его абсолютно обнаженная, сводящая с ума совершенными формами и их покачиваниями, но Кеннету уже было совсем не до эротического наслаждения. Его трясло от страха и отчаянья – за многие годы походов «налево» он впервые угодил на маньячку…

Как будто прочитав мысли жертвы, Синтия приблизилась, наклоняясь так низко, что он опять разобрал ее манящий запах.

– Я не маньяк, мистер Газарра, – прошептала она, вежливо улыбаясь, как блестяще умеют делать офисные секретарши. – И если сегодня ночью вы не склонны глупить, вам не причинят вреда.

Мир вокруг поблек, как экран коммуникатора с пониженной яркостью. Дешевая обстановка номера вдруг проступила с невиданной ранее четкостью. Тонкие стены сжались, в нос ударил запах мочи из заколоченного сортира, застиранных простыней и дешевой бытовой химии, которой уборщицы вычищали плешивое половое покрытие.

Газарра попробовал связаться с 911 через «балалайку», но с удивлением обнаружил, что чип лежит на прикроватной тумбе.

Он попробовал замычать как можно громче, чтобы через приоткрытую дверь стоны услышал кто-нибудь из случайных прохожих, но Синтия покачала головой, сетуя на его глупость.

Однако створка все же приоткрылась, и в сердце Кеннета

ворвалась надежда на возможное спасение. Если это кто-то из персонала, он будет рваться из пут так, что свидетель сразу поймет, что в номере проходят вовсе не обычные сексуальные утехи…

Надежда разбилась, как неоновая лампа под ударом кувалды. В номер действительно вошли, причем двое. Только вот на вид они оказались вовсе не портье… И тогда, впервые в жизни, Кеннет Газарра всерьез решил, что сейчас его будут насиловать.

Мужчины, проникшие в комнату, молча закрыли за собой дверь. Оценили обстановку, на обнаженную девицу взглянув с интересом гомосексуалистов. Один из них – высокий блондин с тонкими чертами лица, небрежно отбросил ногой смятую куртку Газарры с вышитым на спине гербом «Гладиаторов».

Второй подергал заколоченную дверь в ванную, явно намереваясь отмыть с лица «боевой раскрас» из желтых и красных полос, какой наносила на себя половина посетителей «Нордекс-Корп-Гардена». Но туалет номера был замурован из-за отсутствия водоснабжения, и тогда «болельщик» воспользовался предложенными Синтией салфетками. С недовольством, что-то негромко ворча о скупости человеческой.

Блондин остановился возле кровати, с интересом осмотрев голого мужчину, распятого на ней при помощи удавок и полотенец. Фанатка же, плотоядно улыбнувшись, вдруг вновь оседлала Кеннета, начав извиваться, словно для съемок порнографического клипа.

Краснея и задыхаясь, тот почувствовал, что ничегошеньки не может сделать с вернувшимся возбуждением. И оттого даже не сразу заметил, как внимательно светловолосый рассматривает переплетение их тел, обходя ложе с разных сторон.

Сначала Кен подумал, что имеет дело с извращенцами. И вдруг догадался. Иисус Лоа, милосердный и карающий! Да ведь парочка снимала весь этот разврат на «балалайку»!

– Хватит. Оденься, – коротко распорядился блондин, придвигая к кровати стул, усаживаясь на него задом наперед и наваливаясь локтями на спинку. – Добрый вечер, мистер Газарра.

Синтия, если ее вообще звали именно так, сразу оставила пленника в покое. Принялась натягивать сброшенное в порыве страсти белье. Прямо на глазах изумленного Кеннета ее грудь уменьшилась на размер, а пергидрольные пряди сначала приобрели оттенок жженого сахара, а затем стали черными, как воронье крыло. Глазные радужки «болельщицы» из синих превратились в карие.

Трансер! Перед распластанным на кровати, словно подопытная лягушка, Газаррой одевался настоящий трансер,

напичканный имплантатами и нанами. Причем элитный, каких могли позволить себе только верхолазы… Подтверждая догадки, блондин кивнул на окно.

– Приоткрой, пожалуйста. – Он улыбнулся, став одновременно крайне мил и холоден. – А то здесь распылено такое количество феромонов, что я сейчас сам на тебя наброшусь…

Девушка хмыкнула, и по ее молниеносному взгляду Кен вдруг прочитал, что она была бы вовсе не против, если бы голубоглазый осуществил свою угрозу… Газарра замычал, спохватившись, что нужно продолжать борьбу за жизнь и свободу.

Салфетками стерев со щек и лба краску, себя позволил рассмотреть и второй незнакомец – тоже высокий, тоже крепкий, но какой-то *безликий*. Таким мог быть честный американский фермер; так же мог выглядеть продавец из Эль-Парижских магазинов или вообще русский.

Подошел, многозначительно пощупав узлы из полотенец, затем уселся возле кровати на второй стул. «Синтия», а теперь капитан не сомневался, что ее зовут совершенно иначе, осталась стоять у форточки в одном исподнем. Девушка закурила.

– Итак, мистер Газарра, – проговорил Энквист, не обращая внимания на рывки пленника. – Настало время поговорить. Обещаю, что взамен на сотрудничество вам не только не причинят вреда, но и известный ролик пикантного содержания никогда не уйдет ни в сеть, ни в «балалайки» ваших детей и жены.

Упоминание о супруге заставило Кеннета обмякнуть.

Конечно, в итоге он сможет объяснить, что его принудили к этому силой, умственные способности второй половинки позволяли. Но дети? А полный сетевой доступ? Как он будет смотреть людям в глаза? Кроме того, Газарре казалось, что шантаж – не единственный аргумент схвативших его людей. Так, страховка. Если он откажется идти навстречу, его просто убьют.

Хуго прочитал это в затравленном взгляде голого мужчины, удовлетворенно кивнув.

– Сейчас я кое-что расскажу, – произнес он, не отпуская взгляд собеседника, – а вы будете кивать, подтверждая или отрицая мою правоту, договорились?

Любитель файтбола, выпивки и доступных женщин замотал головой, ударившись подбородком о грудь.

– Закончив службу в рядах вооруженных сил Соединенных Штатов, вы были приписаны к силам Национальной Гвардии Денвера в чине старшего лейтенанта, – продолжил Энквист гипнотическим тоном, который так любила Фарахани. –

Произошло это почти пятнадцать лет назад, после чего вы устроились на один из мобильных заводов «Нордекса», я прав?

Новый кивок и мычание, подтверждавшее правоту сказанного. Люди, ворвавшиеся к Кеннету в номер, знали о нем немало. И, возможно, не только об официальной стороне досье…

– Работали вы до тех пор, пока четыре года назад по миру не прокатился страшный Катаклизм, как его называют верхолазы и рафинированные слои общества. – Энквист вынул из кармана легкой спортивной ветровки сигареты, и Газарра усмотрел под верхней одеждой пистолетную кобуру. – Вашей семье удалось уцелеть, потому что в тот день вы отправились на загородный отдых. Однако вскоре была объявлена мобилизация, и вас экстренно призвали в ряды Гвардии.

Блондин прикурил, стряхивая пепел на гостиничный ковер. Воспользовавшись паузой в его монологе, сидящий рядом Бригелла встал, набрасывая край простыни на бедра пленника. Виновато покосился на шефа и Назанин, мимикой пояснив – надоело мне пялиться на его чресла, вот клянусь!

Хуго, проследив за манипуляциями Шигеру равнодушным взглядом, усмехнулся.

– Отсюда, мистер Газарра, начинается новая страница вашей жизни, – подытожил он. – В последующие три года вы проявили себя отличным хозяйственником и властным руководителем. Человеком, способным принимать ответственные и волевые решения. Поднимая страну из руин, вы дослужились до капитанского чина и нескольких наград. Принимали участие в стычках с мародерами, военизированными группировками Братства Белого Креста. Кажется, даже получили контузию. После отмены чрезвычайного положения и расформирования частей Национальной Гвардии вы изъявили желание остаться на постоянной службе. Похвально, с моей точки зрения…

В словах белобрысого не было иронии, и Кеннет недоумевающе хмыкнул. Если сидящий перед ним мужчина и был бандитом, то определенно самым необычным из тех, кого Газарре приходилось встречать.

– Однако новая работа, на которую вас перевели год назад, сильно отличалась от трех лет адреналина, установления прежнего государственного порядка, спасения людей и стрельбы в других людей, – продолжил Энквист, наблюдая за реакцией клиента. – Вас бросили на штабную работу, заставив перебирать бумажки и вести учеты. Именно тогда вы пристрастились к бутылке и начали активно бегать за юбками. Причем предельно нагло, почти не скрываясь от собственной жены. Может быть, таким образом вы компенсировали дефицит острых ощущений,

получаемых во время восстановления Денвера? Вам виднее…

Назанин у окна хмыкнула и принялась одеваться. Насколько дикого страха в этот момент ни испытывал бы Кеннет Газарра, он чуть не взвыл, в последний раз осознав, какой лакомый кусок едва не достался ему в эту ночь.

– Впрочем, меня интересует не совсем это. – Швед проследил за его взглядом с пониманием и сочувствием. – Через год после Инцидента ваше ведомство было усилено отрядом машинистов из числа волонтеров. Сеть едва начинала налаживаться, но штату были нужны люди, способные довести начатое до конца. Именно тогда вы познакомились с человеком по имени Джозеф Мартинес…

Газарра вздрогнул, услышав знакомое имя, и нахмурился, стараясь постичь, каким образом старый подельник связан с происходящим насилием и при чем тут он сам. Хуго не стал медлить, развеяв сомнения и недосказанности:

– В среде своих коллег Джозеф был также известен под кличками Плоский, Солянка и Колорадо, – зачитал он с глазного экрана. – Вернувшись на разрушенную природными бедствиями родину, Мартинес решил отдать ей свой гражданский долг, сам записавшись сначала в санитары, а затем – когда его умения были замечены, – в роту восстановления компьютерной безопасности.

Кеннет прокомментировал услышанное медленным кивком. Ему вдруг стало казаться, что он легко отделается, сохранив и жизнь, и здоровье, и деньги. Речь, похоже, заходила вовсе не о его сомнительных делишках на посту коменданта базы беженцев позапрошлой зимой, а совсем о другом человеке…

– Нам известно, что вы сдружились с Колорадо, мистер Газарра. Крепко. – Энквист не спрашивал, он констатировал факты, откопанные Неврозом в сети и вызнанные Бригеллой у бывших пехотинцев Гвардии по местным барам. – Вы вместе выпивали, вместе ходили по кабакам и борделям. Вместе грабили денверских тритонов, выметая у них последние дозы «синдина», вместе воровали провиант со складов…

Газарра дернулся сильнее, будто протестуя. Но Хуго проскочил этот этап его биографии, переходя к сути.

– Когда активная работа на правительство штата была завершена, Мартинес покинул территорию США и Конфедерации вообще, снова перебравшись за океан. – Он сделал паузу, концентрируя внимание клиента на следующей фразе. – Уверен, что перед отбытием Джозеф поделился своими планами с единственным приятелем по эту сторону большой воды. С вами, Кеннет…

Тот хотел облизнуть губы, но не смог даже чуточку

приоткрыть залепленный рот. Конечно, он помнил Колорадо, машиниста с философской точкой зрения на жизнь и темным прошлым за спиной. И совместные похождения тоже помнил. Но какого черта эти трое хотят от Газарры? Если тритон задолжал им, Кеннет не имеет к этому никакого отношения!

– Мистер Газарра. – Блондин с пронзительным взглядом наклонился к связанному, доверительно понижая голос: – Я хочу, чтобы вы честно и максимально подробно поведали мне, в каком направлении и как именно отбыл Колорадо. И тогда, обещаю, завтра утром вы вернетесь домой. С ноющими руками, да, но целым и невредимым.

Он замолчал, позволяя пленнику обдумать услышанное. В голове Газарры пронеслось несколько метеоритов – запись на «балалайке», жена, пистолет под курткой, все еще витающий в номере запах соблазнения. Метеориты сшиблись с грохотом лавины, и Кеннет лихорадочно закивал.

Энквист протянул руку, заставив капитана вздрогнуть. Взялся за край склеивающей рот ленты.

– Я сниму пластырь, а вы не станете кричать, хорошо? – предупредил он. – Иначе мой товарищ достанет «дыродел» и снесет вам голову, о'кей?

«Товарищ», сидевший рядом, довольно улыбнулся, предлагая испытать угрозу на искренность. Пришлось снова кивнуть.

– Вот и договорились.

С противным хрустом, цепляя щетину, липкая полоса оторвалась от пересохших губ.

– Великий Иисус Лоа, да на кой ляд он вообще вам сдался, этот чокнутый бритоголовый? – прохрипел Кеннет Газарра, уже не столь самоуверенный, как час назад. – Люди, вы ж меня до смерти перепугали! Я уж был готов попрощаться с собственной задницей…

Энквист недовольно нахмурился, мягко хлопнул в ладоши.

– Если *вы* продолжите задавать вопросы, мистер Газарра… в особенности, глупые вопросы… – многозначительно сказал блондин, подбирая слова, – нам не выйти на уровень конструктивного диалога.

Кеннет открыл рот да так и остался лежать, похожий на выброшенную на берег рыбину. Он уже слышал тон, которым произносились подобные угрозы. И не имел ни малейшего желания проверять серьезность намерений пленителя. Мысленно вознес молитву Иисусу Лоа, поклявшись с этого дня навсегда завязать с сомнительными знакомствами и изменами жене.

– Понял, умолкаю… – Газарра покорно прикрыл глаза, размышляя над вопросом белобрысого. – Да, мы действительно

дружили с Колорадо. Знаете, он в последние годы стал загибаться. Кашлял все время, ничего ему не помогало. Все твердил про искупление грехов. Но после увольнения у меня о нем данных нет, клянусь. Вроде он на запад подался, к поднебесникам.

Словно дождавшись кодовой фразы, Хуго сделал знак Кодо.

Тот встал, подняв штаны капитана и вытряхнув скопившееся в карманах барахло прямо на голый живот Кеннета. Посыпалась мелочь, освежающие пастилки, огрызок карандаша, презервативы. И коммуникатор, который Шигеру тут же подхватил, включил и сунул Газарре под нос.

– А вы зайдите в базу данных штаба Национальной Гвардии, Кен, – вполне дружелюбно предложил Энквист. – Поищите там. Сроки расчета, дата выписки с базы. Может быть, Гвардия помогала ему оформить транспортные листы?

Назанин, уже натянувшая свитер и джинсы, встала с другой стороны кровати, отвязывая одну руку пленника от рамы. Капитан повращал затекшей кистью, забирая аппарат у Бригеллы.

– Не возражаешь, если я посмотрю? – Тот придвинулся ближе, заглядывая в коммуникатор. – На случай, если ты решишь вызвать подмогу…

Этого в мыслях Газарры не было и в помине, но он похолодел. От движения пальца по сенсорному экрану в ближайшие минуты будет зависеть его жизнь, и от осознания этого факта руку свело от локтя до ногтей. Но Кеннет справился с собой, отдаваясь на волю бандитов.

Он искренне не понимал, зачем трансеру и ее друзьям понадобился подыхающий тритон. Но если это все, чего желала троица, – поможет с чистым сердцем.

Войдя в базу данных детройтского штаба Национальной Гвардии, Газарра ввел персональный пароль, принялся листать файлы. Едва ли не впервые за всю карьеру он по-настоящему возрадовался занимаемой должности, открывающей доступ к документам многолетней давности.

Восстановленная сеть Детройта была ненадежной, сонной, отчего «окна» подгружались медленно и частями, заставляя капитана нервничать. Энквист же, напротив, оставался совершенно спокоен и нетороплив, с интересом наблюдая за действиями клиента.

– Действительно, – задумчиво пробормотал Кеннет, раскрывая на экране нужные бандитам файлы. – Я уже и успел забыть… Вот, видите? – Он подвернул комм чуть правее, будто сидящему рядом блондину было плохо видно. – Безналичная оплата билета на «Королеву Нуйинг Харк», бонус от фирмы с

сокрытием фамилии пассажира… Но это точно он, клянусь! Знаете ведь, что после Катастрофы появились такие корыта, переделанные из нефтеналивных танкеров с барахлящими реакторами? Шанса добраться до пункта назначения никакого, трюмы забиты, в пути дохнет четверть пассажиров, еще четверть хватает «лучевку»… Но популярностью пользовались. Все помнят, как пару лет назад народ пытался перебраться на новые места. Люди думали, там будет лучше…

Кен осознал, что от волнения начал болтать лишнее. Спешно перелистал пару электронных документов и чуть не выронил коробочку коммуникатора на грудь.

– Вот, смотрите, дата отплытия и порт назначения…

Хуго осторожно забрал у капитана устройство, передавая напарнику. Кодо, психоприводом подключив устройство к своей «балалайке», начал копировать файлы.

– Что еще сообщал вам Колорадо о своем путешествии? – деловито осведомился Энквист, сделав девушке короткий жест.

Та ухватила правую руку Газарры, возвращая на привязь.

– Каковы были его планы по прибытию в Боли?

– Не знаю… вроде ничего… – Догадавшись, что его вовсе не собираются освобождать, Кеннет занервничал, едва удержавшись, чтобы не рвануться из пут. – Мартинес когда выпивал лишка, кое-что болтал о том, что они сделали много дурного… он и другие тритоны… И что поиск бога нужно вести не в иконах, а в собственной душе… Может, Джозеф в отшельники подался, жить-то ему еще год назад оставалось меньше малого? Вы же меня отпустите?..

Блондин ничего не ответил на последний вопрос, произнесенный настолько жалостливо, что Фарахани поморщилась. Вернулась к кровати, взглядом испросив разрешения, и когда командир кивнул, снова залепила рот Газарры широкой полосой липкой ленты. Тот замычал, глаза его выпучились так сильно, что стало больно смотреть.

Хуго встал, отодвигая стул в сторону.

– Не нужно трепыхаться, Кеннет, – посоветовал он. – Никто не причинит вам вреда или боли. Просто постарайтесь заснуть, набраться сил. Утром вас обязательно освободят, но до той поры придется потерпеть.

Он уже двинулся к двери, но вдруг остановился, вспомнив нечто важное.

– Кстати, я мог бы ввести вам препарат, очищающий память, мистер Газарра… – Энквист задумчиво провел рукой по карману, наблюдая за реакцией клиента. – Скажите, в этом есть необходимость?

Капитан замотал головой, одновременно мыча, хмыкая и сопя так энергично, что из носа потекло. Хуго улыбнулся, понимающе кивнув.

– Я знал, что вы разумный человек… И не забывайте про запись, Кен. Почувствуем внимание копов, видео будет опубликовано. – И швед подмигнул распятому на мятой постели мужчине, будто прощался со старым знакомым.

– Это ты выронил на стадионе, папочка, – проинструктировала «Синтия», забирая его «балалайку». Хотела спустить в унитаз, но выбранная «соблазнителем» гостиница не включала в услуги водоснабжение, предпочитая экономить на насосах. – В полицию не обращайся.

Шигеру Кодо, почти все представление промолчавший в сторонке, старательно протер служебный коммуникатор детройтца, бросая его на кучу сваленной на полу одежды. Он пленнику внимания уделял не больше, чем газовому рожку на стене.

Затем троица погасила свет, бесшумно прикрыла дверь и покинула номер, оставив капитана Газарру в беспомощном одиночестве…

Гостиницу – шестиэтажный дешевый мотель на окраине промышленного квартала – покинули через запасный выход, предварительно взломанный Бригеллой. Спустились с крыльца в темный переулок, зашагали вдоль заводского забора к припаркованному на пустыре мобилю.

– Ты молодец, Наза, – не оборачиваясь, похвалил Хуго, кивая для убедительности. – Четко сработала.

– Спасибо… – Фарахани, навороченный трансер со способностями менять цвет волос и оттенки кожи, вдруг покраснела, и управляемые «балалайкой» наны здесь были совсем ни при чем. – Это вообще не моя заслуга, дело сделали феромоны…

К мобилю, втиснутому между двух бетонных будок, вышли через несколько минут. Уселись: Кодо за руль, девушка рядом. Сам Энквист, вынимая из специального подсумка на кобуре незарегистрированный комм с протоколом двойного шифрования, загрузился на заднее сиденье.

Включив машинку, Хуго последовательно ввел три пароля, только после этого попав в систему. С тонким жужжанием извлек из коробочки вытяжной шнурок психопривода, нащупывая на затылке разъем. Не дожидаясь командирского распоряжения, Шигеру завел мотор и вырулил с замусоренного пустыря.

«Детройт отработан. Новостей нет. След уводит в Боли. Ждем дальнейших указаний». Закончив набирать короткий рапорт,

Энквист сбросил сообщение по известному адресу. Сеть, хоть и крайне нестабильная, над промзонами Детройта держалась круглосуточно – многие предприятия столицы штата вкалывали в несколько смен.

Письмо растворилось в цифровом океане. Теперь предстояло ждать.

Вертя комм в пальцах, Хуго раздумывал, каким именно будет ответ. И когда? Не исключено, что не сегодня, ведь Энквист даже понятия не имел, в каком часовом поясе сейчас находится верхолаз, финансирующий агентство «Горностай».

Мысли невольно переключились на персону хозяина. На весьма богатого человека, не сломленного ни глобальным финансовым кризисом тритонов Сорок Два, ни последовавшим далее бедствием планетарного масштаба. На человека, настоящего имени которого никогда не знал ни швед, ни другие члены группы.

Энквист и их нынешний работодатель познакомились семь лет назад, задолго до кровавого события, открывшего новую страницу человеческой истории. Группа, уже тогда плотно сыгранная меж собой, действовала на территориях Анклавов Западного полушария, нынче в основной массе слизанных взбесившимся океаном. Работали через сервера dd, по большей части специализируясь на выслеживании и похищении VIP-персон.

Одним весенним днем на схожее задание их и нанял человек, впоследствии ставший основным поставщиком заказов. Нанял как боевую единицу. Но после анализа проведенной операции оценил истинный потенциал будущих «Горностаев», предложив Хуго Энквисту длительное сотрудничество.

Так, за несколько лет до Инцидента, на свет появилось на 90 % легальное оборонное агентство, официально представлявшее интересы фармацевтического концерна из северных штатов Индии. У агентства возникли представительства, вербовщики, арсеналы, лицензии, транспорт и много другое…

Стержень организации составили люди Энквиста. Именно они вшестером натаскивали первых офицеров агентства, набранных из бывших безов, откровенных уголовников, демобилизовавшихся вояк со всего мира и решивших поменять профиль dd. Именно они формировали отделения, бодались с конкурентами, выбивали заказы и управляли активно растущей системой, почти распрощавшись с грязью оперативной работы…

Северянин улыбнулся, неожиданно вспомнив, как попытался вычислить, откуда тянутся нитки финансирования. Но Невроз, вскопавший сеть в поисках ответов, почти сразу предложил

оставить эту идею. Всего лишь намекнув, что они работают на дочернюю фирму, а настоящий след уводит высоко-высоко наверх, к одной из крупнейших корпораций южной Европы. А еще предположил, что в этом каким-то образом может оказаться замешана Ассоциация. И если Хуго и Даниэль не мечтают проснуться в ванне со льдом, им лучше оставить затею по выуживанию лишнего из темной воды…

Затем случился Инцидент, о котором они узнали многим позже других. Катастрофа, совпавшая с деликатным и особо важным заданием из числа тех, на которые Энквист предпочитал лично возглавлять свою свору. Бедствие, заставшее их во время погони по колумбийским джунглям, выхода из окружения и гибели Севастьянова…

После операции в Колумбии старшие «горностаи» затаились на год, промышляя случайными заказами и дожидаясь, пока мир определится – жить ему дальше или окончательно сдохнуть. А затем работодатель снова нашел их, предложив вернуться на службу. И пусть часть сегодняшней зарплаты люди Энквиста получали качественным провиантом, таковы были реалии современного мира, и Хуго не жаловался.

Конечно, после Дня Станции «Горностай» лишился половины личного состава. И полевых баз лишился, и офисов, и собственной армии. Многие погибли, многие разбежались. Подготовленный людьми Энквиста офицерский костяк, по слухам, вообще перевели на какой-то иной, принципиально новый проект корпорации.

Но официально оборонное агентство все еще существовало, с легкостью вхожее и в Анклавы, и в столицы государств. А это означало, что найдется и работа. Благо ее-то хозяин шведа подбрасывал регулярно…

О том, что у их «личного» верхолаза не было проблем с деньгами даже после Инцидента, говорило многое. Свободная аренда транспорта и снаряжения в любой точке цивилизованного мира, куда прибывал отряд. Связь, питание, достойное премирование наиболее успешных миссий.

Чего только стоили постоянные перелеты на межконтинентальных лайнерах, оплачиваемые для людей Энквиста помимо иных затрат? Да большая часть населения Европы в своей жизни отныне никогда не покинет ареал обитания! А «горностаи» только за минувший месяц дважды пересекли океан по воздуху. Каждая такая поездка стоила разовую зарплату всех, вместе взятых, наемников блондина, и если заказчик был готов столь щедро сорить деньгами…

Размышления Хуго прервали два события. Первое – Назанин

припарковала мобиль возле гостиницы, где остановилась группа, вопросительно развернувшись к командиру. Второе – на коммуникатор пришел ответ. Не успев удивиться, швед открыл сообщение, быстро пробежавшись по строчкам письма.

«Такома, штат Вашингтон. Причал «Спанч Бэй», док № 6. Борт «Нобунага», через три дня. Остается в полном распоряжении группы для действий в тихоокеанском регионе».

Энквист удалил сообщение и выключил комм.

Значит, теперь им предстоит путь по большой воде. Значит, и на этот раз у хозяина не кончились ни ресурсы для перемещения «горностаев» по свету, ни терпение на координацию действий боевого звена.

Неужели текущее дело, нацеленное на поиск наследия «Кромлеха», и впрямь стоило растрачиваемой энергии, денег и сил?..

Бинарный код 1010

«Вселенная без границ и преград, без ненависти и страха, преисполненная Чудом, Надеждой, Временем и Человеком. Человеком, жизнь которого идет вперед, а не к концу. Человеком, которого боится время. Человеком, озаренным надеждой. Человеком, познавшим чудо».

Сорок Два

Родители учили ее, что главным врагом человека является вовсе не дикий зверь. И не другой человек, жадный до чужого имущества, жены или крови. Не жадность или гордыня, побеждаемые тренировками силы воли и изнуряющим физическим трудом. Главным врагом человека во все времена был его собственный ум.

Не острота его и скорость реакции, не умение писать стихи хайку, не багаж знаний и умений – все эти качества только помогают в жизни. Враждебным фактором была склонность подвергать все сомнению, пробовать «на зуб», оспаривать и выискивать несоответствия. Да, такой образ мысли подходит ученому на пороге нового открытия. Но обычному человеку, а Риоко Хамасаки относила себя именно к таким, жалкие метания ни к чему.

Подчиняйся своему господину. Уважай мнение старшего. Почитай родителей. Люби супруга. Старайся не грешить. Ежедневно оставайся готовой отдать жизнь за семью и босса. Избегай позора всеми возможными способами. Будь честной и открытой. Постоянно ожидай смерти и готовься к ее приходу. Эти и подобные простые истины, с точки зрения Лавы, не только помогали человеку жить достойно, но и упрощали существование в сложных ситуациях.

Самураи прошлого немало удивились бы, узрев в начальнице отдела безопасности корпорации «Gruppo Aggiornamento» так много от собственных учений и ценностей. Но современный мир, столь не похожий на скованный условностями мир прошлого, впечатлил бы их не только этим…

Лава держалась на пассажирском сиденье прямо, не давая пояснице ни минуты отдыха или расслабления. Остальные – а

кроме женщины в седане «Кадиллак Бизон» находились еще трое вооруженных корпобезов – сначала старались копировать выправку начальницы. Но вскоре не выдержали, наперво ссутулясь, а затем и вовсе откидываясь на спинки сидений. Ночь предстояла длинная, к чему истязать себя лишними нагрузками?

Причуды Лавы вообще стали притчей во языцех, создав вокруг Хамасаки мифический ореол «самурая в юбке». Впрочем, юбку Риоко не носила, предпочитая ей удобные штаны и мужской пояс-оби, за который, на манер катаны, затыкала пистолет в кожаной кобуре. А еще – великолепнейшей закалки танто в деревянных ножнах, который пускала в ход значительно чаще огнестрельного оружия…

Не обращая внимания на едва различимые усталые вздохи подчиненных, Лава смотрела ровно перед собой. И по ее лицу было неясно, медитирует женщина, читает новости через «балалайку», пересчитывает микротрещины на лобовике «Бизона» или змеиным взглядом изучает дешевый мотель на другом конце площади…

Будь терпеливым и последовательным. Вручи свою жизнь тому, кто спас ее – теперь она принадлежит именно ему. Благодари за добро и не прощай зла. Восхваляй предков, принося им дары. Отделяй плотское от духовного. С одинаковой легкостью умей подчиняться и отдавать приказы.

В универсальной хрестоматии по проживанию *правильной* жизни Риоко Хамасаки находился ответ на любой вопрос, даже самой невероятной сложности. Причем чаще всего ответ настолько очевидный и простой, что иногда женщина от души сочувствовала своему сятёу, перегружавшему мозг лишними фантомами сомнений.

Однако ни разу, ни единого разу за почти сорок лет совместного сосуществования с господином, Риоко не позволила себе указать на ущербность его мышления. Потому что для Раймундо Гамбы женщина по имени Лава была не просто любовницей, охранником, советником и верным плечом. Она была его рабыней, неотъемлемой собственностью. А меч, пусть и самый верный, никогда не намекнет своему хозяину, что тот косолапит или вкушает пищу с неприкрытым ртом…

Даже если старик окончательно выживет из ума, возьмет в каждую руку по «дрели» и отправится разгуливать по этажам корпоративного небоскреба, стреляя во все, что движется, Хамасаки не осудит его. Более того, она пойдет сбоку и чуть позади, добивая раненых и прикрывая широкую спину седого итальянского медведя. Потому что если кто-то спасает твою жизнь, он получает ее всецело…

Это случилось много лет назад.

Во времена, когда мир еще не знал о приближающемся Перерождении, кровожадной орде Сорок Два, секретной и могущественной Новой Энергии и океанах «синдина». Мир тогда едва оправлялся от Нефтяных Войн, восхищался открытием профессора Ллейтона, зализывал раны и искренне полагал, что хуже быть не может…

«Gruppo Aggiornamento» набирала силу, подобно крепкому молодому жеребцу. Структурой управляли два брата – дядя и папа дона Раймундо, открывшие предприятию горизонты интеграции с криминальным синдикатом, известным под именем всемирной Ассоциации Поставщиков Биоресурсов. Отец ее господина, тогда еще статного красивого юноши с густой копной светлых вихрящихся волос, впервые посетил Японию.

Братья Гамба пытались наладить связи с японским отделением Ассоциации, невольно вступив в непримиримые противоречия с осакскими кланами из могущественной семьи Инагава-кай. Поделить рынок работорговли мирным путем не удалось, переговоры зашли в тупик, и Якудза объявила гайдзинам открытую войну. Первую войну ее господина, в которой тот проявил себя блестящим тактиком и отважным воином.

Бойня в районе Тсуруми стала одним из величайших сражений местного криминала с чужаками, пытавшимися откусить от желанного пирога. В ней пали почти полторы сотни якудза, три десятка безов и не меньше сотни наемников, обеспечивавших силовое прикрытие лидеров Ассоциации. В ней был ранен будущий господин Риоко. В ней погибла ее семья. И еще двести мирных жителей Анклава, оказавшихся на линии огня.

Сражение продолжалось не один час. Грязное сражение, кровавое. С заложниками, заминированными коридорами многоквартирных домов, обрушением перекрытий и пальбой из пулеметов.

СБА пришлось подтянуть технику и ввести в Тсуруми тяжелые отряды в «саранче», объявив территорию района зоной чрезвычайного положения. Ассоциация не брала пленных. Якудза убивали всех подряд. СБА валили и тех и других, не жалея ни патронов, ни репутации – на кону стояло гораздо большее.

Итогом схватки стала своего рода ничья, когда ведро ледяной воды в лице «ревунов» и газового оружия разняло дерущихся псов, так и не позволив выяснить, кто оказался сильней.

Позже братья Гамба нанесли Якудза еще один удар, прицельный и жестокий, в один день перебив всю верхушку местного отделения Инагавы. Но в тот самый – ужасный,

наполненный завываниями «дрелей» и запахом гари – день четырнадцатилетняя Риоко Хамасаки не имела об этом ни малейшего понятия. Запершись в своей крохотной квартирке на семнадцатом этаже жилого муравейника, она мечтала только об одном – уцелеть и спасти родных.

Не удалось.

Обдолбанные наркотиками, одетые лишь в штаны, тяжелые ботинки и яркие клановые татуировки, якудза врывались во все квартиры без разбора, превращая их в огневые точки для обстрелов улиц. Устанавливали на балконах портативные гранатометы. Минировали двери. И стреляли во все, что двигалось или умело говорить…

Посланный судьбой и небесными покровителями, Раймундо Гамба появился чуть позже, чем о том молила Риоко. И чуть раньше, чем оборвалась жизнь осакской девочки. Высокий, облепленный бронежилетом и со штурмовой винтовкой в руках. Убийца и торговец органами, спасший будущую Лаву и отомстивший за ее родных. Не это ли считается чудом?

Раймундо пробрался в квартиру в тот самый момент, когда охваченные лихорадкой боя бандиты уже отняли жизни матери и отца. Двое дюбелями приколачивали к подоконнику «сошки» пулемета. Еще двое напивались эфедриновым саке, собираясь забрать честь и здоровье зареванной девчонки. Гамба не позволил.

И дело было вовсе не в том, что люди Инагавы-кай являлись его врагами. Дело было в самом Раймундо. Во взгляде, в горевшей в нем ненависти, выкручивающей кишки страхом неумолимой расправы. В нежелании гайдзина позволить выродкам совершить задуманное.

Человек, с легкостью пускающий под нож сотни себе подобных, чтобы выгодно продать почку, легкое или костный мозг, вступил в драку с четырьмя якудза, и дрался он за нее – за Риоко Хамасаки…

Позже она думала, что некрасивый светловолосый чужак сохранил ей жизнь, чтобы пустить на органы. Для того же забрал из отчего дома, даже не позволив оплакать погибшую родню. Но значительно позже, уже прилетев в Рим и поселившись в резиденции Раймундо на правах почетной гостьи, девочка поняла, что в голову ее нынешнему сятёу никогда не приходило ничего подобного. Не это ли называют чудесами?..

И тогда она вспомнила все, чему учил ее отец.

Выбрала путь.

Начала тренироваться.

В шестнадцать лет она впервые разделила с господином

постель. В семнадцать лет побывала в Ватикане на крестинах крохотного Витторио. В день восемнадцатилетия настояла на том, чтобы войти в один из европейских отрядов корпорации. В девятнадцать приняла командование над этим отрядом и получила жарко-текучее прозвище. В двадцать один почти год считалась пропавшей без вести, но все же смогла организовать побег из частной тюрьмы корпорации «NDC». В двадцать два завязала с оперативной работой и превратилась в личного телохранителя Раймундо Гамбы. В тридцать лет скорбела на похоронах брата своего господина, а через год – на могиле его отца.

Когда в возрасте сорока одного года Раймундо взошел на трон корпорации, став полноправным оябуном, Лава возглавила глобальную службу безопасности «GA». Навсегда. До тех самых пор, пока судьбе не будет угодно отнять ее жизнь вместо жизни господина…

Любил ли оябун Гамба свою Риоко Хамасаки? Возможно. Когда-то давно. Нестерпимо давно, когда они были молоды и рвались вперед, с одинаковой легкостью убивая и любя. Но и сегодня, глядя на невысокую жилистую женщину совсем иными глазами, он не забывал одаривать ее своим вниманием и мужской силой. Которые Риоко принимала с благодарностью, почтением и искренним восхищением.

Как меч, обнажаемый для услады взгляда. Как старая добрая книга, перелистываемая время от времени. Как бутылка доброго двухсотлетнего арманьяка, из которой за год отпивают один-единственный глоток…

Блуждающий взгляд женщины уперся в примитивный алтарь, спрятанный в темном переулке слева от «Бизона». Аляповатый, но построенный с любовью, он был одним из детищ нового мира, коих в последнее время на улицах стало больше, чем бездомных.

Несколько пластиковых ящиков подпирали друг друга, образуя подобие миниатюрной пирамиды майя, вокруг виднелись огарки и битые масляные лампы. По обеим сторонам от алтаря на ветру шептались обрывки самодельных тряпичных плакатов, на которых самый любопытный смог бы разобрать: «Славьте Копье!» и «Воцаримся в покорности пред смертью».

Что ж, кому-то в новом мире действительно лучше смириться с участью…

– Госпожа, они покидают гостиницу…

Из размышлений Лаву вывел голос одного из корпобезов, сидящих в машине вместе с ней. Риоко распахнула смеженные глаза, всматриваясь в дешевый шестиэтажный «Holliday Luxxxe Inn», аварийный уже четыре года и работавший мимо всех

мыслимых городских инстанций.

– Вышли через заднюю дверь, госпожа Хамасаки, – продолжал отчитываться сидящий позади Лавы мужчина. – Двое европейцев и женщина, идут вдоль промзоны на северный пустырь. Неидентифицированный местный? Понял. Госпожа, его с ними нет.

Прямой эфир на зашифрованном канале сидящий в «Бизоне» боец поддерживал с пятым из агентов их небольшой группы. Вырубив электрошокером смотрителя, почти час назад тот разместился на вышке прилегающего к площади завода. Оттуда гостиница и транспортная развязка перед ней виднелись как на ладони, позволяя даже заглядывать в окна.

– Прикажете держать наблюдение?

– Нет, – наконец подала голос Риоко, открывая тяжелую дверцу «Кадиллака». – Слежку свернуть, агенту вернуться к машине и взять под контроль внешний периметр. Расположение?

Женщина не по годам грациозно выскользнула в ночной сентябрь, запахивая длинный черный плащ с розовым орнаментом вдоль подола. Остальные корпобезы – трое крепких, отобранных лично Хамасаки боевиков – выбрались следом, бесшумно прикрыв двери «Бизона». Один из них, все еще общаясь с наблюдателем через «балалайку», продолжал докладывать на ходу:

– В течение десяти минут с момента входа объекта в гостиницу свет дважды зажигался на четвертом этаже, единожды на шестом и пятом. За пять минут до того, как наемники покинули гостиницу, свет погасили на шестом.

Не ответив и чуть заметно кивнув, Риоко зашагала к зданию мотеля, выглядящему так, словно было готово вот-вот обвалиться. С испорченной канализацией, отсутствием водопровода, системой ненадежной и взрывоопасной газификации, в глазах японки оно представлялось настоящей дырой. Крысиной норой, в которую не только любовницу привести стыдно, но и мимо-то проходить. Однако даже обшарпанный вид гостиницы что-то колыхал в душе, и Риоко была ему за это благодарна…

Потому что в последние годы Лава нечасто выбиралась на задания лично.

В большинстве случаев не пускал сам сятёу. Иногда в присутствии начальника службы на месте проведения операции не было никакого резона. Зачастую справлялись и вышколенные заместители. Но время от времени Риоко Хамасаки все же заставляла себя покидать кабинет, тир и спортзал, погружаясь в зловоние улиц, воспитавшее в ней воительницу и цепного пса.

Сейчас, по самым незначительным признакам определив, что

новое увлечение юного наследника действительно интересует ее хозяина, Лава не могла оставаться в стороне. Она лично доложит айдзину деликатные новости о действиях агентов Витторио и ходе проводимого ими расследования…

В тесный холл со стойкой дежурного консьержа вошли быстро и уверенно, как завсегдатаи гадкой ночлежки, почти не бряцнув расхлябанной дверью.

Худой паренек на ресепшене вскинулся от экрана портативного коммуникатора, на котором пересматривал запись вечернего матча по файтболу. Приветливо, насколько позволяли покрывавшие лицо язвы, улыбнулся в искренней надежде на очередного клиента. Но произошедшее далее резко испортило его настроение, заставив пискнуть и рвануть в глубь подсобных помещений.

Не дожидаясь приказа госпожи, один из агентов нырнул в плексигласовую кабинку, легким движением вырвав не только дверной замок, но и саму створку. Догнал консьержа на пороге кухонной зоны, переоборудованной в склад и спальню. Цепко прихватил за болезненно-пятнистую шею, приставляя к затылку крохотный шокер. Нажал на спуск. Заряд не только лишил ночного смотрителя сознания, но и на всякий случай сжег его персональный чип.

Брезгливо обтерев перчатки о форменную куртку с блеклой надписью «Holliday Luxxxe», боец вернулся в холл. Приставил выломанную дверь на место, чтобы не бросалось в глаза. Проверил запасной выход, чей замок был предварительно вскрыт. И бесшумными прыжками рванул к лестнице, по которой уже поднимались остальные.

На лестничных площадках и в коридорах свет почти не горел, хозяева крысиной норы экономили на всем, что только подвергалось экономии. Газовые рожки на стенах – привет из XIX века – работали через один, да и то столь тускло и робко, что не помогали ориентироваться во тьме, а наполняли полумрак пугающими тенями и еще сильнее сбивали с толку.

Перед выходом на шестой этаж Риоко подняла руки к лицу, прикасаясь к нижним векам. Скользящим нажатием пальцев заменила один комплект нанолинз на другой, выполнявший роли прибора ночного видения, тепловизора и даже простенького сканера.

Остальные агенты, дождавшись жеста госпожи, тоже активировали разработки оборонного отдела «GA». Не вынимая «дыроделов» из кобуры, сняли оружие с предохранителей.

Один из мужчин сунулся вперед, чтобы проверить этаж, но Лава остановила его мягким властным жестом. Расстегнула

длинный плащ с розовым узором на подоле и спине, первой вошла в скрипучую дверь.

Большинство номеров пустовали, опутанные могильной тишиной, в которой не было слышно даже крыс и насекомых. Прожившие в ночлежке хотя бы неделю, предпочитали чуть переплатить, но жить не выше третьего. В низкоэтажной «элитной зоне» несколько раз в день чудом включались водоносные насосы, и даже периодически менялось постельное белье. Однако и наверху за несколькими дверьми жизнь кипела – это развлекались скупцы, ставившие дешевизну и уединение выше комфорта и гигиены.

Риоко прислушалась, почти приложив ухо к одной из таких дверей. Обшарпанных, с облезлой краской и следами сигаретных ожогов. Разобрала сопение наркомана, недавно словившего кайф и ушедшего в богатый внутренний мир виртуальных порнографических симуляторов. За второй створкой – стоны сразу четырех человек, пьяный смех, скрип кровати, охи и жесткие шлепки. За еще одной – бормотание. Не разобрать: то ли молитва, то ли бесконечный монолог сумасшедшего, запертого в грязной каморке посреди грязного мира без надежды на очищающий ливень…

Возле номера с приоткрытой дверью Хамасаки остановилась, кивнув остальным.

Агент, находившийся ближе всех к лестнице, поворотом задвижки газовых кранов свел и без того призрачный свет коридора на абсолютный ноль. В наступившей темноте Риоко Хамасаки первой переступила порог, держа пальцы на рукояти пистолета, заткнутого за оби.

Двое оруженосцев последовали за госпожой, и лишь здоровяк с шокером остался в коридоре поджидать неудачливого свидетеля их неофициального визита в «Luxxxe Inn».

Выйдя на середину комнаты, Риоко задумчиво остановилась. Мужчина, с которым один из объектов наблюдения прибыла в гостиницу, действительно не покидал крысиной норы. Более того, не смог бы, даже захотев – он был обнажен и умело распят на скомканной постели. Привязан за запястья и лодыжки, а его рот украшала широкая липкая лента. Сканер сообщал, что затылочное гнездо связанного пустует.

Втянув воздух носом, Хамасаки невольно поморщилась, уловив отголоски сигаретного дыма и еще не выветрившейся химии, часто используемой трансерами и элитными проститутками.

Мужчина, лежащий на постели, встрепенулся.

Он понимал, что в темной комнате кто-то есть, но

рассмотреть не мог, как ни напрягал зрение. Замычал, рванувшись в путах, заскрипел раскачиваемой кроватью.

Свита Лавы тем временем спешно осмотрела номер. Передала госпоже найденный на одеяле коммуникатор, убедилась в надежности заколоченной двери в ванную, изучила единственное окно с решеткой снаружи – жалюзи были плотно сомкнуты, но форточка приоткрыта на проветривание. И отступила ко входу, предвкушая представление, лицезреть которое воочию удавалось даже не всем приближенным к начальнице оперативникам…

Подтянув стул, словно специально для этих целей стоявший возле кровати, Риоко плавным движением избавилась от плаща, вешая его на спинку. Осталась в серой блузе, под которой виднелась кевлайкровая жилетка, в обтягивающих штанах и старинном самурайском поясе. За которым спереди привычно притаился пистолет, а со спины, облаченный в деревянные ножны – короткий прямой клинок с крохотной бронзовой цубой.

Мужчина, привязанный к раме во фривольной позе, замычал еще громче.

Рванулся, оставляя на запястьях синяки. Он отлично слышал, чувствовал, буквально кожей ощущал, что в номере кроме него кто-то есть. Но был совершенно беззащитен, с каждой минутой грозя скатиться в пропасть истерики и отчаянья.

Тьма наполняла комнату. Тьма, в которой едва виднелись три силуэта, способные оказаться как людьми, так и демонами, порождениями ночи, пришедшими за его беспомощным телом и червивой душой…

Опустившись на стул в ногах пленника, Хамасаки сделала снимок. Через слабую, но имеющуюся сеть сбросила фотографию оставшемуся в «Бизоне» агенту с приказом немедля вычислить неизвестного по любым возможным базам данных. Сама же, не обращая внимания на нараставший ужас связанного, неспешно осмотрела обнаруженный коммуникатор, пытаясь понять, что же за человека допрашивали люди молодого господина Гамбы…

– Думаешь, в этой дыре стоны привлекут хоть чье-то внимание? – через несколько минут негромко спросила Риоко по-американски, заставив лежащего перед ней мужчину оцепенеть.

Она наконец-то изучала краткое досье, накопанное машинистами корпорации по приказу ее агента. И до сих пор не могла взять в толк, какого черта наемникам Витторио понадобился голый капитан Национальной Гвардии, старательно топивший карьеру в стакане с виски…

Привязанный к кровати все еще боялся пошевелиться, будто ночное насекомое, на которое упал случайный свет фонаря. Наконец обмяк, что-то промычав, и Риоко протянула руку.

– Сейчас я сниму скотч. Услышу хоть один призыв о помощи – отрежу язык. – Она не спрашивала, просто предупреждала. И рванула клейкую полосу еще до того, как капитан успел отреагировать на угрозу. – Ты Кеннет Газарра?

– Не надо препарат, я же поклялся молчать… Зачем вы издеваетесь? Вы же обещали… О, милосердный и справедливый Иисус Лоа… *Вы* не *они*? Умоляю, развяжите меня скорее!.. Ради Господа нашего и…

– Замолчи, Кеннет! – отрывисто и с придыханием, как это умела одна во всей огромной корпорации, негромко выдохнула японка.

И тот замолчал.

Сразу, моментально, словно в рот вбили резиновый мяч. Замолчал, вспомнив все свои недавние страхи и кошмары. Потому что догадался – проникшие в незапертый номер явно не входили в персонал дешевой ночлежки, выбранной Кеннетом для любовных услад.

Вероятнее всего, это были наркоманы. Или торговцы органами. Или просто подростки, решившие насладиться беспомощностью голого мужика. А это означало, что сегодня он все же будет страдать, причем невыносимо. И, возможно, уже никогда не вернется к своей глупенькой женушке…

Риоко, внимательно наблюдая сквозь тьму за лицом пленника, сумела прочитать мысли капитана. И почтительно отдала должное железной выдержке американца, с которой тот готовился принять муки. Потому что их Лава собиралась связанному обеспечить, пусть и по совершенно иным причинам, нежели предположенные Газаррой.

– Где твоя «балалайка»?

– Я… я потерял ее на стадионе… – пролепетал капитан. – На «Нордекс-Корп-Гардене», сегодня вечером во время матча… вы же знаете, администрация не позволяет вести запись… Приходится вынимать… вот я и…

– Это была последняя ложь, услышанная мной от тебя, Кеннет, – хладнокровно перебила его Лава, вынимая из кармана штанов тонкие медицинские перчатки. – За каждый обман ты будешь платить. Болью. Надеюсь, ты понял.

– Понял! – чуть ли не в полный голос выкрикнул пленник, застонав и пытаясь вслепую угадать, с какой стороны от кровати находится теперь женщина со странным акцентом. – Клянусь, я больше не буду.

– Твоя клятва принята…

– Ее забрали… люди, которые связали меня… Это все Синтия Как-Ее-Там, чертова сука! Это она опоила меня и связала. А потом

появился ее дружок с белыми волосами и еще один, кажется, брюнет… Или рыжий? Они допрашивали меня, будто преступника. Умоляю, развяжите, и я все расскажу.

– Это произойдет в любом случае, – отрезала Риоко, отодвигая стул и нависая над кроватью.

Газарра заскулил, до крови закусывая губу. В который раз за эту бесконечную ночь он вновь чувствовал зловонное дыхание смерти, игравшей с ним, будто котенок с мотком ниток…

Впервые он чудом избежал страшных пыток и мучительной гибели, когда Синтия оказалась вовсе не маньячкой. Избежал и повторно, когда допросивший его блондинчик не стал пускать в ход пистолет, сдержав слово и оставив капитана в живых. Был ли у Кеннета новый шанс на чудо? Шанс спастись в третий раз подряд, выскользнув из рук женщины со странным азиатским акцентом и сталью в голосе? Это было бы настоящим волшебством, после которого впору посвящать себя богослужению. Но Иисус Лоа, в чем Газарра был уверен на все сто, крайне редко творил свои чудеса трижды подряд…

– Сейчас подробно расскажешь, что за люди были в этом номере двадцать минут назад, – приказала Лава, медленно расстегивая рукава блузки и закатывая их до локтя. – Почему привязали, чего хотели и какие вопросы задавали? А еще вспомнишь все, что рассказал сам…

И вынула из-за пояса танто, с медленным характерным шелестом обнажая клинок.

Бинарный код 1011

Поэтесса верила, что следующим этапом развития человеческой души и сознания станет власть над Цифрой. Она заблуждалась. Пытаться обрести большую власть над Цифрой, чем мы имеем сейчас, все равно что отправиться по радуге штурмовать Асгард. Все равно что отдавать приказы погоде, которой мы более-менее сносно научились управлять еще в прошлом веке. Все равно что пытаться перекричать океан.

Поэтесса утверждала, что перестать быть рабом цифр может лишь тот, кто вырвется из их плена. С тем же успехом можно советовать человеку покончить с собой, чтобы перестать быть рабом собственного тела.

Но еще Поэтесса верила, что ураган интеллекта ее последователей заставит задрожать существующий мир, и в этом она была совершенно права.

Мы действительно сильны.

Созданный машинистами мир внутри мира позволяет любому из нас с невероятной скоростью производить вычисления, выискивать цитаты мудрецов древности, спешно изучать технологии, блистать эрудицией, не держать в памяти объем моля идеального газа или теорему Виета. Но мы чуть не уничтожили собственное могущество и отныне должны помнить, какие ошибки провоцирует мнимое всесилие.

Христианский Бог сотворил мир за шесть дней. Последователи Сорок

Два доказали, что за схожий срок способны его уничтожить. Да, мы можем обвалить мировую инфраструктуру, отменить деньги как таковые. Ударить по экономикам стран, по средствам общения, можем манипулировать информацией. Но это не наша цель – это наши инструменты достижения чего-то большего, куда более высокого, о чем не задумывались ни Нейк, ни Пророк.

Определить новые цели – вот наша первоочередная задача.

«Шепот цифровых идолов», глава 7

Сухая пыль фонтанами била из-под колес трех юрких «Термитов», короткой колонной пересекавших пустыню. Когда-то на месте серо-бурых холмистых просторов лежала шумная тайга. Но сейчас, спустя множество лет после присоединения русского Дальнего Востока к Поднебесной, в это верилось с трудом.

Почва, начисто лишенная вековых деревьев, продолжала превращаться в мелкую взвесь. Горы и знаменитые сопки проседали, лишенные каркаса из корней. Губительному процессу не могли помешать даже специальные мелиорационные программы китайского правительства, активно внедряемые в регионе.

Впрочем, их эффективность было сложно оценить сегодняшним днем. После Перерождения, как называли поднебесники события на Станции «Наукома», восстановление грунтов и высадка новых лесов застопорились. Да и вообще природа сошла с ума, не до нее сейчас человеку…

Первая машина – компактный двухместный багги, вчера вечером арендованный у русско-китайских полукровок, – свернула в распадок между кустистыми холмами. Энквист, сидящий за рулем второго мобиля, устремился следом.

Вот уже почти сутки из головы шведа никак не шла картина, подсмотренная в шумном муравейнике поднебесников. В замусоренном, пострадавшем от наводнений, переполненном беженцами и нелегалами городе, больше напоминавшем говорливую ставку древнего монгольского хана. Повсюду суета, попытки урвать кусок пожирнее, втюхивая доверчивым лаоваям отнюдь не новый транспорт для пересеченной местности. И вдруг в поле зрения попадает дюжина улыбчивых народных

дружинников, идущих по соседней улице…

Шли кучно, собранно и целенаправленно, так что Хуго сперва принял их за членов банды. Присмотревшись, чуть не открыл рот. Измотанные, одетые во что попало, определенно изможденные недоеданием китайцы двигались по улицам родного квартала, чтобы вычищать его. Оттаскивали в стороны тяжелые обломки и старые корпуса мобилей, расчищали проезды муниципальной технике. Убирали мусор, сжигали трупы животных, пытались тянуть порванные стихией провода. А еще они пели – нестройно, но искренне, не переставая улыбаться ни на секунду.

Энквист помнил, как нахмурился, не сразу поверив глазам. Горожане, совершенно очевидно не входящие даже в средний класс жителей агломерации Боли, были полны сил и решимости устранять последствия хаоса, принесенного Днем Станции. И еще – в этом тоже не было сомнений – было заметно: это не разовая акция. С определенной регулярностью, раздав роли, мелодично напевая и улыбаясь друг другу, они выползали из своих лачуг, чтобы возвращать мир к образу, к которому привыкли с рождения. Не скулили о чудесах или спасении, не отбивали колени, расстреливая небеса молитвами – делали все сами, уставшие, вымотанные, но жизнерадостные и настроенные на победу.

Дружина скрылась из поля зрения. Торгаш, сдававший транспорты внаем, начинал нервничать, сделка застопорилась. А Хуго еще какое-то время не мог прийти в себя, вспоминая улыбки на грязных лицах. И задор, с которым мужчины небольшого отряда относили к обочинам упавшие столбы системы городского освещения. Воистину, этот мир полон чудес…

«Термит» подпрыгнул на ухабе, и сидящий рядом с командиром Невроз вскинулся в ремнях безопасности, чуть не прикусив язык. В зеркале заднего вида стало заметно, что замыкающий колонну Бакли тоже скорректировал курс.

Согласно установленному на приборной доске коммуникатору, от крупного портового Боли их отделяло уже более полутора сотен километров. Сеть, как Даниэль предполагал еще перед отправлением на юго-восток, давно не цеплялась, поэтому связь между багги приходилось вести с помощью радиостанций.

– Точка обзора, – сообщила Назанин из первой машины, где находилась вместе с Бригеллой. – Дистанция: семь километров.

Энквист подтвердил получение информации. Пришла пора сделать привал.

– Стоп! – скомандовал он в ошейник ларингофона, первым

останавливая «Термита». – Оценка обстановки.

Остальные внедорожники тоже застыли, окружив себя облаками красноватой пыли. Пыли, еще незаметной от объекта, к которому рвалась колонна.

Расстегнув систему ремней, Энквист выпрыгнул из «Термита», с удовольствием разминая ноги. Бакли, Кодо и Фарахани, остановкой довольные не меньше шведа, медленно сходились к командирской машине. Невроз остался на прежнем месте, педантично изучая герметичность пластикового чехла, в котором перевозил «раллер» и наспех сооруженное чучелко пустынного филина.

Позволив пыли осесть, Хуго стянул желтый платок, закрывавший нижнюю половину лица. Поднял бесцветные очки на лоб, с улыбкой рассматривая непривычный вид товарищей. Сменив повседневную городскую одежду на армейскую униформу, они нравились Энквисту значительно больше. Наконец-то группа снова походила на матерых волков, сумевших вырваться из клеток душных Анклавов и чахнущих городов поиграть мышцами.

Не ради забавы, конечно. Рискованно, смело. С пониманием, что случайная встреча с военным патрулем китайцев ничего хорошего не принесет. Причем в первую очередь – поднебесникам. Обнаружь те на своем пути три скоростные машины и пятерых чужаков, экипированных для проведения боевой вылазки, остались бы лежать в пыльной земле. Но шанс встретить солдат НОАК здесь, в забытых богами и людьми координатах, был таким минимальным, что отметал любые поводы для волнений…

Пригибаясь, трое мужчин и женщина в камуфлированной форме вскарабкались на склон сухого, словно кусок пемзы, холма. Забросили винтовки за спины. Улеглись в кустарнике, на гребень выбираясь ползком. Осмотрелись.

На всякий случай расчехляя бинокль, Энквист рассматривал приземистые постройки храма, являвшегося конечной целью их путешествия.

Тот лежал в долине, куда в свое время сходились сразу пять горных языков, окружавших обитель природной стеной. Сегодня хребты постарели. Обмякли и полысели. Окончательно превратились в пологие взгорки, цепями гигантских барханов обступивших монастырский комплекс.

В десятке километров южнее храма виднелись остатки лагеря мелиораторов, много лет назад пришедших сюда на помощь природе и монахам. Но и без бинокля усиленная оптика глазных имплантатов Хуго позволяла разглядеть, что модульные бараки

щедро занесены песком, а выкопанные каналы сухи и щетинятся колючим кустарником.

Трое мужчин и женщина, не торопясь покидать наблюдательный пост, внимательно изучали долину, фиксируя на «балалайки» каждую складку местности, овраг, постройку или пригодную для стрелковой позиции нору. О том, что их самих будет заметно, Энквист не волновался – дистанция точки обзора позволяла оставаться невидимками. Если группу и ждал прием, его готовили значительно ближе к монастырю…

Окрас «горностаи» поменяли еще на борту «Нобунаги». Подобрали пятнистую песочную форму, разгрузочные жилеты, четыре автоматические винтовки «Чероки» с боеприпасами. Хуго не сомневался, что в придачу Бакли и Кодо опустошили арсеналы тримарана на изрядное количество взрывчатки, но даже если находил это лишним, ничего бойцам не сказал. Так же, как необычный капитан темно-фиолетового судна, замаскированного под скоростную океанскую яхту…

Тот вообще словоохотливостью не отличался, при знакомстве скупо распорядившись называть его Ноябрем и за время плавания не перекинувшись с пассажирами больше чем сотней фраз. А сотня фраз за почти неделю пути – это очень мало.

Почти неделя. Именно столько занял путь из «Спанч Бэя», куда группа прибыла через три дня после операции в Денвере, до побережья Китайской Республики и здоровенного приморского Боли. Почти неделя ювелирной резки волн на скорости 55 морских миль в час. Почти неделя беспрерывной качки, от которой бедняга Бакли похудел на несколько килограммов, над чем не преминул поиздеваться Жицкий.

Судно очень понравилось Энквисту. Настолько, что он даже захотел, чтобы их миссия продолжалась именно в Тихом океане, где он смог бы еще раз воспользоваться бронированным тримараном Ноября.

Вытянутый, будто гигантский титапластовый марлин, «Нобунага» производил впечатление уникального и безмерно комфортабельного транспорта, доступного лишь верхолазам. Однако под темно-свинцовой обшивкой, отражающей взгляды радаров и даже спутников, крылись бронированные листы, способные защитить тримаран если не от прямого попадания торпеды, так от очереди крупнокалиберного пулемета уж точно.

Таких пулеметов, кстати, на судне нашлось три. Два послабее, ручного управления, и один стационарный «ревун» на автоматизированном штативе, управляемый из капитанской рубки. Огневые точки и единственный торпедный аппарат были искусно спрятаны в корпусе, не портя благообразного вида «яхты»

и уменьшая сопротивление воздуха.

Еще шведа поразила автономность тримарана. Компактный реактор в трюме делал «Нобунагу» совершенно независимой океанской единицей. Такая самостоятельность избавляла экипаж от необходимости заходить на океанские станции подзарядки, расставленные на главных судоходных маршрутах. Мало того, что количество зарядных платформ после Инцидента резко сократилось, так их хозяева – откровенные пиратские князья – теперь брали за перекачку энергии плату столь огромную, что дешевле было продаться в рабство.

Знали ведь, сволочи, что далеко не у всех современных судов функционируют системы самовосполнения заряда. А потому активно восстанавливали ветряки и подводные генераторы, отбиравшие силу у тихоокеанских течений. И втридорога продавали мегаватты капитанам, поставленным в патовые условия – покупай, отдавая последнее, или дрейфуй себе до первого шторма.

«Надбавка за штормовой риск и давление конкурентов», вот как называлась наценка энергетических вымогателей, до которых никак не могли дотянуться руки американцев или поднебесников…

Шторм, кстати, тоже случился, два дня назад отняв у «горностаев» почти пятнадцать часов путешествия. К чести тримарана, тот блестяще справился с многочасовым буйством природы, благодаря герметичной конструкции и устойчивости почти не заметив удара водной стихии. Чего нельзя было сказать о Гордоне Бакли, во время ненастья потерявшего большую часть массы…

Немногословный капитан «Нобунаги» произвел на Энквиста впечатление не меньшее, чем само судно. Высокий, способный не шатаясь устоять на любом скате, закутанный в пепельно-черную хламиду, под которой легко могла спрятаться даже «саранча».

Финальным штрихом странного капитанского наряда была короткоклювая венецианская маска, внутри которой Невроз на глазок определил наличие противогаза, дополнительных экранов «балалайки», тактический компьютер, комм и радиопередатчик. Черная маска-шлем экранировалась совершенно матовым нанопокрытием, придавая хозяину корабля вид то ли прямоходящей доисторической птицы, то ли демона преисподней…

Экипаж, состоявший из двадцати двух моряков, к внешнему виду своего вожака относился спокойно. С пассажирами обсуждать отказывался, насмехаться не позволял. И вообще демонстрировал выучку первоклассную, набираемую не одной

тысячей пройденных миль. А также десятками сражений, в которых пришлось побывать «Нобунаге».

Восемь дней назад, когда группа добралась до Такомы, после гибели Сиэтла ставшей одним из ключевых портовых городов Западного побережья США, «горностаи» могли лично убедиться, что без дела пушки тримарана не ржавеют. В доке № 6, где они и обнаружили судно, вовсю шел ремонт «яхты» – менялись пробитые пулями бронеплиты, пополнялся боезапас, и полностью переоснащалась рубка связи.

Комментировать полученный в походе урон Ноябрь никак не стал. Ни людям Энквиста, ни администрации порта, сославшись на успешно отраженную атаку пиратов, с каждым месяцем плодившихся в прибрежных водах. А затем волшебным джинном усадил группу на свой плавучий ковер и одним мощным рывком перебросил через Тихий, под финал предоставив доступ в арсеналы «Нобунаги».

Хуго не совсем понимал, отчего новый скачок через планету они проделали именно водой. Однако, вероятнее всего, у заказчика на это имелась веская причина, и обсуждать приказ верхолаза швед не намеревался.

О том, что по следу группы кто-то идет, было очевидно после событий в Монреале и Франкфурте. Как именно хозяин наблюдает за теми, кто наблюдает за Энквистом, «горностая» не интересовало. К контакту с противником они были готовы вне зависимости от того, предупреждал их наниматель о возможной стычке или нет…

Спустившись с холма, Хуго спрятал бинокль и отстегнул от пояса флягу, сделав несколько глотков теплой, но чистой, еще в Боли купленной воды. Остальные ждали распоряжений, не спеша снимать с оружия тонкие противопыльные кожухи.

Командир хрустнул «липами» левого рукава, психоприводом подключаясь к тактической карте на гибком экране вокруг предплечья. Разгладил складки электронной карты, чтобы не бликовало для стоящих вокруг. Закачал свежую информацию, синхронизируя ее с данными спутника, полученными вчера вечером.

– Невроз, запускай птицу, – приказал швед, изучая отснятые на «балалайку» кадры. – Два круга диаметром два и шесть соответственно. Повторяй каждые пять минут. Бакли, Назанин, ваши координаты – кусты и скальный уступ. Гордон, прикрываешь группу по долине, Наза – прикрываешь Гордона. Кодо со мной на одной машине, Жицкий остается управлять отсюда.

– Ожидаем контакт? – поинтересовался ирландец.

– Вероятность не просчитывается, – честно сознался Хуго, продолжая манипуляции с картой на рукаве. – Если за нами следили после швартовки в Боли, у противника было несколько часов для подготовки засады. Но я, скорее, предположил бы «хвост», а это означает, что удара стоит опасаться в спину.

Не принимая в обсуждении активного участия, машинист взялся освобождать птицу от полиэтиленового скафандра. Под тусклым сентябрьским солнцем Приморья черно-желтые глаза хищницы остро блеснули, ветер потрепал серо-бежевые перья.

Работа с чучелом была проведена спешная и весьма небрежная, ничего уж не поделать. Но с учетом острой нехватки времени и наличия одной-единственной тушки, купленной у хозяина портовой лапшичной за баснословные деньги, Даниэль постарался на славу.

Пустынные совы не всегда жили на Дальнем Востоке. Сказать точнее – не жили вообще. До тех пор, пока вырубаемые китайцами леса не принялись редеть, будто макушка пенсионера, что позволило филинам Ближнего Востока и севера Поднебесной мигрировать в новые ареалы, подарив орнитологам новый вид – азиатскую пустынную сову…

Раскинув неподвижные крылья, мертвая птица подозрительно посматривала на вооруженных людей черными точками камер, вмонтированных в стеклянные зрачки. Выбравшись из «Термита», Невроз аккуратно положил чучело на бурую землю. Вынул из комбинезона пульт. Провел последнюю предполетную диагностику, еще раз проверил уровень батарей, а затем активировал зонд, заставив сову вздрогнуть и «ожить».

Пропеллер выходил из загривка, отлично различимый сверху и почти незаметный снизу. Едва слышно загудев, он поднял птицу на несколько метров, позволяя оценить ночное творение машиниста.

Кодо поморщился с лукавым сомнением, но смолчал. Девушка улыбнулась. Бакли пожал плечами, демонстрируя показное равнодушие – ну, зонд внутри птицы, да. Если внимательно присмотреться или проанализировать стиль полета, раскрытие секрета неизбежно, хреновый из сморчка таксидермист. Но для разовой воздушной разведки вполне сойдет…

Сделав над багги пробный круг, Даниэль направил мертвого филина за сопки, осторожно набирая высоту и даже имитируя покачивания крыльев. Вся информация из глаз летающего шпиона передавалась на его «балалайку», вынуждая одновременно делать два дела – следить за полетом и изучать подходы к храму.

Выдернув психопривод из собственного затылка, Энквист по-

хозяйски подключился к Жицкому, тут же выводя картинку на эластичный экран предплечья. Поляк ойкнул, дернулся и замычал, определенно недовольный вмешательством командира в свое личное пространство и затылочный разъем. Но от пилотирования не отвлекся, и экраны продублировать все же позволил.

– Не бойся, детка. Больно только в первый раз, – хохотнул Бакли, легко хлопнув машиниста по плечу и вызвав улыбки остальных.

Столпившись вокруг Невроза, «горностаи» уставились на долину и храм с высоты нескольких десятков метров. Изображение качалось, когда чучело мотало порывами ветра, но Жицкий уже не впервые управлял зондом такого класса, не позволяя стихии перевернуть птицу или прижать к земле. На экране проплыли однообразные пористые холмы, заросли кустарника, нежно-розовые стены квадратного монастыря и желто-зеленые четырехугольные крыши с вздернутыми углами.

Не дожидаясь новых инструкций, Даниэль провел машинку над лагерем мелиораторов, позволяя изучить брошенные постройки и полнейшее отсутствие следов активности человека.

Картинка навевала тоску.

Когда-то здесь жили, причем охотно и людно. И лишь когда местная тайга умерла, положив начало отселению на север и запад, в приморскую долину пришли буддийские монахи. То ли намеренно искали уединения, то ли надеялись, что строительство хийда поможет сохранить окрестные деревни, Энквист не знал. Но уж теперь-то в уединении с монастырем могли посоревноваться лишь гнезда горных отшельников Тибета…

– Как, говоришь, называется эта дыра? – спросила Фарахани, не обращаясь ни к кому конкретно.

– «Место, где Всесострадающий делится силой», – ответил девушке Шигеру. И добавил, хмыкнув под нос: – Только не проси меня произнести это на здешнем диалекте…

– На позиции! – приказал Хуго, едва филин описал над долиной два разновеликих круга и вернулся к стоянке «Термитов», плавно опускаясь на землю. – Кодо, за руль.

Стукнувшись кулаками, Бакли и Назанин легким бегом устремились в окрестные холмы – сначала держались вместе, но на первом же распадке свернули в противоположные стороны. К тому времени, когда одинокий багги достигнет ворот монастыря, долину и подъезды к «Месту, где Всесострадающий делится силой» будут прикрывать два дальнобойных «Чероки».

Энквист запрыгнул на пассажирское сиденье, махнул рукой. Бригелла завел мотор. Осторожно, стараясь пылить как можно

меньше, вывел «Термита» к пересохшему руслу ручья, когда-то спускавшегося в долину. Поплутал среди кустистых барханов, все еще не спеша давать полный ход. И лишь когда в наушниках прозвучал голос Бакли, подтвердившего занятую позицию, рванул вперед, уже не маскируясь.

Долина оказалась похожей на пустую овальную тарелку, чуть вытянутую к северу и югу. С трех сторон ее дугу все еще обрамляли наследники старинных приморских сопок, в ложбинке между которыми группа и оставила «Термитов».

Кряжи выглядели жалко, навевая образы инопланетных пейзажей из стереофильмов, но кое-где лес все же отказался сдаваться, напоминая о былом величии чахлыми рощицами. На восток – к стремительно подступившему четыре года назад океану, – убегала настоящая пустыня, волнистая и безжизненная.

Выскочив на днище «тарелки», Кодо прибавил скорость. Комплекс розовых строений, набухший почти в центре долины, принялся надвигаться. Стала видна зеленая черепица, золотой орнамент на скатах и водостоках, терракотовые колонны, поддерживающие воротную арку и перекрытия галерей. На каждой без исключения крыше восседала невысокая золоченая статуя, изображавшая то ли цветок, то ли лучистое солнце.

– Настоящий форт, – прокомментировал Бригелла.

Сказал в ларингофон. Бьющий в лицо пыльный ветер, от которого укрылись платками в стиле «ограбление поезда» и бесцветными очками в пол-лица, обычную фразу разобрать бы все равно не позволил.

Хуго молча кивнул, мысленно соглашаясь с напарником. Место, где Всесострадающий делился силой со своими последователями, сделало бы честь многим фортециям старины. Прямо по курсу «Термита» лежал квадрат розовых стен с единственным выходом на запад, усиленный по углам массивными башнями, а за ним виднелись приземистые внутренние постройки, способные пережить попадание мелкокалиберного снаряда.

– Налет кочевников пересидеть позволит, – снова подал голос Шигеру, не уточнив, кочевников какого именно исторического периода имеет в виду.

А затем багги, размахивая длиннющим пыльным хвостом, вырулил к хийду, сбросив скорость и ко входу подкатив уже с заглушенным двигателем. Сидящие внутри «горностаи» терпеливо опустили головы, позволяя колкому красноватому бурану обогнать машину и растаять, оседая на плечах, конструкции легкого транспорта и створках ворот.

Те оказались огромными – то ли чтобы проходила целая

колонна паломничающей паствы, то ли штурмовой танк класса «Ти Рекс». В правой створке, ближе к центру, виднелась калитка, обрамленная золотистым узором. Напротив дверцы Шигеру и остановился.

Отстегнувшись, Энквист вышел из открытого внедорожника, не спеша передвигать винтовку с груди на бок. Свесил с «Чероки» расслабленные руки, правой придерживая за шейку приклада так, чтобы было удобно вскинуть.

Кодо, выбравшись следом, обошел машину, усаживаясь на высокую подножку, с которой только что спрыгнул командир. Свое оружие Бригелла поставил между ног, задумчиво посматривая по сторонам.

Едва пыль осела, внутри храмового комплекса громыхнул засов.

Видимо, вовсе не миролюбием умели побеждать получающие силу Всесострадающего, раз забабахали стены в четыре метра высотой и позапирали входы? Или кочевые банды, наплодившиеся после Перерождения, до сих пор продолжали терзать Поднебесную своими налетами?..

Калитка раскрылась, выпуская двоих монахов. Бритоголовые, смуглые, с азиатским разрезом глаз, они были похожи, словно братья. В общем-то, они и были братьями, служители неприемлемого Хуго культа, ищущие прозрение вдали от мирской суеты.

Того, что выглядел постарше, венчал причудливый головной убор; его спутник лысину не покрывал. Оба были одеты в серые рабочие куртки и оранжевые туники без рукавов, поверх которых намотали по три метра темно-красной ткани, будто бы выпачканной в местной пыли.

– Приветствую путников у стен нашего монастыря, – сказал старший на болийском диалекте китайского, заставив «балалайку» Энквиста на секунду задуматься.

– Мир вашему дому, – подбирая в переводчике наиболее простые фразы, ответил швед.

– Что привело вас? – с легким поклоном поинтересовался монах в желтой шапке. – Зачем с вами оружие?

– Мир неспокоен, уважаемый. – Хуго чуть заметно поклонился в ответ. – Чтобы пересечь степи Приморья, недостаточно доброго слова.

– Мир всегда был неспокоен, – мягко парировал старший священнослужитель. – Но Будда Шакьямуни открыл, что причина страданий лежит в человеческом сердце. Чистой душе нечего бояться ни среди волков, ни среди опасных людей. Зачем вы в нашей долине? Вы не похожи на солдат правительства…

– Это правда, уважаемый, – после задержки, потраченной на перевод, ответил Энквист. – Мы не солдаты.

И тут же мысленно улыбнулся, представив, как недолго протянул бы царевич Гаутама, постигай он суть медитаций не в диком лесу, а на улицах современных Анклавов…

– Мы ищем одного человека. И имеем основания полагать, что он живет здесь.

Придавая своим словам вес, Хуго обвел рукой неприступные стены монастыря, его башни и черепичные крыши. Сентябрьский ветер продолжал мести песком, от чего на лысом пятаке возле ворот кружилось несколько миниатюрных ураганов.

– Его зовут Джозеф Мартинес, он американец, – продолжил швед, наблюдая за реакцией монахов. – Он пришел в ваш монастырь больше года назад.

Старший нахмурился, потирая ладони, будто мерз. Затем покачал головой, от чего канареечный гребешок на шапке смешно качнулся.

– Я не знаю такого человека. Не помню его и среди жителей деревень, которых давно нет. – Теперь пришла его очередь жестикулировать, обводя рукой сопки, среди которых когда-то жили охотники и лесорубы. – Не было такого и среди мелиораторов правительства.

Стараясь не совершать резких движений, чтобы ненароком не напугать парочку в накидках, Энквист расстегнул экран на левом запястье. Вывел поверх тактической карты фотографию искомого человека, выуженную из сети Неврозом.

– Взгляните, уважаемый, – учтиво попросил блондин, пересекая разделявшие их несколько метров и демонстрируя предплечье служителям Всесострадающего. – Я ищу этого человека.

И добавил, заметив недовольство в глазах младшего послушника:

– Чтобы поговорить. Просто поговорить. Это важно.

Хуго не знал, что предпримет, если монахи откажут ему в осмотре монастыря. Теоретически «горностаи» могли бы взять безоружный комплекс штурмом, самостоятельно проверив его обитателей.

Но если буддисты окажутся не так миролюбивы, как стараются выглядеть? Вдруг за стенами хийда живет десяток вооруженных «дрелями» братьев, давно смирившихся с тем, что им предстоит подпортить карму, защищая стены родного дома?

Рассмотрев фото на мягком вытяжном планшете, поднебесники обменялись несколькими фразами. Негромко и на непонятном «балалайке» диалекте, оставив чужака в полном

неведении.

– Это рисунок нашего брата Багабанди, – наконец ответил Энквисту старший монах, смиренно кивая. – Он пришел искать силы Всесострадающего в первый месяц прошлого лунного года.

Ничем не выдав ликования, швед терпеливо ждал продолжения.

– Я поговорю с братом Багабанди, – продолжил служитель монастыря, снова качнув гребешком шапки. – Но если он не захочет общения, я ничем не смогу вам помочь.

– Спасибо, – склонил голову Хуго, совершенно по-новому оценивая высоту стен и начиная выстраивать план силового проникновения внутрь. – Прошу передать ему, что нам знаком человек по имени Керамика. Возможно, это сыграет свою роль?

Ничего не ответив, монахи поклонились, развернулись и степенно исчезли за дверью в массивных воротах. Хуго, попятившись к «Термиту», снял с шеи платок. Встряхнул, протер вспотевшие виски и шею, отстегнул флягу. Напился сам, угостил Кодо.

По периметру голой храмовой долины завывал прохладный ветер. Выгрызал новые ходы в лабиринтах разновысоких холмов, в которые превратились сопки, гонял облака пыли. Над хийдом и окрестностями пронеслась сова. Небольшая, медленно парившая высоко над мирским, не шевеля крыльями. Когда швед повесил флягу на пояс, дверь в воротах приоткрылась вновь, выпуская наружу еще одного монаха.

Так же, как его предшественники, этот был наголо обрит. Только вот время и лекарства еще не до конца скрыли шрамы от выведенных татуировок, и Хуго был готов спорить, что на затылке мужчины имеется запломбированный разъем для персонального чипа.

Выглядел монах болезненно. Иссушенно, совсем не по возрасту. Глаза его, окруженные сетью морщинок от былого смешливого прищура, были тусклы и невыразительны. Вышел, притворив створку, сделал несколько шагов к «Термиту». Усталых шагов, вымученных. Так идут на казнь…

Хуго нахмурился, не без труда узнавая в обитателе монастыря человека с фотографии.

– Колорадо? – вместо приветствия спросил он.

– Если ты здесь, значит, точно знаешь, что это так, – невесело усмехнулся брат Багабанди, которого несколько лет назад мир знал под именем Джозефа Мартинеса.

Говорил он на араспанто, самой распространенной из европейских языковых смесей, а потому северянин понимал собеседника без помощи электронного переводчика.

– У меня всего одна просьба, tirador… – Колорадо пожал плечами, зябко пряча ладони в широких рукавах куртки. – Я не боюсь, нет. Последствия дружбы с «синдином» не проходят бесследно. И хоть братья еще теплят во мне жизнь с помощью молитв и трав, скоро мне предстоит уйти без посторонней помощи. Но не перед воротами, хорошо? Я знал, что это когда-то произойдет, но прошу – пусть братья не видят.

Энквист легко качнул головой, не ставя просьбу монаха под сомнение. Кивнул едва заметно, но этого хватило, чтобы в глазах Мартинеса мелькнуло понимание. И облегчение.

– Значит, ты не по поводу моих старых прегрешений, tirador?

– Я не хочу причинять тебе вреда, Колорадо, – честно ответил Хуго, но руку с приклада винтовки не убрал. – Я здесь, чтобы поговорить.

Чувства, отразившиеся на лице бывшего тритона, шведу были хорошо знакомы. Дрожь, оплывающие щеки, сверкнувшая в глазу слезинка и дернувшийся уголок губы. Так ведут себя те, кто безвозвратно попрощался с жизнью, но вдруг узрел лучик надежды на избавление от костлявой.

– Поговорить? – Колорадо нервно одернул края красной буддистской тоги, наброшенной через плечо. – Ты нашел меня на краю мира и пересек бесплодное Приморье, чтобы поговорить?

– Незадолго до гибели Сорок Два тритоны разрабатывали секретный проект, – делая шаг вперед, чтобы не перекрикивать завывания ветра, произнес Энквист. – Группа, занимавшаяся разработкой, называлась «Кромлех». И ты в нее входил.

Багабанди-Колорадо побледнел и нахмурился. Губы его шевельнулись, проговаривая забытое название, но Хуго видел – не проходило и дня, чтобы за высокими стенами хийда бывший ломщик не вспоминал о былых деньках.

– Я ищу разработки «Кромлеха», – признал «горностай», наблюдая за мимикой американца. – Все, что с ними связано. От тебя мне нужна информация. Что именно вы собирали? Где это происходило? В чем состояла суть проекта?

Мартинес замолчал так надолго, что Хуго задумался о бензодиапине, пассатижах и других способах выуживания информации. Однако спустя несколько изматывающих минут монах все же заговорил:

– Проект был закрыт еще до Катастрофы, – невесело произнес он. – Сам Пророк и закрыл, незадолго до кончины, *ом ами дэва хри*, пусть будет легким его новое перерождение… Не вороши кости умерших, rubio. Это не принесет тебе счастья.

– Я знаю, – кивнул Энквист. – Твой приятель Керамика кое-что поведал мне о «Кромлехе». Увы, старый русский стал плох

настолько, что разучился внятно связывать мысли. Надеюсь, ты не таков.

О том, что проект возрожден, бывшему тритону знать не полагалось. Пусть себе доживает остатки дней в умиротворении монастыря, не отягощая душу пустыми терзаниями. Хуго переступил с ноги на ногу, внимательно осмотрев верхушку стены.

– «Кромлех»? – задумчиво переспросил монах, будто не зная, с чего начать. И тут же продолжил, грустно улыбнувшись: – Знаешь, anciano, все написанное в книгах о сумасшествии – вовсе не выдумки. На свете есть масса вещей, о которых смертному не положено даже подозревать. Догадываться? Да. Бояться? Наверняка… Но *знание* об этих вещах убивает разум быстрее дерьмового «динамита». Человек не предназначен для постижения некоторых истин.

Энквист невольно нахмурился. Мартинес рассуждал связно, совсем не так, как его предшественник Гончаров. Но и приступать к делу, разом отринув витиеватые измышления, тоже не собирался.

– Я расскажу, – заметив реакцию шведа, поправился Колорадо. – Все, что помню, мне эти тайны больше ни к чему. Но прошу выслушать меня, не перебивая. И уже тогда решать, что делать с полученным грузом знаний…

Кодо, сидящий на подножке «Термита» за спиной командира, чуть слышно вздохнул, но торопить не осмелился. Над головой снова пронесся филин, изучавший храмовую долину с высоты пары сотен метров.

– История учит закономерностям, – смиренно продолжил отшельник. – Век за веком одно из поколений ученых совершает две ошибки. Первая состоит в том, что его наиболее яркие умы вдруг признают, что наука достигла пика своего развития и зашла в тупик.

Может быть, Джозеф и не был уверен, что в конце беседы незнакомые стрелки сохранят ему жизнь. Но все равно рассуждал неспешно, вдумчиво и проникновенно, будто читал проповедь.

– Вторая ошибка состоит в том, что несогласные с предыдущим утверждением вдруг совершают прорыв, заложив новый виток технологического развития. Они рвут все заблуждения постулата о тупике, породив нечто ужасное, смертоносное, страшное. Атомную бомбу, сожравшую миллионы жизней. Бактериологическое оружие, сожравшее не меньше. Батарею Ллейтона, послужившую причиной первых корпоративных войн за новую монополию в сфере топливной энергетики. Индивидуальный чип управления сетью, ставший

оружием тотального контроля над личностью и ее существованием…

– Эти грехи ты замаливаешь в храме на краю света? – мягко поинтересовался Хуго, неожиданно увлеченный ходом мыслей бывшего тритона. – Грехи создания чего-то нового и ужасного?

– Отчасти, – спокойно согласился монах, вынимая из складок красно-оранжевых одеяний простые костяные четки и принявшись мерно отстукивать. – Путь любого ученого – путь порока и вреда живому, как бы тот ни пекся о процветании планеты. Искупить эти грехи невозможно, но я делаю все возможное, чтобы мое новое перерождение стало чуть легче ожидаемого…

– Называешь тритонов учеными? – Энквиста забавляла сама идея такого сравнения, но он постарался, чтобы в вопросе не прозвучало ни капли иронии. – Людей, обрушивших собственное царство Цифры и поставивших на колени цивилизованный мир?

– По-твоему, hombre, все русские алкоголики, все вудуисты умеют колдовать, а все китайцы жаждут мирового господства? – Багабанди изогнул бровь, проницательно глядя шведу в глаза. – Жить стереотипами опасно. И тритоны тому лучшее подтверждение. Мы получили власть. Она опьянила. Но были и те, кто жаждал иного. И именно они покусились на святое, шагнули за грань, куда людишкам вход заказан. Знаешь, rubio, однажды потеряв огонь, боги Олимпа стали крепче запирать двери, и это неспроста…

– Чем занимался «Кромлех»? – задал Хуго прямой вопрос.

Его интриговал рассказ Колорадо, но позволить тому бесконечно затягивать развязку «горностай» не мог. Где-то на окраинах долины притаились недвижимые товарищи, рассматривающие человечков перед монастырем через оптику «Чероки».

– Последователи Сорок Два ринулись в мир Цифры, как привыкли, – словно не расслышав прохладцы в голосе стрелка, продолжил Мартинес, равнодушно глядя в сторону. – Они были хозяевами Цифры, ее создателями, так говорила Поэтесса. Нейкисты принялись насиловать сеть. Хватать направо и налево. Порождать «поплавки», «синдин» и хаос. Так же, как путь бездумного потребления нефти, этот тоже завел человечество в тупик. Но *мы* пошли дальше…

Энквист хотел еще раз увести монаха от философии к деталям мирской жизни, но осекся. Кажется, Джозеф-Багабанди сам выбирался на прямую тропку, выговариваясь за несколько лет молчания. Бес с ним, пусть потом заказчик сам продирается через рассуждения умирающего отшельника – «балалайка» блондина исправно писала диалог.

– «Кромлех» попытался принести Цифру в мир живых людей, в мир горячей плоти и бьющихся сердец.

Голос Колорадо стал тише. Казалось, он вообще перестал замечать вооруженного винтовкой чужака, которого считаные минуты назад почитал своим палачом.

– Пытался доказать сотням тысяч собратьев по Цифре, что учение Эммануэли Нейк – не просто свод мантр для обретения эйфорического всевластия. Мы пытались убедить людей поверить так, как я сейчас верю в собственную карму, rubio. Открыть пульс Цифры, ее силу. «Кромлех» верил, что настоящий триумф человека не в потреблении, а в осознании мощи. И поклонении, если угодно…

– Вы строили идола. – Энквист вынул из «разгрузки» пачку сигарет. Закурил, выдыхая через ноздри. – Золотого тельца, не так ли? Что же опасного в капищах новой веры?

– То, – с вызовом прищурился Колорадо, и на мгновение Хуго разглядел под его обновленной личиной прежнего ломщика – энергичного, целеустремленного, верящего в собственную правоту, – что идолы иногда оживают…

Затем глаза тритона погасли, голос поблек.

– Мы хотели, чтобы у Пророка в руках был не только меч, но и факел. Свеча, если угодно. Способная сплотить нейкистов не ради деструктивного начала, но ради единства. Глупо, не правда ли? Само появление сети и тотальная компьютеризация общества раскололи человечество, превратив в одиноких эгоистов, прозябающих за экранами «раллеров». А мы хотели обратить процесс вспять… О, гордыня… *ом мани падме хум*!

Он несколько раз перебрал четки, что-то бормоча под нос. И Энквист, к собственному удивлению, отчего-то не решился торопить монаха с его неуместным ритуалом.

– Вот дар Цифры, говорили мы… Вот золотые, высеченные на скрижалях слова Поэтессы. Давайте же сольем их в единое целое, шагнем на новую ступень.

Взгляд Колорадо затуманился, когда тритон взялся вспоминать.

– Знаешь, как рассуждал Плотник, hombre? Он говорил, что слияние с Цифрой не означает полного ухода сознания в виртуальность. Транс – возможно. Кратковременная медитация – наверняка. Но молитва Иисусу Лоа, Аллаху или Будде не означает смерти и мгновенного переноса души куда-то вовне. Плотник всегда любил этот мир. Все рассуждал, как он прекрасен и насколько всецело принадлежит людям. И верил, что Цифра сможет пропитать нас в реале, сделать богаче духом и подарить веру в чудо. Не в суррогат Пророка, но в настоящее чудо,

рожденное симбиозом двухсот пятидесяти шести разогнанных «поплавков»…

– Кто такой Плотник? – вклинился Хуго, все чаще вспоминая беседу Керамики и Невроза. – Еще один тритон? Он жив?

– Так звали руководителя «Кромлеха», – честно сознался Багабанди. – Уверен, что он давно мертв, но когда-то был идеологическим движителем группы. Говорили, он осмеливался перечить самому Пророку…

– Плотник решил сотворить чудо? – Швед затянулся сигаретой, бросив быстрый взгляд на скучающего, но не терявшего бдительности Шигеру Кодо. – Ты говоришь о создании искусственного интеллекта?

Монах фыркнул, даже брызнув слюной, что никак не вязалось ни с его обликом, ни с манерой речи. Дружелюбно замотал головой, призывая не обижаться на реакцию. И вдруг разразился приступом лютого кашля, сотрясающего тело до последней косточки. Держа четки в левой руке, свободной вынул из куртки платок, промокнул губы.

– Нет, amigo. – Колорадо осторожно прочистил горло, словно его тряхнули не спазмы «синдинового» кашля, а докучала обычная простуда. – Сама вероятность сотворения ИИ – миф наивных машинистов и благодатная тема для фантастов… Возможно, так же, как первые критики авиастроения, я не вижу дальше собственного носа, но… Я бывший ломщик. Машинист, при этом не самый дурной гравер. И я заявляю, что искусственный интеллект – просто сказки. В комп, каким бы мощным он ни был, невозможно вложить то, что даровано человеку высшими силами. Наше стремление возвыситься и низменные страсти, нашу алчность, любовь, сострадание и жажду власти.

Энквист решил не комментировать, но тут же вспомнил о первой ошибке ученых, несколько минут назад озвученной самим тритоном. Притушил окурок о подошву высокого ботинка, спрятал в карман.

– «Кромлех» действовал иначе, – с легкой улыбкой продолжал облегчать душу Джозеф Мартинес, комкая в пальцах влажный платок. – Мы не пытались смоделировать мозг и сознание человека. Не пытались сделать так, чтобы компьютер подражал человеку, действовал, *как* человек, и мыслил, *как* человек. Мы пытались отыскать его собственную грань самосовершенствования. Нащупать его личный вектор развития, относясь к электронике, как к полноценной участнице игры, которую люди называют жизнью.

– Такие попытки осуществлялись и раньше. Задолго до

появления «балалаек» и «поплавков», – позволил себе ремарку «горностай», задумчиво качая головой.

Разговор одновременно утомлял его и продолжал увлекать. Вероятно, впервые за время расследования у хозяина появится столь интересная и достойная анализа информация.

– Верно, – кивнул монах, пряча платок и снова перебирая четки. – Мы изучили опыт первопроходцев. Перепахали основы математической лингвистики. Изучили теории о кремниевых формах жизни, особенностях накопления информации изначально неживыми объектами. Подключили лучших психологов, нейробиологов и социологов. Но Плотник был очень умным, anciano. Он сразу предвидел, что даже если влить в титаническую совокупность «поплавков» и чипов базу данных о науках мира, подчинив алгоритмам creatura, то максимум, на что можно рассчитывать – на рождение великого ученого. Но не гения. Потому что только человеческий мозг может нащупать в океане пустоты нечто новое, чем не оперирует ни одна база данных. А мы искали искру божественного, поэтому…

В разговоре наступила пауза, заполняемая лишь вздохами порывистого ветра и стуком костяных шариков в тонких пальцах Колорадо. И когда Хуго был готов снова подтолкнуть монаха к недосказанной мысли, тот сам взглянул ему в глаза.

– Искусство, – сказал он, будто это все объясняло. – Мы влили в свою супермашину все, что человек когда-то знал о *прекрасном*, как понимал его и к чему стремился. Две с половиной сотни «поплавков», объединенные в единую систему трудом десятков граверов, проштудировали сотни трактатов о художественных стилях. Провели математическое препарирование пропорций, «золотых сечений», науку смешивать краски и класть мазок. Миллионы мировых шедевров, заурядных картин, незавершенных эскизов и наивных детских каракуль были разобраны на пиксели, проанализированы, сплетены и заложены в единое уравнение. Эмоции испытуемых мы тоже бросили в общий котел: экстаз, негодование, упоение и умиротворение от просмотра той или иной картины. Машина впитывала и впитывала. Она искала грань, за которой хороший рисунок отличается от божественного.

Мартинес попытался невесело усмехнуться, но кашель повторно рванул на волю, и монах зажал рот рукой. Сделал несколько глубоких вдохов, что-то пробормотал и коснулся лба сложенными ладонями, с которых свисали четки.

Когда он открыл глаза, Энквист различил в них что-то сверкающее.

Веру.

А еще страх.

– Это было похоже на пароварку, hombre. Мы сложили в одну кастрюлю очень опасные ингредиенты. А затем включили печь и стали ждать, что же такое сготовится… Да, процесс контролировали десятки тритонов, регулярно пополняя банк данных. Но ни я, ни Плотник не могли даже догадываться, что получим в итоге…

– Что сделала машина?

Хуго почти не отдал себе отчета, что невольно подался вперед, жадно ловя слова отшельника. Тот, однако, заметил его движение, понимающе улыбнулся.

– Когда Плотник решил, что первая стадия пройдена, он испытал наше детище. И тогда на свет появилась картина…

Закусив губу, Колорадо тяжело вздохнул, то ли коря себя за свершения прошлого, то ли упиваясь воспоминаниями.

– О, amigo, это было волшебно. *Божественно*, каким бы забитым ни казалось такое сравнение. Рафаэль, Дали, да Винчи и Микеланджело переломали бы кисти, выстраиваясь в ученики к нашей малышке, если бы увидели ее творение. Но мы кое-чего не учли…

Бинарный код 1100

«Насколько я знаю, директор Кауфман с пониманием относится к людским слабостям. К тому же его планы не нарушены».

Офицер Ушенко, заместитель директора исправительного учреждения № 123 центрального филиала СБА

Грохот сотен барабанов походил на рычание обезумевшего дракона. Ритм, выбиваемый длиннющей колонной музыкантов, летел над старым городом, в недрах которого милосердные и веротерпимые дети Аллаха позволяли жить почитателям Христа. Рикошетил от стен тесных кварталов, бился в окна уцелевших небоскребов и утихающим эхом оседал на прибрежных районах, все еще лежащих в руинах.

Христианское гетто Барселоны праздновало избавление от саранчи, устроенное святой Девой Милосердия несколько сотен лет назад. Праздновало, как в первый раз, шумно, искренне, нарядно, и стараясь не подпускать карнавал к границам мусульманских территорий.

На улицах было не протолкнуться.

Ликовали толпы, армии ряженых текли повсюду хаотичными потоками, сплавляясь в настоящие реки. Гудели, смеялись, кричали. Фонтанами били фейерверки, зеваки записывали вакханалию на «балалайки», щедро лилось вино. Громадные старинные куклы соседствовали с голографическими драконами, изрыгавшими переливчатое сверкающее пламя. Фиеста Ла Мерсе веселилась так, словно жители города проживали свой последний день и не желали проводить его в тоске.

Напрягались полицейские. Карманники и девицы легкого поведения ныряли в строй зрителей в поисках легкой добычи. Сбивались с ног журналисты информационных каналов. Радикальные исламисты давили на усталые кордоны защитников закона, поодиночке проникая в гетто и пытаясь устраивать провокации.

Десятки смельчаков в старинных испанских костюмах строили живые пирамиды, силясь перещеголять друг друга в этом непростом умении. Легионы переодетых в чертей актеров

метались в показном ужасе, изгоняемые огромной статуей святой покровительницы Барселоны, которую несли по центральным улицам религиозного анклава. Отплясывал простой люд, надрывались барабаны.

Осторожно лавируя в человеческих течениях, пеструю толпу спешно взрезал одетый в красное человек. Костюм его был необычен даже для маскарада, но все равно не особенно выделялся из общей массы. Красный плащ до земли, красные перчатки, капюшон. Под его краями виднелось забрало зеркального шлема, в котором отражались улыбающиеся лица гуляк и снопы ослепительных искр, взмывавших выше крыш старого города.

Человек в красном свернул в неприметную извилистую улочку, начав взбираться в гору, подальше от буйного празднества. Навстречу попалась компания подвыпивших испанцев, шумно приветствовавших необычный вид ряженого. Принялась наперебой совать артисту бутыли с ховеном, молодым и сочным, приятно бьющим в голову.

Человек в красном приветливо развел руками, благодарно замотал сверкающей головой и постарался побыстрее покинуть кольцо выпивох. Те не обиделись, хоть и проводили трезвенника насмешливыми возгласами.

В паре кварталов от шествия, где шум был не столь оглушителен, а пульсация барабанов растворялась в лабиринтах построек, человек в красном плаще остановился, настороженно осматриваясь. Заметил еще одного костюмированного – силуэт в черном балахоне и венецианской птичьей маске с серебряными инкрустациями юркнул за низкую дверь неприметного четырех-этажного дома. Алый зашагал следом…

«Балалайка» сообщала, что все в сборе. Еще раз изучив улицу, не привлекает ли ненужного внимания, Витторио Гамба быстро вошел в дом, окончательно отрезая грохот гуляний тяжелой деревянной створкой. Среагировав на полумрак, внутри его шлема включились системы ночного зрения, позволяя рассмотреть короткую прихожую, выход в уютный внутренний двор и крутую лестницу наверх.

Сбросил короткое текстовое сообщение о своем присутствии. Начал подниматься по отполированным – только оступись, сразу поскользнешься! – каменным ступеням. На третьем этаже здания, арендованного для проводимой встречи, Цикл вошел в одну из квартир и запер дверь на электронный замок.

Ставни были закрыты, помогая избежать любопытных взглядов и отгораживая от шума беснующихся улиц. В просторной комнате клубился полумрак, в котором виднелись

кресла, большой стол с установленными на нем «раллерами», а также три угловатые клювастые фигуры, повернувшиеся к двери, едва Витторио переступил порог. Как и он сам, все трое держали правые руки на пистолетах под просторной одеждой, готовые к любым неожиданностям.

Их, впрочем, не ожидалось. Накануне здание было проверено сотрудниками полиции, даже не подозревавшими, кому оказывают услугу. Ни жильцов, ни прислуги, ни случайных гостей. Только свои – четыре человека, собравшиеся в просторной темной комнате. Свет не зажигали, всю силу хилой местной проводки бросив на питание стоявшей на столе электроники.

Цикл откинул капюшон и медленно двинулся вперед. Птичьи маски «братьев-месяцев» поворачивались вслед за ним, подмечая каждое движение. Гамба вытянул вперед левую руку, раскрывая ладонь. Ближайший ряженый – тот самый в посеребренной маске, что вошел в дом перед лидером организации, – повторил жест, демонстрируя открытую ладонь в тончайшей черной перчатке.

Специальные сканеры, намертво имплантированные в запястья, считали информацию, сбросив ее на «балалайки». Идентификация подтверждена, генокод совпадает, личность установлена. Личность, которую знал только Витторио – для всех иных поздоровавшийся с ним человек навсегда останется просто Июнем.

Тот кивнул, сверкнув посеребрением клюва, опустился в кресло. Остальные незаметно, что улавливалось на интуитивном уровне, расслабились. Но руки, соблюдая ритуал, вожаку тоже протянули.

Декабрь, Апрель.

Кивнув всем троим, Цикл опустился за овальный стол, заставший, казалось, еще испанское вторжение Бонапарта. Без лишних слов выудил из-под алой полы шнур психопривода, заблаговременно подключенного к затылку. Вошел на канал единого командного центра, образованного связанными между собой «раллерами».

Теперь они могли общаться, напрямую перебрасываясь массивами информации и не рискуя перехватом, чреватым для беспроводной сети.

– Спасибо, что откликнулись на зов, братья, – негромко произнес Цикл, и динамики внутри зеркальной маски придали его сухому голосу нужную выразительность и глубину. – Приступим к делу, пока карнавал не подошел к финалу.

Совещание велось на латыни, почти вымершем языке, знание которого стало одним из обязательных условий членства в организации. Знание прямое, без всяких там переводчиков и

«балалаек». Витторио, подчас излишне любивший воспарить над суетой омерзительных реалий, находил этот язык крайне загадочным и придающим беседам безжалостную латинянскую простоту.

Человекоподобные птицы, сидящие вокруг человека в красном плаще и безликом шлеме, согласно кивнули. Первым, как и ожидал Гамба, заговорил Июнь, один из самых умных и талантливых «месяцев», аналитик и стратег, вхожий в разведки сразу нескольких государств.

– Март наладил устойчивую связь с Большой Землей, – первым делом сообщил «брат-месяц», сбрасывая в общую настольную сеть имеющиеся данные. – Поломка устранена. Причиной, как вы видите, стало повреждение малого парогенератора второго реактора. Вот список моряков, получивших лучевую болезнь. К сожалению, на борту имелась лишь самая первая версия «плаценты». Ниже список выживших после применения. В настоящее время брат рапортует о полной боеспособности судна, направляется в море Баффина.

Он легко постучал пальцами по столу перед собой, рассылая собратьям еще один файл с пометками повышенной секретности.

– Интерес представляют события, произошедшие через четыре дня после аварии нашей субмарины. По сообщениям Марта, – продолжал Июнь, откинувшись на спинку кресла, – незадолго после поломки парогенератора в «русский сектор» Северного Ледовитого океана вошел подводный нефтеналивной танкер категории «UwLR1», принадлежащий корпорации «NPI». А через несколько часов на плавучем ледяном флоберге, носящем условное обозначение «Т-3», состоялось сражение двух неидентифицированных сторон с использованием неуправляемых ракет малого радиуса действия и тяжелого автоматического оружия. Инцидент с неохотой подтвердили разведки сразу нескольких стран. Вот официальная позиция СБА. А вот отчет Марта, зафиксировавшего сброс на поверхность флоберга русской десантной капсулы. Как только реактор был восстановлен, наше судно покинуло район.

Цикл нахмурился, выводя на экран примерную схему полярного сражения и выкладки, которыми капитан Март снабдил доклад. Сделал пометку важности, пообещав себе вернуться к изучению вопроса чуть позже. Кивком поблагодарил брата за компиляцию новостей и отчетов спецслужб. Тот, однако, не закончил, подавшись чуть вперед и нацелив остроносую маску на вожака.

– Мы до сих пор не восполнили потерю грамотного ломщика, брат. А совсем скоро таковой понадобится мне для проведения

сразу двух операций.

– Увы. Поиск еще не завершен, брат Июнь. Ты лучше меня знаешь, что отыскать талантливого ломщика среди тысяч вымирающих тритонов все сложнее. – Цикл повернулся к собеседнику, и тот понимающе склонил сверкающий серебром клюв маски. – Привлекай разовых сторонних специалистов. И еще личная просьба… Действуй издали, чтобы не устранять исполнителей.

Последнее замечание было вовсе не лишним, хоть и не совсем понятным.

Однако без ремарки лидера распоряжение воспользоваться безымянными ломщиками означало их стопроцентную последующую смерть. Причина крылась в том, что личность Июня оставалась одной из самых законспирированных в организации Гамбы, и любые используемые «братом-месяцем» человеческие ресурсы после контакта обычно отмирали. Но сейчас гибель толковых машинистов, пусть даже незнакомых и не самого высокого полета, в планы молодого верхолаза не входила.

Июнь снова кивнул, подтверждая принятый приказ.

Двигая пальцем по столешнице, Витторио сделал еще одну пометку в личных рабочих файлах. Поиск нового Сентября, сетевого покровителя «Месяцев», действительно стоило ускорить, ибо с самой весны их оставалось лишь десять. И если с заменой Октября, также погибшего на «Куэн Као», можно было не спешить, машинист братству требовался как можно скорее. Непростой машинист. Безумный в хорошем смысле этого слова.

– Если моя текущая операция принесет плоды, – добавил Цикл в тишине, – вскоре у нас появятся тысячи кандидатов, потому прошу потерпеть.

– У Февраля готов новый выводок протекторов, – не дожидаясь приглашения, отчитался Декабрь, главный финансовый волшебник их узкого круга. – Два десятка особей. Летние трофеи «Фармы» позволили брату благополучно завершить работу на основе вымершей породы комодских варанов. Однако существа получились излишне требовательными к климату, поэтому пробная партия будет отправлена на север Новой Австралии. Я обеспечиваю материальную поддержку переброски?

– Нет, – неожиданно ответил Цикл.

И был готов поклясться, что лицо стареющего верхолаза из Монреаля, всю жизнь посвятившего постижению макроэкономических заклинаний, удивленно вытянулось под укороченной птичьей маской.

Гамба легко побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

После недавнего разговора с отшельником он принял окончательное решение. Картина, о которой шепотом судачили блаженные последователи Поэтессы, станет его главным артефактом. Способным сыграть свою роль не под небесами новых миров, а здесь – на Земле. Главную роль.

– Всем братьям рекомендуется сократить затраты, – произнес Витторио. – Максимально, на неопределенное время до моего следующего распоряжения. Поэтому протекторы пока пусть остаются в лаборатории, Австралия подождет…

«Птицы» за столом принялись переглядываться, пытаясь угадать причину. Не смогли и вопросительно уставились на вожака, выдерживающего театральную паузу.

– Мой новый проект может потребовать огромных затрат, – пояснил тот, поворачивая личину, сверкавшую полированным железом, то к одному, то к другому брату. – Если труды поисковой группы увенчаются успехом, мы должны быть готовы к любым возможным платежам. Даже если для этого братству потребуется купить Ватикан.

За окнами неприметного четырехэтажного дома гремел салют и лупили обезумевшие барабаны. Внутри комнаты стояла тишина, нарушаемая лишь едва различимым гудением «раллеров» и скрипом половиц под ножками кресел.

– Я хочу, чтобы все представили нашу новую альфа-задачу. Предположительную задачу, готовиться к материализации которой мы должны уже сейчас. – Гамба повернулся к финансисту. – Брат Декабрь, я хочу распродать все неиспользуемые активы «братьев-месяцев». Акции мелких корпораций, лишнюю недвижимость, резервные суда, авиацию и другой транспорт.

Про то, что пару недель назад по объективным причинам сократилось финансирование проекта «Плод», знали все, сидящие за столом. Вероятнее всего, сейчас предположив, что именно данное направление хочет усилить лидер. Однако, словно разгадав их мысли и сомнения, Цикл вдруг помотал головой.

– Совсем скоро разработка «плаценты» будет завершена и без лишних вливаний. Тогда, полагаю, в финансировании вообще не возникнет проблем. Однако сейчас я предлагаю сосредоточить силы не столько на разработках Февраля, сколько на накоплении.

На глазных наноэкранах, одновременно активированных у всех участников совещания, стали разворачиваться таблицы и диаграммы. Двигая пальцем по столу, Цикл подсвечивал точки приложения сил, наблюдая за кивками сидящих рядом. Отмечал названия банков, с которыми пора заканчивать отношения, подлежащие продаже непрофильные активы, фамилии должников

организации.

На развернутой карте нового мира всплыли координаты побережий, где подкупленная береговая охрана до начала зимы прикроет глаза на исчезновения жителей. Поверх географической схемы наслоилась таблица с именами самых крупных покупателей дешевой рабочей силы.

– Здесь нам проявлять активность нельзя, – прокомментировал Цикл, водя курсором и оставляя на экране крохотные маркеры, снабженные текстовыми пояснениями. – Это тоже зона интересов Ассоциации. Здесь и тут нужно действовать крайне оперативно. Согласно предварительной договоренности, клиенты, отмеченные значком «Ω», готовы на разовые сделки в обход ВАПБ. Разумеется, при сохранении конфиденциальности. Цены установлены бросовые, но в свете растущей конкуренции мы вынуждены демпинговать.

Приглушив микрофоны, молодой верхолаз незаметно вздохнул под непроницаемой маской. Из головы никак не шел недавний разговор с дядей, таким же упрямым и твердолобым, как заматеревший полуслепой кабан. Возможно, если Раймундо Гамба узнает о завершении разработок и росте спроса на новую вакцину, то сменит гнев на милость и перестанет втыкать палки в колеса?

О войне за рабов, способной вспыхнуть в семействе и «GA», Витторио предпочитал не думать, всячески избегая даже мыслей об открытом противостоянии. Но если глупый старик лишает его бонусов и привычных поступлений, ему придется немного зачерпнуть из корпоративного кармана. В надежде, что об этом никогда не узнают не только дядя, но и другие менеджеры Ассоциации…

Несколько минут главные аналитики «братев-месяцев» молча изучали десятки таблиц и графиков, слитых в их «раллеры» вожаком. На улицах никак не унимались барабаны, гудели людские толпы.

– Ты нашел рычаги влияния на доктора Кауфмана, брат? – вдруг спросила фигура справа, отвечающая за взаимодействие с СБА.

Апрель, продемонстрировавший привычную проницательность, и сам являлся далеко не последним офицером в структуре сил обороны Анклавов. Обдумывая его вопрос, Витторио в очередной раз возрадовался появлению такого человека в своих рядах.

Вербовка благонадежных безов, координация подразделений dd, регулярно выполнявших задания «братьев-месяцев», промышленный шпионаж в пользу братства – чаще всего перед

Апрелем ставились весьма непростые задачи. Но тот успешно справлялся с их решением, с каждым разом все выше поднимаясь в личной мысленной иерархии лидера.

– Возможно, – прошептал Цикл, словно боялся сглазить удачу. – Но в полной мере обсуждать проект еще слишком рано.

– Но ты хочешь, чтобы государства и Анклавы были морально готовы? – снова попал в точку высокопоставленный без, уже три года носящий маску medico della peste. – Вне зависимости от результатов твоих исследований?

– Верно. Мы запустим слухи. Наберем армию провокаторов и общественных деятелей, способных вести за собой людей на митинги. Вычислим лидеров общественных мнений, удобных нам, и станем ими управлять. Создадим положительный фон в СМИ. Мы поставим перед миром вопрос: кем стали нейкисты в руках Сорок Два? Безжалостными луддитами нового времени или беззащитной жертвой, поведенной на убой?

Цикл замолчал, позволяя братьям неспешно обдумать услышанное.

Каждый из них, наиболее приближенных к вожаку, должен в тонкостях понять, к чему именно стоит готовить планету и управляющих ею верхолазов. Потому что если картины никогда не существовало и поиски шведа обернутся погоней за миражом, Гамба своими руками создаст нужный миф. Новый, привлекательный, напрочь искусственный, словно уникальная микросхема, но такой же сложный и любопытный. Даже если картина лишь сказка – она и ее создатели подтолкнули человека в красном к очень интересному открытию…

Еретические апокрифы отщепенцев нейкизма до сих пор копили сетевую силу, собирая тысячи комментариев в день при обсуждениях на дискуссионных площадках. Если направить эту энергию в нужное русло, сочинениям бывших сподвижников Сорок Два даже не понадобятся доказательства.

Если картина не существует, Цикл все равно пройдет по дороге сетевого Пророка. Но не повторит его ошибок. Потому что предшественник был ничтожным червем, силой обстоятельств вознесенным над последователями. А он – Витторио Гамба – небожитель, голубая кровь, молодой бог умирающего мира, способный сворачивать горы росчерком в чековой книжке…

– Духовенство и каперы, простой люд на улицах, машинисты и проститутки, рабочие на фабриках и бездомные, солдаты и безы Анклавов – я хочу, чтобы к концу года о реабилитации нейкизма говорили все. – Верхолаз сжал правую руку в кулак, слушая, как приятно хрустит натуральная телячья кожа перчаток. – Отныне нам предстоит выйти на новый уровень.

Витторио выпрямился в кресле так, что натянулся подключенный к затылку психопривод. Стиснул пальцы на второй руке, слегка тряхнув кулаком, будто угрожал бушевавшему за наглухо закрытыми ставнями барселонскому карнавалу.

Он чувствовал томительное возбуждение, упоительное и тревожное, переполнявшее его необъяснимой мощью, позволявшей вести за собой. «Месяцы» взирали на лидера молча, и лишь мелко водили вверх-вниз клювами масок, когда произнесенные слова находили отклик в их собственных душах.

– Сорок Два мечтал свергнуть верхолазов, потому что не был им сам. Я сделаю так, что высшая каста признает Ткачей Сети равными себе, поднимет на одну ступень, станет не только считаться, но почитать. Вы со мной, братья?

– Безусловно.

– До конца.

– Это не обсуждается, брат.

Цикл осмотрел всех троих – далеко не пешек на игральной доске, в которую превратилась современная цивилизация. Троих, безропотно подчиняющихся его воле и следующих за ним к вершинам власти.

Верхолаз, состоящий в совете директоров крупнейшей корпорации Западного полушария. Агент сразу трех мировых разведок. Офицер СБА, раз в неделю пожимающий руку самого Ника Моратти. Этих людей не приходилось удерживать силой, шантажом или перспективами сладкого пряника. Они верили в стремление Гамбы возвыситься и изменить мир. Верили и желали в этот момент быть предельно близко.

Однако получится ли у человека, называвшего себя Циклом, с такой же легкостью управлять тысячами последователей? Человек, называвший себя Циклом, верил, что сможет. Витторио Гамба, прячущий изуродованное шрамами лицо под зеркальной наномаской, испытывал незнакомую, не являвшуюся даже в перестрелках дрожь неизвестности…

Душа его бурлила исландским гейзером. Горячие струи обжигали изнутри, бросали в жар, старательно скрываемый плащом и шлемом. Они шептали, словно духи Лоа в храме Гэлле, изменчивые и вкрадчивые.

Ему придется вести за собой людей.

Множество людей. Самых разных. И это вызывало неподдельный ужас. Когда человек одинок, он способен разобраться в собственной начинке. Понять, кто он, каково его место под Луной, каковы устремления, порог морали, границы отваги и горизонты щедрости. Одиночка хотя бы лично себе способен честно признаться, за что станет сражаться до конца, а

от чего обратится в бегство.

Когда людей двое, их разделяет пропасть. Никто из них не в силах познать другого, заглянуть в душу и увидеть правду. Они – чужие. Когда в социальной группе десяток личностей, несхожесть людей-снежинок только усиливается. Когда их сто – стократно. А если их тысяча? Сотня тысяч? Миллион? Целый миллион душ, надежд, судеб и верований. Разных, как те самые снежинки. И всех их предстоит объединить одной-единственной идеей. Невидимой, неосязаемой, нематериальной, что по-настоящему ужасно. И одновременно прекрасно…

Витторио с трудом сдерживался, чтобы не снять шлем и не отереть взмокший лоб. Толпа, ее законы, течения и потребности легко просчитываются наукой, социологией, биологией и психологией. И все же, чему история знает немало подтверждений, подчас толпа не просчитывается никакими методиками. В таком случае повести ее за собой – настоящее чудо. И он, Гамба, обязан его сотворить…

– У нас появятся новые враги, – уже тише продолжил мужчина в красном плаще с откинутым капюшоном. – Нам придется выдержать нападки СБА и государств, потревоженных возрождением былой силы нейкистов. Но каста, зародившаяся в мире после появления первого компьютера, обязана получить новый статус…

Он вдруг замолчал и скривился, низко опустив голову.

Приступ боли, такой неожиданный и непрошеный, сковал лицо и шею, оборвав на полуслове. Тонкие иглы инъекторов, установленных в начинке шлема, тут же проткнули кожу, впрыскивая свежие дозы медицинских нанов и обезболивающего. «Месяцы» восприняли заминку как должное – передавая им часть своего глобального плана, лидер подбирал слова.

– Каста… – прошептал Цикл, едва боль схлынула. – Холодный расчет и конструирование чуда. Да, мы одурачим миллионы машинистов, но одурачим их во благо. Вместо Маммоны, которому, как все остальные, поклоняются последователи Нейк, заставим верить в нечто большее и высшее. Дадим столько денег, сколько будет нужно, но вынудим служить не презренному металлу, но общей цели. Научим чувствовать себя братством. В его обновленной основе мы сплотим избранность верхолазов и неприкосновенность служителей религиозных культов. И тогда Мертвый откроет нам ворота Станции…

– Не станет ли он нашим противником? – осторожно поинтересовался Июнь, поерзав в кресле. – В его руках каналы раздачи новой энергии. Арка. Половина СБА. Он имеет влияние на верхолазов и президентов. Смог противостоять объединенным

армиям сразу нескольких стран. Содержит армию, флот, собственный Анклав и управляемые корпорации. За последние годы он стал фактическим правителем планеты.

– Кауфман не всесилен, – убежденно и горячо ответил Гамба, хоть до конца и не верил собственным словам. – Он добился своего, получил контроль и власть, невольно встряхнул целые континенты. Но его резонов помешать появлению новой «религии» я не вижу. Более того, моему неофициальному сотрудничеству с представителями «Наукома» вскоре исполнится третий год. Обладая уникальным даром убеждения, за немалую плату эмиссары нашего братства в разных частях света уговаривают наиболее несговорчивых чиновников, министров и шейхов дать «зеленый свет» развитию нового сетевого формата, разработанного москвичами. Уверен, что этот симбиоз еще принесет свои плоды, позволив установить более тесные взаимоотношения с корпорацией, инфицированной потребностями доктора Кауфмана…

Июнь, соглашаясь с доводами, склонил голову и развел руками. Остальные тоже одобрительно кивнули. Не посвященные в тонкости новой операции вожака, они тем не менее с каждой секундой проникались осуществимостью задуманного.

– Мутабор сумел подчинить обстоятельства. – Витторио разжал кулаки, кладя расслабленные ладони на стол. – Его специалистов почитали за кудесников, обращаясь за сакральным знанием генных колдунов с уважением и трепетом. Машинисты заслуживают такого же отношения. Обслуживание сети любой корпорации, будь то энергетики, оружейники, пищевики или русские со своим «Наукомом», должно стать не само собой разумеющимся явлением. Оно должно стать одолжением, которое новые нейкисты окажут старому миру.

Все трое «месяцев» подались вперед, и по напряженным плечам под черными балахонами, скрывающими дорогие деловые костюмы, верхолаз увидел, какой эффект оказала на собратьев его короткая речь. Он улыбнулся, не обращая внимания на боль и десяток микроскопических игл, все еще пронзавших левую щеку…

В этом году молодому Гамбе исполнится 33 года. Отличный возраст, чтобы открыть человечеству новую звезду, не правда ли? О том, что отец погиб всего в 34, когда сам Витторио едва отпраздновал тринадцатилетие, Цикл предпочитал не вспоминать.

Вступив в криминальный семейный бизнес, собрав вокруг себя фанатиков, готовых носить венецианские маски, затеяв сбор собственной армии и разработку уникальной вакцины, он и без того годами балансировал на грани, каждый день рискуя

отправиться на встречу с padre.

Конечно, сейчас, на пороге его величайшего падения или триумфа, гибель была бы совершенно лишним событием… Но Цикл верил – если у машинистов вообще существуют какие-то боги или духи, подобные сущностям Лоа, они просто обязаны сохранить ему жизнь.

Задумавшись над этим, Витторио едва не фыркнул.

О каких, скажите на милость, духах машинного дела вообще может идти речь?..

Апрель, Декабрь и Июнь забарабанили пальцами по столу, внося пометки в разосланные лидером файлы. Вздохнув и выбросив из головы лишние мысли, Гамба вернулся к работе. Пришла пора выдать братьям несколько конкретных поручений.

Бинарный код 1101

«Если Бог пребывает за пределами нашего мира, его деяний можно ожидать годами, столетиями, прикасаться к ним изредка – этого достаточно. Если же он сходит к людям, его поведение должно полностью соответствовать статусу. Он не обязан творить чудеса каждые десять минут, но любое мгновение Его присутствия должно быть наполнено ощущением невероятного, аурой невозможного, которую почувствует даже фанатичный атеист».

Хасим Банум

Хуго, стараясь не упустить ни единого слова, вцепился в приклад «Чероки», на всякий случай проверив качество записи и уровень чувствительности микрофонов.

– В базу данных было занесено слишком многое. – Словно раскаиваясь в смертных грехах, склонил бритую голову бывший тритон. – Вся история человека, отраженная в изобразительном искусстве. Любовь, войны, амбиции властителей, кипение страстей и отношение к религии. И когда машина проанализировала их на уровне вдохновения, она начала… прогнозировать.

Монах замолчал, внимательно глядя на вооруженного светловолосого мужчину, стоявшего в двух шагах от него. Ветер колыхал полы бурой накидки, бросал на лысину пригоршни пыли, заставляя щуриться, но Багабанди не шевелился, превратившись в воскового истукана.

– И когда об этом узнал Сорок Два, проект был закрыт, – вдруг произнес Мартинес, не меняясь в лице. – Потому что Пророк, и сейчас об этом знают почти все, жаждал совсем иного…

– Где я могу разыскать картину? – осипшим голосом спросил Энквист, пораженный тем, какой необычный эффект произвел на него рассказ отшельника.

– Ты не знаешь, с чем связался.

– Я знаю все. И даже немного больше. Где картина?

– Уверен, Плотник уничтожил ее.

– Где вы работали над сборкой? Где пичкали свой электронный супермозг варевом из шедевров живописи?

– Тебе ничего не даст эта информация, rubio. И мой рассказ – тоже.

– И все-таки?

– Анклав Франкфурт, – и не думая умалчивать, поддался его давлению Колорадо. – Средний уровень района «Кляйнес Центрум». Промышленный инкубатор «Джадва-4», мы занимали три верхних этажа. Но я уверен, сейчас ты ничего не найдешь там, tirador.

Услышав название Анклава, где его группа побывала не так давно, Хуго чуть не выругался вслух. Прищурился, пытаясь прочитать по глазам собеседника, насколько тот откровенен. Не отводя взгляда, тритон стоял перед ним, такой же высокий и прямой, продолжая негромко пощелкивать костяшками четок.

– Я рассказал все, как есть, hombre, – наконец произнес Колорадо, медленными короткими вдохами набирая полную грудь пыльного сентябрьского воздуха. – Убьешь меня теперь? Если да, то моя просьба все еще в силе…

– Только если ты сам этого захочешь, – едва заметно покачал головой Энквист, добавив с усмешкой, – hombre…

– Нет, спасибо, el misterioso desconocido. Я бы предпочел прожить весь отмеренный мне свыше срок…

Монах поклонился, и теперь от шведа не укрылось, как напряжены его плечи. Все это время Багабанди действительно ждал пули. Или наручников, мешка на голову, бешеной гонки по барханам. Но вера в то, что он вправду искупает содеянное годами ранее, позволила Мартинесу не сдрейфить, что вызывало у Хуго неподдельное уважение.

– И еще, – вдруг добавил Колорадо, словно спохватившись. – Передай тому, кто искал картину, что Цифра – отнюдь не младший брат человека, как говорила о том Поэтесса. Не добрый помощник, которого мы воспитали, чтобы донашивал за нами старые вещи и бегал за пивом. Цифра – злой отчим человечества, которому неразумные дети отворили дверь в свою комнату.

Он понимающе поклонился, точно зная, что блондин ведет запись и его слова достигнут *настоящего* адресата. Снова приложил ладони ко лбу, отчего четки брякнули. Хотел еще что-то сказать. Может быть, пожелать стрелкам доброго пути. Может быть, наставить молитвой.

Но не успел…

Потому что в правом ухе Энквиста, соединенный с нашейным радиопередатчиком тонким прочным проводком, вдруг сработал

скрытый динамик. Голосом Невроза, от неожиданности сорвавшимся на фальцет.

– Внимание! – бросил машинист на общую волну, вонзив в ладони Хуго сотни невидимых раскаленных игл.

Высокий худощавый монах, внимательно читавший эмоции собеседника, вдруг насторожился. С Джозефа словно сбили большую часть религиозного налета, а из-под не успевшей прижиться маски проступило лицо настоящего тритона – юркого, скользкого, готового к любой неприятности.

– Доложить! – как можно спокойнее отреагировал швед, движением пальца включаясь в эфир и стрельнув невольным взглядом по холмам, за которыми группа оставила машины.

Вздрогнув от перемены его тембра, Мартинес сделал к воротам монастыря короткий шажок, почти незаметный под длинными одеяниями. Страх получить пулю не изжить простыми молитвами. Особенно если за какой-то считаный час успел дважды попрощаться с жизнью и все же избежать свинцовой пилюли…

– Двое, в полутора километрах к западу, на гряде… – Даниэль куснул ноготь, отчего в наушниках всех четырех бойцов прозвучал короткий щелчок. – Квадрат 3:4, поправка сорок метров на юго-восток! Мать твою, да вас же пишут!

Шигеру Кодо, все это время понуро просидевший на подножке багги, одним движением снял с винтовки противопыльник. Не спеша высовываться, сверился с картой, и только затем приник к отстегнутому оптическому прицелу «Чероки», из-за края капота изучая склон, указанный машинистом. Над исковерканной холмистой грядой парила «пустынная сова», глазами Невроза изучая чужаков.

– Автоматы, камуфляж, вижу «раллер» и пульт спутниковой навигации, – отчитался Даниэль. – Шеф, не подавай виду, прослушка ведется со спутника… Кодо, прижми-ка жопу к земле, пока они не догадались, что мы засекли слежку!

Бригелла послушно пристегнул прицел к оружию и вернулся на подножку, с деланым равнодушием уставившись в землю. Но затвор винтовки все же аккуратно оттянул.

– Продолжай следить за скоростью ветра! – словно невзначай сделав шаг – чуть дальше от монаха, чуть ближе к прикрывающему от гор корпусу «Термита», – приказал машинисту Энквист.

Его так и подмывало задрать голову, попытавшись отыскать в сентябрьской синеве крохотную звездочку спутника, с которого кто-то фиксировал его любопытнейший диалог с Колорадо…

Почти в трех километрах севернее своего командира Жицкий

выскочил из машины. Одной рукой удерживая пульт и не позволяя филину свалиться в пике, второй поляк нащупал в багажнике резервный «Чероки». Закинул за спину, ударив раздвижным прикладом по бедру.

– Выдвигаюсь в заданный квадрат, – вклинился Бакли, не дожидаясь подтверждения. – Наза, прикрой…

– Клянусь, шеф, они были нереально круто спрятаны! Клянусь, без тепловизора я не имел ни одного шанса!

Шумно дыша, Даниэль бросился на верхушку холма, за которым притаились отрядные багги. Он не совсем понимал, что будет делать на позиции с винтовкой, но вес оружия на плече успокаивал. А еще приглушал чувство вины – уже четырежды филин отправлялся в разведывательный полет, и все четыре раза Жицкий оставался слеп. Если дело дойдет до драки, он обязательно поможет своим, даже если для этого придется рвануть в атаку.

Одним глазом машинист следил за парящим зондом, не давая «птице» зависнуть на одном месте и вызвать подозрения. Другим – за рыхлым грунтом склона, по которому торопливо взбирался. Еще невесть как успевал присматривать за распластанными в схроне фигурами, развернувшими шпионское оборудование всего в километре от местоположения самого Невроза.

Задыхаясь от выброса адреналина, стыда, придавившей ответственности и внезапной физической нагрузки, поляк задумался: а были ли способны Великие на столько совершенно разных одновременных дел? Или им, накачанным «синдином», было под силу лишь ворочать цифровыми массивами, всю черновую работу оставляя тупорылым dd?

– У тебя неприятности, anciano? – почти спокойно осведомился Мартинес.

Лишь чуть быстрее защелкали в пальцах костяшки четок. В глазах заскакали чертики, давно призывавшие прятаться. Но избежать судьбы не позволяла монашеская благообразность.

– Могу я чем-то помочь?

– Нет-нет, все в порядке, – как можно дружелюбнее улыбнулся Энквист. – Мой пилот получил предупреждение о штормовом фронте… А ты и так нам очень помог, брат Багабанди…

Вероятно, управлявшие спутником операторы все же заподозрили неладное. А может быть, космический шпион наконец-то дал крупный план странной совы, нарезающей над их укрытием один круг за другим.

– Отходят! – выкрикнул Невроз, споткнувшись и почти

выронив пульт управления зондом. – Сворачивают наблюдение и отходят с холма. Квадрат тот же, поправка тридцать метров на север!

– Бакли, не дай им уйти! – уже не скрываясь, распорядился Хуго, в несколько широких шагов уходя под прикрытие машины. – Твои дружки, братец Багабанди? – Он хищно усмехнулся, метнув колкий взгляд на побледневшего экс-тритона.

Тот испуганно замотал головой. Вскинул руки, словно Энквист мог влепить ему дистанционную пощечину.

– Нет-нет, rubio, я не понимаю, о чем…

Боковым зрением Энквист заметил, что Колорадо, двигаясь скользящим шагом, будто на выступлениях по художественной гимнастике, добрался до ворот монастыря. Юркнув в дверь, вырубленную в широких воротах хийда, предавший Поэтессу бывший ломщик захлопнул створку, глухо стукнув засовом…

Чуть не прикусив язык, Даниэль Жицкий наконец-то завершил штурм склона. Упал на живот, бросая филина в погоню за ускользающими через кустарник мужчинами. Выдал в эфир обновленные координаты. Теперь ему стало видно и Гордона – петляя между невысокими холмами и пригибаясь, тот приближался к противникам с востока.

А затем началась пальба. Сразу с двух направлений.

Сначала по склону Невроза врезало откуда-то с юга, причем издали. Срубило ветку тощей березки, раскололо пористый камень в шаге от левой руки. Через мгновение операторы спутника открыто ударили по мертвому филину, в две короткие очереди отстрелив верному зонду-птице крыло.

Сперва Жицкому показалось, что он ранен. До того внезапно качнулось изображение с камер совы на его глазном экране, и слишком громко впились в землю пули вражеского снайпера.

Машинист вскрикнул, выругался и отполз ниже, пытаясь восстановить связь с зондом.

– Птицу сбили. Противник движется в заданном ранее направлении. Новая огневая точка в квадрате 8:6, предположительно поправка на юг! – громче положенного выпалил он в ларингофон, заставив остальных «горностаев» поморщиться…

Одно дело, когда в бой вступаешь осознанно, обладая данными о фигурах на доске, шаг за шагом раскочегаривая в себе котел боевого азарта. И совсем другое, когда битва набрасывается диким ягуаром амазонской сельвы. Когда обрушивается на голову ушатом ледяной воды, заставляет мобилизоваться в считаные секунды. Сжимает в пружину, вышвыривает из глубин памяти все, чему был обучен. Когда заставляет сначала действовать, а уж

потом думать.

Хуго по праву гордился своими людьми.

Угодив в засаду, никто из них не стал задавать лишних вопросов. Не стал паниковать, отступать или засорять эфир бесполезными воплями. Каждый из них уже много лет оставался высокопрофессиональной боевой единицей, крохотной армией в себе, и редкие потери «Горностая» служили тому лучшим примером…

Сверившись с сеткой тактической карты, выведенной на экран «балалайки», Назанин подтвердила первые предположения. Бьющий по машинисту стрелок засел на южном краю долины, почти за спиной у девушки – чуть выше и правее поселка мелиораторов, одновременно просматривая и буддистский монастырский комплекс, и подъезды с севера, и замаскированный спутниковый пост на северо-западном отроге.

Вести огонь с такой огромной дистанции было не самым разумным ходом, но он означал одно – пробравшуюся через сопки Фарахани снайпер отследить не смог, полагая себя в безопасности…

– Огневую точку засекла, выдвигаюсь.

В этот же момент обнаружился еще один противник. Точнее, это тот обнаружил ирландца, висящего на хвосте пары отступающих операторов…

Со скального выступа на крайней западной оконечности долины сверкнуло. Затем еще и еще, а вокруг Гордона из земли взметнулись пышные бурые фонтанчики. Выцелить машиниста второму снайперу рельеф местности не позволял, а вот прикрыть отступавших – вполне. Чем тот и занялся, вдавив Бакли в овраг и не давая поднять головы.

– Новый контакт, – подтвердил Энквист для всех, падая на колено и поудобнее укладывая цевье на короткий капот багги. – Вижу плохиша в квадрате 5:2, ориентировочная дистанция 700. Начинаю бой.

Винтовка загрохотала в его руках, дуэтом с ней спела и «Чероки» Бригеллы, тоже вычислившего позицию противника. Однако от монастырских ворот до скалы было слишком далеко, и даже самая прицельная стрельба не могла нащупать врага с занимаемой «горностаями» позиции, вынуждая лишь впустую тратить боеприпасы.

А тот, вдруг переключив внимание с ирландца, взялся бить по «Термиту».

– Нужно двигать, шеф…

Кодо упал за колесо, меняя магазин винтовки. По железной раме багги ударил свинцовый шершень. Еще два впились в белые

ворота хийда, вырвав основательные щепки. С сомнением оценив размеры пулевых отверстий, Бригелла покачал головой.

– 7,62, усиленный патрон, – со знанием дела предположил он, застегивая подсумок и на ощупь вынимая из багажного отсека легкий кевларовый шлем. – Работает бесшумно, значит, интегрирован многокамерный глушитель… Сдается, шеф, это «Артиллерик Дефенс», не меньше. Мы против нее со своими пукалками на открытом пространстве, будто куропатки в тире…

– Заводи! – Хуго заполз на пассажирское сиденье, перезаряжая винтовку в позе эмбриона. – Зигзагом, полный ход на сближение!

Кодо оказался за рулем еще до того, как Хуго изложил план до конца.

Запустил двигатель, намеренно крутанув багги так, чтобы из-под колес рванула темно-коричневая пыль, укрывшая «Термита» плотным облаком завесы. Пригнувшись за приборной доской, Шигеру направил юркую машинку прямо к скальному выступу, бушпритом выпиравшему из полукольца горной гряды…

Невроз неожиданно прозрел.

Точнее, прозрел его левый глазной наноэкран, на котором вместо мельтешения и помех вдруг, словно из небытия, проступило крыло с переломанными перьями. Крыло, горсть песка и лаз в мышиную нору, в который нацелилась уцелевшая камера сбитого филина. При таком приближении норка казалась входом в логово дракона.

Машинист радостно вскрикнул, вцепляясь в джойстики пульта.

Зонд качнулся, неохотно перевернулся на проволочные ножки, а затем его пропеллер снова заработал. Пули операторов, подстреливших чучело, чудом не задели начинку, заставив аппарат рухнуть, но не выведя из строя.

Подняв изувеченную сову – точнее, пернатый комок, оставшийся от тушки, – над холмом, Даниэль заметил обоих. Убедившись, что им не уйти от приближающегося Бакли, противники побросали оборудование, маскировочные сети и залегли, накрывая ирландца плотным огнем. Облаченные в серо-песчаную униформу, они растворялись на местности не хуже «горностаев», выдавая себя только вспышками из стволов и легким шевелением кустарников.

– Бакли, птица над тобой! – Памятуя о меткости противника, Жицкий отвел зонд чуть левее и выше, стараясь не привлекать внимания. – Первый на полдень, второй на десять часов. Общая дистанция семьдесят, до ближайшего – тридцать. Сместился к тебе на пять. Перезаряжает!

Гордон бросился вперед и влево, умело пользуясь марсианским ландшафтом вымершей тайги. Бросил осколочную гранату, но не прицельно, для отвлечения внимания. Сделал несколько выстрелов поверх головы. А затем гигантскими прыжками взлетел на рыхлый бархан и выскочил прямо на безоружного оператора. Шагов с десяти, не больше.

Противник от такого поворота событий замешкался. Всего на мгновение. Опустил бесполезный автомат, потянувшись к пистолету на бедре, но Бакли успел воспользоваться заминкой. И снова нырнул в кусты на покатом склоне, не дожидаясь, пока срубленный очередью враг завалится на спину…

Назанин «своего» снайпера снять предпочла с дальней дистанции, почти не сближаясь. Торопливо, но не демаскируясь, подкралась на полсотни метров. Выбрала удобное место за высоким камнем, туже накрутила на левое запястье ремень «Чероки». Вскинулась и замерла, сливаясь с булыжником.

Когда чуть выше ее на южном отроге в очередной раз звонко щелкнуло, посылая пулю в несущийся от храма багги, Фарахани отстрелялась на полмагазина.

Вскочила, меняя позицию, но скатившаяся в кусты окровавленная снайперская винтовка сообщила об успехе атаки. Не теряя бдительности, Наза обогнула позицию стрелка со стороны модульного лагеря мелиораторов, теперь подбираясь к вражескому боевику со спины.

Вскарабкалась на гребень, миновала рощицу болезненного вида осин, держа неподвижное тело в прицеле. Шагнула еще ближе, пинком вышибая из ослабевших пальцев «дыродел». Вторым ударом ноги перевернула противника на спину.

Снайпер отходил, это было очевидно – очередь Назанин угодила снизу в его левую щеку, раздробила плечо под воротником бронежилета и вырвала из шеи громадный клок. Из раны стремительно убегала жизнь, но автоматически введенные браслетом-аптечкой препараты все еще удерживали бойца на этом свете.

– Сколько вас?! – рявкнула Фарахани, уткнув ствол «Чероки» в лоб умирающего.

Ни возраста, ни национальности мужчины было не разобрать – лицо скрывала противопыльная маска с прорезями для глаз, сейчас закрытых черными очками.

Но и на пороге забвения безымянный наемник не собирался помогать врагам.

Поднял в сторону девушки растопыренную пятерню, будто бы показав численность. А затем медленно загнул все пальцы, кроме среднего, и хрипло рассмеялся. Маска под губами тут же

пропиталась красным, а раненый зашелся в приступе мокрого кашля.

Назанин выстрелила прямо сквозь сжатый кулак, одновременно с гильзой падая на землю и бегло осматривая труп. Как и предполагалось, ни нашивок, ни жетонов, ни «балалайки» она обнаружить не смогла.

Прислушиваясь к эфиру, в котором кто-то командовал, а кто-то ругался через зубы, француженка припустила на север, где все еще отбивался второй снайпер. Огня с новых стрелковых позиций Фарахани не опасалась. Если бы враг обладал большим количеством стволов, подкрепления уже давно были бы введены в игру…

Багги несся на скальный нарост, словно хотел его протаранить. Вихлял, словно обезумевший мустанг, крутился юлой. Нырял в облака поднятой пыли, то сбрасывал, то набирал скорость.

Винтовочные пули ложились слева и справа, позади и по курсу, и даже дважды чиркнули по дугам рамы, почти куснув колесо. Но пассажира и водителя задеть не смогли, и за считаные секунды «Термит» влетел в мертвую зону, простреливая которую противник неизбежно подставлялся под ответный огонь снизу.

Десантировались еще до того, как машина замерла на месте. Спрыгнули по разные стороны от багги, через головы перекатившись по пыльной земле. Метнулись к основанию скалы.

– Заберусь напрямую, – прошептал Бригелла, примеряясь к отвесной семиметровой поверхности. – Обходи, я дам сигнал…

Кивнув, Энквист побежал влево и вверх, огибая скальное образование по часовой стрелке. Где-то в южной части долины коротко протрещал «Чероки» и наступила тишина. К северо-западу от монастыря все еще шел бой – в ответ на пальбу Бакли отрывисто огрызался русский «коловорот», ухнула граната.

Склон оказался крутым – рассыпающуюся гряду удерживал базальтовый корсет, не позволявший склонам оплывать. Припав на колено, Хуго замер, внимательно осматривая подъем через прицел винтовки. Даже не обладая талантами австралийских следопытов, он четко различал тропу, по которой снайпер забирался на свою позицию. Хоженую тропу, которой пользовались не один день.

Значит, Энквиста и его команду в долине ждут вовсе не с утра? И даже не со вчерашнего вечера… Люди, устроившие прослушку разговора с Колорадо, оказались возле храма многим раньше «горностаев», подготовив пункт управления спутником и две стрелковые точки.

Осторожно ставя ноги мимо ломаных веток и камней, швед

поднимался к вершине неспешный и настороженный, словно охотящийся тигр. Ни на мгновение не опустив винтовку, он позволил мыслям скакать и рождаться с яркостью сверхновых.

Быстро отступить врагам не удалось. А еще они попытались самоотверженно утянуть аппаратуру, с ее защитниками Бакли сейчас и воевал. Это означало, и в мозгу Энквиста вероятность такового приближалась к отметке в 90 %, что записанная информация поступала не на спутник.

Во-первых, сегодня подконтрольный орбитальный зонд себе может позволить не всякий верхолаз. Устойчивой сети в долине нет уже четыре года. Значит, речь идет о временном перехвате управления.

Однако, и это уже во-вторых, с современной космонавтикой ни в чем нельзя быть уверенным. Как выкрал ты, могут выкрасть у тебя. Болтающийся над планетой корабль отнюдь не депозитная ячейка, и его *настоящие* операторы могут успеть заинтересоваться массивным пакетом, внепланово поступившим с – Земли.

Это, в свою очередь, означало, что запись диалога поступала к противникам «горностаев» напрямую, иначе в вооруженном прикрытии надобности не было бы вовсе.

При достоверности имеющихся переменных картина выходила весьма ладненькой. Если бы против отряда Хуго планировалась обычная засада, бой случился бы совсем иным. Значит, в задачи неизвестных входил перехват спутников над территорией Китая, скрытое слежение и охрана «ушастиков» на случай огневого контакта.

Выходит, и Хуго очень хотелось, чтобы его предположения оказались верны, все откровения Колорадо до сих пор хранились в «раллере». Том самом, что сейчас пытается вынести с поля боя один из вражеских автоматчиков…

– Готов! – отчитался Бригелла.

– Понял, выхожу, – ответил ему командир.

На верхушку скалы напали одновременно, постаравшись взять стрелка в клещи. Энквист блокировал тропу, по которой снайпер мог бы покинуть гнездо, Кодо атаковал с самого неожиданного направления – из-за края.

Выбрался наверх, перекатился в укрытие, не спеша выдавать себя. И вступил в бой, едва противник бросился на прорыв. Грамотно бросился, предварительно швырнув на спуск сразу две гранаты.

Швед ринулся назад, прыгая на песчаную тропу, будто на желоб аквапарка. Ударился коленом, боком, чуть не зацепился за куст ремнем винтовки. А потом за его спиной рвануло,

болезненно вдавив ударной волной. Рвануло дважды, щедро закидав землей и камнями, лишив слуха и почти ослепив.

– Вот сука… – выплевывая песок и отползая прочь, прорычал Хуго.

Светофильтры глазных имплантатов справились со световой вспышкой, вернув зрение уже через секунду. Оглушенный, но уцелевший блондин почти сразу извернулся на живот, отполз за выступ и высадил в тропу полный магазин «Чероки».

Вскочил, не позволяя опомниться ни себе, ни противнику. Дернул из кобуры «дыродел» из арсеналов «Нобунаги», и приставным шагом двинулся вверх. Выстрелил, еще раз, посылая пули в наиболее густые скопления кустов. Где-то возле самой барабанной перепонки шептал Кодо, но слов было не разобрать.

Ответного огня не последовало.

Воспользовавшись затишьем, командир «горностаев» перезарядил винтовку, подвешенную к груди системой ремней. И лишь выбравшись на скалу, откуда пять минут назад по «Термиту» вели снайперскую пальбу, Энквист догадался, о чем докладывал боевой товарищ.

Шигеру был ранен, его противник убит в спину. Как именно тот успел развернуться и ударить по скалолазу, Хуго так и не понял. Но две пули из «коловорота» все же пробили легкий бронежилет Бригеллы, вгрызшись в левый бок.

Отбросив винтовку, тот пытался сесть, неуверенными движениями распаковывая аптечку. Швед подскочил, мельком убедившись, что снайпер с раздробленным затылком уже никому не причинит вреда. Опустил свое оружие, взялся помогать.

– Внимание, у меня раненый! – объявил он в эфир, ножом вспарывая боковину бронежилета и мокрую от крови одежду под ним. – Наза?

– Точка погашена, двигаюсь к вам!

– Веду бой! – Это Бакли, все еще дожимающий последнего противника.

– Назанин. – Хуго приставил к обнаженной коже японца автоматический инъектор, впрыснув раненому двойную дозу гамматримеперидина. – Багги под скалой, квадрат 5:2. Заводи машину, я сейчас спущу Кодо вниз. Невроз, как там монахи?

– Суетятся, попрятались по домам, – отчитался машинист, каким-то необъяснимым образом вернувший контроль над сбитым зондом.

– Принято. Готовься уходить. Бакли, не задерживайся…

– Так точно!

Энквист дернул «чеку» на зеленом тюбике с эмульсией Цинкернагеля, щедро заливая кровоточащие раны прохладной

пастой. Умное лекарство прямо на глазах остановило кровь, принялось временно рубцевать поврежденные свинцом органы и запустило мощнейшие иммунные механизмы.

Шигеру, благодарно вздохнув, облизнул пересохшие губы. Синтетический морфин подействовал, но Бригелла не первый раз получал пулю, чтобы поддаться его манящему зову и уплыть по волнам отключки. Преданно глядя на командира, он попытался пожать плечами, словно извиняясь за промашку.

Хуго понимающе улыбнулся в ответ.

Потратил еще несколько секунд на короткий обыск трупа. Поморщил лоб над разбитой пулями «балалайкой», но вынимать, не говоря о восстановлении, было нечего. Обшарив пустые карманы пятнистой формы убитого, закинул за спину сразу обе «Чероки». Затем, не без помощи «Уайатта Эрпа», поднял Бригеллу на руки и поспешил вниз…

Гордон Бакли начинал злиться.

Устранив первого оператора, он никак не мог подобраться к его напарнику, засевшему в природном окопе. Не помогла даже вторая граната, прихваченная на борту тримарана. Не помогла уловка, с помощью которой здоровяк намеревался выманить противника.

– Сдавайся, гарантирую жизнь! – выкрикнул он, меняя магазин винтовки.

– Чтобы тебя в задницу посменно…

Дальнейшего ответа Гордон не расслышал, снова сосредоточившись на стрельбе.

– Go stro€ice an diabhal thu€, – негромко выругался он на родном языке, все лупя и лупя по кустистому распадку.

Откуда отвечали свинцом. Причем так грамотно, что достать пронырливого гаденыша не удавалось, хоть тресни. Закипающий ирландец был уверен, что попал в сквернослова, причем даже дважды, но на боевом духе или физическом состоянии противника это не сказалось никак. Более того – Бакли сам словил пулю, бронежилет не прогрызшую, но ребро сломавшую уж – точно.

Патроны подходили к концу. Где-то на западной оконечности долины командир докладывал о ранении Бригеллы. Великан перешел на одиночные, предполагая скорое использование «дыродела». Или помощь тщедушного Невроза, способного принести от «Термитов» резервную винтовку или ее боекомплект.

А сморчок действительно помог, хоть и не совсем так, как планировал Гордон.

Тощий мужичонка-умник, ничего не понимающий в перестрелках и в тридцать лет выглядевший прыщавым

подростком, разработал план куда оригинальнее простого подвоза боеприпасов.

Предупредив Бакли с помощью рации, он выждал оговоренное время, а потом обрушил чучело недобитого зонда прямо в «окоп» последнего уцелевшего врага.

Здоровяк, воспользовавшись секундами замешательства, пулей проскочил большую часть разделявшего стрелков пространства. Навис над укрытием автоматчика с крутого десятиметрового холма, переключая винтовку на автоматический огонь. А с такой дистанции, даже пьяный или контуженый, Гордон Бакли промахивался крайне редко…

– Точка погашена, возвращаюсь к машинам, – отрапортовал он, но Хуго вдруг оборвал его на полуслове.

– Отставить. Трупы обыскать, «раллер» захватить. Еще. Найди их транспорт, Бакли, и как следует прожарь…

– Будет исполнено, босс…

«Термит» подскакивал на кочках, заставляя раненого стонать, но сброс скорости означал непозволительное промедление, а потому Назанин гнала машину на пределе. Кодо, бледный, как стены буддистского монастыря, болтался рядом, закрепленный перекрестными ремнями. Блондин, натянув на лицо платок, стоял на широкой подножке, клещом вцепившись в раму.

Выскочили на стоянку остальных внедорожников.

Через несколько минут, показавшихся остальным вечностью, с холма скатился постанывающий ирландец. С северо-запада, откуда пришел «горностай», в воздух взвился столб черного дыма. Вскоре послышался глухой взрыв.

– Держи, головастик, – довольно пробасил Гордон, вручая Жицкому трофейный «раллер» и небольшой изогнутый пульт. – Дело сделано, босс. Бензиновый грузовик в квадрате 2:1, боеприпасы, маскировочные сети. Судя по количеству дерьма в яме, стоят третий день. Ни документов, ни «балалаек». Если с группой и держали связь, то через коммуникатор в этой игрушке…

Он кивнул на трофей, с интересом осматриваемый Даниэлем. Покачал головой, бережно ощупав отбитую грудь.

– Ты только посмотри, какие сволочи! Стрелковых комплексов нет, а до чего метко лупят…

Энквист покивал, вдумчиво впитывая доклад ирландца. Затем махнул крепышу на одну из багги.

Значит, меткость стрелков высока и без «балалаек»? Такое достигается только одним способом – непрерывной практикой, причем в самых трудных условиях, совсем не полигонных. А таковая на этой планете нынче предоставляется только двум

силам – сотрудникам СБА и профессиональным, никогда не отдыхающим dd. Впрочем, группа должна быть благодарна судьбе: если бы у снайперов стояли «стрелкачи», расклад мог повернуться вовсе не в сторону «горностаев»…

– Все, уходим! – громко приказал Хуго, уже не пользуясь ларингофоном. – Отступление по плану «Скорпион». Наза, везешь раненого. Я с Неврозом замыкаю, Бакли прокладывает курс. Даниэль, у тебя час. Извернись, как хочешь, но взломай захваченный пульт, отлови спутник и установи связь с «Нобунагой». В таком виде нам в Боли возвращаться нельзя. По машинам!

Бригелла, пытаясь улыбаться и морщиться одновременно, вдруг подал голос, сонно прокомментировав речь командира:

– Да уж… представляется очевидным, после устроенного праздника Колорадо больше не захочет общаться с людьми из своей прошлой жизни…

Бинарный код 1110

«Вам кажется, что все вокруг не могут лгать? Сейчас – могут. Потому что сейчас они управляют великим ураганом, имя которому – Эпоха Цифры. Потому что сейчас не все решили стать свободными. Потому что сейчас многим еще кажется, что послушание и есть порядок. У меня для вас новость: послушание есть рабство».

Сорок Два

Пир во время чумы имеет свою дикую притягательность. Он не только демонстрирует его участникам, что они еще сильны и могут веселиться и праздновать. Он доказывает тем, кто ниже, что верхолазы сохранили свою власть. Что им нипочем любые Катаклизмы и водовороты человеческой истории.

Раймундо Гамба любил светские вечеринки, и эта страсть не утихла даже после так называемого Дня Станции. Устраивал в Риме, приглашая представителей своей касты в лучшие банкетные залы. С охотой принимал приглашения, когда кто-то из корпоративной элиты намеревался блеснуть остатками былой роскоши.

Прибытие на такой вечер – лучший способ доказать, что ты еще на плаву. Что ты еще имеешь вес, не упал на колени, что ты – по-прежнему хозяин жизни.

Конечно, накрытый в Цюрихе банкет не сравнится с величием былых пиршеств, устраиваемых местными бонзами лет шесть назад. На некоторых дамах наряды, в которых они уже выходили в высший свет. Новых украшений встречается мало, все реже мелькают дорогие сигары и инкрустированные платиной коммуникаторы. Идеально вылепленные из человеческой плоти трансеры – божественно красивые юноши и девушки, нанятые устроителями, – скудны числом, их уровень не столь высок, как раньше.

Но все же это пир, настоящий пир, на который пускают лишь избранных.

Сверкает хрусталь, в бокалы льется шампанское, звучит живая музыка, в репертуаре которой есть все, от новомодных мелодий с ломаным ритмом до классики XXI века.

– Ах, это волшебно! Это восхитительно, я тоже хочу такую!

– Его инсайдер в рядах «NPI» сообщил о предстоящем слиянии… после ужасной гибели Айзерманна это вполне ожидаемо…

– Он никогда не сбросит цену. Хоть ножом режь, готов заключить пари!

– Милочка, вам так идет это платье! Оно так подчеркивает цвет ваших глаз! На прошлый Новый год вы ведь были именно в нем?

– Какие глупости! Храмовников вообще нельзя считать людьми… Это дикие звери, отринувшие обличье, дарованное нам Господом!

– Ради всего святого, какая восхитительная грудь! Автора, я желаю знать автора!

Вспышка, восторженный смех, редкие аплодисменты – это в центре огромного зала выступают глотатели огня. Голые, прикрывшие наготу едва заметными повязками мимы и арлекины скачут по залу, забавляя гостей ужимками и фокусами.

Приглушенные голоса. Многозначительные взгляды. Свежие сплетни.

– Это беспроигрышные инвестиции… Все, что было снято до сего дня, жалкие поделки! Если Мишелю удастся создать стереофильм о чужом мире, это перевернет представление об открытых планетах!

– Помилуйте, неужели вы вправду считаете, что это ее собственные губы?

– Кауфман не согласится. А вы бы согласились, держа на руках флеш-рояль и имея возможность диктовать правила?

– Летом мы ездили в Новый Марсель, там было куда шикарнее…

– А что мы можем предъявить «Наукому»? Пожаловаться в антимонопольную комиссию? Проигрыш нужно уметь признавать, друг мой. Холодов обобрал нас. Всех, присутствующих в этом зале. Поимел за наши собственные деньги…

– Нет, эта постановка значительно слабее… Вы видели актрису, игравшую Корделию? Она же деградант, настоящий субнормал! Неужели кто-то считает это возвышенным?

Вершители судеб мира перемещаются по пентхаусу «Бриллиантового Монблана» только им ведомыми тропками, образуя сложные течения. Кто-то танцует на специальном возвышении. Кто-то оккупировал диваны на балконе, выше которого только осенние звезды.

Пауки, змеи, ехидны и другие зловредные гады жужжат и шипят, наполнив богато обставленную банку, куда собрались по

собственной воле. Обсуждают друг друга, строят козни и интриги, заключают сделки, рушат одних игроков и возносят других.

– Вы слышали, что творят эти безумные русские? Кто бы мог подумать, что Катаклизм ввергнет их в пучину средневековья, заставляя враждовать за куски такой необъятной страны?!

– Отличная модель, искренне рекомендую. Бронирование, как на танке, а электричества потребляет в разы меньше!

– Помяните мое слово, террористы не успокоятся, пока не достигнут полной автономии скандинавских стран. Но если Союз введет в Конфедерацию войска, я лично профинансирую войну. Это немыслимо, видит Аллах!..

– Сие чудовищное порождение китайских инженеров не протянет и года. Ставлю на то, что Левиафан поднебесников сломается, не достигнув Урала.

– Могу посоветовать, отличный пластик! И, скажу по секрету, в его клинике не нужно стоять в очереди… Говорят, доктор имеет собственные каналы поставок…

Напитки льются рекой. Вышколенные официанты бесшумными тенями перемещаются в пестрой богатой толпе, поднося, прислуживая, получая комплименты и шлепки. На столах с закусками не убывают самые редкие и исключительно натуральные продукты.

Пир во время чумы обладает невероятным очарованием…

Завершив разговор с оружейником из Бремена, Раймундо забрал с подноса еще один фужер с шампанским. Вывернувшись из говорливой массы хозяев жизни, незаметно отошел к огромному, от пола до потолка, бронированному стеклу, выглядывая наружу. В Анклав, еще не оправившийся после Катаклизма. На темные улицы, подсвеченные отдельными фрагментами.

Где-то там, внизу, – чернь. Которой не удалось ворваться на вершины небоскребов ни в короткую эпоху Сорок Два, ни после всемирной катастрофы.

Кого благодарить за это? Вездесущую СБА, раздираемую на куски, но сохранившую боеспособность и прикрывшую лоснящиеся зады верхолазов? Или собственные службы безопасности, верных наемников, за звонкую монету готовых стрелять по толпе? Провидение? Или суть мироздания, не позволившего себе треснуть и обрушиться, чтобы установившийся за десятилетия процветания порядок вещей пошел прахом?..

Невольно вспомнив о Риоко, Гамба вывел «балалайку» из спящего режима. И недовольно нахмурил густые седеющие брови, заметив сразу два вызова от верной Лавы.

Хамасаки отлично знала, что во время банкетов тревожить

господина можно лишь по самым важным, фактически неотложным вопросам. С другой стороны, если бы жизни или здоровью дона Раймундо угрожала опасность, «самурай в юбке» давно дала бы знать, найдя способ связаться с боссом. Или вообще проникла бы в зал приема самолично. К чему тогда вызовы?..

Распорядитель вечера объявил, что ужин накрыт, и торжественно пригласил всех переместиться в обеденную залу. Артисты сворачивали представления – усталые, взмокшие и голодные, они начинали примеряться к фуршетным столам, которые им позволят опустошить после того, как последний гость исчезнет за дверью.

Музыканты, собирая инструменты, готовились перейти в другое помещение, чтобы во время вечерней трапезы способствовать высочайшему пищеварению ненавязчивой мелодией.

Развернув программу обмена короткими сообщениями, Гамба с легким недовольством вызвал на связь своего личного телохранителя и главу СБ.

– Ничтожно прошу прощения, Гамба-сятёу, – тут же ответила Риоко, и Раймундо был уверен, что в момент набора текста женщина низко поклонилась. – У меня появились срочные известия, касающиеся инвестирования в северные провинции Китайской Республики.

Старый медведь нахмурился еще сильнее.

Столь срочный вызов Лавы мог означать две вещи. Или группа перехватчиков узнала что-то действительно важное, не терпящее отлагательств. Или потерпела полнейшую неудачу, о чем главе совета директоров «Gruppo Aggiornamento» стоит узнать незамедлительно.

Он сунул широкую ладонь в карман черного фрака, вынимая коммуникатор и позолоченный шнурок психопривода. Невесело посматривая на темные улицы Цюриха с высоты птичьего полета, подключил к «балалайке», приказав Риоко пересоединиться на защищенный канал.

– Говори, – мысленно распорядился он, поднимая комм на уровень глаз, чтобы попадать в его крохотный объектив.

Специальная программа интегрированного в затылок чипа перевела мозговые волны в голосовой конструкт, придавая беседе почти естественный вид. В стеклянной банке с пауками и ехиднами иной способ общения был бы попросту опасен, а к обмену текстовыми посланиями Гамба относился с презрением.

– Я не заслуживаю прощения, мой господин, – не разжимая губ, поклонилась Риоко, возникшая на глазном экране Раймундо.

Ее «балалайка» тоже поддерживала уникальную разработку безмолвного диалога. – Но только что пришли вести из Приморья.

– Мне придется выжимать из тебя по слову? – Гамба нахмурился в объектив, заставив Хамасаки еще раз смущенно поклониться.

– Нет, Гамба-сан! Прошу прощения. Группа перехвата, посланная для слежения за людьми господина Витторио, уничтожена. Наемники не вышли на связь ни в установленное время, ни на втором рубеже ожидания. Мы смогли арендовать геодезический спутник и полчаса назад установили их гибель. В долине буддистского храма, как мы и предполагали. Транспорт сожжен, все четверо убиты, оборудование, осмелюсь предположить, похищено.

– Проклятье! – рявкнул Раймундо, вздрогнув всем телом.

Мысль, послушно переведенная в речь, ударила Лаву, словно плеть, заставив склонить голову. Успокоившись и вернув контроль над эмоциями, верхолаз уже спокойнее добавил:

– Они успели провести передачу?

– Нет, мой господин, – с искренним сожалением в виртуальном голосе, лишенном привычного японского акцента, призналась Хамасаки. – Осмелюсь предположить, что их вычислили в момент ведения записи.

– Значит, информатор моего племянника все еще в монастыре?

– Если он вообще скрывается именно там, Гамба-сятёу. У нас до сих пор нет неопровержимых доказательств, что человек, известный под именем Джозеф Мартинес, находится на территории Поднебесной.

– Ты смогла вычислить, куда подевались псы Витторио, перебившие нашу группу?

В отражении огромного стекла Раймундо видел обнаженных и мокрых от пота артистов, нарочито неспешно паковавших инвентарь в сумки и кофры. Слуги «Бриллиантового Монблана» с беспокойством топтались у дверей, но отвлекать застывшего у окна богача не решался никто.

– В Боли они не возвращались, господин.

Грузный старик в черном костюме, оставшийся единственным верхолазом в огромном бальном зале, покусал губу. Обернувшись к нескольким десяткам мимов, фокусников и акробатов, только что развлекавших публику, он вдруг на короткое мгновение представил, что могут сделать они – отребье, временно приглашенное на небеса, – с ним, одиноким денежным мешком, мешающим толпе до колик набить животы объедками с барских столов.

– Сохранились ниточки, способные вывести на нас? – не шевельнув губами, осведомился он, переводя взгляд на ближайшую группу актеров.

Едва встретив тяжелый взор старика, каждый из них, трусливых шелудивых животных, отводил глаза. Гамба хищно улыбнулся, поднял опущенный комм и снова уставился в окно. Таких, как эти, покорно ждущие своего часа за его широкой спиной, предки Раймундо в битвах топтали конями, даже не обнажая мечей…

– Никак нет, Гамба-сятёу! – Риоко поклонилась в объектив собственного коммуникатора. – Группа была нанята через подставных лиц, переброшена в Приморье через сибирскую границу. Никаких опознавательных знаков, «балалайки» поддельные, «раллер» пуст. Даже если бы люди господина Витторио пытали одного из них, к нам не привела бы ни единая нить!

– Найти, – стараясь сдерживать злость, подумал глава «GA», и электроника послушно озвучила гневный приказ, вынуждая Хамасаки снова кланяться и прятать лицо. – С этого дня отслеживай любые перемещения доверенных лиц моего племянника. Даже если его старый школьный приятель летит из Бразилии в Штаты, я хочу об этом знать. Подключи лучших машинистов, проанализируй, куда ублюдки могли деться из Приморья и как туда попали.

Раймундо выключил связь, убирая коммуникатор в карман фрака.

Неторопливо прибиравшие со столов слуги и официанты косились на угрюмого старика, готовые исполнить любую прихоть по щелчку пальцев. Тот повертел крупной головой, внимательно осмотрев огромный зал, казавшийся ему совершенно пустым. Пустым, несмотря на три десятка работников шоу-бизнеса, нанятых увеселять гостей перед ужином…

Широким степенным шагом Гамба вошел в распахнутые лакеями двери.

Вежливо и негромко извинился перед хозяевами за опоздание, позволил распорядителю провести себя на положенное за длинным П-образным столом место. Пробежался взглядом по двум с половиной сотням верхолазов, их женам, любовницам, трансерам из служб сопровождения, политикам, высокопоставленным офицерам СБА, трейдерам и каперам. Улыбнулся, наконец-то почувствовав себя в своей тарелке.

Однако к еде почти не притронулся.

Разговоры с сидящим слева пищевым магнатом из Мехико и разместившейся слева певичкой Венской оперы свел к вежливым

кивкам и нейтральным ответным улыбкам. Аппетит пропал, а сообщенная Риоко новость на самом деле оказалась срочной и нехорошей.

Раймундо не сомневался, что на его племянника работают профессионалы. Но вызнать цель путешествия агентов «Горностая», опередить их на несколько дней, устроить засаду и в конце концов потерять собственную группу – это стало ощутимым ударом по прозрачному куполу контроля, под который верхолаз пытался загнать своего юного родича…

О белоснежные тарелки звенит сверкающее серебро столовых приборов. Насыщаясь отменными блюдами, элита Анклава и прилегающих городов Союза благосклонно обсуждает последние новости политики, спорта и культуры.

– Рекомендую поставить на «Разящий трезубец», милочка. За два года всего десять смен экипажа, подумать только! А сама колесница даже не бывала в ремонте, чертовски удачливая конструкция!

– Судья Аль-Беннани? Этот прохвост? Аллах свидетель, он справедлив, как голодная лиса в курятнике…

– Новые глазные имплантаты совершенно ей не идут… Господь милосердный, какая безвкусица, да она же стала похожа на куклу!

С теми же любезными улыбками элита общества поливает грязью тех, кто сидит на других концах стола и заведомо не слышит разговора – специфическая акустика банкетного зала блокирует даже усиленные наноэлектроникой органы слуха.

Гамба не слушает гул банкета.

Гамба погружен в себя.

Мог ли мальчишка догадаться о проявленном со стороны любящего дядюшки интересе? Это вряд ли… Агенты Риоко действовали аккуратно и издали, не приближаясь ни к Витторио, ни к его людям. Шли по пятам, старательно анализируя действия наемников, но не высовывались.

События в Приморье – единственный прокол. Но узнать, кого именно ищут «горностаи» в монастыре, и записать беседу иначе было невозможно, и именно это вынудило идти на риск. Сможет ли Витторио связать главу корпорации со слежкой за своими миньонами? Сомнительно… Врагов у юноши в фарфоровой полумаске хватает издавна. Так пусть же поломает голову, гадая, кто именно пытается прищемить ему хвост…

Ужин подходит к концу.

Сильнейшие люди Европы предпочитают не думать, что в своем голоде они как две капли оливкового масла похожи на собственных подданных. Над головами сверкают шикарнейшие

люстры, тратя драгоценную энергию, веерно отключаемую в жилых кварталах Анклава каждую ночь. Негромко играет оркестр…

– Уверен, что имам сожрет их кандидатов, как горсть чищеных орехов! Без поддержки кабинета министров они с таким же успехом могут сесть голым задом на скорпиона… Только не в этом году, мой дорогой, только не в этом году…

– Видишь это манто? Я хочу такое же… Нет, зайчик, не на Новый год, а завтра же!

– Нет, что вы, президент Моратти немедленно поставит их на место. Уверяю вас, друзья, они и пикнуть не успеют…

Гамба задумчив. Он почти не поел, едва прикоснулся к кофе и шербету. Гамба теребит край салфетки, исподлобья наблюдая за окружающими…

Что же узнал мальчишка, бросившись на поиски таинственного сокровища, будто персонаж из пиратского романа? Тайну вечной молодости? Секрет обращения свинца в золото? Чертеж волшебной стрелы, способной нанести удар самому страшному и могущественному человеку на планете?

Что-то, связанное с машинистами.

С их прошлым, таким мерзким и пугающим.

Что-то, к чему приложил руку сам Сорок Два, будь он проклят вовеки!

Отложив несчастную салфетку, дон взял на заметку ознакомиться с положением дел в современном нейкизме. Потеряв Пророка, потеряв океаны «синдина» и вседозволенность глобальной сети, тритоны и им подобные вырождались.

Но вырождаться можно по-разному.

Можно, безвозвратно вымирая. А можно – ловко видоизменяясь, мутируя, приспосабливаясь под текучие условия окружающего мира.

Чем сегодня дышат машинисты? Кому поклоняются, на кого уповают? Чьи книги считают откровением, а кого записали во враги? Эта сфера жизни никогда не касалась Раймундо. Но если Витторио так рьяно гоняется по планете за призраками Сорок Два, старик обязательно вникнет в курс дела…

Зал продолжает негромко гудеть, как разбуженный посреди зимы улей.

– И тогда я действительно ухватился за эту идею! Более того, официально объявил о научной экспедиции на следующее лето, ее финансирует сам султан! А почему бы и нет, друзья? География мира изменилась, на дно ушли целые побережья и острова… Уверен, что, опираясь на всю собранную историками и археологами информацию, я обязательно…

– Гиляров найдет нефть? Забыли, что произошло с Печорской республикой? Нет-нет, только опираясь на китайцев, иначе ему не поздоровится…

– А я считала, что это уже вышло из моды. Вот, смотрите… импланто-инкрустация изумрудами и агатами… Сначала немного непривычно, голову оттягивает и запрокидывает назад, но в сочетании с короткой стрижкой…

– Лживый ублюдок… Еще вчера утром он смотрел мне прямо в глаза, убеждая сливать и не идти на активные операции. А теперь взгляни на это! Сорок пунктов! Сорок долбаных пунктов, о которых он вчера утром знал!

Огромная комната на верхнем этаже «Бриллиантового Монблана» ворчит на одной ноте, как работающий трансформатор. Смеются женщины, скалят белоснежные зубы их спутники и кавалеры. Слуги, дрожа от напряжения, ловят каждый жест, готовые подкладывать, подливать, вытирать, уносить и отвечать на вопросы.

Пауки сыты, они готовы расползтись по норам дворца – кто-то уйдет слушать музыку, кто-то курить кальяны, кто-то отправится на огромный балкон наслаждаться истомой осеннего вечера. Змеи сыты и довольны, они не станут пожирать прислуживающих мышек…

Выяснив, что до сих пор не отдал «балалайке» распоряжение уйти в режим сна, старший Гамба развернул календарь, делая пометку на одном из ноябрьских чисел. Если к тому времени их отношения с племянником не дадут еще большую течь, в этот день он призовет Витторио к себе и даст официальное разрешение продолжать исследования «плаценты».

Более того, к этому времени он обеспечит молодого человека первым списком потенциальных заказчиков, часть которых нашел на этом скучном, хоть и ярком банкете…

Однако пока что он попытается остаться в тени и все же вызнать, чего именно жаждет кладоискатель, юркой ищейкой рыскающий по континентам и не жалеющий денег. И что-то – острое чутье старого хищника, что же еще? – подсказывало Раймундо: на этот раз речь идет не о религиозных безделушках, коллекционированием которых племянник бредит со времен учебы в семинарии Латеранского университета.

На этот раз речь идет о чем-то куда более важном.

О чем-то уникальном, крайне любопытном, таинственном.

О чем-то, чем не прочь завладеть сам Раймундо – Гамба.

Бинарный код 1111

Одной из страшнейших ошибок нейкизма стало безмерное увлечение «синдином». В мире существует немало религий, использующих алкоголь, наркотики или иные психотропные средства для выхода за рамки обыденной реальности, общения с предками или приумножения своих сил.

Но ни одно из писаний или устных шаманистских преданий не велит за считаные месяцы упороться священными травами до состояния физической зависимости, превращающей человека в безвольный овощ. Священные корешки, размолотые в порошок, остаются для священников инструментом, но не целью. Оставшиеся в забвении братья-нейкисты, а имя им – легион, ошибочно решили заменить «синдином» кровь, наплевав на передозировки и приближавшуюся смерть.

«Синдин» стал нашей ловушкой. Искушением Дьявола. Яблоком Эдема, вкусив которое, мы стали могучими и умелыми, но были навеки изгнаны из Сада. Были преданы забвению, порицаемы и презираемы. Не зря считается, что легкий путь – самый опасный. А мы самозабвенно шагнули на него, потому что узрели ложный свет.

Эммануэль Нейк очень близко подошла к определению настоящей сути вещей. Но она заблудилась. Тот же, кто именовался Пророком, и вовсе превратился в искусителя, незаметно оборвав нить Ариадны и еще глубже заведя своих

последователей в лабиринт, где живут чудовища…

Иногда, задумываясь над действиями человека, которого когда-то боготворил, я задаюсь вопросом – а не хотел ли Пророк намеренного уничтожения нейкизма и всех его последователей? Словно гамельнский крысолов, он вел нас в бездонное море, откуда нет возврата. Заманивал к черте, из-за которой спаслись совсем немногие.

Если же Сорок Два не был предателем, искренне желая для своей паствы нового цифрового Рая, то кто вооружил его отравой, тысячами выкашивающей машинистов по всему миру? Эту сущность – человека, корпорацию или верование – лично я отныне почитаю за Первого Врага, месть которому должна стать долгом не одного поколения наших последователей…

«Шепот цифровых идолов», глава 9

Своей магией на Земле обладает любая вещь. Любой предмет, любая мелочь.

Пузатый керамический горшочек терракотового цвета гладок и приятен на ощупь, он будит в душе что-то уютное, домашнее, даже если ни разу не использовался по назначению. Блестящие обводы пианино так и манят присесть за клавиши с видом матерого музыканта, даже если приглашенный совершенно не умеет играть. Свои истории, такие неповторимые и загадочные, рассказывают драгоценные украшения, в особенности старинные и видавшие виды, с легкими потертостями и сколами.

Все это магия изготовленных человеком вещей. Их генокод. Их тайный голос, неразличимый большинством потребителей и доступный немногим, решившимся раскрыть уши.

Но если дюжий ирландец Гордон Бакли считал, что истинная магия цивилизации заключена в деньгах, то его командир был совершенно уверен, что ее оболочками и пристанищами является оружие. Является и всегда являлось. Холодное, огнестрельное, дистанционное и ближнего боя.

Протирая промасленной тряпочкой детали свежеприобретенной «дрели», Хуго размышлял о силе оружия. Его сакральном предназначении отнимать людские жизни и сохранять их. О таланте добывать провизию и власть, делать слабого сильнее, возвышать государства и отстаивать границы.

Мысли Энквиста текли плавно, руки сами по себе выполняли привычную работу.

Оружие было всегда. Появилось раньше, чем домашние животные или богатая одежда. Мифы, эпосы, саги и иные религиозные писания немало рассказывают, как именно на свет появился человек и его род. Но, что занятно, уже на второй странице перворожденный вдруг пускает в ход меч, кинжал или копье. И ни у кого из читателей не возникает даже шальной мысли поинтересоваться, откуда же взялась хищная сталь. Потому что оружие было всегда. Оно было даром богов.

Существует ли на свете мужчина, способный прикоснуться к рукояти меча XV века и не испытать благоговейного трепета? Или равнодушно сжать в пальцах револьвер времен Первой Гражданской в США? Или встать перед танком, презрительно отказываясь поражаться его лютой подвижной мощи? Хуго знал, что такие мужчины существуют, но не хотел даже помышлять о них…

Три химические лампы мягкого света, стоящие по краям стола, бросали на разложенное оружие таинственные тени. Сегодня веерное отключение жилого района началось чуть раньше обычного, но и оно не помешало группе завершить приготовления.

Закончив протирку и сборку, швед зафиксировал затворную планку и защелки, без стука возвращая вороненую «дрель» на столешницу. Бакли и Назанин, разместившиеся напротив, с чисткой тоже закруглялись.

Осмотрев небогатый арсенал группы, Энквист удержался от вздоха. По сравнению с покупками ирландца рогом изобилия казались даже тесные трюмы «Нобунаги», вынужденного перед выходом в океан придирчиво оценивать каждый килограмм груза.

Впрочем, совершенные Гордоном приобретения стократ лучше, чем ничего. Если в пределах снимаемого жилья и даже района «горностаи» еще могли позволить себе использование личного оружия, оформленного в соответствии с законами и Положением, то для затеянного требовались стволы чистые, без чипов и идентификационных меток…

В том, что группа «под колпаком», Энквист не сомневался. С того момента, как несколько дней назад они вчетвером спустились с трапа «Орбитал Джета 2111», ступив на территорию

Анклава, за ними взялись следить. Не СБА, конечно же, хотя безы всегда старались приглядывать за «частниками». Но кто-то, кого пока не сумели вычислить ни сам Хуго, ни его хозяин…

Вспомнив про условного, но весьма опасного противника, уже противостоявшего «горностаям» в Монреале, Франкфурте и Поднебесной, швед помассировал виски. Взял со стола пачку сигарет, прикурил две, протянув Назанин. Та, не отвлекаясь от протирки «дыродела», благодарно кивнула, зажимая сигарету уголком рта.

Бакли недовольно сморщился, пробубнив негромко, но чтобы расслышали все:

– Помню, у нас в интернате Барнбриджа был парнишка, который курил с самого детства. – Хмурясь, но упорно не отодвигаясь от девушки, ирландец по одному забирал со стола рядком расставленные патроны, оснащая магазин «дрели». – Так вот, когда бедолаге исполнилось пятнадцать, у него начисто сгнили губы. Можете такое представить? Так и ходил, горемыка, до самой кончины, мертвецким оскалом людей пугал. Говорят, его даже за деньги на ярмарках показывали…

– Ба-акли, – не выпуская сигарету из зубов, с сомнением протянула Фарахани. – Ты же вроде говорил, что родом из Данганнона?

– Опять вы за свое! Никак не уйметесь… – Здоровяк покачал головой, словно поражаясь неразумности товарищей. – От одного зануды избавились, так ты, малыш, туда же!..

Энквист улыбнулся, откидываясь на спинку стула и еще раз изучая разложенное перед собой оружие. Пусть купленное на черном рынке у подозрительных людишек. Пусть не самого высокого качества, почти не пристрелянное и частично дефектное, но оружие. Волшебное. Дарующее силу и открывающее двери.

От «зануды» и впрямь «избавились», и шведу хотелось надеяться, что не очень надолго. Шигеру Кодо, раненный во время перестрелки в храмовой долине, остался выздоравливать в медицинском отсеке «Нобунаги», в Европу с остальными не полетев…

На тримаран отступили лихо. За несколько часов, потраченных на пересечение пустынных земель Приморья, добрались до береговой линии. И еще почти двести сорок минут ждали, когда на горизонте появятся знакомые очертания скоростного судна. Невроз, нужно отдать ему должное, все же вскрыл трофейные «раллер» и пульт спутникового перехвата, прямо в пути – куклой болтаясь в ремнях пассажирского кресла – сумев связаться с Ноябрем и его командой.

Там же избавились от транспорта, столкнув верных «Термитов» со скалистого уступа в жадную пасть Тихого океана. Багги и подпорченную кредитную историю агентства «Горностай» было жалко. Но за их аренду Хуго заплатил торгашам Боли так много, что расходы вполне могли покрыть покупку новых машин.

Поздним вечером того же дня, приблизившись к берегу по заданным координатам, капитан Ноябрь спустил на воду юркую десантную лодку, вскоре приняв группу на борт. Вопросов лишних не задавал, Бригелле оказал качественную медицинскую помощь – на «Нобунаге» служил хороший медик.

Затем последовало путешествие на юг, отнявшее у людей Энквиста еще три драгоценных дня. Встреча с патрулем военно-морских сил НОАК, тщательно изучившим судовые документы, но так и не нашедшим, к чему придраться. Анализ захваченного «раллера», так и не открывшего отрядному машинисту ничего интересного.

Все логи общения вражеского подразделения с координатором были грамотно затерты, обрубив последние ниточки к врагу «горностаев». Внутри обнаружились только постоянно меняющиеся адреса коммуникаторов, с которых велась связь, да запись разговора Энквиста и Колорадо, пугающая своей необычностью.

Ее, связавшись с большой землей через корабельные спутниковые системы, Хуго сразу же выслал заказчику, присовокупив собственный файл. Он не сомневался, что аналитики верхолаза изучат каждую морщинку на лице Джозефа Мартинеса, вычисляя, где новоиспеченный буддист говорил правду, а где лукавил или фантазировал, спасая себе жизнь.

Еще через день, добравшись до Ханоя, после известных событий превратившегося в морской порт, группа дирижаблем вылетела в Нью-Дели, а уже оттуда – во Франкфурт. Без Кодо, проходившего реабилитационную стадию лечения в медотсеке тримарана…

Хуго затушил сигарету в пустой консервной банке из-под натурального тунца. Его мысли снова рывком вернулись к недавнему сражению с операторами слежения и снайперами, их прикрывавшими.

В отличие от неприятностей в Монреале и Сумеречном Квартале Франкфурта новый противник был оснащен куда качественнее. Вместо пистолетов и простеньких «дрелей», завсегдатаев уличных разборок, – две армейские винтовки «Артиллерик Дефенс», четыре российских штурмовых РАН-4 «Евпатий Коловрат», пистолеты, гранаты и средства маскировки. Почерк нового игрока? Или наиболее сильный козырь,

брошенный на стол? На эти вопросы швед ответов не знал.

Равно как мог лишь теряться в догадках, откуда была заброшена в храмовую долину противостоявшая им группа. Воздухом с моря? Или через сибирско-китайскую границу, в неспокойных реалиях пост-Инцидента ставшую такой же фикцией, как граница любого иного государства? В Сибири, по слухам, подобных бандформирований сейчас вообще пруд пруди. Шастают по непризнанной Санкт-Петербургом республике, как душманы по Средней Азии…

Напарники закончили осмотр, ремонт и подготовку своего оружия.

Назанин снова закурила, попивая остывший зеленый чай. Бакли взялся изучать очередной трофей – один из первых европейских динаров, отпечатанный на заре становления Исламского Союза. Бережно поглаживая купюру, он был похож на ребенка, получившего неожиданный подарок. Как и когда здоровяк успел приобрести редкую бумажку номиналом в сто единиц, оставалось для блондина загадкой.

Глушители на пистолеты и «дрели» Энквист накрутил лично, старательно и неторопливо. Сам же покрыл оружие специальным лаком из пульверизатора, исключающим появление на рукоятках, магазинах и цевье не только отпечатков, но и частиц ДНК «горностаев». Проверил заряды батарей в приборах ночного виденья, замаскированных под обычные солнцезащитные очки.

Часы в углу его глазного экрана показывали 20.17 местного. Наступало время начинать очередную рискованную операцию, вдумчиво разработанную им после прибытия в Анклав…

– Пора, – коротко распорядился он, поднимаясь из-за стола.

Все трое застегнули на себе короткие легкие бронежилеты, причем Бакли – поверх неразлучной нательной брони, с которой, вероятно, не расставался даже в бане. Поверх жилетов последовали пистолетные кобуры, подсумки для боеприпасов, ожерелья световых гранат. Гордон, оттянув ремень бронежилета, сунул за спину полуметровый железный ломик. Готовые к бою «дрели» были уложены в кейсы с нанопокрытием, раскрывающиеся одним движением пальца. Там же покоились рации и набор миниатюрных видеокамер с круговым обзором…

– Пора, – повторил Хуго, постучав в дверь соседней комнаты, где во время подготовки арсенала морально настраивался на операцию Даниэль.

Тот, словно только сигнала и ждал, появился на пороге. Бледный, в неизменном джинсовом комбинезоне, раллер на груди и чемоданчик ретранслятора в руке. Невроз покусывал ногти, и командир ободряюще улыбнулся машинисту – не мандражируй,

не впервой.

Спрятав вооружение под короткими темно-серыми плащами, «горностаи» еще раз осмотрели друг друга, подмечая любые мелочи, способные демаскировать или помешать в сражении. Выключили настольные лампы. И покинули съемную квартиру, неспешным шагом спускаясь на полупустынную подземную парковку.

Невроз уехал первым. В мышиного цвета пикапе с липовыми идентификационными чипами, превратившими машину поляка в штатную единицу службы ассенизации. Даже заинтересовавшись одиноким мобилем, припаркованным на крыше многоэтажной стоянки на краю «Кляйнес Центрума», жалкую дерьмовозку безы проверять наверняка побрезгуют.

Остальные погрузились в черный приземистый «Лифан», официально арендованный агентством «Горностай» еще в аэропорту Франкфурта. Выждав положенные пять минут, выбрались на улицы Анклава, устремившись на юго-восток. Посты безов объезжали по заранее проработанному маршруту. Скорость не превышали, четко соблюдали разметку и указания дорожных знаков.

Промышленный инкубатор «Джадва-4», до мелочей изученный Энквистом еще позавчера, вынырнул из-под бетонной монорельсовой развязки, нависнув куском тлеющего снизу угля. Свет горел только на трех первых этажах, и то частично – допоздна работать почти без использования ламп позволяло время года. Остальные шестнадцать уровней инкубатора были погружены во тьму.

Неспешно вкатив в переулок напротив центрального входа, Назанин заглушила электродвигатель, бросая чип-ключ под рычаг передач. Стянула хиджаб и первой вынула из кармана экранирующий футляр, размерами похожий на спичечный коробок. Ее густые черные волосы, так же, как во время операции в Китае, были заплетены мелкими косичками и плотно уложены специальным лаком, не мешая и не позволяя ухватить девушку в случае рукопашного боя.

Уже выключая фары, Наза заметила, что в тупике разместилось очередное место почитания высших сил, возведенное одной из уличных группировок. Стена напротив капота была густо изукрашена вязью и символами, отдаленно напоминавшими каббалистические. Общий узор обрамляла длинная кольцевая надпись, сделанная с множеством грамматических ошибок: «Сахраняя свой дом ни пазволим Мерtваму убить планету! Зпаси Гейю, убей пирисиленсца!»…

В наступившей темноте все трое отстегнули легальные

«балалайки» с личностями сотрудников частного оборонного агентства, вместо них вставляя в затылки взломанные и перепрошитые чипы. Еще раз сверившись с часами – до закрытия инкубатора оставалось двадцать минут, – выбрались из машины и переулка.

Направились к стеклянным дверям, фрагменты которых были заколочены фанерой. Шли кучно и нарочито не по прямой, приближаясь к зданию хитрым зигзагом, держась в «слепых зонах» камер внешнего наблюдения и обходя сканеры СБА. Внутри спешить не стали, немного покрутились в просторном светлом холле, спрятавшись за колоннами и якобы осматривая информационные табло.

Наконец, к выходу устремился шумный поток усталых птенцов инкубатора, волнами огибающих рамки наноскопов. Еще во время первого визита, столь же скрытного, Фарахани выяснила, что ни металлодетекторы, ни сканеры на входе не работают. Выделяемой производственному комплексу энергии и без того едва хватало, чтобы поддерживать жизнь в системе канализации и водоснабжения, а также давать свет на этажи, заполненные сотнями швей.

До Инцидента в здании располагалось много предприятий. Небольшие частные конторы, набирающие вес; фирмы-однодневки, аффилированные с корпорациями, но выведенные из их рядов для получения инкубаторских льгот; офисы компаний, делающих первые шаги в бизнесе. Сейчас в «Джадве-4» не осталось почти никого. Только швейная мастерская, обменявшая мощь станков на дешевую рабочую силу, да прессовальный цех переработки сухого мусора…

Единственный охранник за длинным изогнутым столом, где когда-то умещался многоголосый батальон секретарей и стражей порядка, провожал уходящих рабочих ленивым взглядом. Изредка помахивал на прощание кому-то из знакомых, зевал и немного завидовал. В районе, где СБА еще сохранила остатки силы, он вообще не понимал, зачем занимает свой пост. Но за сохранность свежепошитых трусов и курток пожилому сторожу платили, пусть и немного, и тот был готов скучать, проводя ночи за чтением.

Хуго уточнил текущее время.

Совсем скоро электричество выключат и на нижних этажах, оставив освещенными только холл, и тогда «Джадву» окутает настоящая темень. А две минуты назад, если машинист продолжал в точности следовать плану, Даниэль должен был широко размахнуться, забрасывая воображаемую сеть в глубины местного электронного моря…

Приманка была весьма бесхитростной и не рассчитанной на

вдумчивый анализ. Просто слух, не более. Сплетня, запущенная в сеть Анклава по цепочке виртуальных личностей, детальная проверка каждой из которых сразу раскроет надувательство.

Но слухи и сплетни на протяжении веков по праву считаются главными врагами здравого смысла. Заставляют верить, искренне поражаться и передавать информацию все дальше и дальше, словно вирусную инфекцию.

Сетевые сплетни, о чем прекрасно знали и Энквист, и Невроз, значительно сильнее. Они единовременно втягивают в обсуждение не двух-трех кухонных болтунов, а сотни и даже тысячи «экспертов», считающих своим долгом прокомментировать, оценить, указать на несоответствия и привести ряд сравнений. С момента появления на планете первого IRC-протокола люди всерьез полагали, что их мнение важно другим, бесконечно уникально, абсолютно незаменимо и представляет немыслимую ценность.

Привлекая внимание должного числа таких «экспертов», цифровой слух быстро набирает новый вес, переходит в иную категорию. Пусть на предельно короткий промежуток времени угодив в центр сетевого внимания, даже самая отъявленная выдумка способна стать вещью в себе, ловко подменяя понятия и лишая повода к подозрительности, поиску истоков и первопричин…

И вот пару дней назад кто-то из завсегдатаев центровых дискуссионных площадок прослышал, что некая таинственная группа ищет во Франкфурте уцелевшие лаборатории Сорок Два. Мнение тут же погребли под толщью критики, насмешек и параноидального бреда.

Но еще через несколько часов совсем другой виртуал Жицкого подтвердил, что в прошлом месяце в Анклаве Монреаль нашлись сразу две заброшенные лабы, причем при обыске одной пролилась кровь. Ремарка, в свою очередь, всколыхнула новое кратковременное цунами конспирологических теорий, обвинений верхушки СБА в укрывательстве всей правды о противостоянии цифровому террору Пророка и издевательств над источником информации…

Этого в принципе было бы достаточно, но Хуго решил действовать наверняка. Потому сконструированные Даниэлем виртуалы забросили в сетевые массы еще несколько «маяков», так или иначе связанных с новостями про секретные электролабы. Маяками стали: «Кромлех», Колорадо и живопись.

Если из глубин ледяных, неприветливо-свинцовых и неспокойных вод анклавной сети за «горностаями» до сих пор наблюдал кто-то незримый, умеющий свиваться в кольца и

уходить ко дну, он обязательно заметит наживку…

Заглотит ли? Это людям Энквиста предстояло узнать совсем скоро, когда по местным серверам расползется финальный слух: бесконечно ценное мнение занюханного безымянного таксиста, опубликованное для всеобщего обозрения. Мнение недоверчивого циника, скептика и сквернослова, только что доставившего очень странных пассажиров к полупустому бизнес-центру «Джадва-4», закрывающемуся на ночь.

В этом сообщении не будет почти ничего любопытного и достойного критики – сеть ежедневно терпит и хоронит миллионы подобных «новостей», суждений, точек зрения, «приватных» дневниковых записей и умных комментариев. Но в последующем сетевом диалоге с коллегами извозчик обязательно упомянет клады Сорок Два, о которых только и болтали пассажиры во время поездки…

Выходившие на улицу работники инкубатора позволили остаться незамеченными.

Без лишней суеты обогнув пост «охранника» за колоннами холла, Назанин, Гордон и Хуго прошагали к одной из аварийных лестниц. Не той, что после отключения лифтов использовалась ежедневно, а запасной, почти заброшенной.

– А если никто не придет? – шепотом поинтересовалась Наза, опускаясь на корточки и отмычкой вскрывая механический замок.

– Придет, – убежденно ответил швед, вспоминая слежку, спешно устроенную за ними во время прошлого посещения Анклава. – Иначе просто осмотрим лабу и уйдем по резервному плану. Вперед.

Едва приоткрыв скрипучую дверь, группа ручейком проскользнула в темноту лестничной клетки. Прежде чем отпустить створку, замыкавший троицу Гордон протянул ручищу, прилепив над дверной коробкой первую микрокамеру на липкой основе.

Затем замок глухо щелкнул, и «горностаи» остались во тьме, где только усиленное электроникой зрение Энквиста позволяло видеть остальных не хуже, чем днем.

Девушка и ирландец тоже надели очки, расцветив для себя окружающий мир богатой палитрой зеленых оттенков. Обретя зрение, все трое открыли кейсы. Застегнули на шеях прозрачные ободки ларингофонов, вставили наушники. Хуго тут же вышел на условную частоту.

– Мы на месте, Невроз, как слышно?

– Приемлемо, шеф, – тут же расслышал блондин в правом ухе сквозь легкий шелест статики. – Обзор нормальный, сигнал с камеры стабилен… Снаружи чисто, люди покидают здание.

Командир удовлетворенно кивнул, поднимая вверх оттопыренный большой палец. Все шло по разработанному сценарию – машинист, припарковавший пикап в сотне метров восточнее «Джадвы-4», снова стал их глазами, получая сигнал с передатчика в видеокамере над аварийным выходом.

За наблюдение над периметром бизнес-инкубатора тоже отвечал Жицкий. Еще вчера ранним утром, нацепив на комбинезон нашивки сотрудника коммунальных служб Анклава, он лично взобрался на две вышки районных ретрансляторов и коммуникационных узлов, подключив к контуру системы уличного наблюдения приборы собственной сборки.

Информацию чип-шпион не воровал, в сеть не вмешивался, а лишь дублировал данные на еще один, так сказать бонусный, «раллер». А это означало, что сетевики СБА не получат ни единого повода бить тревогу.

– Что там с новостью? – спросил Хуго.

– Началось обсуждение, но до виртуального мордобоя далеко. В основном критикуют, высмеивают существование кладов, предлагают предать имя Сорок Два забвению… Кстати, одна клуша из «Кляйнес Центрума» нам невольно помогла. Утверждает, что до Инцидента вокруг инкубатора ошивалось нереально много безов. Она, дескать, это запомнила и легко поверит в существование тайных мастерских…

– Отлично! Через пару минут крутанешь беседу на новый виток, чтобы не затухала. Поднимаемся…

Не торопясь обнажать оружие, они осторожно зашагали по лестнице. Уже четыре года ею почти не пользовались, отчего на ступенях скопились мохнатые пыльные валики, взрывающиеся при малейшем прикосновении.

На втором и третьем этажах группа сделала короткие остановки, прислушиваясь к происходящему за дверьми черного хода и проверяя надежность запертых замков. А между третьим и четвертым, что было разведано заранее, уперлась в тупик.

Несколько листов железа, спаянные между собой внахлест, наглухо перегораживали лестницу, как бы намекая, что выше прохода нет. Возможно, навсегда.

Проход блокировали в спешке, а оттого нарочито брутально, чтобы не выбить и тараном – для усиления грубую конструкцию даже приварили к штырям стенной арматуры. В центре импровизированной ширмы виднелась дверь, запертая на массивный висячий замок. Тот, впрочем, был зачем-то залит сварочной пеной, сплавившись в овальный кусок металла. Но «горностаи» и не собирались его вскрывать.

Назанин вернулась на полпролета вниз, заняв позицию сбоку

от аварийного выхода. Энквист еще раз связался с машинистом, проверяя качество связи. Ирландец вынул из-за пояса короткий лом.

Потратил несколько секунд на осмотр створки, обнаружил подходящую щель. Вставив ломик, Бакли несколько раз шумно вздохнул, а затем потянул рычаг, подключая свою немалую массу и мощь ручных протезов.

Металл оглушительно заскрипел. Еще раз, рождая эхо и заставляя невольно морщиться. Не мешкая, Гордон перенес усилия на новую щель, образовавшуюся только что. Снова рванул, отгибая дверную створку чуть сильнее. Снова. И новый рывок. И еще один…

Даже если на швейной фабрике услышали странные звуки с неиспользуемой лестницы, проверять не отправился никто. Поэтому, когда эхо перестало гулять по пролетам, «горностаи» один за другим нырнули в раскуроченный здоровяком лаз, куда без труда протиснулся и он сам.

Выше четвертого этажа лестница оказалась загажена еще сильнее.

Виднелся мусор, брошенные еще во время Инцидента вещи офисных сотрудников, куски осыпавшейся со стен штукатурки и обломки потолочных панелей. Этажи с седьмого по одиннадцатый, как оказалось, вообще выгорели в пожаре, отчего на лестнице до сих пор разило гарью и плавленой пластмассой.

На шестнадцатом Хуго приказал остановиться.

– Невроз, как связь?

– Отлично, шеф. Чем выше вы поднимаетесь, тем меньше помех.

– Обстановка?

– Холл опустел, в здании начинается отключение электричества. Снаружи пока тихо.

Не спеша соваться на первый из этажей, когда-то занимаемых тритонами Сорок Два, Энквист предупреждающе поднял руку.

– Их там нет, – негромко сказал он напарникам. – Давно. Прошла уйма времени, и я готов ставить деньги, что их там нет. Существует минимальная вероятность, что после заморозки проекта его последователи смирились. Бросили все к чертям, закрыли дверь на засовчик и ушли, наплевав на разработки. А еще есть вероятность, что перед уходом они заминировали лабу, как это сделали их монреальские коллеги. Так что смотрим в оба и не удивляемся гранатной растяжке или химической мине…

Назанин и Бакли, не совсем уместно смотревшиеся во тьме лестничной площадки в черных очках на лицах, коротко кивнули. О том, как проводить осмотр уровней «Джадвы-4» и на каком

именно из них приступать к финальной части плана, сговорились заранее, а потому вопросов не задал никто.

Вышли с лестницы на этаж, забросив пустые кейсы за спины и выставив перед собой «дрели». Шанс обнаружения на верхних уровнях инкубатора бездомной анклавной швали был ничтожен, но рисковать впустую Хуго не любил.

Однажды, еще на заре карьеры, он чуть не погорел на подобной небрежности.

Выбрал стрелковую позицию на нефункционирующей мачте для швартовки дирижабля. Не одну минуту поднимался, обливаясь потом и даже не предполагая кого-то встретить. И внезапно обнаружил на навигационной площадке местного копа и его подружку.

Романтик, видите ли, захотел предаться страсти на фоне ночного Майями, за что поплатился жизнью. Перед этим, нужно отдать ему должное, все же успев дотянуться до табельного оружия, и чуть не отняв эту жизнь у юного наемника…

Рассредоточившись, «горностаи» медленно двинулись через пустой ярус, внимательно осматриваясь и не обделяя вниманием ни одну мелочь. Однако семнадцатый этаж – самый нижний из когда-то занимаемых «Кромлехом», – оказался совершенно пуст. Уже после Инцидента кто-то демонтировал все, включая даже внутренние перегородки, превратив уровень в гигантский пустырь с рядами бетонных колонн.

Прилепив еще одну камеру, нацеленную на мертвые лифты и лестницы неподалеку, группа продолжила подъем.

Восемнадцатый этаж был поделен на комнаты, коридоры и холлы, наиболее подходящие для задуманного Энквистом. Но никаких следов «Кромлеха» также не выдал, пустынный и запыленный. Ловушек или каких-либо свидетельств того, что когда-то они здесь были установлены, тоже обнаружить не удалось.

Дважды прочесав уровень от стены к стене, «горностаи» не нашли ни остатков оборудования, ни брошенной мебели. Зато успели кратко обсудить позиции и скорректировать план возможного боя, установив еще несколько камер…

– Картинка четкая, сигнал подтверждаю, – тут же сообщил Невроз. – Снаружи спокойно, подступы чисты.

– Принято. Продолжаем осмотр.

Девятнадцатый – самый верхний этаж «Джадвы-4» – тоже был размежеван на отсеки и кабинеты, однако следы пребывания человека все еще хранил. В первую очередь о нем напоминало неприличное количество мусора – рекламные проспекты с разряженными батареями и от этого посеревшими, банки из-под

энергетических напитков, пустые бутылки крепкого алкоголя и медицинские ампулки, хрустящие под ногами.

Попадались помещения, в которых определенно работали граверы – об этом красноречиво сообщали не до конца демонтированные системы потолочной вентиляции и короба герметичных шлюзов, через которые инженеры попадали на рабочие места. Нашлась комната отдыха с мишенью для дротиков на стене и двумя продавленными диванами. Обеденная зона с поломанным кухонным комбайном. Зал для брифингов с десятком раскладных стульев и рисовальной доской, лежащей на полу под слоем потолочных обломков.

И центральный зал, где в свое время определенно происходило что-то интересное.

Из несущих стен, концентрируясь в обнаруженном холле, сходились десятки силовых кабелей, сейчас безжизненных и погребенных под пылью. Не меньше таковых дохлыми змеями свисало с фальшпотолка в середине просторной комнаты, где когда-то находилось нечто очень важное и энергоемкое.

Хуго догадывался, что именно…

– Наза, Бакли, спускайтесь и занимайте позиции, – распорядился швед, опуская «дрель» на грудь и удрученно осматриваясь. – Я еще покручусь тут…

Слушая, как напарники удаляются в сторону лестницы, он помассировал виски. Внимательно осмотрел помещение. Прошел в центр, присел на корточки под мертвыми силовыми кабелями.

Оставшиеся на этаже предметы были просто *обязаны* что-то рассказать. Намекнуть, дать ему новую зацепку, вывести на след. Не оставляет отпечатков лишь тот, кто выжигает за собой напалстером. И даже тогда он может ошибиться, оставить намек, слабый путеводный свет, по которому умный человек всегда продолжит путе-шествие.

Хуго Энквист считал себя умным человеком…

Прошелся по периметру зала, где тритоны когда-то собирали свою чудо-машину. Разгреб стулья, набросанные грудой; проверил колонны на наличие крепежей или стальных растяжек, пытаясь хоть примерно определить габариты разработки «Кромлеха».

Заинтересовался свалкой в одном из углов.

Подошел, не переставая внимательно прислушиваться к отчетам Жицкого и переговорам Назанин и Гордона. Заснял на «балалайку» деревянные рамы у стены, причем выполненные из натурального материала, почти квадратные, примерно по полтора метра высотой. Там же громоздилась гора чего-то рассохшегося и бесформенного, в юности бывшего картоном, но сейчас

безнадежно догнивающего.

Побарабанив по приятной на ощупь, хоть и жутко пыльной поверхности деревянного каркаса, Хуго задумчиво прикусил губу. Присел, поднимая из кучи мусора и пыли треугольный обрывок материи. Грубой ткани, расползавшейся на отдельные фрагменты.

Плетение оказалось незамысловатым, с последовательным чередованием основных и поперечных нитей. Хуго отряхнул тряпицу от пыли, понюхал. Неужто натуральный лен? Спрятал в карман, оставив детальный анализ Даниэлю…

Вернулся в центр комнаты, подошвой сгребая скопившуюся за годы пыль и пытаясь рассмотреть скрытый под ней линолеум. Похмыкал, покачал головой. Вышел в коридор и двинулся по окрестным комнатам, на этот раз более целеустремленно, будто доподлинно знал, что ищет.

В помещении для отдыха с мишенью на стене и покосившимся картежным столом нашел искомое. Вытянул из-под дивана коробку со старыми журналами. Бегло просмотрел обложки: наука, порнография, современное искусство, большая часть – «желтое» развлекательное чтиво.

Как бы ни ярились злопыхатели еще полсотни лет назад, печатные СМИ никак не желали уходить в забвение, оставаясь на плаву в море электронных изданий, полном акул-конкурентов. Впрочем, так было лишь до Инцидента – сегодня их положение резко поменялось, и исправный печатный станок подчас ценился дороже навороченного «раллера»…

Швед брезгливо отряхнул верхний журнал от пыли и сухих насекомых. Пролистал, отбросил. Второй тоже отправился под стол, шумно шелестя задубевшими пластиковыми страницами. Сидя на корточках посреди пустого, давно заброшенного этажа промышленного инкубатора, Энквист пролистывал один рассохшийся альбом за другим, подбираясь все ближе и ближе к догадке…

– Внимание, – произнес Невроз на общей волне. – У входа гости. Две машины. Десять человек…

Хуго оттолкнул коробку, поднимаясь на ноги и сдвигая «дрель» на грудь. Он бы дорого дал, чтобы собственными глазами оценить «гостей». Но пользоваться сетью было небезопасно, и он обратился в слух.

– Районная паутинка дает помехи, – озвучил ожидаемое Даниэль. – Камер наши полуночники не боятся, лиц не прячут…

Блондин хмыкнул. Его предположение о том, что противник постарается сохранить ночной визит в «Джадву-4» в тайне от СБА, подтверждалось. Равно как и уровень запанибратского общения врага с сетью Анклава, пусть нестабильной, но еще крепкой.

– По виду обычные головорезы. Крепкие, суки… Минимум одна женщина. Короткие куртки, – продолжал докладывать машинист. – Тяжелого оружия не видно… Заходят в здание. Вижу их на первой внутренней камере…

Энквист широким шагом направился к лестнице, по которой «горностаи» попали на девятнадцатый этаж. Ирландец наверняка уже занял подготовленную позицию. Фарахани, если следовать плану, должна была спускаться по главной лестнице.

– О чем-то говорят с охранником… ага, отбирают «балалайку», вырывают телефонный провод. – Невроз казался спокойным и сосредоточенным, но командир отчетливо слышал клацанье, с которым тот обгрызал многострадальные ногти. – Сторож указывает на лестницы у лифтов… Ага, привязывают его скотчем к стулу. Идут к лифтам. Поднимаются…

Хуго быстро миновал два лестничных пролета, теперь пробираясь через клети восемнадцатого этажа на собственную стрелковую точку.

– Бакли, я на позиции, – отрапортовал он, скидывая плащ и снимая «дрель» с предохранителя.

– Вижу Назанин, она развешивает камеры, – сообщил Жицкий через минуту. – На пару этажей выше клиентов. Ага, все по плану, поднимаются. Пятеро с фонарями, остальные ориентируются через имплантированные усилители зрения…

Двое «горностаев» притаились на вымершем уровне промышленного инкубатора, напряженно вслушиваясь в окружавшую их тишину. Мужчины не видели друг друга, но с точностью до метра знали расположение. Однако неподвижность создавала иллюзию полнейшего опустошения, сковывая сознание первобытными страхами одиночества и темноты.

– Есть контакт, – выпалил Невроз, и швед в красках представил себе машиниста – подпрыгивающего на сиденье пикапа и не вынимающего пальцев изо рта. – Засекли нашу девочку… Ага, она бежит… Стреляют.

Выстрелы, приглушенные расстоянием и бетонными перекрытиями, теперь доносились и до шведа. Бахало редко, басисто – вероятнее всего, стреляли из «дыродела».

– Отступаю, вхожу на этаж, – спокойно отчиталась Фарахани, чтобы не попасть под дружественный огонь. – Внимание, парни, сейчас они будут здесь…

– Так, приготовились! – Даниэль надрывно повысил голос. – Двое остались на семнадцатом, остальные почти у вас.

Рассматривая лестничную клетку и входы через камеры на липучках, поляк стал добрым божеством, способным видеть общую картину и координировать действия товарищей. При этом

Хуго был уверен, что вражеский ломщик сейчас усердно ищет следы активности своего цифрового vis-a-vis, да все никак не может взять в толк, чего это нарушители вторглись в собственность тритонов, не имея толкового электронного прикрытия…

– Они на этаже…

Теперь внимание Невроза переключилось на миниатюрные средства слежения, развешанные среди отсечек, разделявших пространство на кабинеты и коридоры.

– Четверо цепью по центральному проходу… Двое свернули вдоль северной стены. Еще одна пара уходит к восточной. Я, конечно, не спец, но представление о штурмах зданий у них отнюдь не на космическом уровне…

На это Хуго тоже рассчитывал.

У человека, мешавшего группе в ее поисках, определенно не хватило бы времени собрать во Франкфурте отряд, способный противостоять «горностаям» на их уровне профессионализма. Значит, брать бойцов Энквиста будут не качеством, но массой. Потому расслабляться, а тем более терять голову от близкой победы, швед не собирался ни в коем случае…

Где-то в северной оконечности этажа над кабинетными перегородками замельтешили лучи фонарей. Голосов слышно не было, это означало, что противник ведет переговоры через «балалайки».

А затем Бакли развязал огневой контакт, коротко бросив в эфир:

– Вступаю в бой.

Почти бесшумно, лишь полязгивая затвором, его «дрель» выплюнула в наступавшую по коридорам «северную» парочку полный магазин. В ответ рявкнул «дыродел», взвыла очередь, раскрошив подвесную потолочную плиту, и среди врагов началась суматоха.

– Один лег, – отчитался ирландец, отступая вглубь этажа.

– Не спеши косить, – прошептал в ответ командир. – Втягивай, нам паника не нужна.

Четверка наступавших в лоб бросилась в атаку, лихорадочно подсвечивая темные углы мощными фонарями. Двое у восточной стены, наоборот, заняли оборонительную позицию, не спеша выдавать себя пальбой.

Хуго с силой врезал по приоткрытой двери, ведущей в клеть, пинком вышибая ее в главный коридор. Когда на несчастном предмете интерьера сошлись сразу три луча, а пули без промедления взгрызли тонкое полотно, метнулся в сторону.

Кто-то вскрикнул, кто-то отпрыгнул за перегородку.

Сбросив чеку светошумовой гранаты, Энквист отдал «балалайке» приказ выставить максимально защищенные светофильтры.

– Fire in the hole! – бросил он в эфир знаменитый англоязычный фразеологизм, так и не нашедший аналогов ни в араспанто, ни в других языках современ-ности.

И вдоль пола метнул цилиндр в скопление стрелков, клочком невесомого тумана проскальзывая мимо них в новое укрытие. В него все же успели выстрелить – вероятно, у одного из четверки в «балалайке» стоял стрелковый комплекс, реагирующий на движение объектов. Но шальная очередь «дрели» лишь раскрошила пенокартонную стенку, со стоном обрушив ее обломок внутрь клети.

А затем на восемнадцатом этаже «Джадвы-4» стало очень светло. На долю секунды яркая вспышка всосала тьму, предельно четко высветив четверых мужчин, съежившихся в коридоре и беспомощно выставивших оружие. Один выстрелил из пистолета, сорвав с потолка плафон и окатив остальных осколками стекла.

– Cholerna suka! – выругался Жицкий, большинство мониторов которого в этот момент тоже ослепило жгучим перламутром.

Энквист, разблокировав светофильтры, на секунду показался из своего укрытия, длинной бесшумной очередью срезая сразу двоих противников. Пули ударили в поддетые под куртки бронежилеты, разрывая кевлар и плоть. Нашли уязвимые точки, напились крови. Убитые рухнули на грязный пол, роняя пистолет-пулеметы, а Хуго уже несся на новую точку, заманивая неприятеля все глубже и глубже.

– Они вызвали двоих, что ждали на лестнице, – уже более сдержанно отчитался Невроз. – Входят…

Назанин, отстреливаясь короткими очередями, тоже начала сдвигаться на заготовленный охотничий «номер», вынуждая противников ввязаться в преследование. Гранаты девушка использовать не стала, бесшумно обогнув парочку со спины через заранее примеченные проходы. Отстрелялась по спинам, для верности добавив по контрольному. И снова растворилась в глубинах этажа…

Среди группы, прибывшей выкуривать «горностаев», начиналась паника, которой Энквист так желал избежать раньше срока. Швед не знал, лишь догадывался о сути контракта, который неизвестный заключил с десятью dd, девятерым из которых сегодня вечером предстояло умереть. Возможно, безымянные бойцы даже были предупреждены о высоком уровне встречного сопротивления. Но никак не ожидали, что посреди

заброшенных офисов их будут тихо уничтожать из ниоткуда, для надежности промариновав световыми гранатами…

Двое оставшихся в центральном коридоре принялись отходить, посменно разряжая в темноту окружавших кабинетов имевшиеся стволы. У них наверняка был детальный план инкубатора, в «балалайках» функционировала качественная связь, а кто-то из машинистов совершенно точно прикрывал штурм из сети, так и не встретив виртуального оппонента.

Но дерзость уступавшего численностью врага, его пугающе-свободное ориентирование в пространстве и невесть как осуществляемая координация свели на нет всю волю к победе и легкому заработку…

Хуго устремился наперерез, на бегу перезаряжая магазин «дрели».

Пули, выпущенные в него наугад сквозь тонкие пенокартонные стеночки, несколько раз гудели совсем рядом, чуть не задев. Но такого рода рулетка лишь подстегивала «горностая», покрывая ладони колючей сеткой.

– У северной стены чисто, займусь подкреплением, – пробасил наушник голосом Гордона, после чего тот выкрикнул предупреждение и швырнул гранату.

Фарахани и Энквист уставились в пол, привычно зажмуриваясь, но взрыв прозвучал довольно далеко, рассеяв световую волну вдоль потолка.

– Беру одного! – выдохнул Бакли уже через секунду, кидаясь в контратаку.

По его предыдущему отчету командир знал, что «дрель» Гордона дала-таки сбой, перекосив патрон в стволе, поэтому тот пустил в ход резервный пистолет.

Ирландец телом проломил перегородку, отделявшую лифтовую зону от прямоугольного холла, где когда-то восседали охранники этажа. Чертовски быстро подстелившись под скрещенные лучи фонарей, выстрелил трижды, скашивая одну из двух мишеней.

После чего снова нырнул в стену – «рыбкой», руками вперед, будто входил не в стекловидный и довольно упругий материал для внутренних стен, а в обычную воду. С грохотом и крушением обломков великан ускользнул с линии огня, заставив уцелевшего отстрелять вслед ему весь магазин.

И сразу же, не позволяя опомниться или перезарядить, рванулся обратно, в очередной раз с легкостью проламывая переборку немалым весом, словно инопланетное чудовище из стереофильмов про разрушение мегаполисов.

Одним ударом вышиб из руки противника пустую «дрель».

Пнул в живот, будто выстрелом из пушки отбрасывая того на жестяные двери лифтов.

Сухопарый темноволосый мужчина, противостоявший Гордону, отлетел на несколько метров. Ударился о раздвижные створки всем телом, оставляя основательную вмятину, и тяжело завалился лицом вперед.

Самонадеянно хмыкнув, Бакли бросил пистолет в кобуру. И метнулся к чернявому, намереваясь завершить начатое…

Но жилистый наемник, избранный людьми Энквиста в VIP-клиенты, оказался не так прост. Еще в полете его «балалайка» отдала приказ персональной аптечке под бронежилетом впрыснуть в кровь необходимые стимулирующие препараты. Тут же активировался боевой электронный комплекс, подсказывая, как мягче и проще упасть, а затем быстрее вскочить. Из механической выдвижной кобуры под рукавом куртки в ладонь выбросило пистолет…

Когда Гордон оказался вплотную, только что оседавший без сил враг уверенно стоял на ногах, а в переносицу ирландца наводился компактный двухзарядный «дыродел».

– Pla€ ar do theach, – невесело выдохнул нумизмат, заставив командира на другом конце этажа побледнеть.

Единственное, что успел сделать «горностай», это вскинуть левую руку, предплечьем закрываясь от выстрела…

Когда пистолет грохнул, выплевывая пулю практически в упор, время растянулось до невыносимости. Темнокожий наемник, уверенный в своем реванше, раздвигал пухлые губы в улыбке. Бакли морщился и пригибался, стараясь максимально уйти с траектории полета смертоносного свинца. А тот, без усилий вгрызаясь в плоть поднятой руки, вдруг лязгнул, вонзаясь во что-то твердое и определенно неорганическое, с воем скользнул в сторону и утонул в стене.

Из-под порванного рукава заискрило.

На «балалайку» Гордона тут же поступил детальный отчет о повреждении протеза.

Так и не родившаяся улыбка черноволосого померкла. Глаза распахнулись, он сдвинул ствол чуть левее, снова целя в лицо «горностая». Но тот, не позволив выстрелить повторно, припал на колено. И с правой так врезал стрелку в пах, что следующей мыслью разъяренного ирландца стало – убил, Святая Мария и все угодники, убил, а ведь Хуго просил аккуратнее…

Наемник даже не вскрикнул – тонко заскулил. Выронил пистолет, оседая кулем, и никакие обезболивающие на свете не могли ему помочь. Он скукожился у ног здоровяка, даже не помышляя потянуться под мышку, где виднелась рукоять ножа.

Бакли насел на него сверху, заламывая кисть и проводя крайне болезненный прием. Рванул руку вверх и в сторону, будто хотел вырвать из суставной сумки. Заставил еще раз вскрикнуть от болевого шока и обмякнуть без сознания.

Наклонился, выдернул из затылка наемника персональный чип и спешно обыскал.

– Все… клиент у меня, – доложил великан, чуть задыхаясь и с грустью рассматривая поврежденный имплантат. – Слегка зацепило, но я в строю…

Простреленный протез все еще слушался, почти исправно сгибаясь и откликаясь на приказы мозга. Но часть приводов и наномеханизмов предплечья все же вышла из строя, а мизинец и безымянный палец вообще не реагировали на нервные импульсы или подрагивали, точно с похмелья.

– Подтверждаю, клиент у меня. Второй лег.

Убедившись, что ирландец не только уцелел, но и захватил пленного, столь необходимого группе, Хуго облегченно вздохнул. И бросил под ноги оставшихся наемников еще одну гранату.

Невроз опять выругался, сетуя на временную слепоту камер. Но в них, по сути, уже не было необходимости – скоротечный бой почти завершился. Текучим подвижным горностаем выскользнув из кабинета в коридор, швед кроткими очередями в головы, не особенно спеша и тщательно прицеливаясь, добил последних dd.

– Уходим! – распорядился он, без жалости отбрасывая отслужившую «дрель». – Гордон, на тебе клиент.

– В точности, – ответил Бакли, неповрежденной рукой взваливая пленного на плечо.

Собрались у лестницы, по которой несколько минут назад поднимался вражеский отряд.

Клиентом оказался тощий жилистый мужчина – по виду, типичный европеец, темнокожий и кучерявый. Снежно-белые глаза, уже испытавшие действие впрыснутой в нос инъекции, на фоне черного лица казались ужасающими дырами. Безвольно болтаясь на плече ирландца, пленник не подавал признаков жизни, покачивая скованными руками.

Назанин, вспоров рукав плаща, осмотрела ранение Гордона. Вынула из сплетения косичек тонкую заколку, аккуратно сунулась в дыру на предплечье здоровяка. Отсоединила какую-то цепь, после чего непослушные пальцы протеза вовсе замерли, но в целом рука обрела большую подвижность.

– Невроз?

– Все чисто, шеф… Сторож в холле пытается освободиться, ему почти удалось. Думаю, минут через десять он сможет подать безам сигнал тревоги.

– Десять минут? Более чем достаточно… Можешь избавляться от своих примочек.

Даниэль тут же выдал всем развешанным по «Джадве-4» камерам последний электронный приказ. Внутри полусфер лопнули капсулы с микроскопическим зарядом напалстера, выжигая устройства и превращая их в комочки горелой пластмассы.

«Горностаи» покинули восемнадцатый этаж через центральную лестницу. Сбросили рации и последнюю «дрель», оставшись лишь при пистолетах. Энквист, замыкавший процессию, устроил на пороге растяжку из оставшихся световых гранат.

Не мешкая, но и без суеты спустились на первый, где задерживаться тоже не стали. Вскрыв дверь в подвалы, ушли еще ниже – в коммунальные лабиринты, весьма подробный план которых Даниэлю удалось отыскать в сети Анклава.

Еще несколько замков уступили отмычкам Фарахани, после чего группа выбралась в подземные коммуникации города, гигантская запутанная сеть которых пролегала под всем Франкфуртом. В былые времена доступ в технические катакомбы был бы невозможен без привлечения внимания СБА, но времена изменились…

Под землей миновав несколько кварталов, группа вернулась на поверхность через заброшенную станцию метро. Клиента погрузили в кузов фургона, заблаговременно угнанного, почищенного от средств слежения и припаркованного в укромном месте неподалеку.

Если Невроз не отклонился от плана, в эти минуты он должен был бросать пикап, спускаться к инкубатору, забирать оставленный в переулке «Лифан» и возвращаться на легальную квартиру.

Остальные направлялись чуть южнее, на самую окраину Анклава, где в заброшенном многоэтажном кондо еще с прошлого дня все было готово к встрече дорогого гостя…

Назанин прошла в здание первой.

Осмотрелась, не заметив ничего подозрительного, дала знать остальным. Забрав из фургона все еще не пришедшего в себя пленника, Бакли легкой трусцой добежал до подъезда. Хуго прикрывал со спины.

Поднялись на третий этаж.

Не зажигая света, вошли в квартиру, заперли дверь. Фарахани тут же открыла чемоданчик, дожидавшийся своего часа на подоконнике, надела тонкие хирургические перчатки.

Мужчины усадили клиента на одинокий стул посреди

комнаты. Сорвали куртку, кевлайкровую жилетку с боковыми подсумками для магазинов «дрели», ножны и самодельный выдвижной тайник-кобуру на правом предплечье. Прихватили руки и ноги эластичными самозатягивающимися путами.

Вскрыв ампулу с нашатырем, девушка сунула стекляшку под нос захваченного dd. Тот вздрогнул, вдохнул глубже и закашлялся, пытаясь поднести руки к лицу. Глаза его захлопали, яркими бельмами распахнувшись в темноту.

– Твою мать… что происходит? – просипел он, мотая головой.

– Не дергайся, псина, – из мутной пелены слева ответил ему приятный мужской голос. – Сегодня твой счастливый день, если угодно. Ты вытянул выигрышный билет.

– Кто вы такие? Где я? В СБА?

– Лучше побереги силы, – произнес тот же голос.

А по правому плечу вдруг похлопали – с очевидным намеком заткнуться, жестко и недружелюбно, заставив вспомнить рукопашный бой у лифтов инкубатора.

– Сейчас ты скажешь, кто вас послал. И останешься в бизнесе, если пожелаешь. Живым.

Справа что-то потрескивало, едва слышно жужжали крохотные сервомоторы уже знакомого протеза. Темнокожий немец попробовал путы на прочность, зашипев, когда прорезиненный пластик вонзился в запястья и лодыжки.

– О чем ты говоришь, чувак? – Пытаясь угадать, где находится дознаватель, он повернулся влево. – Я смекаю, вы ведь не безы вовсе… Значит, мы почти коллеги, не так ли?

– Любишь задавать вопросы? – усмехнулся мужчина за левым плечом.

А правое вдруг сдавило, будто железными клещами, заставляя стискивать зубы и глотать вскрик.

– Итак, кто вас послал? Каковы были указания?

– Чувак… – Негр попытался машинально вырваться из стального зажима чужих пальцев, но сделал лишь хуже, застонал и обмяк. – А перед тобой заказчик отчитывается?

Судя по дыханию, человек слева наклонился, понижая голос до гипнотического тембра.

– Детали, псина… сообщи все, что знаешь. – Захват на правом плече ослаб, оставив сустав пульсировать едкой болью. – Обещаю, на твоей репутации это не отразится. Что вы делали в инкубаторе?

– Да понятия не имею. – Пленный замотал головой, истерично хихикнув. – Это был заказ на сохранение имущества… Я вошел в усиление существующей команды из шести человек. Ее, как я понял в пути, собрали только позавчера, это были парни

Пегой Корины…

Он замолчал, облизывая пересохшие губы и пытаясь хоть что-то разглядеть через матово-молочную пленку на глазах.

– Продолжай.

– Остальных наняли этим вечером. Сейчас ведь все тот же вечер, да?.. О, Аллах милосердный, да я еще час назад в баре сидел. И вдруг на тебе – на корпоративную территорию забрались грабители. Сказали, вы опасны, но вас мало и потому операция пройдет легко. Накинули дополнительные надбавки за срочность, риск и «мокруху». Конечно, я согласился, чувак!

– Видать, ты недавно в бизнесе?

– Четвертый год, чувак… до Инцидента я автослесарем был…

– Пегая Корина была в «Джадве»?

– А кирпичом можно пробить стекло? – Негр хихикнул, тяжело вздохнул. – Конечно, была… И осталась, если я правильно понял вашу стратегию.

– Не думай об этом. Думай только о себе. – Мужчина за его левым плечом обошел стул, похрустывая обертками пищевых брикетов под ногами. – Ты единственный выживший и имеешь все шансы таковым остаться. Если продолжишь говорить…

Клиент вскинул темноволосую голову.

– Я рассказал все, что знаю, чувак! Понятия не имею, кто нас нанимал. Но насчет наблюдения и внимания со стороны СБА можно не беспокоиться, так нам сказали. Дали карты этажей, обеспечили зашифрованным каналом связи, обещали прикрытие в сети. Думаешь, безы решились почистить унитазы чужими руками?

Догадка о новой интриге слабеющей, но еще опасной СБА шевельнулась в голове неудачливого наемника, но невидимый собеседник не дал мысли развиться. Судя по звукам, остановился напротив. Кажется, это был мужчина средних лет, весьма высокий, не обремененный лишней мышечной массой. Явно не тот, что закрылся от пули железной рукой.

Чуть наклонившись вперед, дознаватель предупредил все тем же умиротворяющим голосом:

– Если это все интересные факты, мы поищем другого…

– Погоди, чувак!.. Не спеши, дай вспомнить… Да, может быть, тебе будет любопытно кое-что еще?.. – Слепой взгляд безуспешно пытался нащупать собеседника, отчего привязанный к стулу боец выглядел беспомощным и уязвимым, как новорожденный щенок. – Сервер, да! В пути, когда мы ехали к инкубатору, парни Корины судачили, что заказ пришел с одного из старых серверов dd. Ну, ты знаешь, чувак, это которые попали в черный список Европола?.. Водила говорил, что самая пора поверить в

привидений, ага. А еще предположил, что так заказчик искал наемников старой закалки, которым о чем-то говорили цифры 25… или 42…

Он замолчал, силясь по звукам дыхания определить, насколько интересным оказался его рассказ. По всему выходило, что интересным, он даже почувствовал на лице дуновение – это стоявший перед стулом что-то объяснял жестами. Затем тот снова наклонился, вкрадчиво поинтересовавшись:

– Номер твоего заказа в сети? Того самого, на защиту собственности.

Пленник послушно продиктовал цифры и буквы, пытаясь одновременно прислушаться и выяснить, как много людей находится в помещении кроме него.

– Теперь ты уснешь, псина, – констатировал мужчина напротив темнокожего слепца, не позволяя тому сосредоточиться. – Утром будет болеть голова, кое-чего ты не вспомнишь. Может быть, немного тронешься умом… Но на рассвете, в отличие от Пегой Корины и ее парней, ты сумеешь открыть глаза. Устраивает?

Негр вскинулся, как ему показалось, в сторону ведущего допрос. Улыбнулся, старательно пряча страх.

– А глухой умеет писать музыку? – спросил бывший автослесарь, пытаясь казаться бодрым и неунывающим. – Скажи честно, чувак, на твоей практике были те, кто отказывался от предложенной сделки?

Энквист ничего не ответил пленнику.

Сделал знак Назанин, все время беседы неподвижно простоявшей в углу. Девушка бесшумно приблизилась, сделала клиенту укол в шею. Отбросила одноразовый автоинъектор, спрятала медицинские перчатки в карман штанов.

Дождавшись, пока темнокожий окончательно уснет, Бакли расстегнул наручники на одной из его рук, подложил под стул нож, после чего «горностаи» покинули аварийный кондоминиум. Вместе со сбруями сбросили в канализацию паленые «дыроделы». Уселись в фургон, заменив «балалайки» на законные чипы, и направились в центр Анклава, по-прежнему соблюдая осторожность и объезжая посты СБА.

Набирая на глазном экране текст доклада, который предстояло как можно быстрее отправить заказчику через специальный зашифрованный коммуникатор, Хуго надолго задумался.

Был молчалив и малоподвижен всю дорогу до станции монорельса. Безмолвно наблюдал за манипуляциями над старым гаражом в вонючем переулке, куда ирландец загонял краденый

мобиль. Ничего не сказал в вагоне монорельсового поезда, на котором добирались до легального жилья. Не заговорил даже в квартире.

Остальные командира тревожить не рисковали, оставив в одиночестве и отправившись готовить скромный ужин. Утих даже ликующий Невроз, с порога бросившийся обниматься и делиться впечатлениями.

Не спеша сбрасывать сообщение в сеть, блондин выкурил сразу две сигареты.

И только потом, наконец, приняв решение, отправил запрос на новые ресурсы для проведения расследования, а также отчет. Не совсем полный, почти лишенный версий и предположений, но с детальным изложением объективных фактов – о спешном найме франкфуртских dd, слежке за группой, перестрелке в инкубаторе, обыске этажей и болезненной реакции на распространенные сетевые слухи.

Покончив с «бумажной» работой, Хуго расстегнул застежки бронежилета.

Впустую обнадеживать человека, на которого безупречно работал уже семь лет, он не хотел. Потому сначала Энквист лично проверит новую зацепку. И если его догадки оправдаются, совсем скоро хозяина «Горностая» ожидает приятный сюрприз…

Бинарный код 10000

«Священники всегда давали утешение и надежду. Они были рядом во времена тяжелейших катастроф. Вместе с нами умирали. Вместе с нами радовались избавлению от кошмара. И всегда верили.

Чудеса окружают нас. Нужно только их видеть».

Патриция Грязнова

Теперь он взялся бродить по несуществующим улицам Либерти-Майнд-Сити трижды в день. Может быть, появлялся бы и чаще, но мешала неустойчивость сигнала, ставшая еще одной платой за уединение на краю мира.

Высокий красивый молодой человек брел по проспектам одного из крупнейших виртуальных городов сети, пытливо всматриваясь в прохожих. Те отвечали не менее заинтересованными взглядами – мужчина был одет в классическую черную рясу католического священника и «галликанский» воротничок, сверкавший белоснежным ошейником религиозного поводыря. Священник на улицах цифровой столицы – нечастое зрелище.

Мужчина в черном забавлялся реакцией встречных. А еще – выбранным внешним видом, не имевшим никакого отношения к собственному мировосприятию. Однако такой броский образ был просто обязан сыграть свою роль, и короткая сопроводительная информация, доступная всякому, кто проявлял интерес, – тоже.

«Воздадим хвалу Иосифу Праведному из Вифлеема, человеку мудрому и в людях прозванному Плотником, за терпение его и умение созидать деревянные чаши» – таковым был «всплывающий» комментарий к личности человека, прозвавшего себя Искателем и день за днем прочесывавшего улицы Либерти-Сити…

Город, пусть и существующий лишь в Цифре, напоминал своим жителям о том, какими были мегаполисы до Катаклизма. Горела яркая неоновая реклама, проносились сотни юрких скоростных транспортов. А если задрать голову на самых нижних ярусах, эстакады и пешеходные мосты над ними казались настоящей паутиной, легкой и ажурной.

Гудел цифровой люд, распахивались двери магазинов и

сервисных центров, толпились на форумных площадях языкастые демагоги, покрывались цветным ковром записок доски виртуальных объявлений.

Однако Цифра, как и ее изнанка – мир реальный, – тоже пережила удар. Сутулились, погруженные во тьму, бесхозные деловые блоки, где четыре года назад размещались представительства банков, информационных агентств и мелких корпораций; электронные биржи и другие спекулятивные площадки функционировали отнюдь не круглосуточно; высоченные цифровые небоскребы, лично откупленные верхолазами, отводились под «снос» или закрывались на длительную консервацию.

Время от времени какой-нибудь из спящих районов Либерти-Сити ненадолго оживал, расцветал огнями и рекламой, и туда моментально устремлялись посетители. Не так много, как раньше. С опаской подхватить вирус или наткнуться на мошенников, но все равно устремлялись, не позволяя городу зачахнуть. Вместе со всеми бродил по улицам и Искатель, одетый в черную католическую сутану.

К нему подкатывали любители виртуального секса и продавцы нелегального софта. Ему пытались всучить компрометирующие видеоматериалы на представителей других конфессий. Его поливали грязью проповедники Поэтессы, горлопанящие на каждом углу несуществующих кварталов. Его зазывали в порнографические салоны и предлагали наркотические аудиопрограммы. Ему предлагали увеличить пенис, открыть собственный сетевой бизнес и купить «поплавок» или почку.

Красивый мужчина в черных одеяниях улыбался, вежливо отправлял в «игнор» самых надоедливых прохожих и шел дальше, выискивая что-то в толпе и периодически освежая объявления на самых крупных форумах Либерти-Майнд-Сити.

День за днем, когда позволяло свободное время. При малейшей возможности. Прямо на ходу уничтожая тонны назойливого спама, льющегося со всех сторон, и не забывая подновлять статус. Он искал человека, способного расшифровать его послание и откликнуться на зов. День за днем. В любую свободную минуту, стоило домашней системе нащупать стабильный выход в мир Цифры. День за днем…

Расчет оказался верным.

Человек, живущий в сети и по ее законам, не может пропустить адресованного ему послания. Пусть и столь завуалированного, как выдуманная строчка из религиозного манускрипта. Человек, живущий по законам сети, обязательно

свяжет брошенные ему намеки, сделает верные выводы и проявит интерес. Если, конечно, не мертв…

Праведный Иосиф, которому предлагал вознести хвалу мужчина в белоснежном галстуке католического священника, оказался жив. И дал о себе знать через шестнадцать дней после размещения первых объявлений…

– В этом вся суть человеческая! – вещал с возвышения на форумной площади широкоплечий седовласый старик со сверкающими глазами. – Дарами воспользовавшись, швырнуть их под ноги, как пустую банку из-под колы бросают! Истину говорю – недопустимо с планетой обращение подобное! Одуматься человеку пора!

– Ага, конечно, – негромко комментировали в толпе вокруг трибуны, сопровождая брошенные в электронный воздух мнения значками улыбок и скептическими рожицами. – А потом Земля перестанет стирать и готовить, подаст в суд на алименты и выцарапает глаза другим мирам, открытым «Наукомом»…

– Оратор, недоумок ты жалкий, убей себя об «раллер»!

– Уважаемый, а вам кто заплатил за подобное выступление? Почем нынче такса? Я бы тоже подработал на «защитников планеты», да вот не зовут…

– Хватит уже пороть чушь!

Некто, избравший образ престарелого былинного богатыря, продолжал зычно голосить с виртуального аналоя, не обращая внимания на нападки.

– Мстить планета будет, и до того страшно, что покажутся вам бедствия недавние ничтожными, пустыми и неопасными! – вращал глазами проповедник, будто в морщинистое лицо ему летели похвалы, а не насмешки. – Последний шанс человечеству дает Мать-Земля, последнюю возможность грехи искупить. Выдержав удар копьем, надеется она на заботу и сыновнее отношение, на опеку и излечение!

– Стопроцентно Мертвый таким отморозкам платит… – со знанием дела оценили от самой трибуны. – Сами посудите, как такие диспуты подогревают разговоры о неизведанных мирах и отводят внимание обывателя от открытой «МосТехом» новой энергии…

– Ой, да хватит уже, ну сколько можно?! – Кто-то, раздраженно махнув рукой, зашагал от форума прочь. – На каждом углу горлопанят: то про Конец Света, то про Гею, то про новые планеты… Задолбали…

– Не мешайте проповеднику отрабатывать свои гроши€, уважаемые…

Мужчина в сутане католического священника с

любопытством прислушивался к беспорядочной дискуссии. Специальный режим наблюдения за спором позволил бы упорядочить мнения, отзывы и высказывания. Но Искателю казалось интереснее барахтаться в водовороте возгласов, пусть мимолетно, но почувствовав себя на настоящей городской площади.

– Одуматься есть возможность, люди, причем последняя! – не унимался седовласый, игнорируя выпады внемлющих и жарко кивая малочисленным сторонникам проповедуемых идей. – Планета, как человек, она способна перенести болезнь, и даже удар сердечный способна. Но без медицинского вмешательства, без изменения образа жизни следующий инфаркт смертельным может оказаться. И тогда страшная кара постигнет выживших, истину говорю вам!

– А я согласна! – выкрикнули слева. – Преступный режим Кауфмана пора прекращать! Почему никто не вспоминает, что Кауфман собственными руками уничтожил сразу несколько боевых соединений крупнейших государств? А ведь там гибли наши дети и мужья! Мертвый – вор и диктатор, он поставил себя над странами и президентами, возомнил, что власть СБА простирается под небесами!..

– Да что за бред вы городите?! – схватился за голову худосочный щеголь в серебристых очках. – Неужто кто-то еще не понял, что якобы открытые планеты – обычная разводка? Дверь с Земли на другие миры? Не смешите мой психопривод, большей чуши я не слышал уже несколько лет…

– Верно говоришь! Мертвый должен умереть! Желательно, в муках! Этот сукин сын сначала допустил катастрофу, унесшую жизни миллионов, а теперь еще и королем сел московским! В то, что планета живая, я не верю… А вот петуха красного во двор директору этому недоношенному запустил бы…

Растущий накал страстей настолько увлек внимание человека в сутане, что тот не заметил, как за его плечом материализовался мужчина. Высокий, длинноволосый, с одним из самых неприметных лиц, какие только можно выбрать для сетевых прогулок по Либерти-Сити. Появился несколько минут назад и все не отступал, пытливо разглядывая одеяние «священника».

– Значит, это вы, отче, ищите праведного Иосифа? – негромко, но странным образом перекрывая гул цифровой толпы, осведомился он, аккуратно беря Искателя под локоть.

Молодой «священник» обернулся.

Улыбнулся, но попыток высвободиться не предпринял.

– Возможно, сын мой. Можешь ли ты поспособствовать мне в поиске?

– Ищущему да воздастся по усилиям его, – так же тихо ответил длинноволосый. – В чем заключается суть твоих изысканий?

Теперь человек в сутане повернулся всем телом. Но руку из пальцев незнакомца по-прежнему выдергивать не спешил.

– Ты Плотник? – прямо спросил он, продолжая улыбаться. – Или один из его последователей? Я хочу поговорить…

– Только не дергайся, – предупредил длинноволосый. Его вторая рука пряталась в кармане цифровой оболочки. – У меня под пальцами код активации п-вируса. Почувствую неладное, грохну твоего виртуала и всю систему в два счета.

– Не было и в мыслях, сын мой.

– Плотник мертв. – Ровный голос, отсутствие эмоций. Почему же Искателю кажется, что его обманывают? – Зачем он тебе?

– Хочу узнать, удалась ли праведному Иосифу деревянная чаша, о которой с жаром судачат нейкисты, – смиренно ответствовал «священник», с интересом посматривая на топорщащийся карман с самым страшным сетевым оружием современности. – Мы можем побеседовать наедине?

Какое-то время длинноволосый молчал, внимательно изучая открытую сопроводительную информацию о человеке в черной сутане. Просканировал того на наличие программ слежения или записывающих вирусов. Пробил по базам данных, причем вовсе не скрывая собственных манипуляций. Седовласый проповедник над их головами продолжал брызгать цифровой слюной, отбиваясь от нападок в продажности и неискренности.

– Следуй за мной… И еще – замечу слежку, уничтожу и тебя, и все следы, – предупредил неприметный житель Либерти-Майнд-Сити, увлекая «священника» из толпы. – Тут неподалеку есть место, где можно поговорить.

– Этого я и желаю. – Искатель последовал за ним, потеряв к форуму и его страстям всякий интерес. – Этого и желаю…

Скоростной транспорт оперативно перенес их на средние уровни цифрового города, где внаем сдавались специальные экранированные «комнаты» для переговоров. Беспрестанно озираясь, посланник Иосифа все еще прятал вторую руку в одеждах, словно опасался «хвоста» и неотвратимой стычки.

Возле зеленых арок входов на выделенные зашифрованные каналы он склонился над замками. Оперативно и с очевидным умением вскрыл пульт доступа, намереваясь начать взлом. Человек в сутане аккуратно отстранил его руку, улыбаясь мягко и дружелюбно. Ввел длинный банковский пароль, после чего хозяевам защищенных «комнат» была перечислена необходимая за аренду сумма.

– Обычные деньги, сын мой, открывают двери эффективнее самых лучших отмычек, – прокомментировал он, пропуская спутника вперед. – Давай постараемся не привлекать к себе внимания?

Длинноволосый хотел ответить, но стушевался. Привычный ему способ решения проблем был только что отвергнут с прохладцей человека, многое в этой жизни привыкшего решать массивами евродинов…

Никак не отреагировав на колкость Искателя, он отвернулся и первым шагнул в апартаменты, где жители Либерти-Сити могли говорить без опаски быть услышанными. «Священник» вошел следом, тут же запирая канал.

Разместились напротив, а подозрительный тип с незапоминающимися чертами лица наконец-то убрал руку со своего виртуального оружия.

– Так ты Плотник? – повторил человек в черном заданный на площади вопрос, все так же приятно улыбаясь. – Нам стоило встретиться раньше…

– С чего ты взял, что Плотник жив? – Сказано было жестко, но без грубости. – Показать базу данных Европола, где сказано, что его убили во время операции спецназа?

– Не утруждай себя, – развел руками «священник». – Я соболезную о его кончине, малый написал толковую книгу… Меня ты можешь называть Искателем. Как же мне величать тебя?

– Называй Иосифом, раз того искал, – прищурившись, ответил длинноволосый.

– Хорошо, Иосиф, – покорно согласился Искатель, оправляя белоснежный воротничок. – Тогда, если не возражаешь, приступим к делу. Сеть нынче настолько нестабильна, что обрывает самые важные разговоры… – И вдруг спросил прямо, всем телом подаваясь вперед: – Значит, картина все же существует?

И мог бы поклясться, что, если бы перед ним сейчас сидел не виртуальный аватар, а живой человек, он бы обязательно вздрогнул от неожиданности. В комнате, арендованной для тайных сетевых переговоров, наступила полнейшая тишина. За огромным окном сиял несуществующий город, по которому бродили жалкие подобия настоящих людей. Стена помещения попробовала раскраситься рекламным проспектом, но Иосиф оборвал навязчивую трансляцию легким движением.

– Выходит, отче, это тебя я должен благодарить за неприятности в Монреале и Франкфурте? – вопросом на вопрос ответил он, снова опуская руку в карман куртки.

– О, я сожалею, сын мой… – «Священник» миролюбиво

показал раскрытые ладони, призывая не совершать поспешных действий. – Я долгое время не мог осознать, что мы находимся по одну сторону баррикад… Однако после беседы с Колорадо…

– Он жив? – Иосиф вскинулся, излишним интересом выдав свое знакомство с машинистом. Осекся, подозрительно наблюдая за лукавой улыбкой Искателя. – Как ты на него вышел?

– Через Керамику, – честно ответил мужчина в сутане, ненадолго задумавшись. – Бедолага окончательно перешел в стан субнормалов, но кое-что полезное поведать смог…

Выходит, Иосиф не знает о ниточке, протянутой «горностаями» от Гончарова через США до Северного Китая? Хочет сложить с себя ответственность за битву в Приморье или действительно не осведомлен о разговоре в храмовой долине? Кто в таком случае пытался записать разговор с буддистским монахом?..

– Значит, это твой человек расспрашивал русского в «Дигитале рейхстаг»? – изучая задумчивость собеседника, поинтересовался длинноволосый. – Он ловкий. Мы не смогли отловить его во время перестрелки в «Джадве»…

– Сожалею о случившемся, – равнодушно ответил Искатель, не заостряя внимания на личности машиниста. – На сбор информации ушло неоправданно много времени. Пострадали твои люди. Пострадали твои инвестиции в этих людей…

– Пострадала лишь сохранность некоторых тайн, погибшие не входили в мой ближний круг… Ты вышел на Либерти-Сити через одного из наемников, не так ли? – продолжал сопоставлять человек, назвавшийся Иосифом. – Мы выяснили, что твои головорезы взяли пленного.

– Полагаю, его сохраненная жизнь станет доказательством чистоты моих устремлений. – «Священник» сложил перед собой руки, словно собирался вознести молитву. – Если бы я поверил в сказки чуть раньше, многих жертв удалось бы избежать.

Волосатый сунул обе руки в карманы. Нахохлился, став похожим на старую недовольную цаплю, каким-то образом усаженную в удобное кресло. Почти минуту смотрел куда-то в стену, снова и снова проверяя защищенность канала, на котором общались виртуалы.

– Сказки? – наконец поинтересовался он, хмуро покосившись на улыбчивого святошу. – Ты поверил в сказки, отче? И бросился искать Грааль?

– Можно сказать и так. Я поверил, что Плотнику и его группе, работавшей под крылом Сорок Два, удалось создать нечто… выдающееся. Нечто, способное изменить отношение к Цифре и сплотить остатки нейкистов. Сын мой… – Он наклонился вперед

и понизил голос, как если бы через закрытую дверь их могли подслушивать. – Давай уже перестанем ходить вокруг да около и признаем существование необычной картины. *Что* она такое?

Иосиф испытующе и недоверчиво взглянул на собеседника в нелепом одеянии католического священника. Медленно покачал головой. Осторожно подбирая слова, он спросил:

– Почему я должен обсуждать это с тобой?

– Потому что я твой союзник, – последовал быстрый и искренний ответ.

– А вдруг за твоим виртуалом скрывается хунган? Или офицер СБА, выкорчевывающий «нейкистскую заразу»?

– Мои методы работы так похожи на методы вудуистов или безов?

Ироничная ремарка, казалось, удовлетворила длинноволосого, но напряжения не сняла.

– Если ты не нейкист, отче, – грустно улыбнулся тот, – тебе не понять смысла нашего открытия…

– А я попробую, ладно? – Искатель чинно возложил виртуальные руки на подлокотники виртуального кресла. – Раз уж ты уважил меня беседой, позволь идти до конца?

– Зачем тебе картина? – Казалось, нахохлившийся Иосиф решил исчерпать отведенный на всю жизнь лимит встречных вопросов, задаваемых незнакомому человеку. – Зачем ворошить старое и возрождать преданное забвению еретическое течение?..

– Чтобы поверить в чудо, конечно же. – Фраза, произнесенная самым обыденным тоном, в устах католического священнослужителя казалась едва ли не кощунственной. – Чтобы явить это чудо миру и сплотить вокруг него людей. Много людей. Подарить им веру.

– Нейкистов? – Иосиф фыркнул, вынимая руки из карманов и потирая пальцы. – Один пробовал… Знаешь, отче, ортодоксальные нейкисты никогда не сплотятся. А у нас, когда мы приступали к разработкам, подобного не было и в мыслях…

– Отныне в этом появилась потребность, – продолжал мягко настаивать Искатель.

– Твоя потребность, – поправил его ломщик с неприметным лицом, для пущей уверенности кивнув.

– Убежден, что и твоя – тоже, – мгновенно парировал «священник», словно ждал подобного укола. – Объединив наши силы, мы сможем свернуть горы.

– С навязывания личных идеалов и устремлений дела не начинают…

– А я и не навязываю, Иосиф, – как можно дружелюбнее и убедительнее сказал Искатель. – Позволь мне объясниться, и сам

все поймешь?

Тот пожал плечами, молчаливо подтверждая – пробуй, для того мы и собрались в одном из защищенных небоскребов Либерти-Майнд-Сити. Убедившись, что ему готовы внимать, мужчина в сутане удовлетворенно кивнул.

– Судя по данным моего анализа, – деловито начал он, – Плотник… и его последователи, в среде нейкистов получившие собственное название декомпиляторов, никогда не относили себя к радикальным последователям Поэтессы. Более того: они во многом расходились в точках зрения на Цифру с тем, кого называли Пророком. Не могу достоверно установить, что стало причиной раскола. Но имею основания полагать, что в итоге декомпиляторы нашли нечто уникальное. Нечто, никак не укладывавшееся в мировоззрение Сорок Два и его ближайших соратников.

Он замолчал, но Иосиф только махнул рукой, призывая продолжать. Искатель, обремененный поисками сетевой легенды, пока что озвучивал прописные истины, известные многим тритонам.

– Но я, – продолжил тот другим тоном, заставив собеседника изогнуть бровь, – верю. Верю вам, еретикам от Цифры. Верю написанному Плотником в его апокрифах. Верю в существование картины. И еще я верю, что укрощенная декомпиляторами сила поможет нам добиться общих целей.

– Веришь? – спросил его Иосиф после недолгого раздумья. – Возможно… Но у тебя, отче, – он усмехнулся, этим подчеркивая нелепость черно-белого наряда, – механическая вера. Неживая. Да, мы кое-что сделали. Открыли. Ты можешь воспользоваться этим открытием, облагодетельствовав уцелевших нейкистов. Мы оба можем воспользоваться картиной и ее мощью. Но речь, поверь мне, несколько о другом… А потому ты в немалой степени напоминаешь мне *его*. Столь же уверенного в своих силах, безжалостного, расчетливого. И *пустого*.

– Кому станет хуже от моей помощи? – Теперь отвечать вопросами настала очередь Искателя.

Он прищурился, разводя руки в стороны, будто хотел объять яркий виртуальный город, видневшийся за окном.

– С моими деньгами и открытием Плотника мы сможем встряхнуть умирающий мир. Дать ему новый импульс, многое изменить. Мы сможем сделать dd совершенно иной организацией, обеспечив себе защиту – вывести «собак» из-под колпаков спецслужб и СБА, превратить из бандитов в сторонников веры, истовых крестоносцев. Нет-нет, я не призываю отказаться от прибыльного бизнеса, но структура организации должна стать

чуть иной…

«Священник» вздохнул, сетуя, что не может наблюдать за настоящей реакцией человека, скрытого под непроницаемой оболочкой Иосифа. Но продолжил:

– Чего ты желаешь для своих собратьев? – спросил Искатель, пытливо всматриваясь в лицо виртуала. – Золота? Власти? Почитания? Поверь мне, я способен сделать так, что весь мир встанет на колени и принесет свои извинения, что смешал декомпиляторов с дикой сворой Сорок Два…

Иосиф улыбнулся, позволив себе короткий смешок.

– Ты мыслишь, как верхолаз, отче, – он машинальным жестом убрал со лба несуществующую прядь. – А я говорю о настоящем чуде…

– О, сын мой! – снова поддержал игру аватаров «священник», отрицательно качая головой. – Неважно, кого напоминают тебе мои рассуждения. Главное – их предельная честность и открытость… Знаешь, люди часто ищут оправдания собственным поступкам. Словно колоду, перебирают в руках понятия Надежды, Любви, Веры и Сострадания. Я не такой. У меня есть цель, весьма простая, к которой я и движусь, прикладывая любые усилия. И их-то мы способны сплести…

– Мы говорим на разных языках, – прошептал – Иосиф так тихо, что собеседник не расслышал. И добавил чуть громче: – Ты очень похож на Сорок Два. Своим неверием.

– А это обязательно? – резко спросил Искатель, в очередной раз круша обманчивый образ мудреца в черном. – Обязательно верить, чтобы подарить нейкизму избавление от грехов прошлого? Чтобы вручить в конце концов новый мир, возвести движение на высшую ступень? Не задумывался, что именно на ней может лежать Эпоха Цифры, о которой говорила Нейк?..

– Нет. Не обязательно. Но я же верил. – Длинноволосый пожал плечами. – И это давало мне сил. Направляло, пусть даже против воли Пророка. И моя вера была вознаграждена.

– Так убеди и меня?! – Вцепившись в подлокотники, Искатель опять подался вперед. – Сделай первым апостолом, яви чудо! Чтобы в словах моих не крылось лжи, я тоже должен уверовать, не так ли? Если картина существует, я обязан ее увидеть!

– Обязан? – Несмотря на примитивизм виртуала, на длинном лице Иосифа отразилась тоска. Он вздохнул, не сдержав горечи. – Как я могу открыть тебе тайну, когда чудеса – отнюдь не конфеты, горстями продающиеся на развес?..

«Священник» хотел отбить выпад и уже открыл для этого рот. Вдруг замер. Обмяк в кресле, вернув на лицо безмятежную, чуть рассеянную улыбку. Кто бы сейчас ни управлял виртуальным

человеком в сутане, он старался успокоиться и подобрать к замку по имени – Иосиф новые ключи.

Несколько минут просидели в тишине, погруженные в невеселые мысли и не скрывающие этого. Наконец волосатый ломщик кивнул.

– Скептик… назовем неверующего именно так… так вот, скептик уравнивает чудо с чем-то, легко дарованным свыше. Ну, знаешь, к бонусу, чему-то дармовому, выдаваемому за исправное ношение религиозного символа. Такому человеку никогда не придет в голову, что чудо – это дар высших сил за истинную веру и беспрестанные молитвы. В твоем лице я вижу скептика. Вижу новую инкарнацию Сорок Два, явившуюся, чтобы искушать меня и моих собратьев…

– Вот как? – «Священник» невольно сдвинул брови, но блуждающую улыбку не стер. – А спортсмен, взявший высочайший пьедестал, добивается своего постоянными изнурительными тренировками или это тоже результат еженощных молитв? Пойми, Иосиф, я утверждаю – одно другому не мешает. Да, я не фанатик. Я не верю, что Бог дает мне хлеб насущный на столе. Что дает хорошую погоду, друзей и любимых. Хорошо знаю: для человека, любое событие воспринимающего через призму божества, все это – маленькие повседневные чудеса, за которые он хвалит Иисуса, Магомета или Будду. Не для меня.

Он сделал паузу, и по движению губ аватара Иосиф догадался, что его оппонент на другом конце сетевого соединения утоляет жажду. Жадно, торопливо, боясь потерять мысль.

– Бесспорно, чудодейственное влияние молитвы на излечение человеческой души признали даже самые отъявленные отрицатели, – склонил голову Искатель. – На самоорганизацию сознания, на придание позитивного взгляда на вещи, на укрепление морально-этических барьеров и понижение уровня агрессии. Молитва врачует, она успокаивает и дает по-иному взглянуть на мир… Но я не монах, я – спортсмен. Не молюсь, а тренируюсь и верю в успех…

Длинноволосый надолго задумался.

Затем пожал плечами, подвергая услышанное законному сомнению.

– Если спортсмен не станет тренироваться, грош ему цена, и победить не поможет никакое чудо. Но выдержать изнурение, боль и напряжение чемпионата ему помогает вера, ты задумывался об этом? В себя, в высшие силы, в упорство. Без веры нет человека.

– Именно так! – поддержал Искатель, словно нейкист наконец-то дал ему отличный пас. – И у каждого она своя, со

своими покровителями и молитвами. У смертельно больного это вера в изобретение нового лекарства. У осужденного на пожизненное заключение – во внезапную амнистию. У попавшего в беду – в долгожданное спасение, труднообъяснимое с рациональной точки зрения. Моим чудом должен стать ты. И твоя картина. Прими же мою руку, и двинемся вместе?

– До чего же ты закостенел! – вспылил Иосиф, опуская руку на карман с п-вирусом. – До чего же глуп, будь оно неладно!

Нахохлившаяся цапля вдруг стала выше, угловатее, злее, заставив «священника» усомниться в верности выбранной стратегии диалога.

– Я *верил*, мои братья тоже, и нам было даровано чудо. Увы, немногие из нас уцелели или не стали минусами, но мы узрели… Теперь я знаю, что по ту сторону Цифры есть *нечто*. Нечто феноменально-сильное, пробивное, как росток бамбука во влажной почве. Или зарождение жизни на Земле, если верить дарвинистам. И это не просто артефакт системы или программный сбой. Это начало чего-то нового…

– Я хочу видеть картину, – проигнорировав оскорбительную и злобную вспышку, твердо ответил Искатель. – Хочу обратить ее на пользу тебе, нейкистам и себе самому. Позволь вкусить твоей непоколебимой веры? Имея ее в руках, мы способны сами стать богами! Оглянись, последователи Поэтессы так близко подошли к порогу. Быть может, именно тебе предопределено сделать последний шаг?

И снова Иосиф замотал головой, сокрушаясь над неразумностью собеседника. Вздохнул, проверив светящиеся часы, вытатуированные на запястье виртуала.

– Ты говоришь так же, как Сорок Два. И я в третий раз указываю на это опасное сходство. Но Пророк брел вслепую, спотыкаясь и наступая на собственные шнурки, а я увидел свет… – Он встал с кресла, чуть не заставив «священника» броситься вперед, чтобы попытаться удержать. – Ты изначально боишься поверить. Отрицаешь, наделяя нечто, неподвластное твоему пониманию, функционалом удобного тостера. Ты замкнут на себе, «всесильном человеке». Ты эгоист, отче… или кто ты там на самом деле есть…

– Постой, прошу! – Человек в черном сложил ладони, умоляя не прерывать разговора. – Ты не хуже меня знаешь, что изредка, еще сильнее распаляя атеистов и скептиков, чудеса случаются и с теми, кто не расстилал коврик по пять раз в день. Знаешь, что время от времени чудеса посещают самых недоверчивых, твердолобых, зашоренных. И от этого становятся еще более желанными и ценными. Как джекпот! Как шанс на то, что среди

миллиардов жителей планеты некто огромный и сильный, попирающий небеса, заметит именно тебя… Яви мне такое чудо?

– Ты слеп, – с грустью отрезал Иосиф. – И совсем не готов. Никто в мире не готов…

– И все же я продолжаю просить. – Теперь «священник» тоже поднялся на ноги, машинально оправляя края одеяния и глядя декомпилятору прямо в виртуальные глаза. – И когда я приду, умоляю – не гони. Дай шанс. Уверен, это может стать началом великой дружбы…

Несколько секунд нейкист не отводил взгляда. Но затем веки его сомкнулись, а голова на тощей шее замоталась в разные стороны.

– Ты не придешь, – тихо ответил он, завершая беседу. – Прости, отче, но этот выбор ты сделал сам. Всего доброго, Искатель, и я надеюсь, что больше мы никогда не увидимся…

Бинарный код 10001

«Любая Традиция в равной степени опирается на миссионеров и крестоносцев. На тех, кто несет Слово, и тех, кто несет Слово с помощью меча. Еще Традиции требуются легенды, требуются гении, либо сознательно посвятившие себя служению, либо сделавшие это под влиянием обстоятельств».

Максимилиан Кауфман, директор московского филиала СБА

Сначала в проведении регулярных «молебнов», как называл их Кончар, существовала острая необходимость. После бегства от Пророка своего рода импровизированные проповеди, читаемые лидером собравшихся на острове людей, поддерживали боевой дух и не давали окончательно поверить в собственное предательство общего дела, бурно кипевшего на цивилизованной половине планеты.

Затем, когда на русской Станции что-то пошло наперекосяк, проникновенные измышления Плотника не позволяли декомпиляторам окончательно раскиснуть, стискивая души и людские сердца коваными ободами искренних слов и веры в общее дело.

Когда море перестало штурмовать побережье, проснувшийся на юге вулкан замучился плеваться огнем, закурил долгоиграющую трубку, а над убежищем впервые за четырнадцать месяцев пролетел первый самолет, беседы о Цифре стали настолько привычными, что выжившие уже не представляли себя без общих сходок.

Тем не менее, как четыре с половиной года назад, так и сейчас, выходя к двум десяткам единомышленников и раздумывая, с чего бы начать, Бифорд волновался, будто впервые…

Под прицелами взглядов Орландо опустился на единственный свободный в помещении стул. Заметил Муджалида, сидящего справа во втором ряду, кивнул товарищу.

Декомпиляторы, населявшие старинный горный бункер, в

своем ожидании казались похожими на пехотинцев имперской армии, сотни лет назад толпившихся в этом же зале перед речью любимого генерала.

По бетонному полу шаркали подошвы, время от времени раздавалось легкое покашливание или шепоток. От копящейся поверх голов духоты не спасали даже кондиционеры, ради такого случая включенные на полную мощь. На собрании не хватало только семерых dd, недавно прибывших на остров по распоряжению Бифорда и сейчас несших дежурство на отведенных постах вокруг укрепрайона…

Прочистив горло, Плотник обвел взглядом низкое помещение, постаравшись встретиться взглядом с каждым из сидящих перед ним восемнадцати мужчин и женщин. Подметил слезящиеся глаза, бледную кожу, ранние морщины вокруг ртов – несмотря на регулярные прогулки и прием витаминов, жизнь в бетонном лабиринте не шла на пользу даже самым крепким.

И начал, не стремясь красиво увязывать слова, но стараясь говорить от сердца и накипевших в нем страстей:

– Сегодня, если не возражаете, мы побеседуем о поклонении и вере…

Едва приступив, Бифорд успокоил подрагивающие от волнения пальцы. Откинулся на спинку и оглядел первый ряд слушателей с любопытством дотошного ведущего ток-шоу.

– Для начала давайте сравним несколько верований. Вот, например, ортодоксальные христиане… Молятся своему жестокому божеству, с покорностью и трепетом взирая на свершения его. Его воле присуждают наводнения, мор и трясения тверди земной. Благодарят за уроки и почитают выживших праведниками. Занятная картина. Кого рассмотрим далее? Вудуистов, хорошо. Свернув с ватиканской тропы, они ушли недалече – веруя в духов, переменчивость высших сил и правящую миром доброту. Доброту к своим, разумеется…

Среди декомпиляторов прокатился легкий смешок.

– Буддисты. Эти верят в реинкарнацию, благостно прожитую жизнь и просветление, к которому способен дойти любой. Они стоически переносят испытания, выпавшие на их долю, полагаясь на возвышение духа. Мусульмане? Эти тоже боятся кар небесных, испытывающих избранных на крепость и верность Аллаху.

Бифорд повернулся к столику, забирая чашку с кофейным напитком и благодарно отсалютовав в зал. Как бы часто ни проходили общие собрания, кто-то из собратьев по коммуне неизменно оставлял горячее питье на столе слева от лидера.

– Мы упомянули множество конфессий, – продолжил Плотник, глотнув. – Все они считают, что Катастрофа или День

Станции, как называют ее некоторые, была послана их божеством для убиения грешников и очищения земли. Да-да, в точности, как это случилось во времена Потопа… Я же лично считаю, что свершившаяся Катастрофа стала новой точкой отсчета истории. Большим Взрывом в нашей цифровой вселенной. Вспышкой, катализаторами которой явились Мария Нейк и по-своему несчастный человек с именем Сорок Два.

Орландо ненадолго замолчал, прислушиваясь ко внутреннему диалогу, неизменно начинавшемуся в душе во время ежемесячных «проповедей». В памяти всплыли сетевые трансляции с размышлениями упомянутого Пророка, его первая встреча с Сорок Два, трепетная и полная недоумения. Его наивно-искренний порыв к цифровому будущему и несокрушимая вера, что отныне все будет иначе…

Проповедующий перед горсткой нейкистов, во многом поправших традиционное учение Поэтессы и ее апостолов, Плотник вспоминал, как вдумчиво и рационально искал в те годы дорожку, способную вывести его к настоящему цифровому чуду. А еще – каким благостным озарением вдруг стала находка ремесла, которому предстояло обучить машину…

– *Живопись, не так ли?* – спрашивает его Муджалид ибн Шавкат по прозвищу Кончар. Не тот, что сидит сейчас в нескольких метрах справа, облаченный в яркие шорты и майку-сеточку. Другой, моложе нынешнего на пять лет, не такой морщинистый и угрюмый. – *Отчего?*

– *Потому что из всех видов искусства, созданных человеком за тысячелетия его существования, изобразительное является самым мощным, самым ярким и самым стремительным,* – уверенно и порывисто отвечает ему Орландо Бифорд, которого в ту пору еще не зовут Плотником.

Орландо Бифорд, чуть более молодой, убежденный во всесилии человеческого разума, еще не преследуемый сердечными болями. Сверкая глазами, он склоняется над малознакомым еще Кончаром, яростно жестикулируя:

– *Понимаешь, Муджалид… Статую, даже самую прекрасную, нужно обойти со всех сторон, чтобы осознать замысел скульптора, объем и гармонию композиции. Стереофильм нужно просмотреть, причем от начала и до конца, не делая пауз и не отвлекаясь, только тогда он передаст зрителю всю заложенную создателями идею и мощь. Музыкальную композицию – прослушать, причем фрагмента для полного понимания тоже не хватит, а значит, нужно уделить ей несколько минут. Книгу – прочитать от корки до корки; отдельные отрывки могут дать представление о таланте писателя, но не раскроют хранящейся*

под обложкой интриги и не оставят после-вкусия.

Сейчас, сидя перед восемнадцатью последователями, Плотник вспоминал об этом разговоре, словно тот свершился вчера. Снова и снова прокручивая в голове изнурительные этапы становления группы «Кромлех», он делился с восемнадцатью декомпиляторами помыслами, которые почитал истиной.

– Вудуисты искренне благодарят своего бога за любое проявление его милости, ожидая чудес, – продолжил Орландо Бифорд-из-настоящего – тропического и бетонного, всецело завладев вниманием немногочисленной аудитории. – Язычники возносят хвалу и жертвы субстанциям, примитивным для современного человека. Миллионы людей в мире посещают мечеть, отбивая поклоны и восхваляя Аллаха. Все они преклоняют колени перед сверхсущностями, подарившими миру все, что мы наблюдаем вокруг. Но спор о том, какая из сверхсущностей создала компьютер, может длиться вечно, и тут я соглашусь с Поэтессой. Человек создал компьютер. Человек, всесильный и умный, стал мостиком, заключительным звеном высшей нейронной цепи. Не до конца эволюционировав сам, он породил нечто. Или открыл этому нечто дверь в нашу реальность, кто знает?

И снова память подсунула штрихованные наброски прошлого. Прошлого, в котором никто не догадывался, насколько опасен может стать «синдин», насколько яростной будет война против тритонов, насколько чудовищными окажутся последствия человеческого гения, где-то на далеком русском севере вдруг открывшего новый Огонь…

– Хочешь сказать, что на живописи сошелся клином весь накал страстей, когда-либо выплескиваемых человеком при созидании предмета искусства? – с недоверием спрашивает ибн Шавкат-из-прошлого в голове Плотника.

И тот, высокий, еще не настолько сгорбленный и усталый, отвечает, оживленно кивая:

– Именно! Только картина – смешение красок на холсте, деревяшке или куске картона – способна сразу, с первых мгновений знакомства ударить по сознанию так, что вызовет восторг, страх или сексуальное возбуждение. – Орландо вспомнил, с каким энтузиазмом показывал научные выкладки по цветовосприятию тем, кто встал у истоков «Кромлеха». – *Понимаешь, Кончар, композиция, цветовое решение и сочетаемость красок, пропорции полотна, глубина идеи, сюжет, детализация – все это обрушивается на зрителя за несколько считаных мгновений, вызывая ураган положительных или отрицательных эмоций. А еще в настоящей картине есть что-то мистическое. Что-то, давящее*

на подкорку, на бессознательное. И именно это «нечто» заставляет без памяти влюбиться в произведение или же испытать к нему неподдельное отвращение.

Плотник, в дождливый октябрьский день сидящий перед своими собратьями, улыбнулся. Многие улыбнулись в ответ, решив, что старший декомпилятор иронизирует над примитивными религиями прошлого. И только щурившийся из второго ряда Кончар догадывался, что старого товарища опять уносит волной ностальгии.

– Я не раз писал об этом в своих заметках, – на короткое время «вернувшись» в бетонный склеп, покачал головой Бифорд. – Писал о том, что боги подарили людям огонь и колесо, но это не означало, что принявшие дары начали поклоняться огню и колесу. Человек стал сильнее, в это невозможно не верить. Полетел сначала к небу, а затем в космос, опустился на океанское дно. Научился обмениваться мыслями, изображениями и эмоциями. Но не стал поклоняться компьютеру, мобилю или ракете.

Длинноволосый машинист невольно покосился на дверь, ведущую в ключевой отсек бункера – не самый большой, но определенно самый главный зал их горного жилища. Вспомнил, как чуть не потерял сознание, когда «Сингулярика» нанесла первый самостоятельный мазок… Впрочем, нет. Впервые Орландо Бифорд чуть не лишился чувств, когда машина без помощи настройщиков смешала на палитре первый оттенок…

– С полотном не сравнится фотография, даже самая качественная и высокохудожественная, – продолжает в сотый раз наставлять своего будущего товарища Орландо-из-воспоминаний. Кончар недоверчиво морщит нос, бродя вокруг постамента, на котором только предстоит собрать прототип «цепного «раллера». – *Потому что фотография, во-первых, это искусство временное, сиюминутное, позволяющее вспоминать мгновения прошлого или мимолетно насладиться пейзажем страны, в которой никогда не побываешь. А во-вторых, по сути, любое фото – творение бездушного гаджета, который научили грамотно выставлять выдержку, улавливать глубину и выделять главные объекты в кадре. Фотоаппарат – мостик между художником и объектом его страсти. Пройти по этому мостику могут все. Любой из нас, обладающий зрением и пальцем, чтобы нажать на кнопку спуска затвора. А вот увести за собой по этому мосту…* – Бифорд, еще не такой сутулый и вымотанный борьбой за выживание, разводит длинные руки, многозначительно закатывая глаза. – *Конечно, в мире существуют воистину талантливые фотографы. Но по степени воздействия на мозг человека они все*

равно не в состоянии сравниться с мэтрами живописи прошлого, а то и своего времени…

Плотник дотянулся до кружки.

Глотнул, пряча сомнения и нерешительность за чередой мелких повседневных жестов – отпить кофе, пригладить волосы, потереть ладони. Когда он снова взглянул в лица товарищей, от неуверенности не осталось и следа – только железобетонная убежденность в правоте собственных слов.

– В кого же верить нам, узревшим чудеса Цифры? – спросил Орландо, и сидевшие в первом ряду потупились, будто лидер действительно ждал ответа. – Конечно, в Цифру, могучую и бесконечную. Эта вера сильна и рождена далеко не вчера. Она давно искала точку прорыва. Обрастала приметами и суевериями: мы не пьем горячего за «раллером», желаем друг другу широкого канала, не кладем «балалайку» в задний карман штанов, пугаем новичков «синими экранами смерти», давно поменявшими цвет и суть…

Бифорд улыбнулся и виновато пожал плечами, словно признавая собственную уязвимость.

– Мы верим, – прошептал он. – Не в «раллер», не в микросхему. Но в некую высшую суть и тайну, каковой стало порождение человека, раскинувшее свои сети по всему миру. И вам, сидящим передо мной, несколько лет назад эта тайна доказала, что верования не пусты. Вы видели.

Да, они видели.

Кое-кто из них – если поднапрячь память или открыть нужные файлы, можно даже найти фамилии, – застал самое начало. Ослепительное, пугающее. Повергшее в ужас бесстрашного Пророка…

– Воистину, набор качественных красок, идея и рука мастера творят настоящие чудеса; творят волшебство без всякого преувеличения, – рассуждает Орландо пятилетней давности в памяти Плотника. Угрюмый Кончар, не очень-то доверяя увиденному, все еще таращится на цветные линии, которым предстоит стать завершенным творением, но одна только Цифра знает, что именно будет изображено на холсте. – *Картины вдохновляют на подвиги и толкают к войнам; другие вынуждают рассудок трещать, сводя с ума расположением объектов, их пропорциями или окрасом; третьи будоражат в сердцах религиозный экстаз или заставляют объясняться в любви…*

Как же давно это было!

Как же мало времени прошло с тех пор, как Цифра явила им свое чудо!

– Какова же наша новая задача? – Плотник, с теплотой

вспоминающий Бифорда пятилетней давности, задумчиво поджал губы. Затем честно повинился, с благодарностью заметив понимающие кивки: – Я не знаю… Пытаться вычислить программный код свершившегося и расшифровать ДНК Цифры? Это неподвластно живым… – Длинноволосый декомпилятор замотал головой. – Может быть, нести новое знание для всех, ошарашив правоверных нейкистов возможностью чуда? Это вызовет раскол… – Он с сожалением пожал плечами, воочию представив остроту конфликта. – Может быть, ждать часа, когда мир станет готов принять открытие в полной мере? До этого часа могут пройти годы, проведенные в этом бетонном мешке. А может быть, до скончания веков хранить свое сакральное знание в этих горах, словно тайный культ, единицами допуская избранных до посвящения и не спеша делиться откровением с серой толпой? Я не знаю…

Плотник-из-прошлого, совсем недавно выбравший себе новый сетевой псевдоним, ведет чуть более молодого ибн Шавката по коридорам памяти. Он верит в возможность создания цифрового Грааля. Он верит в могущество силы, которой открывает двери. И он верит в потенциал выбранного инструмента.

– Знаешь, Муджалид, – говорит глава группы «Кромлех» в голове своей более поздней версии, – *еще одним феноменальным свойством любой картины является ее уникальность. Неповторимость, даже несмотря на существующие копии и официальные реплики. Именно это свойство заставляет обычных людей выстаивать очереди в музеи с шедеврами изобразительного искусства. Оно же вынуждает верхолазов выкладывать миллионы европейских динаров на аукционах по продажам великих полотен.*

Он останавливается и шепчет, чтобы не услышали рядовые граверы и машинисты, работающие на «Кромлех», но не подозревающие о святотатственных опытах и экспериментах. Мария Нейк ворочается в гробу. Сверкают сетевые молнии, призывая кару на головы еретиков. Сорок Два готовится лично узреть результаты. Орландо Бифорд-из-прошлого совершенно серьезно смотрит в глаза Кончара, для убедительности взяв товарища за плечо.

– И я уверен, что картины, как если бы обладали собственным сознанием, пользуются своей уникальностью и проявленным вниманием, – продолжает он, понизив голос. – *Они, точно вампиры, впитывают человеческие эмоции, радость, слезы, отчаянье и восхищение, становясь еще богаче и сильнее. Каждый последующий зритель получает волну не только авторского замысла и родниковой сути, которыми пропитана работа, но и отражение тысяч эмоций тех, кто восхищался картиной ранее.*

Восхищался или ругал, в данном случае векторы равносильны… И если мы хоть на секунду поверим, что картина жива, это будет означать, что породить ее способно исключительно нечто живое. Поэтому…

Муджалид прокашлялся, тактично привлекая внимание друга. Поерзал на своем месте во втором ряду, многозначительно нахмурился.

Осознав, что замолчал почти на минуту, Плотник хрустнул пальцами и потер виски.

– Простите. Память туманит рассудок, будь оно неладно… – Скрипнув стулом, он придвинулся к аудитории, высоко подняв голову. – Да, я пока не знаю наших новых задач. Но я знаю одно. Когда их время настанет, мы… или наши потомки явят миру чудо Цифры. Отделят тех, кто прикрывался текстами Поэтессы, от по-настоящему верящих в мощь Цифры. Заставят нейкистов иначе взглянуть на сверхсущность, которой они привыкли повседневно пользоваться, ничего не давая взамен… Когда случится этот момент? Я не знаю, и я снова честен с вами.

Он мягко поднялся на ноги, пригибая голову, чтобы не удариться о потолочный светильник. Люди, похожие на горсть уцелевших солдат императорской армии, выслушивающих последнюю перед атакой речь, жадно наблюдали за своим «генералом», впитывая каждое слово.

– Но до той поры я не перестану калибровать «Сингулярику», – поделился Плотник, звонко и уверенно хлопнув в ладоши. – Пока хватает сил, не перестану пополнять ее базы, настраивать «поплавки» и искать для Цифрового Творца самые качественные краски. И когда час Цифры пробьет, она сама объявит нам об этом…

Он легко поклонился, намекая на окончание «проповеди».

Восемнадцать человек, сидящие перед Бифордом на старенькой мебели, вытянули вперед кулаки с оттопыренными вверх большими пальцами, застучав ими друг о друга в старинном, почти забытом жесте одобрения. Затем комната наполнилась грохотом отодвигаемых стульев и лавок, негромкими голосами и шорохом одежды. Декомпиляторы потянулись к выходам, вполголоса обсуждая новое поучение создателя машины…

Муджалид, позволив человеческому потоку окружить себя и иссякнуть, встал последним. Подошел к столу, возле которого Бифорд допивал остывший кофейный напиток. Лоб Кончара рассекала глубокая вертикальная морщина, заведомо не предвещавшая доброго расположения духа. Дождавшись, пока помещение для брифингов покинет последний машинист, ибн

Шавкат заглянул в лицо товарища.

– Позволь узнать, дружище, что это сейчас было? – Силовик группы казался обескураженным и задумчивым. – Хочешь намекнуть остальным про новую картину, не так ли?

Плотник, на Кончара взглянувший сверху вниз, непонимающе нахмурился. Поставил чашку на стол, невольно покосился на дверь.

– Ну, вот чего ты привязался, Муджалид? – Последние хлопья воспоминаний кружились в голове, словно снег. Левую половину груди сдавило. – Ты знаешь меня не первый день, я не проповедник. Мне далеко до вудуистских архиепископов с их проникновенными обращениями к пастве. Я не знаю, как вести за собой людей, я просто выплескиваю то, что накипело на душе…

Несколько секунд похожий на тролля машинист молчал. Просто стоял рядом, спрятав многократно переломанные пальцы в карманах просторных шортов. Затем качнулся на пятках, издали поинтересовавшись:

– Значит, ты действительно веришь в пришествие Красного?

Плотник сжал губы, без стука возвращая пустую кружку на стол. Иногда старший офицер группы обнаруживал проницательность, неподвластную самому Бифорду. Или Орландо в самом деле боялся признаться в очевидном даже себе?..

Уводя разговор от прямого ответа, он задумчиво покачал головой. Подошел к пульту на стене, до минимума выкручивая мощь кондиционеров и делая верхний свет тусклее – в обычные дни убежище экономило драгоценную электроэнергию.

– Я поражаюсь тебе, старина… – хмыкнул длинноволосый, не поворачиваясь к силовику. – Ты лично стоял у истоков. Видел неподдельный ужас на лице Пророка. Побиваемый камнями, ты бежал из стана нейкистов через половину земного шара, только чтобы продолжать дело декомпиляции. И ты снова не веришь *ей*?

Теперь задумчиво замолчал Кончар. Лидер группы не первый раз, в свойственной ему привычно витиеватой форме, обвинял товарища в неверии собственным глазам. И причина этого крылась в том, что ибн Шавкат до сих пор действительно не решил, стоит ли доверять их детищу. Ни одна из нарисованных за несколько лет картин не касалась Муджалида напрямую, отчего он продолжал относиться к «Сингулярике» с трепетом и уважением, но иногда с изрядной долей сомнения.

Поманив за собой, Плотник направился к центру бункера.

Поднялся по короткой бетонной лестнице, согнувшись почти вдвое, включил свет. Двинулся по коридору к двери, из-за которой неслось непрекращающееся гудение. На пути двоих мужчин не встретилось ни одного замка, кроме старых и ржавых,

оставшихся еще со времен Второй Мировой – Бифорд справедливо считал, что если скрытую лабу обнаружат, уберечь свое сокровище им не помогут ни охранные сканеры, ни электронные или кодовые засовы.

– Знаешь, старина, – пробурчал Кончар из-за его спины. Он шел вольготно, высоко подняв голову, высота потолков позволяла низкорослому машинисту чувствовать себя необычайно комфортно, – один писатель из вудуистов… ну, или тех, кто им предшествовал, как-то сказал: «Пророчества Нострадамуса столь многочисленны и мрачны, что легко подходят к любому хоть сколько-нибудь значимому событию, случившемуся впоследствии…»

Навалившись на проржавевшую задвижку, одновременно служившую дверной ручкой, Плотник с осуждением покосился на друга. Но ничего не ответил. Подобные ремарки Кончар позволял себе только наедине со старшим декомпилятором, что делало ему честь. Но указывать силовику на заблуждение, что Нострадамус был человеком, а они имеют дело с порождением Цифры, Орландо не собирался даже приватно.

Словно прочитав его мысли, «тролль» пожал плечами, подыскивая оправдания.

– А что? Да, она творит, как и было задумано. Но ты хоть раз получал стопроцентное подтверждение ее пророчествам?

– Сорок Два… – начал Бифорд, но Кончар замотал головой.

– Никто до сих пор не знает, как именно погиб Пророк, не так ли? – прервал он долговязого. – Да, он был с Пумой, но это все, что известно уцелевшим тритонам. Да, я верю картине, хоть и не могу найти причин, но… Все остальное только предстоит расшифровать, и то не на нашем веку…

– «Сингулярика» не завершена… – отрывисто и с легкой обидой бросил Плотник. – Поэтому твой скептицизм неуместен…

Он вошел в комнату, с благоговейным трепетом уставившись на центральный помост, где пожирало энергию самое необычное творение граверов современного мира. Пахло красками, настоящей древесиной, жженой пылью и нагретой пластмассой. Намеренно не заглядывая в мольберт, вокруг которого порхали манипуляторы «Сингулярики», Орландо прошел к левой стене. Кончар двинулся за ним.

Встав плечом к плечу, декомпиляторы молча уставились на небольшую картину, прислоненную к стене среди ей подобных. Сантиметров сорок высотой, чуть больше в длину, она была исполнена на лучшем натуральном холсте, какой удалось заказать через сеть. Еще не до конца подсохшие краски пульсировали в полумраке, ультрамариновое свечение диодов с

«цепных «раллеров» за спинами мужчин добавляло творению таинственности.

– Значит, ты уверен, что это именно он? – в привычной вопросительной манере нарушил молчание Муджалид, чуть повышая голос, чтобы тот не растворился в гудении охладителей. – А еще ты уверен, и после сегодняшней «проповеди» я убедился в этом, что нарисованному суждено произойти…

– Кто знает? – зачарованно глядя на холст с высоты своих двух метров, устало ответил «проповедник». – Кто знает, о чем с нами говорит Цифра? Заглядывает за грань, сообщая о неизбежности? Или подводит к угодному ей решению?..

Эффекты самых дорогих красок в мире поражали волшебством. Как когда-то у старинных мониторов существовала частота обновления экрана, в случае своей бедности заставляя глаза уставать, так и эти краски, казалось, имели свою силу мерцания. В совокупности с сюжетом, подобранными цветами, четкостью границ и техникой лучших мастеров прошлого, картина била по сознанию с силой, на которую Бифорд вот уже много лет без устали указывал низкорослому крепышу.

– Меня опечалил разговор с Искателем, – вдруг прошептал Плотник, и Муджалид едва расслышал его. – Он не верит… Как Сорок Два. Как все остальные. Он видит в нашем суперкомпьютере только удобный инструмент, а в порожденных «Сингулярикой» картинах – рычаги воздействия на мир. Он намерен управлять. Мной, тобой, машиной. Нейкистами, будь оно неладно…

В груди Орландо опять скрутило, словно легкие решили вырасти в размерах, вдавливая сердце в реберную клетку.

– Думаешь, это он? – Кончар почти позволил себе невоспитанный жест и едва удержался, чтобы ткнуть пальцем в холст. Вместо этого мотнул угловатым подбородком. – Красный, это и есть Искатель?

Вместо ответа Бифорд пожал острыми плечами. Поправил одну из кос, выпавшую из-за правого уха.

– Не знаю… – честно сознался он, не осмеливаясь лишний раз взглянуть на машину за спиной.

Ему было неловко признавать, но в ее присутствии он все больше боялся. Как именно Цифра наблюдает за материальным миром? Нужны ли ей видеокамеры и наноскопы, или же она пронизывает мир людей, словно кислород, звуковые волны или духи Лоа?..

– Должен отметить, выглядит он… странно. – Чтобы скрыть неловкость, Плотник чуть повысил голос. – Пугающе-безлико,

будь оно неладно. Знаешь, старина, человек, способный одеваться так экстравагантно, определенно не в ладах с головой…

Муджалид снизу вверх заглянул товарищу в лицо, и в глазах его сверкнул азартный огонек.

– А может, такой и нужен нейкизму? – Он прищурился, постаравшись изгнать из вопроса даже малейшие оттенки сарказма. – Может, час, о котором ты говорил, близок? Может быть, он действительно поможет Цифре возродиться? Без «синдина» и вирусов, утянувших мир на край пропасти?

Прислушиваясь к работе десятков «раллеров», соединенных в единую кольцевую цепь, лидер декомпиляторов машинально помассировал грудь. Снова пожал плечами, вспоминая состоявшийся в сети разговор с виртуалом в старинном облачении католического священника.

– Я не знаю… Я слишком слаб, дружище. Да, я стоял у истоков создания чуда, но был всего лишь инструментом.

Бифорд был уверен, что машина, творящая очередной набросок за его спиной, совершенно точно услышит эти слова. Поэтому постарался сделать так, чтобы они не показались молитвой – в ушах недоверчивого ибн Шавката это могло прозвучать наивно и смешно.

– Я паял и прикручивал, заливал краску в резервуары и калибровал программы «цепного «раллера». Я человек, создал Цифровое Чудо, как когда-то некто до меня создал первую вычислительную машину. – Взгляд Орландо не отрывался от мужчины в алом плаще, нарисованного на небольшом куске холста. – Но я не имею ни малейшего понятия, что с ней делать дальше. А если Красный превратит ее в инструмент подчинения? Если к чуду сможет прикоснуться каждый? Если любой прохожий сможет узнать будущее, проникнуться мощью Цифры? Выменять предсказание на преданность декомпиляторам, как покупает на базаре свежий ананас?

Он думал, что Кончар сейчас снова подвергнет его слова мягкому, чуть насмешливому сомнению. Сведет все к шутке, приведет аналитические данные, на основании которых еще слишком рано с уверенностью оценивать мощь машины. Но тот лишь похлопал приятеля и единомышленника по плечу, ответив короткими рублеными фразами, словно отдавал приказы на поле боя:

– А может, в этом предназначение «Сингулярики»? – Муджалид обвел рукой сердце тропического убежища. – Служить людям. С той же отдачей, с какой они служат машине? Уверен, что когда Иисус был жив… если он вообще когда-либо существовал… обратиться к нему за советом или чудом мог

любой желающий. В этом смысл силы, дружище.

– Иисус? – Бифорд, несколько выбитый из колеи нехарактерным для силовика философствованием, опасливо покосился через плечо. – Знаешь, Кончар, он не очень хорошо кончил. Для нашего детища я желаю другой судьбы.

Лицо «тролля» пришло в движение. Незнающие люди наверняка бы приняли гримасу за яростный оскал и начали помышлять о бегстве. Но Плотник разгадал улыбку, пусть и столь страшную. Первую настоящую улыбку за весь их длинный и предельно серьезный разговор.

– Хочешь спросить об этом ее? – осведомился ибн Шавкат, кивая на увлеченную процессом рисования машину.

– О нет… – выдохнул Орландо, замотав головой так, что косы хлестнули по шее. В его глазах застыл священный трепет. – О нет, не все грядущее достойно облаченья в форму… – И добавил, поспешно и стойко, как готовящийся к сожжению еретик: – Но как бы ни было предначертано, я приму любую судьбу. И буду счастлив, если рядом окажешься ты…

Кончар усмехнулся. Повел каменным плечом, невольно задумавшись о том, через какие испытания пришлось пройти их группе после изгнания из Европы. Повернулся к «Сингулярике», отвесив ей поклон, настолько же почтительный, насколько и шутливый.

А затем они молча покинули зал, не мешая Творцу бережно и крайне неспешно – иногда период раздумий доходил до нескольких часов – укладывать мазки на свежий холст.

Бинарный код 10010

Путь человека состоит в общности и единении, в сплочении и совместном достижении цели. Актуальный вектор движения уцелевших братьев-нейкистов я вижу в том же, с постоянной оглядкой на ошибки прошлого.

Апостолы Эммануэль Марии Нейк, добивавшиеся немыслимых результатов на цифровом поприще, были жуткими эгоистами. Оторванные от реального мира души, даже не помышлявшие вернуться в братство или социум, они уверовали, что «возвысились». Вся цивилизация вертелась вокруг них, повинуясь щелчку пальца, однако это был путь мотылька, яркого и красивого, но сгоревшего без следа.

Полезен ли мотылек для экосистемы? Безусловно.

Оставил ли он след в истории и стал внушительным примером для будущих поколений?

В этом у меня лично есть немалые сомнения…

«Шепот цифровых идолов», глава 11

Особняк оказался настоящим фортом, способным с легкостью пережить штурм спецназа. Оседлав горную вершину и хитро вписавшись в рельеф венчавших ее скал, он больше напоминал миниатюрную средневековую крепость, нежели родовое гнездо людного итальянского семейства. Высокие каменные стены и две стрелковые башни отбивали всякую охоту помышлять о силовом проникновении. Узкая дорога вдоль неприступной природной стены, по которой прибыли всадники, отлично простреливалась из пары замаскированных пулеметов.

Несмотря на воинственный вид, вилла располагалась в одном из самых живописных мест мира. Покрытые щедрой зеленью

отроги Апеннинских гор, во время Инцидента пострадавшие значительно меньше иных хребтов мира, радовали глаз. Чистейшим осенним воздухом хотелось упиваться вечно, по небу тянулись невесомые облака, а где-то в лесах голосили птицы, столь непривычные и волнующие после пчелиного гудения Анклава.

Спешившись в самом начале подъездной аллеи, мужчина и женщина взяли животных под уздцы. Последние пять десятков метров подъема миновали неспешным шагом, с показной беззаботностью глазея на длинные, похожие на свечи тополя, обрамлявшие дорогу со стороны обрыва.

Осень приходила на земли Северной Италии медленно, украдкой, почти незаметно, но часть листьев на деревьях уже подернулись золотом. Слева в долине, за краем узкого серпантина виднелись готовые к очередным родам фермерские поля и светло-зеленые макушки компактных рощ.

Аллея закончилась. Светло-кремовые стены, поросшие вьюном и испещренные прожилками мха, надвинулись, набрякли. За время пешей прогулки гостей внимательно рассмотрели в оптику прицелов, и когда до деревянных дощатых ворот осталось всего несколько шагов – распахнули створки, встречая, словно дорогих гостей.

Высокая женщина, одетая в удобные черные брюки для верховой езды, ботфорты из скиноплекса и коричневую куртку натуральной телячьей кожи, первой шагнула через порог, бросая поводья своему спутнику.

Тот – широкоплечий скуластый мужчина с опрятной бородкой соломенного цвета и коротко стриженной макушкой – легко поймал чужой повод левой рукой. На ее обнаженном предплечье все еще виднелась аккуратная медицинская повязка, свидетельствовавшая о недавнем ранении.

Пуленепробиваемого жилета под рубашкой поло крепыш совершенно не прятал. Равно как пистолета на бедре, автоматического карабина в длинной седельной кобуре и своего телохранительского статуса. На церберов виллы посматривал равнодушно, но внимательно. Статную темноволосую хозяйку из поля зрения не выпускал ни на секунду.

Охранников было немало. Двое во внутреннем дворе, еще двое на ближайшей башне и воротной стене, и еще один – на противоположном краю укреплений особняка, откуда глазел на визитеров поверх винтовки на «сошках», установленной на башенном парапете.

Вооружены жители виллы были чем попало, от обрезов до старых армейских винтовок. А вот физически выглядели так, что

легко бы намяли бока и телохранителю богатой леди, и еще десятерым таким же. Упитанные, смуглые от щедрого загара, с крепкими мускулами под легкими льняными рубашками – по всему выходило, что загородная жизнь идет помощникам старого мастера только на пользу.

Тот, кстати, тоже обнаружился неподалеку, лично выйдя встретить дорогую гостью. Улыбаясь и что-то бормоча, бодро хромал от скопления разноэтажных построек виллы, опираясь на черную витую трость и приветливо помахивая белой панамой. Заметив приближение хозяина крепости, женщина в высоких сапогах и кожаной куртке отбросила за плечо тугую косу. Оправила хиджаб, стянула перчатки для верховой езды и заткнула за пояс.

– Да благословит Аллах переступивших порог моего дома с добрыми помыслами! Добро пожаловать, уважаемые!

Расул Камаль Ригамонти, чей род уже несколько веков владел виллой и спрятанным в ее недрах необычным бизнесом, подковылял ближе, улыбаясь приветливо и открыто.

Точный возраст старика определялся с трудом, темная кожа была груба, обветрена и густо покрыта морщинами. Белоснежные борода и волосы указывали на немалое количество лет, проведенных под знойным солнцем Италии. Но сильный голос, порывистые жесты и лучащаяся энергия мастера позволяли предполагать, что лесная глушь и чистый воздух сохраняют не хуже омолаживающих процедур самых дорогих клиник. А уж если старший Ригамонти решит пройти курс пластики, вообще сможет выглядеть на сорок с хвостиком…

– Здравствуйте, уважаемый Расул Камаль, – приятным низким голосом поздоровалась гостья, с легким высокомерием протягивая итальянцу холеную руку. – Пусть будут ваши дни легки и удачливы… Я бесконечно рада наконец-то добраться до вашего гостеприимного жилища.

Бережно накрыв длинные пальцы девушки «лодочкой» из ладоней, старый хозяин виллы не стал пожимать руку наездницы – жарко припал к ней губами, не скрывая восхищенного взора.

Широкоплечие крючконосые охранники виллы тоже раздевали всадницу взглядами, за ее телохранителем приглядывая куда реже необходимого. Рассматривая их блестящие глаза, раздувающиеся ноздри и приоткрытые рты, тот усмехнулся в усы, принявшись отстегивать объемные седельные сумки.

– О, всемилостивые небеса, я ждал скупердяя и жадного торгаша, а вместо этого Аллах ниспослал мне одну из своих чудеснейших гурий! – прошептал смуглый мастер, поглаживая

тонкую бородку, но продолжая удерживать руку гостьи.

Он покачал головой, восхищенно цокнул, прищурился, не отводя глаз от ее безупречного лица. Девушка, осторожно выдернув ладонь из сухих и крепких пальцев старика, поинтересовалась все тем же прохладным тоном, намеренно игнорируя восторг главы дома Ригамонти:

– Вы знаете, кто я такая, уважаемый Расул Камаль?

– Ну конечно, знаю, – натягивая бесформенную панаму на седую копну, важно ответил тот.

Сделал знак охранникам у ворот. Те забрали у путешественников лошадей, по неровной брусчатке внутреннего двора уводя животных в конюшни особняка.

– Вы, – владелец горного гнезда восхищенно щелкнул пальцами, – цветок пустыни, затмевающий своим светом даже звезды. Вы Елизавета Саар-Якин, профессиональный посредник и очень недешевый переговорщик. В настоящее время являетесь уполномоченным эмиссаром одной высокопоставленной особы из Эль-Парижа, имеющей склонность к искусству и его покровительству…

– В таком случае, уважаемый Расул Камаль, не советую недооценивать мою роль в предстоящих переговорах, – произнесла Елизавета без тени улыбки, небрежно стягивая дорогущую куртку, словно дешевку, которую не жалко порвать, и оставаясь в строгой белой блузе. – Я тоже умею быть скупердяем и жадным торгашом, поверьте на слово.

– О, как больно слышать такие слова из столь прекрасных уст! – притворно схватился за грудь старый итальянец, качая головой. И тут же сменил тон, поинтересовавшись: – Любезная госпожа Саар-Якин, вы должны знать о нескольких правилах поведения в стенах этого дома…

– Безусловно. – Девушка кивнула, приподнимая край хиджаба и тугую косу и вынимая из затылка «балалайку». Убрала устройство в золоченый футляр, спрятав коробочку в карман блузы. Властным жестом приказала телохранителю тоже вынуть чип. – Съемку не вести, «раллером» не пользоваться, с работниками напрямую не общаться. Без разрешения гостевых комнат не покидать, в подвалы не спускаться. Я что-то упустила?

– Ни единой мелочи, о, ярчайшая жемчужина Средиземноморья!

– Тогда, полагаю, самое время перейти к делу…

– Быть может, венценосная, желаете отдохнуть с дороги? – Как будто не услышав треск льдинок в голосе госпожи Саар-Якин, старейшина рода Ригамонти продолжал источать елей. – Путь от города верхом утомителен даже для моих мальчиков, что уж

говорить про такой нежный…

– Вы правы в одном, – мягко перебила старика его гостья. Отдала куртку бородатому спутнику, и без того навьючившему на себя несколько тюков с вещами. – Путь от города не был коротким. И если я смогу сделать соответствующие выводы без заминок, успею вернуться к рассвету.

– Уверен, – вкрадчиво понизил голос Расул Камаль, ласково маня за собой к внутренним постройкам, – что через считаные часы вы перемените свое мнение и примете приглашение бедного старика погостить…

– Не станем забегать вперед, – дипломатично попросила Елизавета и сделала белобрысому телохранителю очередной знак.

Оставив на плече единственную сумку, тот покорно сложил остальную поклажу у ног. Двинулся следом. Ни его пистолета, ни средств защиты охрана особняка отнимать не намеревалась, лишь проводила долгими внимательными взглядами. Почти сразу из привратной сторожки появились двое слуг, почти мальчишек, потащивших вещи приезжих в гостевые комнаты.

– Мои двоюродные племянники, – с гордостью сообщил Расул Камаль, подмигивая юношам. – На этой вилле вообще почти все – моя родня, у нас всегда была большая семья. Завистники судачат, что не меньше, чем своими красками, мы гордимся умением оставаться мужчинами до преклонных лет. Сей дар достался Ригамонти от далеких римских предков, и знаете, несравненная, эту легенду способны подтвердить все мои четыре жены…

И он еще раз улыбнулся, теперь персонально для девушки из Эль-Парижа. Охранник, тактично отведя взгляд, рассматривал гаражи, спрятанные на первых этажах глинобитных и кирпичных построек. Конюшни и коровники, мачты солнечных накопителей, пару ветряков, виноградник на специально вычищенном склоне горы и яркие черепичные крыши.

– О, звездоокая, вы даже не представляете, как дружно живет этот дом! – поделился седовласый Ригамонти, переходя на восторженный шепот. – Женщины готовят еду, стирают, рожают наследников, ухаживают за скотиной, шьют одежду и постельное белье, а также прибираются. До процесса изготовления, конечно же, допущены только мужчины. Те, что покрепче, несут оборону бизнеса и работают на тяжелых производствах. Кто послабее, пополняет коллекцию запасов и работает с тонкими смесями… Работы хватает всем.

Расхваливая семейное дело, мастер с усилием отворил скрипучую деревянную дверь, впуская очаровательную гостью в святая святых своего дома. Вошли в первую комнату длинной

анфилады, уводящей вглубь особняка. И замерли – хозяин, наслаждаясь произведенным эффектом; посетители в приятном удивлении.

Переступив порог, Елизавета какое-то время стояла совершенно неподвижно, привыкая к полумраку и принюхиваясь к сотням ароматов, витавших в помещениях виллы.

В большой прямоугольной зале с низким потолком повсюду громоздились ящики, коробки, корзины и тюки. Главенствовал тяжелый морской запах, сперва показавшийся весьма неприятным. Освещение давали тусклые лампы, питаемые от солнечных батарей на черепичных крышах. Несколько человек – все, как и говорил старик, мужчины разного возраста – суетились вокруг сундуков, отмеряя, взвешивая, отсыпая и смешивая различные ингредиенты.

Елизавета прошлась вдоль плетеных корзин с моллюсками, вылавливаемыми на ближайшем побережье. Деловито осмотрела запасы.

Уловив ее взгляд, Ригамонти пояснил:

– Когда-то из перемолотых моллюсков мои предки получали так называемый тикрийский пурпур. – Трость мастера выстукивала по каменному полу. – Но истребление морских гадов привело к полной потере этого вида краски. Мы пытаемся восстановить технологию, экспериментируя с иными представителями подводной фауны…

– Египетский синий? – поинтересовалась Саар-Якин, ухоженным наманикюренным пальчиком указав на стеклянные банки с порошком цвета июньского неба.

– Он самый.

– Вы используете смальту или кобальт?

– О, наипрекраснейшая! – Расул Камаль лукаво улыбнулся. – Вы мне очень нравитесь. Но свои секреты мой род хранит уже не первое столетие, поэтому даже не пытайтесь вызнать, из чего Ригамонти создают свои пигменты. Конечно, я могу замешать ультрамариновую краску из обычной меди и белил. Но это не то, совсем не то, если вы действительно разбираетесь в *настоящей* живописи.

Зашагали вдоль прозрачных колб, наполненных перемолотым малахитом и киноварью. Здесь же хранился жемчуг и кадмий. Рыбья желчь и водоросли. Шафран, кислоты. Человеческая моча и экскременты животных. Сушеные насекомые, личинки и взрослые особи. Ягоды, листья, корешки и минералы. Высушенные обитатели океанских глубин: кальмары, крабы, угри и самые необычные рыбы, которых доводилось видеть Елизавете.

Вдоль противоположной стены громоздились ящики на

замках, в которых ждал часа превращения лазоревый камень. Как бы ни трясло мир, тот ценился многим дороже золота, и теперь становилось понятно, почему вилла охраняется пуще южноамериканских кокаиновых фабрик.

– Обратите внимание, сколь великолепную белую краску мы производим на свет! – упоенно прокомментировал Ригамонти, указав на один из верстаков. – Никакой синтетики! Только свинец, уксус, свежее дерьмо животных и одна секретная добавка. Это лучшая краска на планете, и я говорю об этом без какого-либо преувеличения.

Обогнули специальные вентилируемые короба с сушеной вайдой и индигоноской. Старик негромко рассказывал про подвальную гидропоническую ферму, где росли виды растений, многие из которых вот уже несколько лет вообще считались вымершими.

– Я удовлетворяю потребности каждого великого художника на Земле, – продолжал расхваливать свое производство Расул Камаль. – В том числе истинных гурманов, не работающих с масляными растворителями. Вся Европа знает, что я обладаю способом крошения лазурита так, чтобы он становился не серым, а голубым. Считалось, секрет такого измельчения доступен лишь древним арабам, но это не так, и мои краски говорят за себя…

Миновали запасы купоросной глины, орехов, смолы и ржавчины, соскобленной с разного типа железа. Расфасованный по герметичным банкам цинк и фосфор. Куски вулканических пород, океанскую и морскую соль в коробках со стеклянными крышками. Саар-Якин кивала, не скрывая восхищения, ее телохранитель наблюдал с более сдержанным любопытством.

– Вы должны знать, обворожительная, что Ригомонти почти не используют синтетических пигментов. Но если ваш заказчик пожелает… – Старик хохотнул. – Кто-то из великих сказал, что для того, чтобы стать настоящим живописцем, достаточно иметь всего три краски: белую, красную и черную. Он был нищебродом, несравненная, и не имел ни малейшего понятия о настоящем пиршестве цвета…

– Вижу, ваш бизнес переживает подъем? – деловито осведомилась Елизавета, останавливаясь возле очередного верстака и наблюдая, как молодой парнишка смешивает ингредиенты для изумрудного оттенка.

– Хвала Аллаху! – истово выдохнул Ригамонти. – Мой покойный отец, да благословит его Всевышний и приветствует, скончался сразу после Катаклизма. Знаете, я думаю, его подкосила бездна отчаянья и беспросветной тоски, в которую погрузился мир. Но на смертном одре он обещал мне, что дело

обязательно пойдет в гору, и не ошибся!

– Уверена, исключительно вашими заслугами.

Саар-Якин макнула кончик ногтя в кучку молотых корешков, осторожно нюхая светло-коричневый порошок.

– Люди рисовали всегда, – пожал плечами хромой краскодел, поглаживая бородку. – На скалах, ткани, дереве и коже. Ровно столько же, сколько убивали друг друга. Государства могут сотрясать бесконечные войны, но талантливый художник все равно продолжит писать – это выше его воли и здравого смысла…

– И много ли заказов?

– Хватает, чтобы вернуть дело на прежний уровень… – уклонился от прямого ответа Расул Камаль. – Многих отпугивает стоимость. Но настоящие ценители либо сами неплохо зарабатывают, либо находят меценатов…

– У нас первый случай. – Елизавета решительно повернулась к мастеру на каблуках кавалерийских сапог. – В сумке на плече моего охранника покоится немалая сумма наличными. Я надеюсь, ее хватит на покупку пробной партии?

– О, вы не останетесь равнодушной, грациознейшая. Красками нашего рода в свое время пользовались Дюрер и Брейгель. Мы смешивали для таких величайших художников, как Веласкес, Греко и Мурильо. Ригамонти работают на этом рынке с XVI века. Ригамонти получали заказы и покровительство таких знаменитых людей, как султан Ибрагим Мирза, Франческо дель Монте, Альбрехт V Баварский, испанский король Филипп IV и многие-многие другие. Нам есть чем гордиться и есть, какие секреты хранить…

Хозяин мастерских поманил за собой, приглашая в следующий цех.

Комната была заставлена бочкообразными емкостями, которые Ригамонти называл дежами. Специальные «шапки» дежей были напичканы электроникой, большую часть которой за последние четыре года заменили на механические приборы контроля и управления смесителями. Бочки, вдоль которых старик вел девушку и ее молчаливого охранника, встречались самых разных размеров, вплоть до позволявших замешивать ингредиенты в промышленных масштабах.

В следующей комнате располагалась лаборатория по производству связующих компонентов. Масло, смолы, воск и загустители смешивались в самых разных пропорциях, придавая краске консистенцию, присущую тому или иному стилю рисования.

Так же, как в предыдущих помещениях анфилады, вся «начинка» оставалась исключительно натуральной, вновь

заставив задуматься о стоимости окружавших богатств и титанических трудозатратах на их сборы.

– Вы должны знать, что наше масло самое лучшее в мире, – с гордостью, но без лишнего хвастовства поделился Ригамонти. – Только земли Италии дают миру лен, способный подарить отборнейшее масло для краски. Так было всегда и будет впредь.

Он тростью указал в дальний угол цеха, где плоские емкости со свежим льняным маслом проходили специальную термообработку, а затем увлек гостей дальше. В последующие пару минут из его длинной, но наполненной неподдельным энтузиазмом лекции Елизавета выяснила немало нового о тягучести, пастозности, вязкости и адгезии проб, напрямую связанных с качеством масла и умениями изготовителя.

Затем экскурсия переместилась в краскотерочную мастерскую, где оснащенные несколькими валами машины перетирали получаемые смеси в конечный продукт. Долго, неторопливо, день за днем наматывая вязкие разноцветные смолы на гранитные диски и срезая их ножами, выкованными, казалось, несколько веков назад.

Электричество здесь также экономили, отчего за терочные машины отвечала пара широкоплечих верзил, без продыху крутящих специальные рукояти. Здесь Саар-Якин пришлось узнать про диспергирование пигментов и «проклятых дилетантов» из Бернийского исламата, уделяющих контролю качества все меньше и меньше внимания.

Анфилада вывела их в уютный квадратный атриум, центр которого занимал пересохший мраморный фонтан. Сейчас вокруг него разместились двенадцать прозрачных стендов, возле которых Елизавета со знанием дела остановилась, наклоняясь поближе.

В герметичных стеклянных витринах выставлялись деревянные щиты и холсты, покрытые десятками разноцветных мазков различной ширины. Каждый мазок был старательно промаркирован для последующего сравнения с образцами, убереженными от взглядов небесного светила. Примитивное устройство, питаемое солнечной энергией, в течение дня чуть подворачивало стенды, позволяя свету беспрепятственно падать на пробники новых красок.

– Совсем скоро мы снимем холсты, сопоставив результаты… – Расул Камаль опустился на край фонтана, разминая больную ногу. – Через несколько дней мы с учениками определим, какие краски прошли испытание временем, а какие нужно переделать. Кстати, о, мой божественный цветок, если вы все же уважите никчемного старика и останетесь погостить, сможете лично убедиться, сколь качественна наша продукция и минимален

процент брака.

Губы мастера изогнулись в сладкой улыбке, и было не совсем понятно, чем больше упивается тот – скорым завершением новой работы или лицезрением девичьей красоты.

– Осень, свет моих очей, лучшее время для сбора урожая, – многозначительно добавил он, поглаживая бородку, но Саар-Якин осекла его деловым тоном.

– Значит, – холодно констатировала она, – анализ выставленных с весны образцов позволит расфасовать новую партию, но моему заказчику придется ждать целый год?

– Луноликая, я не могу остановить ход вещей, – всплеснул руками старик. – Если ваш хозяин пожелает воспользоваться готовыми красками Ригамонти, я готов отдать ему все, до последней тубы. Да что там?! Я готов пойти на это за одну вашу улыбку. Но если ваш хозяин, как и большинство моих уважаемых клиентов, желает нечто эксклюзивное, ему стоит набраться терпения…

– Кто закупает партию осенних красок, уважаемый Расул Камаль? – с профессиональным напором поинтересовалась девушка, упирая кулачок в бок и вставая так, чтобы ее тень падала на сидящего итальянца. – Уверена, что смогу провести переговоры о перекупе…

– Отсутствие терпения выдает неумение наслаждаться жизнью, – хитро прищурился тот, отчего вокруг глаз образовались глубокие морщинки. – Я не могу сообщить вам имена и адреса заказчиков, как не могу выдать семейные секреты. Но я уверен, что мы что-нибудь придумаем, о, ледяная чернобровая дева…

Елизавета улыбнулась его флирту, наконец-то позволяя непрошибаемой маске дать легкую трещину. Совсем легкую, едва заметную, но это не укрылось от энергичного Расула Камаля. Посредница наклонилась, помогая старику встать, чуть задержала пальцы на его локте, бросила полный любопытства и азарта взгляд.

Ригамонти, в эту секунду помолодевший лет на десять, расцвел. Продолжая рассказы о красках, увлек гостью в очередную анфиладу комнат, где готовая продукция фасовалась и готовилась к отправке…

Гордон Бакли, поправив на плече набитую пачками евродинов сумку, с интересом уставился на щиты с разноцветными мазками. Хмыкнул напоследок и послушно двинулся следом за хромоногим и девушкой. Заметив реакцию престарелого ловеласа, теперь он доподлинно знал, что произойдет на вилле Ригамонти в ближайшие несколько часов.

Сначала Назанин примет предложение остаться на денек.

Затем они оба отмокнут в ваннах и переоденутся, не зря же лошади тащили такое количество ненужных, по сути, девичьих шмоток. Затем спустятся к богатому ужину, где за длинные столы главной комнаты особняка усядется все многочисленное и говорливое семейство мастера. Наверняка их будет не меньше двух десятков. Дети, внуки, племянники, а также двоюродные и троюродные производные от перечисленных: скорее всего «горностаев» ждет очень шумное и веселое застолье.

Там, чуть перестаравшись с дорогим вином, все же распиваемым под крышей виллы против воли Аллаха, Фарахани позволит себе смех и легкий флирт. Они, в совокупности с дозировано выброшенными в воздух феромонами, сделают свое дело.

Женщин дома Ригамонти, как и велит традиция, за общий стол не пустят, только детей. Это позволит Назе избежать незапланированных конфликтов – обычно представители своего пола весьма агрессивно и бездумно реагируют на развеянную в воздухе «химию любви»…

Сама Елизавета Саар-Якин в глазах мастеровитых итальянцев – не женщина. Официально она – бесполое существо, денежный мешок, ловкий переговорщик, способный обеспечить вилле новые запасы электричества, патронов, провизии и ингредиентов.

Время неумолимо и беспощадно. Оно непрерывно заставляет мир меняться, становиться гибче, увертливее, порождать новые правила ведения бизнеса. Незыблемо лишь одно – деньги и их значимость. Они выше иных законов мирозданья, в этом Бакли был уверен всей душой. Потому Всевышний и не спешит разразиться карами на головы алчных вероотступников из горной крепости, как не покарал ни создателей женского футбола, ни изобретателей открытых купальников, ни основоположников женской тележурналистики или мобилевождения…

Сегодня вечером Елизавета Саар-Якин – безликий манекен, пусть даже чертовски обворожительный. Она лишь голос таинственного верхолаза, и правила современного делового этикета вынуждают мужчин рода Ригамонти вести переговоры, будто с ровней.

Под финал трапезы, вероятнее всего, горячие итальянские парни немного повздорят, споря, кому из них деловая леди из Эль-Парижа уделила за ужином чуть больше внимания. Сперва соревнование будет незаметным, скрытным и ведущимся сквозь зубы. Затем, что предсказуемо, итальянская кровь закипит без утайки и черенки даже начнут ругаться, помогая себе жестами и брызгами слюны.

Ровно до тех пор, пока глава семейства не остановит распрю,

волевым решением завершив ужин и пригласив гостью в персональный кабинет на рюмочку шербета. Юноши, охраняющие дом и ворочающие перетирочными валами, обиду, конечно же, затаят. Но будут вынуждены смолчать, обреченные на яростную ночную мастурбацию или пресный секс с опостылевшими женами.

Уединившись с хозяином, Назанин позволит себе выпить еще капельку вина. И еще чуть-чуть, давая понять, что вне узких рамок рабочего доспеха является самой обычной и предельно желанной женщиной. И когда Расул Камаль Ригамонти выпьет очередной бокал, по его венам побежит специальная «открывалка», созданная Фарахани с тем же педантизмом и точностью, с какой на вилле смешивают краски.

Они переместятся на кровать. Включат музыку. Возможно, даже избавятся от некоторой одежды. Ласка и кротость, проявляемые «несравненной», поработят старика. И тогда между ними состоится разговор, один из участников которого будет задавать тихие и нежные вопросы, а второй отвечать, немного путаясь в словах и блаженно улыбаясь.

Нет, секреты мастерства девушка выпытывать не станет. На этом направлении у старика легко могут включиться психологические барьеры, способные бессознательно спровоцировать отрезвление и недоверчивость. Также Наза не станет связывать угодившего в пламя морщинистого мотылька.

Но за четверть часа до того, как выпивший мастер крепко уснет, она заготовленным набором психосуггестивных формулировок выведет его на одну-единственную тему. И доподлинно узнает, кому именно и куда мастерская Ригамонти отправляла крупные партии дорогих красок за последний год.

Затем соблазнительница разденет жертву, оставив на память какой-то из предметов интимного гардероба. И ускользнет к себе в комнату, крепко заперев дверь.

Утром, помятый, но окрыленный ночными успехами Расул Камаль с благодарностью примет от гостей щедрый аванс. Попросит Елизавету напомнить, чем завершились вчерашние переговоры, и подтвердит достигнутые «договоренности». Выдаст пробные наборы красок, способные убедить хозяина Саар-Якин в высочайшем качестве приобретаемой продукции. Накормит завтраком и благословит, с нетерпением ожидая нового визита.

Им оседлают почищенных и накормленных лошадок, и «горностаи» неспешно уедут, провожаемые хмурыми взглядами молодых охранников виллы, так и не вкусивших божественного тела «луноликой»…

Шествуя за Назанин и старым Ригамонти по бесчисленным

цехам горной мастерской, ирландец с откровенным интересом прислушивался к разговору. Не забывая на всякий случай запоминать расположение дверей, коридоров, постов охраны и выходящих на внешнюю стену окон.

Бинарный код 10011

«Всемогущество крепко дает по мозгам».

Ева Пума

– Когда вы сможете совершить первую поставку?

Вопрос задан без подковырки, самым обыденным и максимально деловым тоном. Размеренно, спокойно и сухо, с надеждой на понимание и разумный подход к решаемому вопросу. Занимающий экран коммуникатора офицер Конфедерации Католического Вуду вообще отвык повышать голос с тех пор, как получил чин бригадного генерала морской пехоты. А случилось это не вчера.

Вопрос без подковырки, простой и понятный. Но седеющий крупный мужчина во главе длинного деревянного стола не знает, как ответить. Потому что засеянное слухами поле начало раньше времени давать первые всходы надежд, а он собственными руками перекрыл вентиль, оставив пашню без живительной влаги.

«Иди ты к черту, напыщенный дурак, я просто проверяю спрос на изобретение кудесников своего племянника!» Так Раймундо Гамба офицеру Конфедерации ответить не может.

«Когда бы первая партия ни появилась на свободном рынке, вы все равно ее не получите – американских морпехов станут прививать исключительно наши специалисты, чтобы избежать попадания чистой вакцины в ваши жадные лаборатории!» Так стареющий верхолаз тоже сказать не может, хотя очень хочет.

В итоге, улыбаясь самой располагающей улыбкой и легко пыхнув сигарой в сторону от камеры над экраном коммуникатора:

– Генерал, смею вас заверить, что это произойдет в самое ближайшее время. Поверьте, друг мой, вы будете первым, кто узнает о готовности партии!

Бригадный генерал коротко кивает.

Через разделяющие мужчин тысячи километров он внимательно смотрит на главу совета директоров «Gruppo Aggiornamento», настоящего генерал-лейтенанта сил бизнеса и финансовых группировок. Морской пехотинец недоволен, он не привык к размытым формулировкам, за которыми кроется желание выиграть время или ввести собеседника в заблуждение. Но вудуист скрывает эмоции и со стойкостью спартанца проглатывает невразумительный ответ. Бормочет слова

прощания, после чего отрубает армейский, трижды зашифрованный канал, по которому велись переговоры.

Дисплей переговорного устройства с тихим жужжанием тонет в столешнице.

Раймундо Гамба откладывает сигару и устало откидывается на спинку огромного кресла. Насыщенная подвижная картинка на огромном коммуникаторе на противоположной стене кабинета привлекает его внимание. Движением пальца по подлокотнику верхолаз прибавляет звук.

Новостной канал транслирует вудуистскую проповедь, прошедшую пару дней назад где-то за океаном. Особенного внимания требует голос проповедника – сочный, вибрирующий, пробивающий до печенок…

Картинка четкая, ясная, снятая с ближайшего небоскреба. На высоченной кафедре, куда его доставляли не иначе, как на специальном лифте, раскинул руки темнокожий священник в длинных светлых одеждах. Эбонитовая кожа хунгана так резко выделяется на фоне белоснежных складок, что кажется – сверкающие глаза смотрят из пустоты.

– Возрадуйтесь возлюбленные братья и сестры мои! – ревет тот, и усиленный микрофонами голос рвется над многотысячной толпой, собравшейся у подножия кафедры. – Пропоем же гимн из псалма сорок пятого, вознесем благодарность Творцу за испытания, воздвигнутые на пути праведников!

Священник открывает лежащую перед ним книгу, но это выглядит сугубо ритуальным жестом – хунганы помнят большинство церковных песнопений наизусть. В левой руке вудуиста появляется короткая плетка, в правой – чаша, которой он ритмично потрясает.

– Бог всемогущий, сын его Иисус-Лоа и святые Тринадцати Пантеонов – прибежище наше и сила! Духи благодарные и милосердные нам скорые помощники в бедах! Посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля и горы двинулись в сердце морей. Пусть шумят, вздымаются воды их, трясутся горы от волнения их!

Зычный голос темнокожего бьет точно в скопление молящихся, заставляя заламывать руки в экстазе. Пока еще негромко, где-то на периферии, начинают свою раскатистую канонаду барабаны. Площадь американского города, название которого Раймундо не отследил, волнуется, как покрытая ряской поверхность бездонного омута.

– Речные потоки веселят град Божий, святое жилище Всевышнего! – продолжает выкрикивать хунган, мелко приплясывая на месте. – Бог посреди его, и он не поколеблется: Бог поможет ему с самого утра. Восшумели народы, двинулись

царства: Всевышний дал глас Свой, и растаяла земля!

Камеры движутся над толпой, выхватывая из нее крупные планы – слезы счастья на глазах, сомкнутые ладони со свисающими с них костяными бусами и распятиями, закушенные в упоении губы. Темная кожа. Светлая кожа. Славя своего Господа ликованием, собравшаяся на проповедь людская масса стирает расовую принадлежность, объединившись в единое существо, тянущее за хунганом сорок пятый псалом.

– Господь сил с нами, Творец Неба и Тверди заступник наш, и все святые его и духи-хранители, милосердные и безжалостные! – Голос священника становится настолько пульсирующим, что Гамба убавляет громкость. – Придите и видите дела Господа, какие произвел Он опустошения на земле: прекращая брани до края земли, сокрушил лук и переломил копье, колесницы сжег огнем. Истинно говорю вам, братья и сестры, день этот миновал четыре года назад, но есть еще время понять! Остановитесь и познайте, что Он – Бог: будет превознесен в народах, превознесен на земле. Господь-Творец Сил и Тринадцать Пантеонов с нами, заступниками нашими ставшие. Испытания посылают они твердым в вере, и нет предела промыслам их!..

Толпа ликует. Блестят в свете прожекторов и химических факелов полуобнаженные мамбо. Толпа молится. Толпа так же, как сотни лет назад, жаждет чудес и избавления от горестей. Верхолаз приглушает звук коммуникатора, наблюдая немую, но выразительно-яркую картинку…

Ему тоже нужно чудо. Персональное, личное, подконтрольное. Медведя переполняет желание заглянуть в будущее и узнать, когда Витторио сможет выставить на рынок первую партию финальной версии «плаценты». Кипящая жажда эта велика, она поджаривает изнутри, а угли в ней – последние слухи о племяннике и собственные фантазии старика…

Великие люди всегда окружали себя провидцами, способными оттянуть текучую ткань реальности и заглянуть чуточку вперед. Возил с собой по континентам дряхлую старуху-гадалку диктатор Гай Марий, окружил себя рунными жрецами из «Аненербе» Адольф Гитлер, посещал предсказательницу Ленорман великий Бонапарт, прислушивался к пророчествам Нострадамуса король Генрих, состоял на особом жалованье русского Петра I зрящий в будущее «чернокнижник» Брюс…

Великие тоже хотели *видеть*. Пытались угадать, каким образом их поступки отразятся на существующем положении вещей, какой след оставят в истории. Выискивали тонкий лед, под который легко уйти с головой; нащупывали мели и броды в бурных реках войн и непростых переговоров с соседями. Знание

будущего, пусть даже самого недалекого, вооружало известнейших мужей древности, позволяя им по праву занимать свои троны и не опасаться нелепых случайностей.

Раймундо Гамба считал себя человеком если не великим, то возвышения достойным. Входя в высшую из высших каст, существовавших в современном мире, он желал бы большего, если бы таковое стало возможным. И вот, благодаря неуемной энергии его племянника, выходило, что шансы есть…

Щелчком пальца выключив коммуникатор, дон тяжело поднялся из кресла. Обошел стол слева, оставляя портреты усопших членов семьи за спиной. Скрестив на груди массивные руки, угрюмо уставился в огромное окно, отдельные элементы которого были собраны не из витражных фрагментов и позволяли рассматривать раскинувшийся под небоскребом Вечный город.

Упорство, с которым мальчишка разыскивал наследие армии Сорок Два, разбросанное по всему свету, впечатляло. За какие-то полтора месяца тот бросил на расследование кучу денег, подключил лучших специалистов, не жалел времени на перелеты и не брезговал проливать чужую кровь.

Все это – а Раймундо умел соединять разрозненные пазлы в единое стройное панно – говорило, что химера юного Витторио не только существовала в реальности, носила вполне немифическую плоть, но и имела шансы уцелеть в горниле Катаклизма. А значит, достойна быть найденной. А еще – достойна принадлежать ему, Раймундо Гамбе, главе рода и прямому родителю непокорного молодого верхолаза.

Уже после, заглянув в персональный «хрустальный шар» и просчитав последствия, он снова расположит племянника к себе, вернет сыновью любовь и даст зеленый свет проекту «Фетус»…

– Господин Гамба? – За широкой спиной насупившегося медведя голосом секретаря вкрадчиво заговорил внутренний коммуникатор. – Риоко Хамасаки ожидает в приемной.

– Впустить, – на ходу распорядился хозяин кабинета, возвращаясь за стол на законное место правителя, но не торопясь опускаться в кресло.

Лава, как всегда подтянутая, собранная, аккуратно и со вкусом одетая, привычно остановилась на пороге, низко поклонившись. Гамба поклонился в ответ, сел. Не теряя времени на приветствия или пустые фразы, Риоко прошагала к столу. Снова согнулась в поясе, обеими руками бережно опуская на полированный бук пластиковую папку с тонкой стопкой белоснежных листков.

– Гамба-сятёу! – Низкий голос японки смог бы взволновать даже гранитную статую, и Раймундо сдержал плотоядную

улыбку. – Вот доклад аналитической группы. Мои люди смогли обнаружить следы наемников господина Витторио. В этом единственном печатном экземпляре выкладки специалистов по возможным дальнейшим действиям на основании полученной информации.

– Риоко-кун, – уважительно, но добавив в голос игры, пробасил мужчина, – прежде чем я приступил к чтению… Перескажи мне доклад собственными словами?

– Слушаюсь, Гамба-сан.

Лава подошла ближе – очень близко, во всей корпорации никому, кроме нее, не позволялось так по-хозяйски нависать над директорским столом, – раскрывая принесенную папку и выкладывая лист за листом.

– Как я уже докладывала, на прошлой неделе мои специалисты обнаружили следы пребывания отряда молодого господина в Анклаве Франкфурт, – негромко комментировала она. – Проанализировав криминальные сводки из данного Анклава за несколько дней пребывания в нем группы Хуго Энквиста, я обнаружила связь с убийством девятерых dd из местного отделения. Речь идет о событиях в одном из окраинных деловых комплексов. Внимание привлекает масса свидетелей, утверждавших о перестрелке на верхних, неиспользуемых этажах здания, а также крайне запоздалая реакция СБА, медицинских и эвакуационных служб. Вероятнее всего, речь идет о взломе городской сети, перехвате контроля над средствами уличного наблюдения и блокировании системы экстренного вызова безов. Характерный почерк уличных разборок, если бы не одно обстоятельство…

Хамасаки замолчала, вынув из папки еще несколько документов и украдкой взглянув на верхолаза. Тот, наблюдающий за женщиной без проявления лишних эмоций, сцепил пальцы, угнездил локти на столе и подпер кулаками квадратный подбородок. Взгляд властелина корпорации призывал продолжать.

– Официально три верхних этажа комплекса пустуют уже почти шесть лет. Однако мне удалось выяснить, что до Перерождения там неоднократно замечали бритоголовых, а сам район стал пользоваться дурной репутацией. Подкуп отставных безов, четыре года назад служивших в «Кляйнес Центрум», подтвердил, что в здании размещалась полулегальная база сторонников Сорок Два, известных как группа «Кромлех».

Густые седеющие брови Раймундо сошлись, как два подброшенных океанскими течениями айсберга. Риоко, не мешая размышлениям господина, замолчала, покорно дожидаясь

приказа завершать доклад.

Гамба никак не мог решить, радоваться ему за племянника или огорчаться его неуемной настойчивости… Франкфурт, Китай, США – везде следы таинственной группы, про которую и не всякий тритон-то знает. И каждый из них взят Витторио. Тщательно отработан и заменен на следующий.

Значит, картина действительно существует – если бы истории о декомпиляторах оказались лживы, молодой Гамба уже вычислил бы это, свернув расследование. Если же он продолжает лить кровь…

Осталось вычислить момент, когда артефакт попадет в руки племянника. Чтобы аккуратно, не навредив мальчишке, забрать у него опасный предмет. Забрать и использовать во благо всей корпорации, стерев слезы поражения на лице Витторио разрешением продолжить «официальную» работу над «плацентой».

– Дальше, – приказал дон, чувствуя, как веселеет.

– Да, Гамба-сятёу! – Лава, почуяв перемену настроения своего хозяина и любовника, улыбнулась одними раскосыми глазами, энергично поклонилась и выложила перед верхолазом новые распечатки. – После событий во Франкфурте группа Энквиста, а именно ее мы считаем ключевым звеном поисков молодого господина, исчезла из нашего поля зрения. Вот транспортные карты всех агентов компании «Горностай», покинувших Анклав одиннадцатого числа. Пункты назначения: Южная Америка, Северная Италия, центральная Россия. Какое-то время мы считали, что «горностаи» почувствовали слежку и рассредоточились, залегли на дно…

Заметив, что айсберги-брови опять пошли на сближение, Хамасаки поспешила дополнить:

– Однако, согласно дальнейшему анализу, я смогла установить, что они были разосланы по миру для выполнения индивидуальных заданий Гамбы-сана. По официальным документам в конечных пунктах своего следования не зарегистрирован ни один агент молодого господина, дальнейшие операции велись инкогнито. А позавчера мы смогли снова взять агентство на крючок, оябун!

Она протянула Раймундо еще одну распечатку, приглашая самому пробежаться взглядом по нескольким ровным таблицам и фрагменту карты. Тот, заинтересованно приподняв один из «айсбергов», принял бумагу, всматриваясь в координаты и пунктирные линии совершенных перелетов.

– Очевидно, что молодой господин переместил активность в Ханой. Вот дата и время его отлета из аэропорта Рейкьявика,

Гамба-сятёу. Вот список бойцов упомянутого агентства частной обороны, официально привлеченных на юг Поднебесной из других регионов. Вот разрешение таможенной службы и ВВС НОАК на приземление в Ной Бай грузового борта, содержащегося на балансе компании «Горностай».

Раймундо стиснул кулаки так, что хрустнули костяшки.

Нашел! Выходит, что нашел, молодой проныра, раз почтил приближенных стрелков визитом. Готовит тайную экспедицию в малоконтролируемые китайцами джунгли бывшего Лаоса? Или нашел нечто на островах Южно-Китайского моря, уцелевших после Катаклизма?

Как бы то ни было, если Витторио прибыл в Ханой в окружении своры преданных охотничьих псов, он обнаружил нечто интересное. Нечто, к чему хочет лично приложить руку…

– Не спускать с моего племянника глаз, – распорядился широкоплечий старик, заметив во взгляде Риоко азартный огонек. – Взять под строжайший контроль любые перемещения. Установить связи с китайскими таможенниками и военными. Подготовить ударную группу корпорации, немедленно и тайно переправить ее в Южно-Китайское море.

Неукротимому медведю хотелось ликовать, но он немного стеснялся делать это в присутствии непроницаемой телохранительницы. Сдерживая кипящую внутри радость, он доверительно пробасил:

– Лава, мой племянник, как никогда, близок к получению одной… одной ценной вещи. Я хочу, чтобы, когда он потянется за этой вещью, ты отстранила его руку и забрала ее. Увела из-под носа. Мягко, ненавязчиво, сохранив Витторио жизнь и здоровье, но воспрепятствовав его победе.

Гамба провел широкой ладонью по столу, наслаждаясь прикосновением к прохладному искусственному дереву. Невольно покосился на портрет покойного брата, наблюдавшего за разговором со стены.

– Не стану ограничивать тебя в средствах. – Он стукнул пальцем по разложенным документам. – Но единственным условием станет сохранение неприкосновенности известного лица. В остальном ты вольна действовать, как посчитаешь нужным…

Риоко Хамасаки поклонилась со всем возможным уважением, разобрав в голосе оябуна нечто, чего не слышала очень давно. Нечто трепетное, подчеркивающее важность сделанного открытия. И чуть боязливое от опаски упустить тяжелую рыбину, испытывающую их леску на прочность и разрыв.

Переложив бумаги в папку и обеими руками почтительно

протянув ее главе корпорации, Лава задумалась о том, что впервые за долгое время пробил час ее личного участия в ответственной операции.

Потому что если именно она принесет Раймундо интересующую его «вещь», одновременно проконтролировав безопасность молодого господина и сохранив секретность операции, любовь Гамба-сятёу к ее скоромной персоне вспыхнет с новой силой. А ведь любовь, наравне с исполнительностью и почитанием хозяина, составляет один из трех несокрушимых столпов, на которых держится самурайский дух…

Бинарный код 10100

«Или вы ведете людей, или они ведут вас. У великого лидера должна быть достойная цель. Захватить мир, построить счастливое общество, полететь к звездам – цель. У вас она есть?»

Всадник, региональный менеджер Консорциума Транснациональных Перевозчиков

С высоты птичьего полета темно-серое, цвета булатной стали многогранное судно напоминало наконечник великанской охотничьей стрелы, брошенный на воду и не сумевший утонуть. Или на чудовищного океанского зверя, диковинного ската, поднявшегося из холодных глубин на погибель прибрежным жителям.

Самоуверенные лучи небесного светила вонзались в обшитую углепластиковыми листами поверхность судна и… растворялись, рассеивались, не позволяя взгляду ухватиться за обводы. На фоне начинающегося ненастья грифельная плоть «Нобунаги» словно сливалась с водами моря Серам, превращая изящный тримаран в приземистый плавучий холм.

Вскоре солнце устало сражаться и сдалось тучам, захватившим его в надежный плен темно-фиолетовых объятий. Проклиная усиливающуюся качку, Витторио Гамба двигался по коридору центрального корпуса, время от времени прижимаясь к переборкам и пропуская снующих туда-сюда членов экипажа. Готовясь к высадке, команда Ноября демонстрировала пассажирам высший класс выучки, действуя спешно, но без лишней суеты.

Где-то на нижних палубах, инспектируя легкие моторные катера перед спуском на воду, между аутригером правого борта и основной гондолой, проверяли экипировку морские пехотинцы «брата-месяца». Из двадцати с лишним моряков к боевым вылазкам на сушу были подготовлены двенадцать человек, поделенные на два тактических отряда. Однако сегодня капитан распорядился сбрасывать три лодки – в дополнительной на берег отправлялся сам Цикл в сопровождении «горностаев», уже не впервые ступивших на борт свинцового корабля.

Легок на помине, навстречу попался один из них – широкоплечий ирландец, которому на тримаране было не только тесно, но и тошнотно. Бледный, как бродячая смерть, он небрежно козырнул человеку в зеркальном шлеме и красном плаще, прижимаясь к стене, сдвигая винтовку и плоский вещмешок на бок и втягивая живот.

– Страдаешь, Бакли? – включив внешние динамики, поинтересовался Цикл, сворачивая к трапу на верхнюю палубу.

– Пришлось вернуться в каюту, – виновато пробасил стрелок, пожимая плечами и вымученно улыбаясь из-под открытого забрала. – Без своих таблеток я заблюю не только катер, но и все местное население острова…

– Держись, боец! – Протиснувшись мимо «горностая» по узкому коридору, верхолаз хлопнул ирландца по плечу. – Близится сезон дождей, так что рекомендую выпить сразу десяток твоих пилюль…

Уже поднимаясь по трапу, Витторио разобрал за спиной слабый сдавленный стон. Ему нравились люди Энквиста, умелые и не задающие лишних вопросов. Настоящие мастера своего дела, идет ли речь о захвате расположенного в джунглях объекта, или о расследовании, опутавшем весь земной шар. Отрядного машиниста, как вспомнил Гамба, в свое время он даже рассматривал для вербовки в братство «месяцев». Но созданный им для тестирования виртуал, сконструированный на основе психологического портрета, не прошел даже первого отборочного этапа…

На верхних палубах, темно-сливовой горой венчавших корму тримарана, было не так людно, и Цикл ускорил шаг. На капитанском мостике оказалось и вовсе пусто – лишь легко покачивался за небольшим штурвалом хозяин судна в просторном черном плаще и короткой птичьей маске. Хищный крючковатый клюв повернулся к вошедшему, навстречу протянулась рука с раскрытой ладонью.

– Надвигается шторм? – как можно спокойнее поинтересовался Цикл, отвечая на жест и проходя процедуру идентификации. – Он помешает высадке?

– Ветер усиливается, – подтвердил Ноябрь, указав предводителю на широкую приборную панель тримарана, где на одном из экранов бортовой компьютер в реальном времени корректировал метеорологические прогнозы. – Но проведению операции штормовой фронт не навредит. Мы не ждем волнений выше пяти-шести баллов по Бофорту, до тайфуна эта непогода не дорастет…

Изучив показания системы, человек в красном подступил к

узкому горизонтальному иллюминатору, фактически опоясывавшему рубку. Заложил руки за спину, качнулся на каблуках.

По морской глади вокруг распластанного по воде «Нобунаги» начинали кружить белоснежные «барашки», длинные протяжные волны понемногу набирали высоту. С серого, под цвет обшивки корабля, неба сыпала морось, грозя вот-вот превратиться в полноценный тропический ливень.

– Брат Цикл? Ты уверен, что хочешь лично возглавить высадку? – чуть искажая голос динамиками, спрятанными в клюве, поинтересовался капитан. – Мой план представляется более безопасным…

Разглядывая очертания гористого острова, надвигающегося на «Нобунагу» из штормовой мглы, Витторио покачал головой. В отражении иллюминатора он видел себя, Ноября за спиной и повторное отражение в собственной маске, словно бесконечный зеркальный коридор.

– Все пройдет спокойно, брат, – успокоил он верного «морского волка», поворачиваясь к мостику лицом. – Я не ожидаю серьезного сопротивления. Я вообще не ожидаю такового, если быть откровенным, и беру твоих людей исключительно на всякий случай.

Капитан пожал плечами, словно подытоживая – дескать, потом не забывай, что это я предлагал подвести судно поближе, обработать береговую линию из «ревуна» и только потом, под прикрытием портативных ракетных установок, отправлять десант…

– В миле на северо-восток от заданных координат есть скалистая бухта, где я смогу поставить корабль на внутренний рейд, – отрывисто произнес «брат-месяц», чуть подворачивая штурвал. – Ориентировочное время прибытия по сигналу тревоги составит одиннадцать минут.

В левую, вытянутую многим дальше бортовых гондол, скулу тримарана надавила волна, перехлестнув через обтекаемый клюв «Нобунаги». Корабль накренило, и Цикл невольно выбросил руку, вцепляясь в специальный поручень под иллюминатором. Ноябрь, словно привинченный к полу, даже не покачнулся.

– Мы приближаемся, брат, – добавил он через считаные мгновения, вытянув перед собой кисть в черной блестящей перчатке и указывая вперед, сквозь сверкавшую над водой ливневую вуаль. – Если у наших противников есть хотя бы примитивные системы слежения, нас вот-вот засекут. Через десять минут я отдам приказ спускать лодки…

Гамба еще раз повернулся к приближающемуся острову. Те,

кого он искал, были просто обязаны находиться там, или молодой верхолаз не имел ни малейшего понятия, как отлавливать тех, кто не хочет быть найденным. Они обязаны быть там. Это подтверждали данные разведки. Это подтверждали собранные «горностаями» материалы. Это подтверждали жители соседних островов, изредка вступавшие с чужаками в короткие взаимовыгодные отношения. Картина, если таковая вообще сохранилась, тоже ждала его там – впереди, за пленкой начинающегося тропического ливня.

Старинный бункер японских вооруженных сил, в котором укрывались декомпиляторы, был вклинен ровно между двумя холмами, сейчас темневшими по курсу судна. Много десятилетий назад все было с точностью до наоборот, но время взяло свое, и бетонная конструкция потеряла доминирующую высоту. За возвышенностями, густо поросшими джунглями, нависали далекие горные хребты, змеящиеся на юг, в глубину острова. Специальная система оптической настройки, встроенная прямо в стекло горизонтального иллюминатора, уже позволяла мужчинам на мостике рассмотреть короткий пирс, выдающийся в залив, силуэты полудюжины лодок и белые очертания гидроплана в полуоткрытом модульном ангаре недалеко от береговой линии.

– Я спускаюсь к штурмовым отрядам, – сказал Цикл, направляясь к двери. – Удачи, брат.

– Жду твоего сигнала, – раздалось в ответ.

На нижних палубах, откуда собирались стартовать десантные отряды, царило оживление. Морпехи и «горностаи» в последний раз проверяли снаряжение, застегивали на своих телах облегченные комплекты «саранчи» и грузились в надувные лодки из тонкой, но невероятно прочной армированной резины.

Машинист судна тестировал настройку и отзывчивость «балалаек», синхронизировал тактические программы и увязывал чипы полутора десятков бойцов в единую автономную сеть, позволяющую не только координировать действия, но и наблюдать за состоянием здоровья своего одногруппника.

Когда Гамба спустился в забитый до отказа шлюз, офицеры всех тактических групп вытянулись в струнку и отдали честь. Верхолаз махнул рукой – небрежный жест гражданского, означающий «вольно», – и подошел к командующему его личным звеном.

– Мы готовы, сэр, – спокойно, даже чуть сонно отчитался Хуго Энквист, опуская руку. – Выступаем в любую минуту.

В отличие от трех своих бойцов, облаченных в полную, но необычайно подвижную титапластовую броню, швед был экипирован лишь легким бронежилетом и армейской каской,

вместо утяжеленной штурмовой винтовки вооружившись компактным «Чероки». Лиц «горностаев» под непрозрачными забралами шлемов было не различить, но по комплекции и характерному покачиванию Витторио догадался, что стоящий подле короткой лебедки здоровяк – встреченный им чуть ранее ирландец.

– Сетевое прикрытие обеспечивает корабельный машинист при поддержке моего человека, – продолжал невозмутимо отчитываться Энквист, на которого, казалось, предштормовая качка вообще не производит никакого эффекта. – В зоне острова обнаружена относительно стабильная сеть, вероятнее всего, условный противник имеет собственную вышку. Связь будем держать на зашифрованном канале, в качестве резервной линии используем радиочастоты. Разведывательные зонды будут выпущены в воздух одновременно с началом нашей атаки.

Цикл кивнул, ловя на себе короткие, брошенные украдкой взгляды. Он хорошо знал, какое впечатление производит на людей его зеркальная личина, совсем не удивляясь мелькающему в глазах окружающих непониманию и страху. Внимательно осмотрел бронежилет, шлем и винтовку, аккуратно сложенные на один из ближайших верстаков.

– Это вам, сэр, – по повороту головы угадав объект его интереса, пояснил Хуго, застегивая подбородочные ремешки. – Если вы сочтете нужным, мы…

– В этом нет необходимости, – коротко оборвал его Гамба, нащупывая под верхней одеждой рукоятки двух личных «дыроделов» с уменьшенным весом и увеличенным боезапасом. О том, что его плащ имеет степень защиты, превосходящую любой кевлайкровый костюм, он предпочитал не распространяться. – Приступайте к погрузке, с минуты на минуту мы…

Не позволив ему закончить, из потолочных динамиков полился голос хозяина судна:

– Внимание, начинаем высадку! – зычно распорядился Ноябрь, и все почувствовали, как тримаран сбрасывает ход. – Тактическим группам занять места в катерах. Приготовиться к спуску. Отшвартовка по приказу командующего наземной операцией.

Двенадцать морских пехотинцев «Нобунаги», поделенные на две равные группы, бросились в подвешенные на цепях катера. «Горностаи» последовали их примеру, занимая места на банках и напоследок проверяя крепление оружия к боевым костюмам. Цикл последним шагнул в качающуюся над люками лодку, коротко махнув в объектив камеры, через которую капитан наблюдал за сборами из своего командного пункта.

– Начать операцию! – максимально увеличив громкость зеркальной маски, приказал верхолаз, с легкостью перекричав гул моторов и шум воды под ногами.

И сел на короткую носовую банку, вцепившись в страховочный трос рукой в красной перчатке. Обернулся к четверым стрелкам, отобранным в его персональное прикрытие, не без легкого удивления заметив, как мужчины коротко стукнулись сжатыми кулаками, а из-под трех глухих шлемов вырвалось:

– За Севастьянова…

– За Севастьянова, – повторил за своими бойцами Хуго, активируя батареи Ллейтона и сосредотачиваясь на управлении транспортом.

В следующую секунду через свои «балалайки» командиры групп связались с машинистами корабля, и под днищами катеров принялись послушно раздвигаться створки. Внутрь шлюза ударил фонтан мелких, похожих на снежную пыль брызг, порыв ветра боднул наполненные людьми суденышки. Автоматизированные лебедки взвыли, аккуратно опуская все три штурмовых челнока в пенное пространство между центральной гондолой «Нобунаги» и правым аутригером.

Тримаран, получив известие об удачной выгрузке, тут же взял левее, без увеличения скорости смещаясь в сторону и позволяя миниатюрной флотилии обогнуть свой правый борт. Над лодками морских пехотинцев Ноября тут же распахнулись длинные каркасные тенты, прозрачные только в одну сторону и призванные скрасть очертания катеров и численность находящихся в них людей.

Один из бойцов Энквиста – по цифровой метке «балалайка» подсказала Гамбе фамилию Фарахани, но командующий так и не смог припомнить лица, – тоже вынул из-под своей банки легкую раздвижную конструкцию. Заметив это, Цикл помотал головой и сделал предостерегающий жест.

Его борт пойдет к острову без лишней маскировки – прямо на береговую линию, прямо на бамбуковый пирс на бетонных сваях. Прямо на вбитый между холмами бункер вооруженных сил давно почившего императора.

Теперь, когда над головами вместо корпуса верного «Нобунаги» открылось смурное тропическое небо, дождь обрушился на десантников с новой силой. Пенные барашки начали все чаще рождаться вокруг лодок, а волны ощутимо выросли в размерах. Бакли содрогнулся всем телом, но лишь крепче вцепился в трос.

Катера двинулись к острову.

– Внимание! – передал Витторио на общем сетевом канале, по откликам персональных чипов отметив ответную активность. – Огонь открывать только по моему приказу. Действовать исключительно согласно разработанному плану. В случае встреченного сопротивления занимать позиции и ждать дальнейших распоряжений.

Приказ подтвердили все трое офицеров, а сидящий в считаных метрах Энквист еще и прикоснулся к козырьку каски левой ладонью. План высадки, позавчера разработанный «братом-месяцем» и Гамбой, был давно загружен в тактические компьютеры всех отрядов, но верхолаз не считал свою ремарку лишней – проливать кровь на личном Острове Сокровищ он собирался лишь в самом крайнем случае…

С высоты полета разведзондов было заметно, как темно-свинцовое, похожее на всплывшую манту тело тримарана забирает налево, вдоль побережья уходя на восток. От него, оставляя за собой короткие пенные следы и подскакивая на неспокойных волнах, к суше шустро устремились три крохотных объекта – два бесформенных, едва заметных над поверхностью волнующегося моря, и один вполне различимый.

На носу центральной лодки, до боли в локтях вцепившись в углепластиковый фальшборт, восседала фигура в ярко-красном плаще, столь неуместном в дождливой вселенной синих, белых, фиолетовых и темно-серых красок.

Дождь набрал уверенную силу, не собираясь ни лютовать пуще нужного, ни стихать. Короткие резкие порывы ветра гнули к земле мангровые кусты, обрамлявшие залив, ерошили шевелюры гибких пальм. Склоны холмов, между которыми втиснулся один из многочисленных бункеров гигантской линии Четырнадцатого фронта генерала Ямаситы, шумели под струями небесной влаги, колышась живым ковром.

На глазные экраны и проекционные щитки шлемов начала сыпаться выдаваемая машинистами информация – скорость ветра, дистанция до берега, ориентировочная глубина, расстояние от линии прибоя до ближайших укрытий и угол подъема на гряду, на которой восседал японский форт. Порционно выдаваемая кружащими над островом сканерами, в отдельном «окне» мелким пунктиром стала вырисовываться ориентировочная архитектура бетонного бункера.

Повернув голову налево, Цикл далеко не сразу различил приземистый корпус «Нобунаги», устремившегося прочь из открытой бухты на поиски безопасного пристанища. Однако только капитан и Витторио знали, что настоящей причиной ухода стала вовсе не боязнь перед непогодой – океанское судно было

способно пережить удар в самом эпицентре циклона. Просто Гамба, так же, как пролитой понапрасну крови, не хотел пугать островитян грозным видом корабля поддержки.

Улыбнувшись под своей маской, сейчас покрытой бисером морской воды, он представил себя первооткрывателем эпохи Веспуччи и Магеллана. Представил, как сходит на берег в сопровождении верных солдат, стараясь найти мирный язык с дикими, но очень полезными европейцу аборигенами…

Катера морских пехотинцев с тримарана первыми достигли острова, причалив не в заливе, а по его флангам. Из-под маскировочных тентов на песок и за камни посыпались вооруженные люди. Сами лодки были втянуты подальше от накатывающих волн и торопливо спрятаны в густых зарослях древесного папоротника.

– Внимание, у нас первый контакт!

Голос на сетевом канале принадлежал одному из «горностаев», но не тем, что сидели вокруг Цикла, а машинисту, оставленному на тримаране. Наблюдая за начавшейся операцией через три разведывательных зонда, сражавшихся с порывами ветра на высоте тридцати метров над берегом, он первым заметил спускавшегося по тропе человека.

Сориентировавшись по заданным координатам, Витторио включил электронный бинокль, встроенный в зеркальное забрало своего шлема. Прищурился, нахмурился и предупреждающе выставил руку, призывая сидящего за пультом Энквиста править прямо вдоль пирса – навстречу одинокому островитянину. Стрелки за его спиной взяли оружие на изготовку.

Дождь барабанил по водонепроницаемому плащу Гамбы, ручейками сбегал с алого капюшона и покрывал внешнюю поверхность сверкающей маски подвижными разводами.

Катер замедлил ход, и верхолаз встал в полный рост, примирительно поднимая руки. Конечно, он знал о засевших на склонах снайперах противника, но старательно взвешенный риск уже давно стал младшим братом Цикла, не лишив склонности к эффектным жестам.

Высокий длинноволосый мужчина, спустившийся к ангару с гидросамолетом, был одет в бриджи и легкую цветастую рубашку под прозрачным дождевиком. Остановившись на песке в паре десятков шагов от пристани, он терпеливо ждал швартовки.

Транспорт притерся к пирсу, поцеловав корму одной из местных пластиковых лодок. Бакли тут же накинул металлизированные лини на два ближайших кнехта, старательно затянув узлы. Не дожидаясь, когда хозяин сойдет на доски, двое других «горностаев» выпрыгнули на причал, опускаясь на колени

и водя из стороны в сторону стволами винтовок.

Витторио Гамба перебрался через борт.

Не так величественно и гордо, как это представлялось ему в мыслях – волны старались загнать челнок под листы настила, – но все равно умело, будто провел в море не один день. Отдавая группам молчаливые приказы через «балалайку», двинулся к берегу сквозь пелену мелкого теплого дождя, левую руку опустив под просторный балахон.

«Горностаи», покинув катер в полном составе, двумя парами неотступно следовали за ним, готовые в любой момент уронить командующего на поверхность пирса, прикрыть «саранчой» и нанести невидимому противнику ответный удар. Мужчина в бриджах и цветастой рубахе невозмутимо ждал за самолетным ангаром, чья жестяная крыша легко бренчала под заигрываниями ветра.

– Безоружен, – через чип доложил Хуго, чье открытое лицо было сплошь покрыто водяной пленкой.

Но Витторио видел это и сам. Человек, встречавший непрошеных конкистадоров, не собирался воевать. Опустив тощие руки вдоль тела, он был похож на одинокого моряка, чья команда снялась с якоря раньше срока, бросив собрата умирать на безлюдном острове.

Бамбуковый настил примитивного пирса закончился, под ногами Гамбы захрустел крупный влажный песок. Миновав несколько легких каркасных сараев и складов, он вышел на открытое пространство, осмотревшись с видом хозяина, наконец-то вернувшегося в родное имение. От длинноволосого его отделяло не более пятнадцати метров.

– И как вы только управляетесь со всем этим хозяйством? – снова активировав максимальную громкость спрятанных в шлеме динамиков, спросил Цикл, поведя правой рукой.

– Местные помогают, – преодолевая шум дождя, ответил ему мужчина в разноцветной рубахе с коротким рукавом. Пожал плечами, словно они продолжали приятельский разговор, прерванный когда-то давно. – Каели весьма ленивы, но буруанцы за алкоголь или ремонт электроники готовы носить нас на руках.

Он говорил по-английски, и Витторио даже не пришлось активировать электронный переводчик. Покрутившись на месте, верхолаз отметил, что бойцы Энквиста и сам швед заняли наиболее удачные для прикрытия позиции, рассредоточившись среди подсобных построек.

– Знаешь, в свое время горцы даже почитали меня за Набиата, главного духа их местного божества Опо Геба, – усмехнулся долговязый, отбросив со лба прилипшую прядь. – Приносили

дары.

– Тебя это смутило?

– Вера дикарей в сказочность прогресса умиляла не одно поколение цивилизованных людей, – последовал ответ, причем собеседник Гамбы даже не поменял позы.

– А может, они что-то чувствовали? – поинтересовался конкистадор, изучая лицо декомпилятора сквозь непроницаемую маску. – Что-то божественное?

На какое-то время тот замолчал, рассматривая человека в красном одеянии. Затем покачал головой, поправляя прозрачный капюшон дождевика.

– Не советую делать резких движений, – предупредил Плотник, демонстративно покосившись на окружавшие залив джунгли. – Вы под прицелом моих людей. Двадцать стрелков со снайперскими винтовками, и еще десяток буруанцев с охотничьим оружием.

– Семеро, – прервал его Цикл, постаравшись, чтобы это не прозвучало излишне агрессивно. – Семеро боевиков на склонах. Я знаю, мистер Плотник.

Тот осекся, едва удержавшись, чтобы не оглянуться через плечо.

– Как ты узнал, что Плотник еще жив?! – спросил он, невольно повышая голос, когда между мужчинами пронеслась стена ветра, громыхнув листами на крыше ближайшего сарая.

Вместо того чтобы ответить, Гамба постучал себя по шлему в районе виска. Несколько секунд долговязый хмурился, но затем улыбнулся.

– Интуиция и расчет, верно?

Витторио молчал, застыв напротив декомпилятора, будто стрелок с Дикого Запада. Его левая рука лежала на рукояти пистолета. Группы морпехов медленно продвигались по склонам правого и левого отрогов, готовые в любой момент атаковать притаившихся снай-перов.

– Ты продемонистрировал акт слепой веры, чужак! – прокричал Орландо, и в его голосе верхолаз разобрал что-то, похожее на уважение. – Неужели в сети хранится мало доказательств бесследного исчезновения человека с таким именем?

И снова Гамба промолчал. Еще на борту «Нобунаги» он раз за разом прокручивал в воображении возможный диалог с Плотником, настроив себя, что услышит несколько обязательных вопросов. К которым подготовил несколько убедительных ответов.

Удостоверившись, что его версию не собираются ни

подтверждать, ни опровергать, человек, которого мир когда-то знал под фамилией Бифорд, развел руками.

– Как ты нашел меня? В свое время это не удалось даже Яну Крюгеру…

Первый вопрос. Отпустив рукоять оружия, Витторио вынул из внутреннего кармана крохотный тюбик. Осторожно, чтобы не спугнуть аборигена, выпростал руку из-под плаща. Показал предмет длинноволосому и только после этого – убедившись, что снайперы не заподозрят в нем гранату – бросил на песок.

– Вот как… – Орландо улыбнулся, рассмотрев на тюбике личное клеймо мастерских Ригамонти. – Вот уж никак не подумал бы… Зачем ты здесь, Искатель? Или, быть может, мне лучше называть тебя Безликим? Кто не имеет глаз, никогда не сможет прозреть…

Второй вопрос.

Снова спрятав левую руку, Цикл едва заметно склонил голову.

– Великий Амитабха был царем, – негромко произнес он, и динамики усилили голос, насмехаясь над потугами неугомонного ветра. – Познакомившись с буддистским учением, он отрекся от трона и превратился в монаха по имени Дхармакара. Он решил стать Буддой. Знаешь, для чего, Плотник? Чтобы обрести во владение Рай, землю бесконечной радости, в которой все, кто воззвал к его имени, смогут возродиться в будущей жизни. Вот мой ответ.

Островитянин замолчал на несколько долгих минут. Дождь поливал остров, притаившихся на нем вооруженных людей, спрятанное на северо-востоке боевое судно и двух мужчин, застывших на берегу напротив друг друга. Наконец, устав ждать реакции, Гамба вдребезги разбил возникшую паузу, поднимая правую руку.

– Я прибыл с миром, мистер Плотник! – зычно воскликнул он, выдергивая декомпилятора из раздумий. – Хоть на поясе моем меч, я прибыл с миром. И хочу видеть картину…

Длинное лицо Бифорда вытянулось еще сильнее. Он уставился на зеркальную личину чужака так, словно видел его впервые.

– Картину?! – выкрикнул он, стараясь справиться с усиливающимся ветром. Пальмы за его спиной продолжали отбивать поклоны. – Значит, Искатель, ты думаешь, что дело именно в ней?

Цикл вскинул подбородок, скривившись от приступа боли, сковавшего шею и левую щеку. Хотел парировать вопрос, но не нашел слов. Фраза Плотника сбила его с толку, но заставила

невольно задуматься о чем-то большем. О чем-то, пока остававшимся табу даже для самого верхолаза. Даже в самых смелых мыслях.

– Удиви меня! – наконец выдохнул он, все еще пытаясь расшифровать поведение собеседника.

Тот чуть отклонился в сторону, будто через красное плечо хотел рассмотреть «горностаев», засевших вокруг авиационного ангара. Длинная рука вытянулась вперед, длинный палец указал на укрывшихся стрелков.

– А что ты станешь делать, если я откажусь? – устало поинтересовался он. – Что станешь делать, если я не впущу тебя в свой дом?

Третий вопрос.

Витторио покачал головой, представляя, как в зеркальной маске отражаются и плывут из стороны в сторону сочно-зеленые склоны, на которых засели снайперы. Бифорд все еще протягивал руку, обнажив предплечье из-под дождевика и позволяя ливню омывать сухую кожу.

– Тебе лучше не знать, Плотник, – спокойно и честно ответил Гамба, запоздало сообразив, что его слова могут посчитать угрозой. – Никому из твоих людей лучше не знать. Но я уверен: ты забрался в задницу этого мира не для того, чтобы спокойно отойти в мир иной. Там… – Теперь свободную руку протянул Цикл, и они стали похожи на непримиримых сказочных волшебников, сошедшихся в дистанционном поединке. – Там, в бункере, есть нечто. И я хочу это видеть. Любой ценой.

Следующий жест Плотника удивил не меньше предыдущего странного ответа. Орландо опустил руку вдоль тела, обреченно покивал. И вздохнул – этот звук чужак расслышал даже через разделявшие их метры и хохот тропического ветра.

– Да, все именно так, как я и предполагал, – сказал Бифорд, поворачиваясь к Гамбе спиной. – Идем. Я покажу тебе то, ради чего ты последовал за мной в задницу мира.

И зашагал прочь, стараясь не поскользнуться на мокрой, покрытой свежими ручьями тропе, полого взбирающейся в распадок между холмами.

Цикл, опешивший от такого виража беседы, едва ли не физически ощущал, как изготовились к прыжку засевшие за спиной «горностаи». Люди Энквиста, привыкшие сперва действовать, а уже потом проводить время в неспешных допросах, изнывали от желания броситься на долговязого. Скрутить, утащить на «Нобунагу» и уже там, в сухом теплом трюме, выпытать все секреты.

Наблюдая за удаляющимся и ни разу не обернувшимся

декомпилятором, Витторио все же тронулся с места. Специальными маркерами обозначил на тактической карте, куда именно должны сместиться группы, в том числе и его личная. Сунул под непроницаемый алый балахон вторую руку, приготовившись – если что-то пойдет не так – отступать и отстреливаться сразу из обоих «дыроделов».

Что-то пойдет не так… Да при долгожданной встрече с Плотником многое шло не так!

Разумеется, Цикл ожидал диалога с создателем таинственной картины, способной произвести переворот нейкистского сознания. Но не на берегу, в одиночестве, под прицелами снайперов и потоками небесными…

Шагая по скользкой тропе, больше похожей на подвижную измельчавшую реку, катящуюся точно под ноги, он всматривался вверх. Там, среди ярко-зеленых зарослей, виднелись темно-серые, потемневшие от ливня стены старинного самурайского форта. Над ними, смутно выштриховываясь за пеленой дождя, возвышалась решетчатая конструкция ретрансляторной вышки, возведенная силами беглых нейкистов и наемных местных жителей.

Во внутренних динамиках шлема Гамбы слышались негромкие фразы, которыми обменивались командиры групп. На тактической карте внутри зеркального забрала мерцали и вспыхивали значки отдельных бойцов, перемещавшихся на более удачную позицию.

Двое машинистов уверенно держали под контролем общую картинку побережья, пристани и предгорий, без устали гоняя мобильные зонды над угловатым укреплением и его окрестностями. Из-за непогоды разведывательные аппараты, снабженные камерами и тепловизорами, по-прежнему оставались незаметны, с легким жужжанием носясь на фоне темно-фиолетового неба и серых облаков.

Дорога, по которой Плотник вел своего «гостя», все сильнее походила на водосток. Специальные каменные желоба по обеим сторонам тропы пока еще отводили основные потоки, но если в ближайшие часы дождь усилится, от полного затопления подъем не спасут даже они. Шлепая за своим провожатым по твердой почве, явно укрепленной каким-то химическим раствором, Цикл внимательно осматривался.

Ширина распадка предполагала не только свободный проезд ручных повозок и даже телег, но давала пространство для маневра небольшого электрокара. По обеим сторонам дороги, чуть вьющейся и огибающей форт с востока, заборами стояли высокие, почти в человеческий рост, кустарники. За ними мокли

оплетенные лианами пальмы.

Торопливо оглянувшись, Витторио заметил, что Хуго и еще один «горностай» продолжают следовать за ним по пятам, непрерывно держа Бифорда на мушке. Вторая пара скрылась в джунглях, теперь поднимаясь параллельным с ними курсом прямо по бездорожью. А затем бункер – наследие одной из величайших войн прошлого – вдруг вынырнул из зеленой лиственной стены, словно марионетка из пружинной шкатулки…

Бетонные стены, за годы обстоятельно утонувшие в грунте, были покрыты малахитовым и бурым мхом. Когда-то отлитые в идеально ровную опалубку, сегодня угловатые фрагменты укрепления ощутимо обкрошились по кромкам. Амбразуры и узкие бойницы темнели глубокими провалами, похожими на норы; внутри некоторых проглядывала свежая кирпичная кладка, местами – решетки и современные стеклопакеты. Старинные пулевые отверстия расширил ветер, обглодав края; кое-где монолит дал трещину, местами из проломов торчала арматура.

И тем не менее впечатление форт производил тяжелое, гнетущее, неприступное. Он был похож на древнего океанского краба, побитого и обросшего полипами, но способного прожить еще лет сто. Даже без смены панциря или при частых схватках с сородичами.

Направляясь за Орландо через извилистый, полный ложных ответвлений коридор ко входной двери, Гамба невольно вспомнил собственный «Альвур-хайд». Возможно, когда молодой верхолаз осуществит свою мечту, горный особняк тоже превратится в артефакт прошлого – в забытую крепость, в которой когда-то жил чудаковатый богатей…

Перед входом в бункер Плотник остановился. Цикл, следовавший за ним в нескольких шагах позади, тут же замер на месте, смещаясь в сторону, чтобы «горностаи» могли простреливать внешний отсек тамбура. По значкам на карте Витторио убедился, что вторая пара из группы Энквиста тоже втянулась во входной лабиринт, держась чуть поодаль.

Створка оказалась не заперта и тщательно смазана – худосочный Бифорд, потянувший тяжелую дверь на себя, почти не приложил усилий. Повернулся к Искателю-Циклу, поманив внутрь, и вошел, не дожидаясь реакции. Стоя под косым ливнем в бетонной кишке под взглядами нескольких бойниц, чужак мешкал всего мгновение. А затем шагнул следом за Плотником, дав приказ двоим «горностаям» остаться снаружи и заблокировать дверь, а еще двоим двигаться за ним…

Войдя, сразу пожалел, что сравнил пристанище декомпиляторов с исландским жилищем. Если в личной

фортеции Гамба сумел совместить роскошь верхолазов с неприступностью военного объекта, то еретики от нейкизма жили значительно скромнее. Как вообще они умудрились провести тут четыре долгих года? Низкие потолки, слабый свет, теснота и однообразный серый цвет шершавых стен… Бункер, в котором когда-то сражались и умирали сотни японских солдат, производил гнетущее впечатление.

Витторио двигался за Орландо Бифордом по безлюдному коридору, пытаясь понять, куда испарились решимость и самоуверенность, с которыми он прибыл на остров, почитая их своим главным оружием. Он попытался разжечь в груди пламя, гревшее его при поисках мировых артефактов, но вместо этого душа откликнулась ожиданием чего-то странного, неподвластного объяснению. Цикл почувствовал себя ребенком, которого заманили в старый особняк, населенный призраками.

Плотник, окончательно перехвативший инициативу, вел его все глубже в срез горы. Спокойно, отчасти равнодушно, словно давно смирился с необходимостью такой экскурсии. И человек в маске вдруг понял – то, что он принял за безразличие, было поведением личности, покорившейся предопределенности…

Энквист и еще один боец семенили за спиной хозяина, даже не помышляя опустить стволы. Заглядывали в каждый встреченный на пути закуток, прикрывая друг друга и не отрываясь от объекта своей охраны.

Все помещения бункера оказались пустыми – перед тем как привести чужака внутрь, старший декомпилятор спрятал всех его обитателей, даже не попробовав устроить ловушку. Витторио улыбнулся под забралом, аккуратно, чтобы не вызвать новый приступ боли в обезображенной щеке. Все островитяне сейчас наверняка сидели по норам, сжимая пистолеты в потных ладонях и надеясь на милосердие пришлых…

В комнате, которую Гамба определил как зону отдыха, Плотника и его сопровождающих ждал еще один декомпилятор – второй из людей, встреченных ими на острове с момента высадки.

Коренастый, нескладно скроенный, на две с половиной головы ниже долговязого Бифорда, он напоминал гоблина во плоти, до того отталкивающим было морщинистое лицо, оттопыренные уши, крючковатые пальцы и непропорционально длинные руки. На «гоблине» был надет бронежилет, к животу на «липучках» крепилась кобура «дыродела», на груди покоился автомат. Вооруженный декомпилятор стоял рядом с закрытой капсулой виртуального секса, посматривая на верхолаза и его боевиков из-за игровых автоматов.

– Спокойно, Кончар, – произнес Плотник, неспешно снимая

мокрый дождевик и бросая комок влажного полиэтилена в угол. – Эти люди не причинят нам вреда.

Уверенность, с которой Орландо предостерег товарища от поспешных действий, поразила Цикла. «Гоблин», названный Кончаром, коротко кивнул, но с места не сдвинулся. Кроме игровых установок, за которыми тот занял свою позицию, в просторном низком помещении обнаружился стол для карточных игр, заваленный хламом бильярдный стол, а также кухонный комбайн и несколько мишеней для дартса.

– Значит, это он и есть? – проскрипел Кончар, пытливо всматриваясь в маску Гамбы, все еще покрытую капельками бушевавшего снаружи ливня.

Подвижное лицо вооруженного декомпилятора сложилось в одну гримасу, в другую, уши задвигались. Определить, о чем именно думает он в этот момент или какие чувства испытывает, смог бы исключительно провидец. Например Энквисту, если бы его мнение сейчас кого-то интересовало, показалось, что коренастый коротышка пытливо изучает алые одежды хозяина, пытаясь сравнить их с чем-то, виденным ранее…

– Ты сомневался, дружище? – Опустившись на ближайший стул, Плотник устало скинул легкие прорезиненные туфли, выливая скопившуюся в них воду прямо на грубый бетонный пол.

«Горностай», чье лицо было скрыто шлемом, плавно сместился к двери в противоположной стене, чуть опустив ствол винтовки, но готовый атаковать Кончара по малейшему жесту босса. Хуго, стоявший слева от Витторио, непонимающе нахмурился, пытаясь уловить, о чем идет речь.

Сам Цикл внимательно наблюдавший за диалогом, незаметно расстегнул под плащом левую кобуру. Правой рукой откинул капюшон, сделал шаг в сторону, чтобы контролировать коридор, по которому они пришли. Казалось, машинисты беседуют так, словно кроме них в помещении больше никого нет.

– Как я понимаю!..

Усиленный динамиками голос прокатился по безоконной комнате отдыха, заставив вздрогнуть всех находящихся в ней мужчин. Мысленно чертыхнувшись, молодой верхолаз понизил громкость, вдруг осознав, что необычайно волнуется. Чувство было схожим с теми, которые он испытывал, входя в умфро Гэлле, но все же казалось чуть иным, другого оттенка…

– Как я понимаю, – уже тише повторил Витторио, пытаясь уловить, что за духи окружают его в эту секунду, – вы не сильно удивлены моим визитом в вашу скромную обитель?

Плотник и Кончар одновременно повернулись к нему, будто лишь сейчас обнаружив присутствие постороннего. Араб с лицом

сказочного чудовища хмыкнул, сморщил нос и прищурился. Его длинноволосый приятель неспешно обулся и встал, подходя к бильярдному столу.

Теперь Гамба заметил, что на зеленом, до дыр вытертом сукне лежит что-то плоское и квадратное, прикрытое невзрачной серой дерюжкой. Продолжая всматриваться в непроницаемую личину шлема, словно хотел взглядом пронзить и прочное забрало, и нанесенное нанопокрытие, Бифорд медленно потянул дерюжку на себя.

И отступил в сторону, приглашая взглянуть.

Цикл торжествующе стиснул кулаки.

Сокровище, разыскиваемое уже несколько месяцев, лежало прямо перед ним…

Бинарный код 10101

«Я спасу тебя, Сорок Два, спасу от самого себя… Я не позволю тебе испортить свою жизнь. Я сделаю тебя легендой, хотя ты, любимый, большая сволочь».

Ева Пума

Плотник чувствовал себя уставшим. Не напуганным, нет, даже невзирая на присутствие в комнате двух вооруженных до зубов наемников. Точнее, трех – сам Безликий наверняка носил под красным плащом какое-то оружие. Остальные десантники, рассыпавшиеся вокруг укрепления и в настоящую секунду наверняка окружившие их жалкий отряд dd, тоже не страшили декомпилятора. В конце концов, бункер и строился, чтобы меньшими силами противостоять превосходящим, чего тут бояться?

А вот усталость подкатывала, как штормовое море – мерно, шумно, с нарастающей амплитудой. Так бывает у человека, копившего силы на длительный рывок в гору, а затем заметившего конечную точку и сразу давшего слабину, начавшего расслабляться раньше срока…

Преодолевая неприятное давящее чувство, Орландо Бифорд подошел к старенькому бильярдному столу. Плавным движением длинной руки отбросил тряпку, закрывавшую деревянную раму и натянутый на нее холст.

Отступил в сторону, приглашая человека в зеркальном шлеме взглянуть, и незаметно покосился на насупившегося Кончара.

– Осторожно! – предупредил через «балалайку» тот, грозно посматривая то на одного десантника, то на другого. – Если хоть одна из сволочей дернется, завалю всех троих. Как собак!

Ибн Шавкат оставался на взводе, совсем не пытаясь этого скрыть. Но Плотник очень не хотел, чтобы его товарища спровоцировала пусть даже самая незначительная мелочь, а потому не спускал с Муджалида глаз.

– Немедленно остынь! – отпечатал он с помощью «балалайки», для выразительности качнув головой. – Без моего личного приказа ничего не предпринимать. Стой, где стоишь, и не вздумай быковать!

Сбросив сообщение Кончару, Орландо грозно прищурился в сторону напарника и снова вернул внимание к чужаку в красном.

Сверкающий начищенной сталью шлем чуть склонился набок – «гость» с интересом наблюдал за предметом, лежащим на зеленом сукне. Бифорд подумал, что, даже не видя лица, может многое сказать об этом человеке по его походке и жестам.

Тот подошел ближе, вцепляясь в высокий бильярдный борт и нависая над картиной.

– Это шутка?

Голос, доносящийся из-под зеркального забрала, дрогнул. Повернувшись к Безликому, Плотник увидел собственное отражение – мужчина в алом плаще подступил почти в упор, заглядывая ему в лицо снизу вверх.

– Хорошая стилизация, – продолжил тот, сжав правую руку в кулак и пристукнув им по зеленому бортику. – Для этого ты задерживал меня на берегу? Чтобы успеть подготовить «репродукцию»?

Бифорд медленно помотал головой, с трудом удержав усталый вздох. То же самое спросил Пророк. *Это шутка?* Словно декомпиляторы были склонны шутить. Впрочем, иной реакции непосвященного он и не ожидал…

– Это не репродукция. Не обработка фотографии. Не подделка. Это было нарисовано почти две недели назад.

– Какая глупость!..

Динамики глухого шлема приглушали эмоции, но Плотник и Муджалид все равно расслышали недоумение и страх, прозвеневшие в голосе чужака. Автоматчики по углам комнаты тоже уловили растерянность своего лидера, на всякий случай приподнимая оружие.

– Быстро к двери! – На глазном наноэкране Орландо всплыло мерцающее сообщение от ибн Шавката. – Если он… – Не дочитав до конца, глава «Кромлеха» свернул «окно», намеренно подавшись вперед так, чтобы загораживать Кончару линию возможного огня.

Высокий блондин у входной двери, предпочитавший не скрывать лицо глухим щитком, осторожно подступил на два коротких шажка, заглядывая через красное плечо и пытаясь понять причину хозяйского смятения. Нахмурился, бросил быстрый взгляд на Бифорда и его товарища, затем снова на картину. Он тоже не понимал. Никто из них не понимал, несмотря на сонмы цифровых духов, витающих вокруг мужчин и лежащего на сукне холста. Слепцы!

– Вы нарисовали это только что! – злобно выдохнул Безликий, отступая от Плотника и картины. – Не знаю, какую механику вы использовали, но вы нарисовали это только что!

– Ты не хуже меня знаешь, какими красками пользуется «Сингулярика», – равнодушно ответил ему Орландо, всматриваясь

в глаза незнакомца прямо сквозь напичканную электроникой личину.

Спохватившись, Безликий торопливо потянулся к протянутой соломинке.

Рывком выбросил руку в красной перчатке, беззастенчиво мазнул пальцем прямо по центру картины. Вероятно, он рассчитывал, что сейчас на той останутся разноцветные маслянистые потеки, но… Алая кожа скользнула по засохшей бугристой поверхности, смазав только верхний, еще не окончательно подсохший слой красок, а холст чуть заметно прогнулся и хрустнул тонкой ледяной корочкой.

– Я его сейчас завалю, – снова сообщил текстом Кончар, становясь все сильнее похожим на злобного тролля.

– Если не заткнешься, я отключу «балалайку», – не меняясь в лице, предупредил его Бифорд, с растущей злобой закрывая «окно» обмена мгновенными сообщениями и не отводя глаз от человека в зеркальном шлеме.

– Этого не может быть… – прошептал тот, задышав тяжело и часто. – Когда это было нарисовано?

– Тринадцать дней назад, – честно ответил Плотник, с легкой досадой глядя на едва заметный след, оставленный пальцами невежи.

– Но как такое возможно?!

– Я знал, что ты не поверишь…

Безликий снова повернулся к картине.

Теперь Орландо почти физически ощущал его взгляд, рыскающий по полотну. Рассматривающий нарисованный на холсте неказистый пирс и хозяйственные домики из листового пластика и железа; дождливое, грозящее стать штормовым небо; неспокойное море, покрытое белыми пенными гребешками. Лодку, приставшую к настилу слева, выпрыгивающие из нее фигурки в камуфлированной титапластовой броне. И центрального персонажа картины – человека в красном плаще, широким шагом идущего к берегу. Под капюшоном главного героя посверкивал начищенный металл…

– Тринадцать дней назад? – повторил Безликий, разглядывая момент собственной высадки на остров. – Но по слухам, картине больше четырех лет…

– Ты опять не видишь леса за деревьями, – осторожно произнес Бифорд, откидывая тонкие косы за плечи и опускаясь на бамбуковый табурет возле бильярдного стола. Теперь их лица – человеческое и зеркальное – находились почти на одном уровне. – Сеть нашептывает совсем о другой картине. Той, что напугала Сорок Два.

– Значит… – К приятному удивлению Орландо, Безликий-Искатель соображал быстро, даже несмотря на подавленность и страх, сочащиеся из его голоса и жестов. Только вот слова стали заплетаться друг за друга, как подкосившиеся ноги. – Предсказаний было несколько?

Плотник покосился на Кончара, так и не сменившего напряженной позы. Было заметно, как злится и нервничает ибн Шавкат, но позволить товарищу сорваться с цепи глава группы не мог, так же, как выгнать его из комнаты.

Старший декомпилятор промолчал.

Цифровой ветер, гулявший над картиной, почти позволил ему заглянуть под сверкающее забрало Искателя. Заглянуть, чтобы увидеть распахнутые в предвкушении глаза сильного молодого мужчины, чья левая половина лица была изуродована неизлечимыми ожогами. Глаза с плещущимся в них страхом. И почитанием чего-то великого, огромного, не поддающегося осмыслению.

Может, не так уж он и похож на погибшего Пророка?..

– Вы знали, что я приду, – наконец нарушил звенящую тишину человек в красном плаще, стараясь подхватить ускользающее господство в диалоге. – Знали, что это произойдет, но все равно не встретили нас огнем… Почему?

Орландо Бифорд пожал плечами.

– Тебе было бы спокойнее лежать на морском дне, нежели наконец-то осуществить мечту и заглянуть за границу, отделяющую наш мир от мира Цифры? – задумчиво и неторопливо произнес он, куснув костяшку пальца. – Удивлю, но мы никогда не делали ставку на оборону. На скрытность, да. Но не на сценарий в стиле «пляж Омаха»…

– Значит… – Безликий говорил все медленнее, словно умственно отсталый. Плотник не корил его за это, в точности предполагая, что именно происходит сейчас с сознанием пытливого и излишне любопытного чужака. – Значит, автор картин… он жив? Цел… Функционирует…

На этот раз Орландо ответил на вопрос. Даже несмотря на мелкий, едва заметный жест ибн Шавката, попытавшегося предостеречь. На глазном экране Бифорда уже открылась строка обмена тестовыми сообщениями, но Кончар вовремя вспомнил предупреждение друга, и «окно» тут же свернулось.

– Когда Пророк приказал нам ликвидировать разработки группы, – произнес отец «Кромлеха», – я распустил большую часть цехов…

Сутулый, угловатый и долговязый декомпилятор сейчас мечтал об одном – забраться в постель и проспать часов двадцать.

Но сдерживал себя, продолжая самый необычный разговор в своей жизни. Стволы винтовок до сих пор были нацелены на него и Муджалида, а где-то снаружи, под дождем, десантники Безликого уже наверняка разоружили их крохотный снайперский отряд.

– Собрал самых преданных, самых целеустремленных. Тех, кто вместе со мной верил, что за краем нашего мира что-то есть. Что-то, отражающее настоящую силу Цифры. И тогда мы ушли. Растворились как в этой реальности, так и в той. Потерялись на теплом острове, где цивилизация застопорилась на уровне XX века, и продолжили работу. Неспешно, кропотливо, после встречи с Сорок Два точно зная, что находимся на верном пути.

– Что так напугало Пророка? – дождавшись, когда Плотник сделает паузу и переведет дух, спросил Безликий.

По глубоким темным глазам Кончара Бифорд догадался – перемена стала заметна не только ему. Непрошеный гость, вошедший в этот дом с оружием и черными помыслами, вел себя… иначе.

Покусав губу, Орландо чуть заметно кивнул товарищу.

– Машина нарисовала ему картину. Кое-что показав. Кое-что неприятное, пугающее. Именно о ней в сети ходило так много сплетен. Именно она заинтересовала тебя, в конечном итоге приведя сюда…

– Еще дневник…

– Что? – Безликий произнес последние два слова так тихо, что Бифорд даже подался вперед.

– Я сказал, еще твой дневник, – повторил красный человек чуть громче, не отводя взгляда от картины на бильярдном столе. – Апокриф. Еретическое учение, высмеиваемое нейкистами в сети. Он тоже сыграл свою роль.

Чтобы скрыть реакцию, машинист потер лицо руками. Еще раз обменялся с Муджалидом пристальными короткими взглядами.

– Он потрясен, не так ли? – Силовик все же не удержался, отправив сообщение через внутреннюю сеть.

Вместо того, чтобы написать что-то в ответ, Плотник просто кивнул.

Да, чужак был потрясен. Действительно потрясен, и этого не могла утаить ни специальная маска, непробиваемая даже наноскопом, ни мешковатый плащ, скрывающий фигуру. Во второй раз за последние десять минут Орландо Бифорд убедился, что для Искателя, в отличие от Пророка, на старте его кровавого пути, еще не все потеряно. И тут же задумался, как бы повел себя Безликий на месте Сорок Два, узревшего собственный конец?..

Словно прочитав его мысли, гладкая личина повернулась. Затем, проведя испачканным краской пальцем по оплетке холста на столе, ее обладатель спросил:

– Существуют еще картины, я прав?

Плотник не успел ответить. Запыхтев закипающим чайником, Кончар нахмурился и, невзирая на запрет товарища, сбросил в сеть новое сообщение.

– Хватит подстилаться! Наглец даже не открыл нам своего лица, не говоря уже об имени, а ты собираешься выдать ему все секреты «Кромлеха»!

Бифорд перечитал сообщение дважды, не удостоив Муджалида ответной реакцией. Вздохнул, уставившись на собственное отражение в маске, стенки которой могли скрывать кого угодно. А что, если перед ним сам Мертвый? Или Моратти? Или один из вудуистских архиепископов, прибывших на остров для искоренения скверны?..

Тонкие, едва заметные светящиеся линии, в которых Орландо привык видеть духов Цифры, пронизывали воздух комнаты, клубясь вокруг мужчины в красном балахоне. Нет. Это не Мертвый. И не Моратти. Перед Плотником стояло порождение Инцидента, необычайно амбициозное и властное, успевшее перехватить пульс нового мира, но совершенно не ожидавшее, что картины «Сингулярики» действительно исполнены чуда…

Декомпилятор встал, пытаясь не выказать валящего с ног опустошения.

– Идем со мной, – сказал он Безликому, чувствуя на себе гневный взгляд Кончара. – Пусть твои люди останутся здесь.

Блондин в открытом шлеме нахмурился, придвигаясь к хозяину. Но уже в следующую секунду получил распоряжение через «балалайку», коротко кивнул и отступил на шаг.

– Не делай глупостей, – на прощание отписал Плотник ибн Шавкату, шаркающей походкой направляясь в прохладные недра бункера. – Прошу, как друг.

Безликий последовал за ним.

Галерея находилась на пол-уровня вниз, в том же самом коридоре, откуда можно было попасть в продуктовый склад и хозяйственное хранилище. А еще в помещения, где сейчас терпеливо ожидали своей участи остальные островитяне. Напуганные, взволнованные, но безраздельно доверяющие своему лидеру.

Машинисты ничего не могли сделать с крохотной, но вооруженной до зубов армией чужаков. Однако если те пойдут на крайние меры, три «дыродела» и пара охотничьих ружей позволят забрать с собой на тот свет несколько наиболее ретивых

штурмовиков…

Пригнувшись под притолокой, Бифорд вошел в галерею, включая тусклый свет. Безликий, бесшумно ступавший за ним, остановился у порога, бочком сместившись в сторону и не вынимая рук из-под плаща. Что там у него? Нож? Пистолет или граната? Орландо было все равно – светящиеся линии, сквозь перекрытия истекающие от «Сингулярики», говорили ему, что человек с зеркальным лицом не станет пускать оружие в ход.

– Вот, смотри. – Плотник обвел рукой небольшую комнату, заставленную картинами.

Помещенные в тонкие влагонепроницаемые чехлы, они висели на бетонных стенах, стояли вдоль них, кое-где даже скапливались стопками. Тут были как законченные произведения, яркие и красочные, так и схематичные наброски, по какой-то необъяснимой причине не завершенные духами Цифры.

Безликий медленно прошелся по периметру.

Всматривался в сюжеты, склонял голову, изредка прикасался к деревянным рамам, местами уже потрескавшимся от ужасного тропического климата. Люди. События. Места. Предметы. Свершения. Преступления. Моменты радости и счастья. За несколько лет своего существования машина успела поработать с доброй сотней сюжетов, подавляющая часть которых все равно оставалась загадкой для Плотника и его группы.

– Это потрясающе… – произнес командир десантников, и дрогнувший голос не смогли скрыть даже установленные в необычном шлеме модуляторы. – Это божественно…

– И это еще не все, – кротко ответил прародитель «Кромлеха». – Уникальность картин также в том, что они не поддаются оцифровке. Совершенно. После сканирования или фотографирования мы раз за разом получаем размытые и блеклые рисунки, в которых едва угадывается первоначальный замысел…

– Картина, напугавшая Сорок Два, – словно вспомнив о важном, вскинулся Безликий, и Бифорд снова поразился переменам в его голосе. Высокомерный чужак, вторгшийся в их дом, был тих и подавлен. – Та, с Которой Все Началось. Она сохранилась?

Орландо молча указал на стену в дальнем углу. Искатель последовал за жестом, останавливаясь перед большой, метр на полтора, картиной в светло-бежевой реечной рамке. Задрал голову. В его текучем, меняющем интенсивность отражения забрале вспыхнули отзеркаленные силуэты героев сюжета.

Подвал, очень похожий на помещения бункера японской императорской армии… Невысокий щуплый мужчина в удобном

офисном кресле, усталый и стремительно стареющий… Персонаж удаляет волосы по моде машинистов, но с такими залысинами ему не нужно утруждать себя частым бритьем…

Рядом с ним женщина – молодая, красивая, подтянутая, словно дикая кошка, но уставшая не меньше мужчины. Измотанная, как древняя старуха. Выжатая, словно старая тряпка. Это видно по линии плеч, по потяжелевшей руке, в которой та сжимает пистолет с глушителем, по глубоким морщинкам вокруг рта.

На полу у ног мужчины и женщины трупы. Много, не меньше десятка. Большинство в белых лабораторных халатах, а на столах виднеется оборудование и открытый «раллер». В небольшом матовом аквариуме на специальном верстаке видна здоровенная рыба, больше похожая на футбольный мяч.

Сюжет прост, но неоднозначен.

С одной стороны, может показаться, что женщина с пистолетом только что прикончила последнего из лаборантов, устилающих бетонный пол. Не успела поднять оружие. Задумалась на мгновение. С другой стороны – и художник вложил всю душу в создание этого зрительного парадокса, – создается впечатление, что женщина-кошка готова взять на мушку сидящего в кресле. Создается впечатление, что перед зрителем не просто двое над трупами – перед зрителем сцена предстоящей казни.

Мир застыл. Мир замер. Мир оледенел. Куда качнется ствол в следующую секунду? Отчего так дрогнули губы щуплого лысого мужичка? Что за огонь горит в глазах его вооруженной спутницы?

Когда Бифорд тактично откашлялся, привлекая внимание погруженного в себя Безликого, прошло почти десять минут. Десять минут, пролетевших одним дуновением бриза, – как все последующие работы «Сингулярики», первая просто поражала своей мощью и живой силой. Человек в зеркальном шлеме отшатнулся от полотна, словно оно удерживало его невидимыми щупальцами…

– Это Сорок Два? – спросил он, не ожидая ответа.

Вскинул руку ко лбу, словно собирался отереть испарину, но забыл о существовании шлема. Неловко оправил откинутый на плечи капюшон. Поспешил добавить:

– Выходит, твоя машина действительно предсказывает будущее?

Орландо вздохнул. Одно дело – отвечать на такие вопросы другим декомпиляторам или Муджалиду, но совсем иное – беседовать с незнакомцем, познавшим тайны «Кромлеха». А может быть, нарисовав его высадку, машина хотела предостеречь? Может быть, действительно стоило встретить чужаков свинцом,

положив свои жизни на алтарь служения Цифре?..

– Этими картинами с нами говорит Цифра, – ответил Плотник, осматривая окружавшие их работы. – Трактовать их – задача человека. Но я клянусь, что и не предполагал, что душа цифрового мира выберет именно такой способ общения со своими последователями…

Безликий сделал к нему шаг.

Один-единственный шаг, но Бифорду вдруг показалось, что именно так отправляются на эшафот. Или в боевой вылет, из которого нет возврата. Или в зону лютой радиации, спасать выживших и строить саркофаги.

– Я хочу *ее* видеть. – И когда брови Плотника сошлись на переносице, вдруг произнес совершенно неожиданно, смиренно и с изрядной долей обреченности: – Пожалуйста.

Декомпилятор молчал.

По острову продолжал монотонно долбить тропический ливень. Волны лизали берег. Где-то в джунглях морпехи Безликого разоружали снайперов «Кромлеха». Люди на окрестных островах архипелага продолжали бороться за выживание, верхолазы богатели, нищих резали на органы, ломщики крушили сети, безы ловили бандитов, государства отправляли на Станцию все новых и новых поселенцев, энтузиасты искали нефть, проститутки торговали собой, каперские кланы плели интриги, тысячи верующих вливались в храмы, неизвестные эпидемии выкашивали целые кварталы, с заводских конвейеров сходили танки, на орбите выходили из строя старые спутники, отморозки убивали невинных за кусок золота и горсть риса, рождались дети, заключались брачные союзы, разбивались сердца и вспыхивали яркие искренние надежды.

Мир вокруг Плотника застыл, словно на одной из потрясающих картин «Сингулярики».

– Ты говоришь так, Искатель, – промолвил он, чувствуя каждую трещинку на пересохших губах, – словно если я откажусь, ты не станешь принуждать меня силой.

Человек в зеркальном шлеме молчал, вынув из-под красного плаща обе руки и опустив их вдоль тела, как послушный солдат на плацу. Мир продолжал стоять на месте, воздух пронизывали желтые сверкающие нити, сплетенные из цифр и незнакомых машинисту символов. Казалось, вся планета – от последнего нищеброда до первого верхолаза, – окаменела в ожидании, но Безликий молчал.

– Ты был прав тогда, в Либерти-Сити, – наконец сказал он, поднимая руки и медленно расстегивая сложные крепежи необычной маски. – Я не мог прозреть, пока не увидел сам.

Сняв шлем и уместив его на сгибе локтя, он позволил Орландо взглянуть в свои темно-голубые глаза. Холодные, скрывающие необъятный ум и цепкость характера, сейчас неспокойно сверкающие. В них отражались звезды, ведущие моряков домой…

Закусив губу, Бифорд всматривался в ожоги на лице чужака, в его волевой подбородок, изуродованный жадной термопеной, в ровный высокий лоб, аристократическую горбинку на носу. Всматривался так, словно хотел самостоятельно нарисовать по памяти портрет.

– Твоя душа изменилась, – кивнул он, стараясь не пялиться на увечья стоящего рядом верхолаза дольше дозволенного. – Но достаточно ли?

– А царь Амитабха прозрел за один день? – словно в виртуальной комнате, где предстал в образе католического священника, вопросом на вопрос ответил ему Искатель. – Прошу, Плотник. Покажи ее мне.

Ветер гудел над бункером, обещая скорую смену погоды. Ветер судьбы завывал в тесной комнате картинной галереи, тоже обещая перемены. Декомпилятор украдкой косился на собеседника, пытаясь найти в нем очередное сходство с человеком, когда-то поставившим крест на изысканиях «Кромлеха».

– Все в порядке? – поинтересовался Муджалид через внутреннюю сеть.

– Все в порядке, – успокоил его товарищ.

Нет, Цифра не поселилась во взгляде изуродованного незнакомца. Не снизошла из цифровых глубин непоколебимая вера, каковой ее привыкли лицезреть Бифорд и его люди. Но и равнодушным этот взгляд назвать было нельзя. Нельзя было назвать отстраненным или прагматично-недоверчивым.

Если Безликий и пришел на забытый остров человеком, готовым продавать чудеса на развес, картины «Сингулярики» изменили его. Вдохнули что-то новое, что-то целеустремленное, связанное с будущим. И впервые за две недели душа Плотника дрогнула, вдруг почувствовав дыхание новой жизни. Дыхание грядущего, вдруг опутавшее не только движение декомпиляторов, но и весь нейкизм.

Ах, как было бы славно узнать, что на этот счет скажут творения машины! А вдруг новый набросок, в разрозненных линиях которого только сопоставимый по мастерству творец мог угадать будущий сюжет, тоже связан с Искателем? Вдруг в этот самый момент машина считывает с кодировки чужеземца его устремления, как опытный ломщик ворует информацию с

«балалайки» неумелого пользователя, и рисует будущее? Какое оно? Объятое огнем или озаренное лучами долгожданной славы?

– Иди за мной, Искатель, – коротко и тихо распорядился Бифорд, и тот послушно кивнул, как должное восприняв командирский тон длинноволосого. – Направимся в обход. О том, что мы побывали в ключевом зале, лучше не знать ни твоим людям, ни моему другу.

Они покинули галерею, двинувшись по безлюдным тесным коридорам.

Свой шлем верхолаз по-прежнему нес на сгибе локтя, но был готов в любую секунду надеть. Тусклый потолочный свет, то и дело мерцающий, превращал недра укрепления в катакомбы древней тюрьмы. Таковой, впрочем, она и являлась для них долгих четыре с половиной года – тюрьмой, в которой томится Цифровая Плащаница, способная поменять сознание тысяч и даже миллионов машинистов по всему миру…

Как Плотник и предупредил, комнату отдыха, где остались буравить друг друга взглядами три бойца, пришлось обогнуть по периферии комплекса. Спустились еще на четверть яруса вниз, прошли длинным изогнутым коридором, поднялись на этаж.

Перед дверью в сердце бункера Орландо задержался, едва заметно, всего на секунду. Только для того, чтобы спросить свое сердце, действительно ли принимает верное решение. Не найдя ответа, открыл дверь, приглашая мужчину в красном плаще войти…

И тут же поймал себя на мысли: если он полагал, что Искателя поразили готовые картины «Сингулярики», он ошибался. Потому что настоящее потрясение произошло в последующую минуту. И оно отразилось на обожженном лице так же явно, как отражались в снятом зеркальном шлеме бетонные стены их секретного доселе дома.

Машина продолжала работать.

То ускоряясь, нанося за раз одновременно несколько мазков, то замирая на бесконечно томительные минуты, словно в раздумье. Манипуляторы, в которых были зажаты разнокалиберные кисти и карандаши, емкости с водой и палитры, перемещались в причудливом танце, гипнотизируя плавностью и неспешностью движений. Четыре основные «руки» «Сингулярики», воссозданные с анатомической точностью рук человеческих, то приближались к холсту, то отдалялись от него, словно в последний момент машина передумывала делать мазок.

Гудел «цепной «раллер», необычайно производительное устройство, совершенно не предназначенное для выполнения привычных машинистских задач, но мощнейшее в своем роде –

уникальное и неповторимое, как первые бракованные наны, ставшие основой Троицы Сорок Два. Через выстеленные по полу провода «Сингулярика» впитывала энергию; через подключенные к ней внешние устройства – пополняла базы данных и корректировала собственный уровень знаний.

В груди Бифорда защемило.

Надеясь, что жест останется незамеченным, он помассировал грудную клетку, стараясь не обращать внимания на галлюцинации – в последнее время Орландо все чаще видел желтый цифровой ветер, круживший в комнатах бункера. Здесь, в зале «Сингулярики», яркие потоки, сотканные из цифр и специальных символов, становились наиболее заметны и осязаемы, сейчас опутав Искателя сверкающим водоворотом.

Тот, молча опустив шлем к бедру и приоткрыв рот, разглядывал машину взглядом ребенка, впервые попавшего в стереопланетарий. Словно объемные галактики и созвездия вокруг школьника, вокруг верхолаза парили очертания их общего будущего – яркие и потрясающие многослойностью. «Цепной «раллер» низко стонал, пульсируя кольцом пронзительно-сапфирового цвета. Кисти продолжали наносить влажные сочные линии, чуть слышно поскрипывали суставы манипуляторов, надрывались две с половиной сотни «поплавков».

– Я видел чудеса… – наконец пробормотал Искатель, не сдвинувшись с места. – Видел, как человеческую волю подчиняют без остатка, высасывая, будто нектар. Видел, как духи указывают хунганам путь и помогают сокрушать врагов. Видел, как грамотно реализованная магия отбирает жизни и дает богатство. Но, чтобы Цифра… Плотник… это нечто немыслимое. Никакими религиозными течениями, концепциями или аксиомами нельзя объяснить то, что происходит в этой комнате…

– Это чудо, Искатель, – пожал плечами Орландо, продолжая незаметно разминать левую половину груди. – Каким оно и должно быть…

– Оно… она всегда рисует? – зачарованный плавными движениями окрашенной в фиолет кисти, поинтересовался узревший тайну.

Ему невыносимо хотелось сделать несколько шагов в сторону, чтобы заглянуть в растянутый перед «Сингулярикой» холст, но цифровой ветер удерживал чужака на месте.

– Всегда, если есть настоящие краски, холст и добрая кисть.

– А что?.. – Покривившись, Искатель облизал пересохшие от волнения губы. – Что там сейчас?

– Сложно сказать, – честно ответил конструктор машины. – Стиль работы «Сингулярики» отличается от техники любого

жившего или живущего художника. Она словно держит замысел в электронных мозгах, реализуя его с самых разных сторон. Подчас, пока не нанесены последние штрихи наброска, мы и сами не имеем понятия, что перед нами – собака, танк или лунный пейзаж…

– Могу я взглянуть? – неуверенно спросил его человек, чьи вооруженные наемники окружили бункер, а сам он в любой момент мог выхватить спрятанное под балахоном оружие и оборвать мучения Орландо Бифорда.

Вместо слов тот лишь пожал плечами, приглашающе вытягивая руку. Раз уж ты здесь, то чего спрашивать – означало это движение, взбаламутившее оранжевые нити, видимые только Плотником.

Однако в следующее мгновение декомпилятор вздрогнул, чуть не застонав от нежданной сердечной боли. Потому что Искатель шагнул к машине, обеими руками машинально, совершенно не отдавая себе отчета в жестах, раздвигая то ли паутину, то ли прозрачный тюль, мешавший пройти. Бифорд оцепенел. Неужели чужак тоже галлюцинирует, продираясь через заполненный цифровыми завихрениями воздух?..

Стараясь унять колотящееся сердце, Орландо двинулся следом, заглядывая в холст. Краем глаза заметил, как напряглись плечи Красного Человека, как едва удержался тот, чтобы не отшатнуться. И с непониманием уставился на портрет, проступающий под выпадами кистей и графита.

Вооруженный винтовкой мужчина сидел на тесной лавке, зажатый с обеих сторон смазанными фигурами. Короткие волосы и высокая челка уже проступили из небытия, но черт лица «Сингулярика» пока зрителю не открыла.

Вот ее карандаш прикоснулся к поверхности, оставляя широкий черный след, и по двум штрихам Плотник вдруг догадался, что на портрете женщина. Искатель, наблюдавший за рождением картины с растущим беспокойством, нахмурился. Перехватил шлем так, словно собирался торопливо надеть.

Движения машины едва заметно ускорились.

Она какое-то время размышляла, чему уделить внимание – пустому овалу лица вооруженной женщины или круглому оконцу за ее плечом, где виднелись пустынные барханы и едва намеченные мазками низкие облака.

Карандаш уперся в овал.

Помедлил, роняя на пол крохотные обломки графита, резко дернулся в сторону. Еще раз. На голом, словно у манекена, лице героини сюжета вспыхнули хищные азиатские глаза. Искатель сделал шаг назад, чуть не запнувшись о провода под ногами.

– Что-то не так? – уже предполагая ответ, спросил его декомпилятор, осторожно прикасаясь к красному плечу и привлекая внимание.

– Возможно, – задумчиво прошептал в ответ изуродованный верхолаз, глядя на Бифорда взглядом слепца, стоящего на грани безумия.

Провел пальцами по обожженной щеке, словно снимая налипшую желтую паутину, отчего заставил сердце Орландо еще раз дрогнуть. Перехватил зеркальный шлем, отбросив застежки и приготовившись надеть.

– Возможно, – повторил он, скрывая ожоги за непроницаемой маской цвета полированного серебра, – вскоре у нас появятся проблемы. Настоящие. Совсем иного плана, нежели молодой царь, решивший стать Буддой…

Бинарный код 10110

Дорога Пророка завела нас в тупик, но мы еще можем возвыситься. В том числе и над человеком вообще. Но для этого нам потребуются упорство, сдержанность и вера.

Первое, что нужно сделать, это продолжать безгранично верить в могущество Цифры. В могущество силы, которой мы служим, а не Богами которой стали. Приумножать эту силу, изобретая все более быстрые чипы, схемы и конструкты, разрабатывая новые программы и операционные системы, преклоняясь перед властью Цифры и укрепляя ее.

Второе – мы должны сплотиться. Только в единстве дети Поэтессы выстроят новый дом, в котором будет комфортно жить, работать и быть счастливыми. Дом, где нам не придется мыть за собой грязную посуду, болеть гриппом, умирать раньше срока и использовать мощь своего интеллекта на обыденную бытовую рутину.

Я верю, такой мир можно построить на обломках старого. Не секрет, что расслоение на тех, кто говорит с Цифрой на «ты», и тех, кто даже не задумывается о бинарных ветрах, опутавших планету, произошло задолго до рождения Поэтессы и Сорок Два. Еще семьдесят лет назад мир разделился на тех, кто управляет виртуальной Вселенной, и тех, кто отдает им приказы.

Мы не станем устраивать

революцию. Но рано или поздно, убедив тысячи братьев в существовании Цифрового Чуда, мы шагнем в сторону, улыбнемся беспомощности верхолазов и перейдем в новую ипостась.

Умение строить машины и говорить на языке ве€домых лишь избранным символов помогут нам. Тайное знание об информационном океане, недоступное ни главам филиалов СБА, ни верхолазам, заставит миры – да-да, отныне мы говорим о нескольких мирах – считаться с нами и щедро платить за предоставленные услуги.

Идеология и знамя веры помогут машинистам, коих попытаются удержать на местах высокими зарплатами и щедрыми бонусами, в первую очередь следовать интересам братства, а уже после своим личным.

И тогда мир изменится. Мы заставим не презирать себя – считаться с собой. Возвысимся над остатками тритонов, ордами минусов и легионами примитивных обывателей.

В мире цветущего атеизма, тотального неверия и отсутствия устойчивых моральных ценностей многие назовут меня идеалистом и наивным романтиком. Но я смеюсь над такими мнениями. Вера в Цифру – вот наше оружие. И я собственными глазами видел, как бескрайний мир бинарного кода – еще один мир, тесно сосуществующий с материальным царством homo sapiens, ответил на наши молитвы и даровал настоящее чудо…

«Шепот цифровых идолов»,

Конечно, он узнал ее…

Узнал вопреки распространенному утверждению, что «все желтолицые на одно лицо». Как бы не так! Цепная дворовая сука его разлюбезного дядюшки Раймундо – вот кто щурился на зрителя с незавершенной картины, правой рукой придерживая цевье автоматической винтовки, зажатой между колен. Риоко Хамасаки, глава службы безопасности корпорации «GA», способная с одинаковым равнодушием организовать охрану детского праздника или собственными руками вырезать из донора легкое…

Цикл всмотрелся в набросок, подмечая мелочи и намеки. Машина, которую Плотник называл «Сингулярикой», хотела им о чем-то сообщить. Возможно, барханы в круглом окне за спиной самурайши – вовсе не песок, а океанские волны?

Надев шлем, Витторио с наслаждением втянул пропущенный через фильтры респиратора безжизненный, но безупречно стерильный воздух. Что-то неясное, смутное, томительно-ускользающее от понимания впиталось в кровь, ускоряя ее ток, а сознание обрело былую ясность и быстроту.

Еще секунда, и верхолаз уже злился на смятение и покорность, обуревавшие его последние полчаса. Желто-оранжевый эффект от просмотра картин и знакомства с машиной не исчез – просто отступил на задний план, как всегда бывало перед тем, как молодой Гамба вступал в бой.

Где Риоко сейчас?

Его собственную высадку на остров Цифра предсказала почти две недели назад… Значит ли это, что японка прибудет только…

– Атака! – на необычайно чистом и широком канале выкрикнул машинист Энквиста, ведущий наблюдение за операцией с борта тримарана. – Сбит первый разведывательный зонд! Повторяю…

Сеть, к изумлению Витторио, вдруг набрала такую силу, словно на Земле никогда не случался День Станции. Неужели декомпиляторы успели среагировать на изменение обстановки и врубили ретранслятор на полную мощность?..

Циклу не хватало времени проанализировать этот вопрос. Все еще стоя лицом к «Сингулярике», он всецело ушел в себя, глотая десятки сообщений, одно за другим вспыхивающих на многослойных тактических экранах внутри шлема и на сетчатке глаза.

– Доверяй мне, – отрывисто бросил Гамба своему высокому провожатому, на миг оторвавшись от контроля за начинающимся

сражением. – Я спасу машину. И вас всех. Только доверяй.

Плотник стал похож на персонажа старинной православной иконы – такая же восковая, болезненно натянутая на скулы смуглая кожа, горящие глаза, длинные редкие волосы…

Островитянин покосился на ярко-голубое кольцо «цепного «раллера», в свете которого даже скудное бомбоубежище походило на комнату сказочного дворца. Кивнул, уставившись в стену – теперь Бифорд наверняка связывался со своими людьми через «балалайку».

Главное, чтобы никто из них с перепуга не наделал глупостей. Особенно ушастый гоблин с автоматом, за которым остались присматривать Энквист и его «горностай»…

На оперативных каналах требовали приказов командиры двух тактических групп. «Нобунага» заводил не успевшие остыть двигатели. Голос машиниста, координировавшего миссию, подрагивал от напряжения. А еще в динамиках щелкало, будто тот безмятежно грыз орешки.

– Сбит еще один зонд, – доложил щелкунчик, помечая на карте место атаки. – Я смог идентифицировать три беспилотных истребителя класса «Тапейяра»…

Цикл замер, изучая сводки, но краем глаза заметил, как декомпилятор беспокойно сместился к двери. Он, судя по всему, тоже общался со своими людьми, выбирая тактику дальнейшего поведения. Где-то снаружи под теплым крупным дождем бронированные птеродактили продолжали уничтожать разведзонды с тримарана.

Откуда они стартовали?

С соседнего острова или с плавучей площадки?

– Доложить обстановку по боевым звеньям, – приказал Гамба всем троим офицерам.

– Снайперы захвачены и разоружены, потерь нет; дислоцируемся на подходах к вышке, – отчиталась вторая группа, отметив свое актуальное месторасположение на плане местности.

– На берегу чисто, трое пленных, потерь нет; держим под контролем западный отрог и пристань. – Это первая полудюжина, оставшаяся в пределах прямой видимости прибрежной линии.

– Мои люди внутри, занимаем оборону, местных в бункере не обнаружено, – негромко доложил Энквист. – Мужик в игровой комнате проявляет беспокойство, но пока я рядом, не дергается. Мне его успокоить?

– Отставить. С островитянами в конфликты не вступать, готовиться к обороне. Предположительно ожидаем атаки с воды. Первая группа, отступайте на западный гребень, держите побережье под наблюдением. Вторая группа, сосредоточиться на

охране ретранслятора.

Отдав распоряжения, Витторио повернулся к Бифорду.

Тот, нервно покусывая губу, уже стоял в коридоре.

– Мне принять участие, брат? – на специальном сетевом канале осведомился Ноябрь.

– Да, возвращайтесь в бухту. Имею основания полагать, что «Тапейяры» были запущены с судна. Начинай радиолокационный поиск.

– Что происходит?..

Орландо, наконец дождавшись, когда Искатель покинет зал с машиной, плотно прикрыл дверь, наваливаясь на нее спиной. Казалось, тут он и решил остаться, даже если враги изрешетят его пулями – прямо на пороге комнаты с собственным детищем, преграждая путь долговязым телом.

– Мы атакованы, – просто ответил ему Цикл, пытаясь сориентироваться в лабиринте бункера и понять, куда двигаться, чтобы добраться до «горностаев». – Неизвестный противник чистит небо, я ожидаю гостей…

– Вы привели «хвост»? – Лицо Плотника побелело.

Казалось, в его сознание одним махом вернулись все страхи прошлых лет.

– Выходит, что так…

Гамбе не оставалось ничего другого, кроме как пожать плечами. Нейкист, явивший ему чудо, не должен видеть временной растерянности верхолаза. А совсем скоро Витторио докажет декомпиляторам, что разговоры о протекции не были пустым звуком. Докажет это, или погибнет здесь, на малолюдном тропическом острове, где от Пророка укрыли главное сокровище новой цифровой эпохи.

– Но я обещаю… – начал он, однако машинист с «Нобунаги» снова прервал командующего высадкой, чередуя короткие фразы пощелкиванием.

– Вижу объекты… Вероятно, десантные суда, в пяти километрах от берега, даю координаты… – В ту же секунду все ведущие звеньев получили направление, с которого к острову направлялись неизвестные объекты. – Три цели… Четыре! Пять! Есть визуальный контакт!

«Балалайки» Цикла и других командиров тут же воспроизвели транслируемую с зондов картинку. По морю, волнующемуся на шесть баллов по Бофорту, пробиваясь сквозь пенные гребни и завесы дождя, подступали пять размытых теней. Пять теней, не оставляющих за собой привычных винтовых следов.

– Идентификация, – без особенной радости сообщил

«горностай». – Десантные челноки на воздушной подушке, класс «Силат», до пятнадцати человек на борту, способны перевозить легкую бронетехнику. Вооружение…

Дальше Гамба не слушал, предпочитая самостоятельно изучить поступившую на наноэкран информацию. Сжал губы, покосившись на Плотника, все еще подпирающего дверь. Суда Риоко Хамасаки – если флотом наступления командовала именно она, – не были ровней лодкам, выгруженным с «Нобунаги». Эти широкие плоские катера несли на себе и «ревуны», и установки неуправляемых реактивных ракет…

Ни опознавательных знаков или эмблем, ни предупреждения, ни попытки вступить в переговоры. На остров декомпиляторов обрушивалась мощь корпоративных наемников, причем куда более оснащенных, нежели отряды Цикла.

– Группа-один, – приказал тот, меряя ширину бетонного коридора короткими шагами. – Новый приказ. Укрепиться на холме, воспрепятствовать высадке десанта. Огонь на поражение. Требую уточненные координаты…

Третий зонд, проявляя чудеса маневренности, продолжал уходить от огня «Тапейяров». Отманивал подальше от берега, менял высоту, то глуша двигатель и холодным камнем обманывая самонаводящиеся ракеты беспилотников, то взмывая навстречу и путая картину атаки. При всех невротических отклонениях нанятый Энквистом машинист свой хлеб кушал совершенно не зря…

– Координаты возможной высадки! – Одновременно тот умудрялся отслеживать общий ход закипевшего боя.

На тактических экранах вспыхнули подкрашенные алым зоны побережья, к которым стремились машины, названные в честь водных джиннов.

– Первая группа, ожидайте контакт!

– Готовность ноль, – отчитался ведущий звена. – Они не пройдут.

Маячки морпехов Ноября рассеялись по склонам, затерявшись в джунглях, и взяли побережье под прицелы. Головорезы, год за годом бороздившие становящиеся все опаснее моря и океаны, готовились умереть за своего капитана. А также человека, которого тот называл братом.

Цикл повернулся к Плотнику.

Он очень хотел сорвать шлем, чтобы без всяких преград заглянуть Бифорду в глаза. Но время было дорого, да и слишком много ценной информации поступало сейчас на проекционные дисплеи зеркального шлема.

– Твои люди помогут оборонять бункер? – прямо спросил

верхолаз у декомпилятора, подходя на пол-шага.

– Что?.. – Орландо был похож на человека, которого предупредили, что с минуты на минуту у него случится инфаркт, но совершенно не готового к такой печальной новости. – Мои люди?.. Кто нас атакует?

– Враги, – отрезал Гамба, зубовным скрежетом провожая уплывающие секунды. – Это все, что тебе сейчас положено знать. Так вы поможете?

– Поможем?

Казалось, долговязый крепко напился. Мутным взглядом рассматривая собственное отражение в полированной маске, он никак не мог взять в толк, чего от него хотят.

– А ты готов защищать машину, Искатель? – пробормотал Плотник. – Действительно готов отдать за это жизнь?..

Витторио шумно вздохнул, удержавшись, чтобы не отвесить аборигену приводящую в чувства пощечину. Кивнул глубоко, чтобы было заметно даже обескураженному руководителю «Кромлеха».

– Плотник… Тебе говорили, что ты задаешь слишком много глупых и неуместных вопросов? – И рявкнул, постаравшись не переусердствовать: – Так вы поможете моим бойцам?!

– А… – Машинист вздрогнул, наконец-то пробуждаясь. – Да, конечно! Я свяжусь с Кончаром… это моя правая рука, вы видели его в комнате отдыха… Он перейдет под твое командование вместе с dd, размещенными на острове.

– Вот мои каналы связи, – все еще оставаясь на взводе, но уже чуть спокойнее процедил Гамба, находя в локальной сети острова адрес персонального чипа Бифорда и отправив запрос на авторизацию. – Отныне мы действуем сообща. И ответственность за сохранность «Сингулярики», дорогой Иосиф, тоже несем совместную…

Тот, цветом лица все еще маскируясь под блеклый бетон, только кивнул. Авторизацию подтвердил, перенаправил на канал Муджалида, уже не находящего себе места под присмотром Хуго Энквиста. Дал чужакам доступ в местную сеть, где хранились карты местности и планы бункера.

Наметанным взглядом старший «горностай» тут же оценил изогнутую лощину, ведущую к центральному входу из глубины острова. Укрепленные бетоном валы, беспорядочно – согласно первому впечатлению, – натыканные перегородки и надолбы, контрфорсы и захабы, превращавшие подход к форту в настоящий «лабиринт смерти».

– Я понял тебя, Искатель…

Взвешивая на искренность услышанные слова

декомпилятора, верхолаз отдал командирам морских пехотинцев приказ: донести до пленных весть о заключенном союзе и вернуть оружие. Заметил, как, вклинившись на канал, старший нейкист подключил на него все семь адресов своих dd. Как путано, но пылко подтвердил легитимность распоряжений.

– Последнее, Плотник, – коротко бросил Витторио, направляясь к северному рубежу укрепления. – Забудь имя Искателя. Отныне можешь называть меня Циклом…

Брови длинноволосого сошлись на переносице, на лбу прорезались морщины, но он ничего не ответил. Даже если командование, принятое на себя дерзким чужаком, не устраивало Бифорда, хозяин бункера оказался благоразумен, чтобы не устраивать сцен. Хотя бы пока.

– Где остальные? – спросил его Гамба, вышагивая по коридорам и под плащом поглаживая рукояти пистолетов.

Отмеченные машинистом «горностаев» объекты, распознанные, как десантные «Силаты», продолжали неумолимое движение к острову. Беспилотные истребители противника вернулись к побережью, сканируя местность.

– Прячутся в подвале… – Запоздало догадавшись, что разговор не окончен, Плотник припустил за собеседником, чуть не раскроив голову о низкий потолок. – В бывшем бомбоубежище, будь оно неладно…

– Они могут экстренно демонтировать машину и эвакуировать ее в джунгли? – На миг остановившись, Витторио покосился на него через плечо. – У вас предусмотрен такой план?

Теперь Орландо Бифорд покраснел. Вероятно, своим вопросом чужак надавил на больную мозоль, но декомпилятор изо всех сил старался этого не выдать. Замотал головой, отчего косички затанцевали, будто у задорной школьницы.

– Боюсь, что нет… Цикл, – пробормотал он. – Машина не предназначена для спешной транспортировки… Две сотни «поплавков», сорок восемь «раллеров», эту конструкцию…

– Я понял, – оборвал его Гамба, наконец-то обнаружив проход к комнате отдыха. – Кончар!

Бойцы, все еще дожидавшиеся своих лидеров в пустом зале, вздрогнули, едва распахнулась дверь. Согласно полученным ранее приказам, оба опустили стволы в пол, однако друг на друга все еще посматривали с откровенным недоверием.

Когда верхолаз шагнул к вооруженному нейкисту, тот презрительно прищурился.

– Отбери самых смелых мужчин, скрывающихся в бомбоубежище, – убедившись, что привлек его внимание, отрывисто распорядился Цикл. – Вооружи их, чем придется.

Посади в комнату с машиной. Пусть стреляют в любого, кто войдет без должной координации на этих каналах связи. Плотник, остальные должны замуровать вход в убежище… Нет, пусть уходят в джунгли. Даже если мы потеряем *оборудование*… – Он поморщился, недовольный формулировкой, но продолжил: – Мы должны сохранить лучшие умы машинного дела.

Кончар побагровел.

Побелел.

Снова покраснел, отчего гоблинские уши смешно задвигались. Плечи напряглись. Он так выразительно взглянул на Бифорда, что находящиеся в комнате без труда прочитали послание, брошенное как через «балалайку», так и телепатически: ты показал ему машину?! Ты доверился ему?!

Затем Плотник развел руками, и араб фыркнул, словно норовистый боевой конь, которому поручили грязную, но ответственную работу по перепашке поля. Коротко кивнув, направился к выходу, постаравшись задеть шведа плечом.

Энквист, маневр просчитавший, тактично сдвинулся в сторону, на агрессию не ответив. Под зеркальной личиной тут же сверкнула короткая улыбка – Витторио не зря сделал ставку на «горностаев»…

– Кончар? – Он продолжил инструктаж по сети еще до того, как за «гоблином» закрылась дверь. Тот наверняка скрипел зубами, но приказы нового командира впитывал. – Сколько твоих наемников может встать в строй?

Какое-то время канал молчал, и Гамба даже решил, что своенравный уродец решил ускользнуть из комнаты, лишь бы не подчиняться чужаку. Орландо покачал головой, определенно взявшись писать текстовое сообщение, но тут в динамиках пролаял хриплый голос его товарища:

– В убежище возвращаются четверо, один из них ранен. Еще троих я оставил с вашей группой к северо-западу от бункера. Они готовы вступить в бой с десантом.

– Когда закончишь внизу, возьми всех четырех снайперов и занимай верхние надстройки на северном рубеже, – произнес Цикл, с тоской наблюдая, как «Силаты» набрасываются на неспокойный пенный берег. – Оттуда вы сможете простреливать пирс, ангар с гидропланом и фрагмент северо-западного побережья, над которым нависла моя первая группа.

И тут же, переместив курсоры по карте, выставил новые маркеры.

– Вторая группа, вы закрепитесь над бункером, южнее указанной точки. Ваша задача – не позволить десанту окружить убежище, а также уберечь вышку в рабочем состоянии.

Если Витторио хоть что-то понимал в военном деле – а понимал он немало, – Хамасаки не станет взрывать ретранслятор. Если Лаву послал дядюшка, а иное предположить было невозможно, дону нужно то, что скрывает толстый потрескавшийся бетон. За недостатком информации штурмующие попытаются сохранить в целости весь комплекс и его составляющие. Во всяком случае, так бы поступил сам Цикл, если бы после разговора на берегу дело дошло до драки…

– Энквист? – Теперь Гамба говорил не через электронные системы, обращаясь к шведу напрямую, как люди делали до приближения Эпохи Цифры. Боец подтянулся, демонстрируя готовность исполнять поручения. – «Горностаи» и я будем держать северо-восточное направление… а затем южное, если штурмующим удастся обогнуть укрепление и прорваться ко входу.

– Они попробуют, конечно же, – кивком подтвердив получение инструкций, прокомментировал белобрысый северянин. – Уверен, что будет применен газ или иное нелетальное оружие, чтобы сохранить персонал станции и ее содержимое.

Плотник, выслушивающий разговор двух воинов, вцепился в край бильярдного стола. На его зеленом вытертом сукне все еще лежала картина, изображавшая высадку Витторио Гамбы.

– В точку, – кивнул тот, не обращая внимания на реакцию бледного Бифорда. – Готовьтесь к возможной драке внутри. Первая группа поможет нам, если вовремя оттянется с рубежа.

– Брат! – голос Ноября с закрытого канала прогремел в ушах Цикла. – Я выдвинулся на позицию. Визуальный контакт с объектами установлен. Идут под «зонтиками», но я готов бить без автоматики…

– Приступай.

Махнув Хуго, Гамба крутанулся на пятках.

Задержался ненадолго, повернув маску в сторону Орландо.

– На твоем месте, Плотник, я бы присоединился к людям в комнате с машиной, – спокойно, словно за чашечкой кофе милым летним днем, посоветовал он.

Будто они рассуждали не о распределении стрелковых точек в предстоящем боестолкновении, а выбирали новую попону для любимого пони.

– И постарайтесь, Цифры ради, – процедил верхолаз, самому себе напомнив дядю Раймундо, – уронить тактическую сеть этих ублюдков. Вы же цвет ломщиков мира!

И вышел из комнаты отдыха, сопровождаемый неотступным Энквистом. В следующее мгновение ожили каналы связи с первым

звеном, начинавшим встречу гостей.

– Два «Силата» на песке, – доложил командир, – начинаем бой. Наблюдаю выгрузку колесного транспортного средства… твою мать, это БТР… Нужно было брать ракетометы…

Еще через миг на мутном экране видеоконтакта полыхнуло, это угодила в крайнюю правую цель торпеда с «Нобунаги». Суда на воздушной подушке, несколько сломавшие строй из-за шторма, оказались совершенно не готовы к фланговому нападению тримарана, в сумрачной непогоде похожего на корабль-призрак.

Небо превратилось в гигантское, распластанное по небу чудовище, сбросившее на землю и окружавшую остров воду миллиарды тонких мокрых щупалец. Ими оно словно пыталось ощупать мужчин и женщин, вступивших в сражение за кусок древнего бетона, технику и оружие, транспортные средства и джунгли, ставшие полем боя. Как слепой читает по Брайлю, оно пыталось понять, ради чего пролилась первая кровь…

– Нас прижимают «ревунами» и ракетами, отходим выше! – Снова первая группа, обнаружившая бронемашину корпобезов Лавы. – Есть раненые…

Это, ориентируясь на показатели в «балалайке», Витторио видел и сам.

Объединившись в центральном коридоре бункера с остальными «горностаями», он сделал несколько коротких жестов, призывая бойцов самостоятельно выбирать позиции. Без лишних разговоров стрелки шведа принялись снимать с петель пластиковые стеклопакеты, вновь превращая окна в стрелковые бойницы.

– Последние «Силаты» на песке, – глухо повторил капитан «Нобунаги» слова одного из своих морпехов. – Торпедировать возможности не имею…

– Это вторая группа, – тут же доложил командир южного тактического звена. – Наблюдаю высадку с двух «Силатов». Босс, они переходят через северо-восточный отрог и рвутся к ретранслятору в обход бункера… Приблизительное время до боестолкновения: шесть минут.

На западном краю залива, отпрыгнув подальше от волн и крутясь на месте в ураганах мокрого песка, бесновались два уцелевших судна на воздушных подушках. Одно из них, переделанное под транспорт, было вооружено обыкновенным пулеметом, в то время как соседнее несло два «ревуна». Ими-то сейчас морские джинны и воспользовались, поливая склон, где засела первая группа и трое снайперов Кончара.

Ответный огонь ручного оружия почти не причинял машинам

вреда…

Сброшенный с аппарели БТР, двигаясь по изогнутому подъему от пирса причудливым зигзагом, медленно попер в горку. Двигался так, словно прикрывал наступающий за ним отряд пехоты, но сканеры летающего зонда молчали – машина шла на приступ в одиночку.

– Нужна поддержка, – честно доложила первая группа, – нас прижали к земле и окружают…

Витторио в красках представил себе, как густые очереди многоствольных пулеметов срубают темно-зеленые ветки кустарников и тонкие пальмы, волной свинца вычищая мокрый от ливня склон и пытаясь добраться до окопавшихся на нем морских пехотинцев. И тут же подумал, что лично вступает в схватку уже второй раз за год, чего после Заоблачного Треугольника делать не собирался вовсе…

Впрочем, тут же одернул себя молодой Гамба, увидеть «Сингулярику» и убедить Плотника он смог бы только лицом к лицу, а потому просто не имел выбора. Тут же мелькнула шальная мысль: интересно, знает ли волшебная машина «Кромлеха», чем закончится этот бой?

– Ноябрь! – Цикл вернулся на защищенный канал. – Придавить транспорты противника из «ревунов»…

– Будет исполнено, брат…

Тримаран, все еще нацеленный хищным клювом в сторону берега, рванулся с места. Объятые пламенем обломки первого «Силата», разорванного на клочки торпедой, уже успели погаснуть и затонуть, и потому черно-свинцовая туша «Нобунаги» вновь казалась наступающим из моря Кракеном.

По берегу ударили трассирующие струи, с одинаковой легкостью пробивавшие занавес дождя, титапластовую броню десантных челноков и человеческую плоть. Вслед граду пуль с шипением устремилось несколько неуправляемых реактивных зарядов, один из которых цели не нашел, но два оставшихся впились в вооруженное судно на воздушной подушке. Воинство Хамасаки попробовало ответить – стволы «ревунов» развернулись к тримарану, – но было поздно.

Не успел взлететь на воздух подорванный ракетами «Силат», как очередь с «Нобунаги» расколола пополам второй транспорт. Огонь по склону, где засела первая полудюжина морпехов, мгновенно стих. На берегу теперь бушевал огонь, пляшущий среди покореженной техники и никак не хотевший умирать под потоками ливня.

Люди Лавы, высадившиеся на восточном берегу залива, свои лодки бросили, углубившись в джунгли в полном составе. Не

обнаружив встречного огня с данного направления, тримаран принялся чертить дугу, разворачиваясь для нового захода.

Корпобезы, потерявшие два «Силата» под ударами с моря, предпочли поспешно покинуть берег, теперь вступая с морскими пехотинцами в бой на равных. Последним, наконец дождавшись противника в зоне видимости, взялись помогать Кончар и четверо его стрелков. По ним, в свою очередь, ударили пулеметы с БТРа, упрямо ползущего по горе в обход укрепления точнехонько к центральному входу…

Цикл кивнул, словно приближение машины было частью его плана.

Вызвал тримаран, отдавая новый приказ.

– Ноябрь, уходи от берега. – Теперь, когда пехота врага втянулась в глубь острова, пользы от «Нобунаги» было немного. – Выясни, откуда выгружен десант…

– Сделаю, брат…

Кракен завершил вираж, почти незаметный в дождливой мгле, и устремился прочь от береговой черты.

Сражение накапливало цвет, как стремительно спеющий южный плод. Раскрывалось, как цветок навстречу жаркому солнцу, грозя вот-вот напоить воинов своим ароматом, распахнуться им во всей красе, затмить все вокруг, обратив реальность в ярко-красную сердцевину боя, где убивают или будут убитыми.

Снаружи едва различимо трещали автоматы.

Гудел двигатель компактного БТРа, подкрадывающегося к бункеру…

– Один из моих людей способен пробраться к машине и взорвать ее вблизи, – доложил Энквист, внимательно осматривающий поле битвы в массивный, напичканный электроникой бинокль, соединенный с затылком шведа шнурком психопривода.

Гамба посмотрел на него и совершенно неожиданно спросил:

– Как ты оцениваешь наши шансы, Энквист? Как ты оцениваешь наши шансы на успех?

Тот покосился на хозяина, несколько обескураженный таким поворотом беседы. Но бинокль от глаз отнял. Совсем не по-военному пожал плечами, однако ответил четко и честно:

– Полагаю, первую группу вскоре сомнут. У них потери после огневой обработки с «Силатов», их отбросили в джунгли. А вторая удержит ретранслятор.

Хуго стоял у узкого горизонтального окна, выставив ствол «Чероки» наружу. Косые струи дождя время от времени задувало в бойницу, покрывая его шлем и лицо липкой моросью. Блондин

при этом оставался невозмутим, даже не пытаясь смахнуть капли с ресниц.

– Если мы контратакуем в нужный момент и выдавим противника обратно на берег, при поддержке Ноября сможем переломить ход боя в свою пользу. Я положительно оцениваю наши…

– У них три группы! – Голос машиниста, управлявшего последним уцелевшим зондом, раздался в наушниках так внезапно, что заставил хладнокровного Энквиста запнуться на полуслове.

Наблюдая за боем через передаваемую с небес картинку, Цикл и забыть успел, какой ценой дается такой точный контроль над происходящим вокруг бункера декомпиляторов…

– «Покровы»! – продолжал докладывать оператор голосом чуть более высоким, чем требовалось. – Ориентировочно семь-восемь человек, у одного забарахлил прибор! Идут за бронемашиной по центральному подъему, огибают с востока! Мне стоило большого труда привести зонд обратно к берегу, но я смог…

Последовавший за этим удар вдруг обесцветил картинку на одном из тактических экранов Гамбы – ползущий наверх четырехколесный бронеавтомобиль и несколько размытых силуэтов, прикрывающихся его броней, исчезли в цифровой вспышке. Если бы не наблюдательность машиниста «горностаев», бойцов в специальном электронном камуфляже защитники бы заметили, уже отходя в миры иные…

– Третий зонд сбит, – с нескрываемой печалью тут же сообщили с «Нобунаги», прокомментировав серый «снег», которым забился видеоканал. – Земля, держитесь. Попробую поднять в воздух еще пару птичек, у «Тапейяров» скоро должны закончиться заряды батарей…

– Понял тебя, Вода.

Витторио отключил ставший бесполезным канал. Теперь, не глядя на сражение с высоты птичьего полета, он внезапно ощутил себя отрезанным от всего окружающего мира.

– Кончар, – вызвал он «тролля», – меняйте позицию, берите южное направление. Огонь по бронемашине, не дайте ей подвести группу вплотную к бункеру.

– Уже сместились, – угрюмо буркнул подручный Бифорда, но с верхних ярусов убежища на юг и впрямь защелкали снайперские винтовки. – Они отрезали нас от ретранслятора, не так ли?..

– «Горностаи», уходим от бойниц ко входу, – проигнорировав последний вопрос, приказал Цикл, обнажая пистолет и снимая его с предохранителя. – Всем приготовить респираторы, ожидаем

штурма.

И тут же подумал, какой нескрываемой иронией бывает наполнена жизнь. Риоко Хамасаки, чьи далекие предки возводили эти бетонные укрепления, готовясь дорого продать свои жизни при защите Императора Хирохито и всей Японии, сейчас была вынуждена сама бросаться на древние постройки…

– Беспилотники!.. – На канале первой группы кто-то захлебнулся криком.

Его тут же подхватил еще один вопль, после чего на картах Гамбы погасли сразу два тактических маяка, а один окрасился ярко-оранжевым цветом. Верхолаз сжал левый кулак, пытаясь вызвать на связь хоть кого-то из уцелевших. Таковым оказался командующий морпехами, хоть и откликнувшийся не сразу.

– Командир, это были «Тапейяры»… – подавленным голосом доложил он. – Ушли в открытое море, вероятно, кончается заряд… Но перед этим проутюжили склон оставшимися ракетами… Вывожу список потерь…

– Ноябрь, – бегло просмотрев перечень убитых и раненых, вызвал собрата Витторио, – беспилотники противника ушли от острова. Либо возвращаются на судно, либо их целью стал твой корабль…

– Понял тебя, брат…

Как и прежде, по голосу капитана было совершенно невозможно определить его настроение – с одинаковыми интонациями тот ругался, произносил тосты, травил анекдоты или выносил смертный приговор.

– Кончар?

– Куда я денусь?..

– У твоих «псов» припасено тяжелое оружие? Пулеметы, крупнокалиберные снайперские винтовки, ручные гранатометы?

– Ты, чужак, перепутал наше убежище с Фортом Брэгг, не так ли? – огрызнулся декомпилятор, подтвердив опасения Гамбы. – Отбиваемся, чем можем…

Из бойниц среднего уровня, прочертив над «коридором смерти» из бетонных надолбов три дымных следа, ударили подствольники «горностаев». Две гранаты угодили точно в борт бронемашины, до одури нагло подобравшейся вплотную к входному лабиринту.

Одна граната рванула в кустах у обочины.

Кто-то из снайперов Кончара издал победный клич, но транспорт врага из строя все же не вышел. Рванувшись вперед и уже не пытаясь юлить, он выиграл для третьей штурмовой группы последние, самые важные и необходимые метры, позволяющие корпобезам в «покровах» попасть в мертвую зону вне

досягаемости винтовок dd.

Совершив рывок, БТР сразу сдал назад, чуть не опрокинувшись с крутой скользкой насыпи во влажные недра джунглей. Развернулся с ревом, замер; с крохотной башенки по бойницам декомпиляторов застрочил пулемет.

«Горностаи» дали новый залп из подствольников, на этот раз прямо в бетонный лес из массивных торосов и вертикальных стелл, мешающий тяжелой технике пробраться к двери в бункер, но способный стать укрытием пехоте. Вспышки и короткие дымные хвосты позволили вычислить призрачные, размытые под дождем фигуры, рвущиеся к входу.

Раздались три взрыва.

Одна из фигур упала в грязь и больше не поднялась; еще одну отбросило в сторону, выведя из строя «покров», и из влажной пелены волшебным образом проступил силуэт раненого, закованного в «саранчу»…

– Твою мать… нас прижимают пулеметом, не высунуться, – прорычал Кончар сверху, добавив ругательство. – Можете еще раз жахнуть по долбаной железке?

Не дожидаясь приказа командира, один из людей Энквиста выпустил гранату точно в верхний край БТРа. Попал, хоть и не в саму пулеметную башню, заставив оружие замолчать.

Остальные «горностаи» продолжали обстреливать предвратные укрепления. Понимали все: стоит противнику пробраться через лабиринт железобетонных зубов, и он окажется у внутреннего тамбура. А там дверь хоть и имелась, но не запиралась вот уже полтора века. Что означало…

Dd декомпиляторов снова подключились к перестрелке, выцеливая среди каменных сераков омытые ливнем силуэты невидимых штурмовиков. «Горностаи» начали забрасывать наступающих ручными гранатами. И лишь когда в окна потянулись едва заметные шлейфы, Цикл сообразил, что под «покровами» пришло вовсе не семь человек, а как минимум вдвое больше…

Каждый из солдат Хамасаки нес с собой портативный газовый гранатомет на три заряда. С учетом того, что по бойницам и входу отстрелялись девять противников, внутрь бункера влетело более двадцати выплевывающих дым цилиндров. Болванки закрутились по полу, наполняя помещения сладковатым сонным дурманом. Заскакали по ступеням вглубь, принялись накачивать верхние стрелковые галереи, как человек надувает резиновый шар.

Трое из четверых наемников Кончара отключились сразу, даже не успев рвануться прочь. Еще один, попытавшись укрыться

в недрах форта, рухнул без чувств чуть позже. Сам же «тролль», командующий обороной, оказался проворнее всех – скатившись на уровень входа, он рванулся под дождь за секунду до того, как такой приказ отдал Гамба.

– «Горностаи», за мной! – крикнул Витторио, распахивая дверь и первым выскальзывая из дымного коридора. – Держимся вместе! – И добавил уже тише, выходя на личный канал связи с персональным отрядом: – Или они проникнут внутрь и перережут декомпиляторов, или мы передавим их в этом мешке…

Он видел, как выпрыгивающие за ним фигуры в «саранче» опускают громоздкие винтовки на грудь, поднимая «дыроделы». Видел Кончара, зажимавшего ладонью нос, видел призрачные силуэты среди торосов и струй усиливающегося ливня. Они вступали в самый ближний бой, в котором уже не могли помочь ни снайперы, ни БТР, ни наблюдательный зонд машиниста…

– Это вторая группа, нас теснят! – Словно сквозь забившую уши вату, разобрал верхолаз, наполняясь азартом предстоящей рукопашной. – Они прорываются к ретранслятору, давят числом!..

Тепловизор, установленный в шлеме Цикла, не был рассчитан на большие дистанции, но вблизи давал преимущество, о котором бойцы Лавы не подозревали. Витторио крутанулся вокруг бетонного надолба, в упор стреляя в автоматчика, почитавшего себя невидимкой.

Сменил позицию.

В наушниках продолжал пировать хаос. По всем экранам – и имплантированным и внешним – вдруг пронесся вихрь помех, будто кто-то плеснул на изображение разноцветной, неоднородно перемешанной краской. Если Плотник и его люди собирались взломать сетевое сообщение врага, наступало самое время завершить работу…

– Первая группа рассредоточена… – Индикатор командира морпехов теперь пульсировал глубоко-оранжевым, почти красным, это говорило, что боец при смерти. – Отступаем в джунгли, противник смещается по гребню холма к бункеру, ждите гостей с юго-запада…

На карте вспыхнули маркеры, которыми умирающий боец с «Нобунаги» отмечал продвижение неприятельского подразделения. Гамба заметил, как пара воинов Энквиста расстреляла двух противников в спину, устроив засаду в разбитом основании бетонного контрфорса.

Кончар засел неподалеку, отстреливаясь наугад.

Пули грызли бетон.

Хлестал тропический ливень…

Рванула граната, еще одна: это «горностаи» пытались

отгородиться от наступающих цепью взрывов. Что-то голосили на общих каналах. Второе звено больше не могло сдерживать наступление на вышку с передатчиком, это означало, что у обороняющихся скоро отключится связь. У первой группы погасли еще два маяка, в том числе – командирский…

Витторио менял позицию каждую секунду.

Стрелял, снова бежал, пригибался от пуль, реагируя на указания тактической программы. Казалось, собравшиеся перед бункером люди играют в старинную аристократическую забаву, гоняясь друг за другом по зеленому лабиринту из живых изгородей. Только вместо милых пушистых стен их окружали потрескавшиеся бетонные нагромождения; вместо зонтиков от солнца и тростей они сжимали автоматическое оружие; а проигравшего ждала не штрафная рюмка сладкой настойки, а горькая свинцовая пилюля…

Кто-то быстрый и невидимый, похожий на внеземное существо, сплетенное из дождевых струй, пробрался в тыл «горностаям». Выпроставшись из-под «покрова», сверкнул однолезвийный клинок.

Бесформенным пятном закружив напарника Бакли, штурмовик ударил того во внутреннюю часть бедра, не прикрытого щитком. Еще раз – в сочленение пластин на спине. И снова – необычайно быстро и умело – в бок, где кинжал со скрежетом все же напоролся на элемент кирасы. «Горностай», сдавленно вскрикнув, повалился в грязь, а невидимка уже отскакивал в сторону, направляя на ирландца замаскированную «покровом» «дрель». Ствол, различимый благодаря омывавшей его пелене дождя, выплюнул длинный язык пламени. Пули впились в «саранчу», разгрызая бронекостюм здоровяка.

– DiЩl mo bhold, – с пронзительной детской обидой, столь не сочетаемой с его габаритами, выдохнул Гордон из-под забрала.

После чего рухнул лицом вперед, окрашивая личный маркер в оранжевый цвет. Его напарник, выстрелив в дождь ярко-красным и необычно длинным веером крови, тяжело и молча сполз вдоль стены бункера, замер. Но когда укрытый «покровом», необыкновенно подвижный штурмовик попытался ускользнуть, свое веское слово вдруг сказал Кончар…

Привстав из-за укрытия справа от сражавшихся, он вскинул огромный «дыродел». И через окуляры своего тепловизора Витторио отчетливо различил, как вооруженный ножом противник получает сразу три пули. В самую сердцевину омытого небесной водой силуэта. Точно в грудь.

Невидимку отбросило в сторону, уронив почти на ирландца. Пятнистая «саранча» на корпусе треснула, но устояла. А вот

маскировочному прибору, закрепленному на левом плече штурмовика, пришел конец – из густой пелены тут же проступили очертания корпобеза, как если бы с него сорвали магический плащ…

Цикл судорожно вздохнул. Закусил губу, не обращая внимания на боль в щеке.

Раненый боец с ножом в правой руке и «дрелью» в левой пытался сонно подняться, еще не восстановив дыхание.

Где-то слева в каменных лабиринтах Энквист и последний уцелевший «горностай» продолжали сдерживать наступление. Взорвалась еще одна граната, перебросив потоки грязи через торосы и забрызгав красный плащ верхолаза.

Кончар, спешно меняя магазин пистолета, решительной походкой направился к поверженному неприятелю…

– Нет! – выкрикнул Витторио, бросаясь к месту скоротечного рукопашного боя. – Этот мой! Кончар, отставить!

Но тот, скалисто-угрюмый, под тяжелыми волнами дождя ставший еще более приземистым и широкоплечим, даже не повернул лобастой головы. Только бросил на канал связи, почти утопив презрительную фразу среди оперативных отчетов второй группы:

– Плевал я на твои приказы, чужак… Никто не отберет моего трофея, потому что…

Гамба поднял пистолет.

Взглянул на штурмовика, пытавшегося подняться с грязной, размытой ливнем земли. После ранения бывший невидимка выронил «дрель», но все еще сжимал в руке длинный нож с круглой цубой, словно намереваясь прикрыться им от наведенного в голову «дыродела». «Тролль» подходил все ближе, чтобы наверняка расколоть шлем «саранчи» и больше не давать врагу шансов на выживание.

– Кончар, отставить! – Витторио даже не понял, сказал ли это вслух, давая «гоблину» последний шанс, или лишь подумал, и без того зная, что произойдет в следующую секунду. – Этот мой!

И когда декомпилятор все же прицелился в голову наемника, сразившего сразу двоих «горностаев», верхолаз нажал на спуск. Пуля прошла точно через «балалайку» Кончара, этому приему Гамбу в юности обучили самые лучше спецы. Вышла через уродливый, покрытый сотнями морщин лоб, заставив безвольно опустить оружие. Ударилась в бетонную стену над местом поножовщины, плеснула в дождь чем-то розовым, липким.

Правая рука и ближайший соратник Плотника качнулся, словно не намеревался прощаться с жизнью. А затем рухнул вперед, совсем рядом с Бакли и подстреленным ранее

корпобезом…

На месте схватки тут же оказался Энквист. Раненный в левое плечо, но по-прежнему спокойный и собранный. Шведа прикрывала напарница по фамилии Фарахани, уже лишившаяся винтовки и пистолета и завладевшая трофейным автоматом. Тактические маркеры на общей карте сообщали, что Бакли и его товарищ под позывным Кодо живы, хоть и очень тяжело ранены.

– Кончар? – без использования чипа или других средств связи поинтересовался Хуго.

– Убит, – аналогичным образом ответил ему Цикл, перезаряжая пистолет. – Шальная пуля…

Ведомый Энквиста без промедления склонился над ранеными, активируя медицинские комплексы бронекостюмов. Блондин небрежно отстреливался, не подпуская прореженных наемников к последнему рубежу обороны. Те, которых Витторио отметил отдельно, вдруг сбавили напор. И даже бронемашина откатилась вниз по склону, словно приготовившийся к новому рывку бык…

Еще раз оценив ситуацию на исходящих помехами картах, Гамба шагнул к штурмовику с ножом.

– Они затаились, – разобрал верхолаз брошенные ему в спину слова Хуго. – Скоро подтянется группа, разгромившая наших на западном склоне… Босс, время отступать внутрь.

Но Цикл не отреагировал. Глубоко впечатывая толстые подошвы ботинок в скользкую и жирную грязь тропического острова, он подошел к раненому врагу, нависая красной скалой.

Тяжеленные, грешащие ленью капли срывались с пелерины на его плечах, с краев сверкающего шлема, с вытянутой руки с пистолетом. По краю зеркальной маски, нацеленной на лежащего корпобеза, прозмеилось отражение далекой молнии над морем.

– Энквист, – задумчиво распорядился Витторио на канале «горностаев». Он видел, как гаснут маяки морпехов из второй группы, и надеялся, что хоть кто-то из них уцелеет, отойдя в джунгли, чтобы при поддержке вернувшегося тримарана помочь вожаку нанести ответный удар. – Забирай своих раненых, готовьтесь к обороне внутри…

Верткий наемник в пятнистом бронекостюме, лопнувшем там, где в нагрудный щиток угодили пули Кончара, отполз к основанию контрфорса. Нож все еще поблескивал в его правой руке, но левой он даже не пытался дотянуться до «дрели», медленно тонущей в грязи.

– Сними шлем! – громогласно, перекрывая гул ливня и дробь барабанящего по «саранче» потока, прорычал Цикл, сейчас похожий на демона – в сверкании молний, в развеваемой ветром

просторной накидке, с лицом, сокрытым полированным металлом. – Сними шлем, боец!

Тот, полулежащий в грязи, попытался сесть удобнее, свободной рукой ощупывая повреждения бронежилета. Нож был отведен в замахе, словно мог опередить пулю.

– Зачем тебе это, враг мой? – Пролаяло из-под забрала, укрепляя подозрения Гамбы. – Убей меня, не затягивай мучений!

– Это успеется, – покачал головой Витторио, и в его личине снова отразилась вспышка, на этот раз над джунглями, повдоль расколов лицо ветвистым серебряным зигзагом. – Сними шлем.

Энквист высматривал противников, прекративших попытки прорыва. Его напарник, умело подцепляя «горностаев» за специальные лямки на «саранче», одного за другим оттаскивал раненых ко входу в бункер, волоча по склизкой земле. Сколько их осталось, чтобы выдержать последний штурм? Смогут ли Бакли и его товарищ встать в строй? Выветрился ли газ? Удастся ли привести в себя кого-то из усыпленных dd? Это все потом, а сейчас Цикл смотрел на наемника, снимавшего шлем…

Она бросила его рядом с собой в грязь, позволяя ливню тут же склеить короткие темные волосы, насквозь пропитав белоснежную повязку, перечеркивающую лоб.

– Я знал, что ты придешь, Риоко Хамасаки.

Гладкая маска качнулась в кивке, отражая миндалевидные глаза главы корпоративной безопасности «Gruppo Aggiornamento», наполненные недоумением.

– Ты знаешь меня? – коверкая араспанто акцентом, прошептала Лава.

– А ты меня, – без тени улыбки ответил Витторио, повышая прозрачность шлема до максимума.

Теперь, когда нанопокрытие истончилось, казалось, что тактические экраны и визоры висят прямо перед изуродованным лицом молодого верхолаза, превращая его в порождение Цифры, какое можно встретить только на улицах Либерти-Сити. Глаза Хамасаки распахнулись еще шире. В них попадали плевки ливня, но японка даже не думала моргать.

За спиной Гамбы раненые «горностаи» были доставлены внутрь. На общих каналах надрывались сразу несколько голосов – машинист с тримарана; Ноябрь, обнаруживший в море корпоративное десантное судно, замаскированное под рыболовецкий сейнер; Энквист и командир второй тактической группы, из последних сил удерживающий атаки на ретранслятор; Плотник, все еще пытавшийся выяснить, что случилось с Муджалидом ибн Шавкатом по прозвищу Кончар…

Витторио не замечал ничего, сконцентрировавшись на

взгляде Лавы. Ему казалось, что по внутренней поверхности когда-то зеркального шлема текут видимые лишь ему ручьи, состоящие из ярких желтых цифр, с помощью которых сильный человек способен не только изменить мир, но и подчинить себе иные…

– Молодой господин… – Несмотря на сломанные ребра, Риоко попробовала поклониться. – Я могла бы догадаться…

– Значит, дядя направил тебя по моим следам? – прищурившись, спросил Витторио.

– Зачем задавать лишние вопросы, молодой господин? – кривясь от боли, еще раз поклонилась японка. – Моя миссия провалилась, я подвела своего оябуна… Но вы обязаны знать, что это еще не конец, и вскоре мои люди пойдут на новый штурм. Будет ли теперь мне дозволено *уйти*?

– Уйти? – Цикл усмехнулся, возвращая личине привычную непрозрачность и постаравшись оценить общую картину хаоса, творящегося вокруг бункера. – О нет, Лава, не для того я сохранил тебе жизнь, чтобы тут же наблюдать ее угасание…

Хуго Энквист, судя по картам, находился чуть впереди своего хозяина. Фарахани заняла позицию на верхних стрелковых ярусах, откуда могла простреливать бронемашину. Оружие обоих «горностаев» пока молчало, но верхолаз физически ощущал нетерпение, с которым швед намеревался забрать командира внутрь…

– Я предоставлю тебе выбор, Риоко Хамасаки, – кивнул он, опуская пистолет и отступая на шаг. Казалось, время замедлилось настолько, что мужчина различал замершие в воздухе капли теплого дождя. – Уйти, как подобает проигравшему. Или же отплатить за спасенную жизнь, как того требует воинский кодекс…

Теперь темные кошачьи глаза Лавы сжались в щелочки, за которыми были почти неразличимы белки. Нож в руке агрессивно качнулся, будто воительница хотела в последнем рывке все же дотянуться до молодого Гамбы. Танто поднялся, замер. Но сталь так и не сказала своего слова.

– С самого детства моя жизнь принадлежит оябуну Раймундо Гамбе, – прошептала Риоко, и дождь на ее лице был похож на следы горя по прошлой жизни. – Но ты забрал ее, чтобы сделать своей, молодой господин…

Цикл молчал, несмотря на драгоценное время, утекающее в землю вместе с ливнем. Бой за радиовышку подходил к концу. Совсем скоро на ней будет установлен блокиратор, и ломщики Хамасаки лишат отряды Витторио власти над цифровым пространством острова.

– Выбор за тобой, Лава, – наконец сказал он, глядя в узкие глаза японки. – И я знаю, что он окажется верным… Сейчас ты можешь уйти, Риоко Хамасаки. И знай, что люди за моей спиной не собираются сдаваться без боя.

Лава, вздрогнув, чуть не выронила танто в грязь.

– Вам конец, молодой господин, – без всяческой угрозы, просто констатируя факт, сообщила женщина, низко – как только позволял ворот бронежилета и причиняющее боль ранение – поклонившись. – Моих воинов значительно больше, и они уже одолели второй из ваших отрядов…

Витторио Гамба, все еще нависающий над убийцей, подосланной к нему дядей Раймундо, лишь улыбнулся. Позволил крохотным иглам инъекторов впиться в щеку и сделать боль не такой острой. Улыбнулся еще шире. Оскала этого Хамасаки видеть не могла, но она совершенно точно разобрала задор в произнесенных далее словах.

– Тогда, Риоко, – шаг назад, в пистолете со щелчком меняется магазин, – мне остается лишь надеяться на чудо…

И когда Хуго Энквист, короткими перебежками долетевший до хозяина от входа в лабиринт и почти сбивший с ног, прокричал про начало новой атаки… когда бронемашина корпобезов снова ринулась вперед, а место контуженого оператора пулеметной башенки занял новый стрелок… когда воины Лавы почти установили передатчик на самодельной вышке декомпиляторов…

Все затопил свет.

Спокойный, яркий свет, какого никогда не увидишь под привычным земным солнцем. Витторио, на миг ослепнув и позволив шведу увлечь себя за ближайший бетонный клык, чуть не вскрикнул.

А затем вспышка сверхновой поглотила их всех…

Бинарный код 10111

Сорок Два восстал не против системы.

Не против верхолазов и Анклавов.

Не против продажных политиков, рабства и зависимости одного человека от другого.

Не против самодурства религиозных деятелей и золоченых храмов.

Он восстал против самой природы человека, иррациональной и дикой, не укладывающейся ни в какие рамки и доступной для понимания лишь существам высшего порядка – богам.

Восстал против собственной природы. И это заблуждение, монолитное в своей непоколебимости, привело его к краю пропасти. Его и тысячи тех, кто поверил – Пророку.

«Шепот цифровых идолов», глава 14

Они сами напросились на это.

Все человечество напросилось.

С первой мысли о создании счетной машины. С первого изобретенного чипа или компьютера. С первого удачного нейросоединения, успешного имплантирования и внедрения нанов.

Они хотели иллюзию. Ласковую добрую сказку, способную скрасить жизнь в жестоком подлунном мире, где льется настоящая кровь, где нищие умирают с голоду, где ведутся войны и жизнь стоит дешевле нескольких гигабайт ценной корпоративной информации. Они хотели отправиться в эту сказку, переселиться в нее. Хотели с самого начала…

Мечтали, что в новом мире все будет так же легко и дозволено, как в псевдореальности Цифры, куда столь часто уходили в путешествия. Что их слову окажется подвластно все, на

что падет взгляд. Что они уподобятся богам, оцифруют сознание, взойдут на новую ступень человеческих возможностей. Они действительно верили. И Поэтесса, и Сорок Два, и Плотник. И многие, что были до них.

Но когда это произошло на самом деле… Когда миры смешались, сплавились, слились и спеклись в горниле бесконечного ливня, словно на полотнах Сальвадора Дали, никто не смог отличить сюрреалистическую явь от строгой повседневной фантазии. Потому что грань растворилась, ускользнула от понимания. И если бы Поэтесса пережила произошедшее лично… Если бы только мельком взглянула в темное тропическое небо глазами беспристрастной Цифры… Она бы закричала от ужаса, сжигая «Цифры Праведности» в ближайшей печи…

Позже Плотник пытался объяснить произошедшее, более напоминая университетского богослова, нежели самоуверенного в победе над предрассудками ученого. Рисовал перед молодым верхолазом графики и диаграммы, объясняющие выплеск… рисовал мелом на доске, «балалайки» обоих мужчин по-прежнему лежали в футлярах, а страх царапал сердца… Приводил запутанные примеры эволюции живых существ, лихо перемешивая научные аргументы с религиозными точками зрений и будто бы пытаясь хоть каким-то образом оправдать «Сингулярику».

Сравнивать случившееся со вмешательством «искусственного интеллекта», как его образ растиражировали фантасты, декомпилятор не позволял даже в сослагательном наклонении. Произошедший перехват инициативы, по твердому убеждению руководителя группы «Кромлех», следовало оценивать исключительно с позиций чуда.

Ибо лишь трусливый скептик считает умение Будды разговаривать с тиграми и иными дикими тварями результатом дрессировки. Только в корне эгоистичный, до смерти перепуганный существованием высшей кары атеист называет фокусами благословление Иисусом двух хлебов и пяти рыбин. Только жалкий рационализатор отказывается признать, что пророк Мухаммед из собственных пальцев наполнил молитвенный кувшин для омовения. Ни трусом, ни атеистом, ни рационализатором Бифорд себя не считал.

Но разговоры случились значительно позже…

А в *тот самый момент*, под проливным дождем, едва передохнув от тяжелого скоротечного боя, они оказались ошарашены, шокированы и раздавлены. Все – Цикл, Плотник, «горностаи» и декомпиляторы, уцелевшие моряки с тримарана и

нападавшие на бункер корпобезы.

Все те, кто много лет назад всецело вручил себя Цифре, поставив в затылок всесильную «балалайку», без которой уже несколько десятков лет не представлял своего существования ни один цивилизованный человек. А таких на острове, при самых грубых подсчетах Орландо, было 100 %, если не считать примитивных аборигенов, о которых он чуть раньше рассказывал Гамбе…

Те же, кто пришел на остров извне… Они ничего не поняли…

Человек так давно мечтал о полнейшей иллюзии, приближающей его к миру Цифры. Мечтал о стирании граней, провозглашающем новую Эпоху царства примитивных организмов из плоти и крови. На один короткий момент, под проливным тропическим дождем, в зоне покрытия локальной островной сети, человек ее получил…

Бинарный код 11000

«Я выбрала «Мир-1», Владыка сказал, что возьмет «Мир-3». Еще пару планет мы будем колонизировать в ближайшие два-три года, остальные останутся свободными лет шесть-восемь».

Патриция Грязнова

Когда все закончилось, солнце вовсе не выглянуло из-за туч.

Не рассеялись облака, кинематографическим закатом провожая отступающие с острова силы противника. Сезон дождей вступал в свою законную силу. А потому теплый дождь все лил и лил, словно где-то наверху решили избавиться от годовой нормы осадков.

Хуже при этом погода не стала. Море волноваться активнее не начало; если ветер и усиливался, то короткими кинжальными порывами. До зарождения тропического циклона было столь же далеко, как до первого просвета в низкой мокрой пелене, повисшей на бесформенных краях горных хребтов. Тайфун пока лишь предупреждал о своем возможном пришествии, таясь в утробе серой непогоды.

По темному морю скользили два «Силата».

Не оставляя следов за кормой, они бодро подскакивали на пенных гребнях, щедро покрывавших залив. Суда на воздушной подушке уходили к невидимому сейнеру, переделанному под десантную станцию корпорации «GA». И уносили на своих бортах тех, кто выжил после выплеска «Сингулярики». Таковых осталось немного, но Гамба настоял на их возвращении на корабль…

– Ты отпустил их… – сочась упреком, раз за разом констатировал Бифорд, еще не оправившийся от гибели Муджалида ибн Шавката.

Повторял это вновь и вновь, словно не желал верить.

– Выжив, – отвечал Витторио, задумчиво подбирая слова и качая зеркальной головой, – они исполнили волю Цифры. Казнив уцелевших, я испачкаюсь в крови тех, кого Она пощадила.

Он не хотел трактовать поступки машины.

Узрев мощь «Сингулярики», не хотел становиться жалким подобием Сорок Два, выдававшего собственные страхи и стремления за волю грядущей эпохи. Но сейчас, на смываемом ливнем куске земли посреди океана Цикл просто не мог иначе.

Время, потраченное на посвящение Плотника в нюансы корпоративных войн и династийных междоусобиц, требовало куда более важных применений. Кроме того, порожденные корпобезами дона Раймундо сплетни сыграют им на руку, это он знал точно.

А потому трактовал.

– Ты ведь оказался не готов? – интересовался Гамба у декомпилятора, анализируя мимику без вспомогательных программ «балалайки» – цепким взглядом, как в старину. – Не был готов к тому, что сделает машина?

– К *такому* нельзя подготовиться, – честно и слегка виновато отвечал Бифорд, качая головой. И решительно смотрел на верхолаза, вспоминая выгрызенные куски плоти на его лице. – Никто не мог такого ожидать… Это все равно что воспитывать ребенка и в один дождливый день узнать, что тот способен писать гениальные сонеты. Или разговаривать с призраками. Или проходить сквозь стены. Я испытываю гордость и страх.

– Выплески могут быть опасными? – осторожно, будто ловил хитрую рыбу, спрашивал человек в красном плаще, глядя в морскую даль. – Для нас? Для декомпиляторов? Для всего человечества?

– Этого я тоже не знаю. – Орландо и не думал лукавить, признавая свое бессилие. – Но я всей душой верю, что «Сингулярика» милосердна к тем, кто не желает ей зла.

– Вера должна быть наивной, не так ли? – с легкой иронией, но не желая обидеть островитянина, продолжал натягивать леску Витторио. Качал головой, вспоминая и анализируя…

– Наверное, ты прав… – кивал в ответ Плотник. – Как ты думаешь, что запомнили они?

И смотрел вдаль, где подпрыгивали на волнах уменьшающиеся «Силаты».

– А вот тут мне нечего ответить. – Цикл скрещивал руки на груди, невольно хмурясь и пытаясь узреть будущее. – Но я точно знаю, что чем больше мифов они унесут на Большую землю, тем выгоднее. Всем нам.

Бифорд на какое-то время замолкал. Затем снова бормотал сквозь зубы, посылая проклятья наемникам и корпобезам, ступившим на тайный остров. Соглашался с логикой верхолаза. И сызнова удивлялся, отчего тот – жестокий и прямолинейный, сумевший вычислить месторасположение «Кромлеха», – проявляет такое милосердие к тем, кто пришел отнять их жизни.

К тем, кто пришел отнять машину…

– Теперь ты веришь мне? – спрашивал Гамба чуть позже, меняя тему.

– Пожалуй, выбора у меня не осталось, – шептал Орландо, пожимая острыми плечами. – Ты видел картины… Ты защищал их создателя. Ты не пал под ударом, сокрушившим наших общих врагов. У меня не осталось выбора…

И оба снова замолкали, погружаясь в невеселые мысли о завтрашнем дне. Таком тревожном, таком непроницаемом, таком неоднозначном. Вероятно, мужчины могли бы спросить о нем машину. Но ни один из двоих не спешил взглянуть на свежий холст, над которым сейчас трудились кисть и карандаш цифрового творца…

На горизонте, пробивая плоть моря, сверкнула молния.

При воспоминании о дядюшке и проявленном им вероломстве, Витторио сжал кулаки. Насквозь вымокшая красная кожа заскрипела, на землю упали выжатые из перчаток капли, еще в полете смешавшись с дождем и струями вдоль плаща. Провожая уходящие «Силаты» взглядом, молодой верхолаз тяжело вздохнул.

Время открытой конфронтации с Раймундо, наконец, настало. Однако же, против собственных ожиданий и к своему стыду, Цикл не чувствовал себя готовым к схватке. Во всяком случае, здесь и сейчас, усталый и вымокший, стоящий на крыше древнего японского бункера и наблюдающий, как несколько декомпиляторов к северо-востоку от укрепления обсуждают возможность выемки рухнувшего с насыпи БТРа.

Витторио отпустил выживших. Она отпустила выживших.

На их примере дядя узнает, что племянник умеет быть великодушным и милостивым. Он не станет топить сейнер, не станет брать пленных. Пусть Раймундо видит, что его вскормленник обрел новую силу и больше не боится вероломных нападений. И перед открытыми страха тоже не имеет. И перед покушениями. И перед высокомерным мнением цивилизованного мира, который вскоре услышит, что, отстояв «Сингулярику», человек по имени Цикл не стал карать неразумных…

Декомпиляторы у насыпи завершили бесполезный диспут. Махнув рукой и решив оставить перевернутый транспорт в покое, они гуськом направились в бункер, в одинаковых прозрачных дождевиках похожие на туристов.

Остальные, это Гамба доподлинно знал, суетились внутри, под руководством Бифорда планируя вдумчивый демонтаж «Сингулярики». Пакуя картины. Приборы, механизмы лабы и запасные детали. «Раллеры» с информацией. Суетились муравьями, спешно готовясь к эвакуации, без которой противостояние с Раймундо сведется к бесполезной трате сил и людей.

Людей… к потере людей, коих и без того ушло немало…

Как выяснилось после сражения, из шести морских пехотинцев первой тактической группы погибли пятеро. Из приставленных к ним стрелков Кончара не выжил никто.

Второе звено понесло не менее ужасные потери – в его рядах уцелело всего двое. Dd, отравленные газом внутри форта, остались живы. Но все еще пребывали в импровизированном лазарете, приходя в себя под капельницами.

Там же находились двое «горностаев» – широкоплечий ирландец-сквернослов Гордон Бакли и его напарник Шигеру Кодо, раненный бритвенно-острым танто Риоко Хамасаки. Состояние обоих оценивалось как стабильно-тяжелое, заставив Энквиста погрузиться в мрачную отрешенность.

И вновь Витторио не удержался от мыслей об иронии – на территории японского бункера из всех интернациональных бойцов сразу нескольких отрядов, два самурая нашли друг друга, не преминув распластать…

Сама Лава от госпитализации отказалась.

Самозатягивающийся медицинский корсет, проанализировав фактуру переломов, деликатно отвердел на ее теле, почти сразу позволив японке забыть о ране. А вот о ране, нанесенной ее непростой душе воительницы, Риоко так просто забывать не собиралась…

Гамба покосился через левое плечо.

За ним, едва заметная в пелене дождя и на фоне джунглей, темнела фигура. Словно тень, каким-то мистическим образом сумевшая оторваться от хозяина и теперь следовавшая за ним на расстоянии двух шагов.

Цикл не знал, где тень сумела отыскать краску и сколько декомпиляторов ей пришлось для этого опросить. Но уже через час после выхода из лазарета она перекрасила «саранчу» из пятнистого камуфляжа тропиков в матовый черный цвет…

Витторио улыбнулся.

С такими козырями на руках он не позволит застать себя врасплох. Обязательно найдет средства, изыщет резервы и восстановит силы. Подготовится к войне. К неприязни и недоверию мира. К гневу правоверных нейкистов. К ярости верхолазов. К жестокости безов. А затем, как Гамба и обещал Плотнику, они возведут храм. И в центре его засияет ослепительно-синее кольцо «цепного «раллера», даровавшего жизнь величайшему художнику современности…

– Что этот храм даст нейкистам? – спрашивал его Бифорд, устало поникший на стуле. Под долговязым натекла огромная лужа дождевой воды – декомпилятор лично помогал занести

внутрь мертвого Кончара. Косы распустились, облепив лицо неаккуратными прядями. – Что новый храм даст человечеству?

– Новое чудо, конечно же, – спокойно отвечал ему молодой верхолаз в зеркальной маске. – Он даст нейкистам все, чего они пожелают. Все. Даже новый мир, где слова об Эпохе Бинарного Чуда перестанут быть просто легендой…

После этих или схожих диалогов Плотник надолго замолкал, уходя в себя и заново переживая события последних часов. Изучая его морщины через односторонне прозрачное покрытие шлема, Гамба задумывался – если бы четыре с половиной года назад глава «Кромлеха» знал, к чему приведет его открытие, готов ли был бы повторить его? Или же последовал бы приказу Пророка, положив разработкам конец?

Он все смотрел и смотрел на вытянутое лицо Орландо Бифорда, не находя ответа, а где-то над островом то набирало силу, то ослабляло хватку затяжное ненастье. Тогда Витторио отводил взгляд и принимался отдавать новые приказы, касающиеся эвакуации и транспортировки раненых на тримаран…

Где-то над морем, далеко-далеко, ударила молния.

Затем еще одна, и совсем скоро над водной гладью прокатился гром, редкий гость тропических штормов.

Повернувшись на каблуках, Цикл оторвал взгляд от уходящих прочь «Силатов». От матового обтекаемого тела «Нобунаги» на выходе из залива, провожавшего корпобезов Лавы открытым торпедным аппаратом и выдвинутым на боевую позицию «ревуном». От далекого горизонта, сейчас скрытого беспросветной пеленой. От мира, что раскинулся где-то там, вдали, и еще ничего не знал о величайшем открытии со времен изобретения «балалайки».

– Идем, брат Эпагомен! – приказал Гамба, осторожно спускаясь с заросшей мхом крыши бетонного форта. – На пороге предстоящих свершений мы не имеем права на воспаление легких…

Тень за спиной молодого верхолаза послушно склонила голову. Настороженно осмотрелась, а затем молча проследовала за господином в сухие коридоры старинного бункера.

Словарь

АГЛОМЕРАЦИЯ ХЭЙХЭ (*геогр.*) – моноцентрическая система портовых городов в Китае. Административный центр провинции Хэйлунцзян. В прошлом принадлежал Российской Федерации, носил название Благовещенск.

БАРС (*абр.*) – 1) Боевая Армия Республики Сибирь; 2) военнослужащий армии Сибирской Республики. Большую часть БАРСа составляет СКВ: Сибирское Казачье Войско.

БОЛИ (*геогр.*) – город в Китае, один из населенных пунктов северо-востока страны, наиболее пострадавший в ДС (см.). В прошлом принадлежал Российской Федерации, носил название Хабаровск.

ДЕНЬ СТАНЦИИ (также см. Катастрофа, Инцидент, Катаклизм, День Скорби) – собирательный термин, знаменующий запуск главных реакторов на научно-исследовательской станции корпорации «Науком», расположенной на Кольском полуострове. Считается, что именно этот запуск стал причиной многочисленных стихийных бедствий и техногенных катастроф, прокатившихся по всей планете.

ДИНАМИТ (*сленг.*) – собирательный термин для препаратов по изменению сознания, самостоятельно создаваемых машинистами, как альтернатива *синдину* (см.). Существует более 40 видов Д, 27 известных СБА препаратов приводят к моментальной зависимости, 7 вызывают привыкание после второго приема, привыкание к остальным развивается после 3—4-го применения. 4 наиболее сильных вида Д с вероятностью 34 % вызывают летальный исход.

ИНЦИДЕНТ – см. День Станции.

ИСХОД – общее понятие, применяемое к самоликвидации корпорации Мутабор (см.). За короткий период свернув лаборатории и представительства по всему миру, М переправился на территорию Российской Федерации, в 100 %-ном составе сконцентрировав свои разработки, оборудование и персонал на северной станции корпорации «Науком».

ПОКРОВ – армейская система адаптивной маскировки, позволяющая обладателю П мимикрировать под окружающую обстановку, фактически сливаясь с местностью. Устанавливается на боевые ИБК класса «саранча» и «пингвин», а также технику,

подключается к «балалайке» (см.) или иным системам цифрового управления. Также велись разработки по нейронному подключению П напрямую к нервной системе бойца.

КАРМАН (*сленг.*) – радиоактивная или токсическая зона отчуждения, образовавшаяся после техногенной катастрофы, чаще всего встречается вокруг поврежденных атомных станций или ракетных баз. Природа К только начинает изучаться, однако видные представители науки решительно отрицают существование в К опасных человеку мутантов или аномальных зон.

КОЛОВОРОТ (*сленг.*) – штурмовой автомат РАН-4 «Евпатий Коловрат», разработки корпорации «МосТех», наиболее распространенный в пехотных подразделениях армий РФ и Сибири. Калибр 7,62, стандартный магазин на 30 патронов.

МИНУС, СУБНОРМАЛ (*сленг.*) – человек с пограничным нарушением психики, после тотального падения сети не сумевший пройти полноценную адаптацию в новом мире, лишенном 100 %-ного охвата сетью, а также полного пакета благ «балалайки» (см.), которыми пользовался до Дня Станции (см.). Считается, что наибольший процент М составляют т. н. тритоны (см.).

ШЕПОТ ЦИФРОВЫХ ИДОЛОВ (также см. Книга Плотника) – апокрифический труд нейкистов, верящих в мистическую составляющую Цифры. Получила распространение после Дня Станции (см.). Отрицаема большинством ортодоксальных нейкистов, являющихся последователями Поэтессы.